

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: LAW

F o u n d e r:

**Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»**

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL:

Chairman – *D. A. Yendovitsky*, dr of economic sciences, prof. Deputy chairmen – *Yu. A. Bubnov*, dr of philosophical sciences, prof.; *D. V. Kostin*, dr of physical and mathematical sciences, associate prof. Coordinator – *N. M. Bliznyakov*, cand. of physical and mathematical sciences, associate prof. Members of editorial board: *V. G. Artyukhov*, dr of biological sciences, prof.; *V. N. Glazyev*, dr of historical sciences, prof.; *A. S. Kravets*, dr of philosophical sciences, prof.; *A. A. Kretov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Kurolap*, dr of geographical sciences, prof.; *A. D. Savko*, dr of geological and mineralogical sciences, prof.; *A. A. Sirota*, dr of technical sciences, prof.; *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof.; *V. V. Tulupov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Shabrov*, dr of physical and mathematical sciences, associate prof.; *A. I. Shashkin*, dr of physical and mathematical sciences, prof.

EDITORIAL COMMITTEE OF SERIES:

Editor in chief – *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof. Deputy editors in chief – *O. S. Rogacheva*, dr of legal sciences, associate prof.; *Yu. B. Nosova*, cand. of legal sciences, associate prof. Executive secretary – *O. N. Shemeneva*, dr of legal sciences, associate prof. Members of editorial committee: *A. I. Abdullin*, dr of legal sciences, prof. (Kazan (Privolzhsky) Federal University); *Yu. V. Agibalov*, cand. of economic sciences, associate prof. (Voronezh branch of RANEPa); *M. O. Baev*, dr of legal sciences, prof.; *O. Yu. Bakaeva*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *O. V. Baulin*, dr of legal sciences, prof.; *K. Beshe-Golovko*, dr of law (Montpellier University, France), associate prof. (European Humanities University, Vilnius, Lithuania); *P. N. Birukov*, dr of legal sciences, prof.; *T. M. Byalkina*, dr of legal sciences, prof.; *A. N. Vylegzhanin*, dr of legal sciences, prof. (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation); *J. Deppe*, dr of law, international expert GIZ (Eshborn, Germany); *D. V. Zotov*, cand. of legal sciences, associate prof.; *T. D. Zrazhevskaya*, dr of legal sciences, prof.; *S. D. Knyazev*, dr of legal sciences, prof. (Constitutional Court, St. Petersburg); *S. Kodama*, dr of law, prof. (University Mie, Japan); *N. A. Lopashenko*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *E. B. Luparev*, dr of legal sciences, prof. (Kuban State University); *N. L. Lyutov*, dr of legal sciences, associate prof. (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSUA)); *A. V. Malko*, dr of legal sciences, prof. (Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)); *S. P. Matveev*, dr of legal sciences, associate prof.; *V. A. Meshcheryakov*, dr of legal sciences, prof. (Central branch of the Russian State University of Justice); *E. I. Nosyreva*, dr of legal sciences, prof.; *K. K. Panko*, dr of legal sciences, prof.; *S. V. Perederin*, dr of legal sciences, prof.; *R. A. Podoprigora*, dr of legal sciences, prof. (Caspian Public University, Almaty, Kazakhstan); *M. V. Sentsova (Karaseva)*, dr of legal sciences, prof.; *Yu. V. Sorokina*, dr of legal sciences, prof.; *V. V. Trukhachev*, dr of legal sciences, prof.; *L. V. Tumanova*, dr of legal sciences, prof. (Tver State University); *N. A. Shishkin*, deputy of General Prosecutor of the Russian Federation, cand. of legal sciences; *L. Etel*, dr of legal sciences, prof., rektor of the University in Bialystok (Poland)

Registered by Federal Service for Supervisions of Mass Media and Cultural Heritage Protection. Registration certificate ПИИ № ФС77-28322 of 08.06.2007

The journal is included in the List of Peer-reviewed Scientific Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Legal sciences (Group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences; 5.1.2. Public law (state legal) sciences; 5.1.3. Private law (civilistic) sciences; 5.1.4. Criminal law sciences; 5.1.5. International legal sciences)

Editorial committee address: 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
Voronezh State University.
Editorial committee of «Proceedings of VSU. Series law»
E-mail: vestnik_pravo@law.vsu.ru
Tel./fax: 8 (473) 255-07-19

© Voronezh State University, 2024

© Desing, original-model. Publishing house of the Voronezh State University, 2024



СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ЮБИЛЕИ. ПЕРСОНАЛИИ

**К 100-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА ВИКТОРА СТЕПАНОВИЧА ОСНОВИНА**

Гриценко В. В. Развитие научных идей профессора Виктора Степановича Основина в современной концепции публичного управления..... 6

**К 100-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА СКОБЕЛКИНА**

Чуча С. Ю. Владимир Николаевич Скобелкин: солдат, ученый, гражданин (о научном вкладе фронтовиков в развитие трудового права)..... 12

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Диденко А. Н. Утверждение традиционных российских духовно-нравственных ценностей на региональном и местном уровне 19

Хмелевская И. Г. Молодежный парламентаризм: от идеи к устойчивой нормативно-правовой модели 33

ЦИФРОВИЗАЦИЯ. ЦИФРОВОЕ ПРАВО. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Алексеева А. Б. Эволюция правоприменения в фокусе цифровизации права..... 40

Кованов Е. С. Феномен искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности 47

Шестерин Н. О. Кризис правового статуса генеративного искусственного интеллекта в медиасфере..... 57

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дерябина Е. С. Особенности регулирования гражданско-правовых отношений в истории российского права (февраль 1917–1922 гг.) 66

Яковлев А. С., Поротиков А. И. О сингулярном правопреемстве в правах и обязанностях поставщика (исполнителя, подрядчика) по государственным (муниципальным) контрактам..... 76

Грицких Е. А. К вопросу об унификации норм гражданского процессуального законодательства о восстановлении утраченного судебного производства	82
Сухорукова О. А. Ложь в суде: от недоверия к нелегитимности.....	89
Конева Д. К. Применение правил о реституции при банкротстве	95
Никитина К. И. Лица, участвующие в перевозке пассажира железнодорожным транспортом	101

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Сенюков А. Н. Правовая процедура аттестации педагогических работников в контексте различных временных периодов	108
---	-----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Катаева О. В. О перспективах совершенствования публично-правовых механизмов реализации высылки иностранного гражданина	117
Грошева В. К. Милиция Украинской ССР в ее историографии: к постановке проблемы	128
Курындин П. А. Состязательность в административных процедурах: понятие и особенности.....	134
Антонова Ю. С. Эволюция и современное положение системы органов принудительного исполнения	142

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Щепалов С. В. 1956 –год возникновения отечественного судопроизводства по делам об административных правонарушениях	151
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

Трефилов А. А. Альтернативы заключению под стражу в уголовном процессе Германии, Швейцарии, Австрии, Лихтенштейна	170
Аристархов А. Л. Значение вопросов регламентации криптовалюты для уголовного судопроизводства	184
Егорова Е. В. Проблемные аспекты реализации института реабилитации в уголовном судопроизводстве	191
Грановская О. Л., Зверев Д. Р. Цифровизация уголовного судопроизводства и арбитража Китая: проблемы и принципы	198
Мяханова А. Н., Синьков Д. В., Цэнгэл С. Д. Уголовно-правовая охрана половой неприкосновенности и половой свободы личности в России и Китае: сравнительно-правовой анализ	207

Информация

Требования к материалам, направляемым в редакционную коллегию журнала для опубликования	215
---	-----



CONTENTS

MEMORABLE DATES. ANNIVERSARIES. PERSONALIES

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF DOCTOR LEGAL SCIENCES, PROFESSOR VIKTOR STEPANOVICH OSNOVIN

Gritsenko V. V. The development of scientific ideas of professor Viktor Stepanovich Osnovin in the modern concept of public administration 6

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF DOCTOR LEGAL SCIENCES, PROFESSOR VLADIMIR NIKOLAEVICH SKOBELKIN

Chucha S. Yu. Vladimir Nikolaevich Skobelkin: soldier, scientist, citizen (about the scientific contribution of front-line soldiers to the development of labor law) 12

STATE AUTHORITY. LEGISLATIVE PROCESS. CONSTITUTIONAL LAW. PUBLIC MANAGEMENT. LOCAL SELFGOVERNMENT

Didenko A. N. The establishment of traditional Russian spiritual and moral values at the regional and local levels 19

Khmelevskaya I. G. Youth parliamentarism: from an idea to a sustainable regulatory model 33

DIGITAL LAW. ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Alekseeva A. B. Evolution of law enforcement in the focus of digitalization of law 40

Kovanov E. S. Phenomenon of artificial intelligence in law enforcement activity 47

Shesterin N. O. A crisis of legal status of generative artificial intelligence in media 57

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Deryabina E. S. Features of the regulation of civil law relations in the history of Russian law (February 1917–1922) 66

Iakovlev A. S., Porotikov A. I. On singular succession in the rights and obligations of suppliers (contractors) under state (municipal) contracts 76

Gritskikh E. A. On the issue of unification of the norms of civil procedural legislation on the restoration of lost judicial proceedings 82

Sukhorukova O. A. Lying in court: from distrust to illegitimacy 89

Koneva D. K. Application of the rules on restitution in bankruptcy.....	95
Nikitina K. I. Persons participating in transportation passengers by railway transport.....	101

LABOR LAW

Senyukov A. N. The legal procedure of attestation of pedagogical workers in the context of different time periods.....	108
---	-----

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

Kataeva O. V. On the prospects for improving public-law mechanisms for implementing the expulsion of a foreign citizen.....	117
Groshevaya V. K. The militia of the Ukrainian SSR in its historiography: towards the formulation of the problem.....	128
Kuryndin P. A. The adversarial principle in administrative procedures: concept and features.....	134
Antonova Y. S. Evolution and current situation of the system of en-forcement authorities	142

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Schepalov S. V. 1956 – the year of the arise of domestic court proceedings in cases of administrative offenses	151
---	-----

CRIMINAL LAW. CRIMINAL PROCESS. CRIMINALISTICS

Trefilov A. A. Alternatives to detention in criminal procedures in Germany, Switzerland, Austria, Lichtenstein.....	170
Aristarkhov A. L. The importance of cryptocurrency regulation issues for criminal proceedings	184
Egorova E. V. Problematic aspects of the institute of rehabilitation in criminal proceedings	191
Granovskaya O. L., Zverev D. R. Digitalization of Arbitration and Criminal proceedings in China: problems and principles	198
Myakhanova A. N., Sinkov D. V., Tsengel S. D. Criminal legal protection of sexual integrity and sexual freedom of an individual in Russia and China: comparative legal analysis	207

Information

Requirements to the materials directed to an editorial board of the journal for publication	217
---	-----

К 100-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА ВИКТОРА СТЕПАНОВИЧА ОСНОВИНА

УДК 342.9

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/6-11>

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА
ВИКТОРА СТЕПАНОВИЧА ОСНОВИНА
В СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В. В. Гриценко

Воронежский государственный университет

THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC IDEAS
OF PROFESSOR VIKTOR STEPANOVICH OSNOVIN
IN THE MODERN CONCEPT OF PUBLIC ADMINISTRATION

V. V. Gritsenko

Voronezh State University

Аннотация: анализ научных трудов выдающегося ученого – профессора Воронежского государственного университета Виктора Степановича Основина показал их актуальность и теоретико-прикладной характер в настоящее время, востребованность для развития современной концепции публичного управления в отношении понятия, признаков, функций, видов управления, а также для практического применения органами публичной власти и их должностными лицами.

Ключевые слова: государственное управление, советское управление, публичное управление, функции управления, концепция публичного управления, единая система публичной власти.

Abstract: the analysis of the scientific works of Professor Viktor Stepanovich Osnovin showed their theoretical and applied nature, their relevance for the development of the modern concept of public administration in relation to the concept, signs, functions, types of management, as well as for practical application by public authorities and their officials.

Key words: public administration, soviet administration, public administration, management functions, concept, unified system of public authority.

Виктор Степанович Основин, доктор юридических наук, профессор Воронежского государственного университета, выдающийся ученый-юрист, 100-летний юбилей которого научная общественность отметила в 2024 г., внес весомый вклад в формирование и развитие юридической науки. В частности, он акцентировал внимание на создании концепции публичного управления.

Термин «концепция» применительно к публичному управлению, к единой системе

публичной власти основательно прижился в юридической науке после внесения изменений, оформленных в виде поправок, в 2020 году в Конституцию РФ¹ и принятия Федерального закона от 9 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», в ст. 2 которого законодатель «скудно» определил единую систему публичной власти как совокупность федеральных органов го-

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : федер. закон от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

сударственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов и органов местного самоуправления².

По мнению Ю. В. Ким, именно с появлением в Конституции РФ в 2020 г. норм «о публичной власти» «актуализируется проблема основательного переосмысления теоретических представлений о механизме государства, его структуре и функциональных звеньях – государственных органах и иных носителях властных полномочий»³.

Практически с 2020 г. публичная власть приобрела статус конституционно-правовой категории и стала объектом многочисленных научных исследований, породив различные дискуссии современных ученых⁴. При этом, на что неоднократно указывал Ю. Н. Стариков, термин «государственное управление», соответствен-

но и публичное управление, в Конституции РФ отсутствуют, что представляется нелогичным и неправильным.

По мнению Ю. Н. Старилова, публичное управление это и есть государственное управление (в широком смысле), объединяющее разные уровни организации и функционирования публичной власти с участием и взаимодействием многочисленных государственных, негосударственных, общественных образований, организаций, объединений, коллективов⁵.

Следует также согласиться с мнением А. В. Безрукова о том, что на сегодняшний день «правовая природа и структура публичной власти и ее единой системы в России остаются не вполне согласованными и завершенными»⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепция формирования публичного управления нуждается в серьезном доктринальном осмыслении.

На фоне активных научных дискуссий, поиска «завершенности» и «согласованности» концепции публичного управления вполне уместно обратиться к трудам советских ученых, одним из которых является Виктор Степанович Основин.

Большая часть научного наследия В. С. Основина посвящена проблемам социального управления⁷. Уже в то время он развивал идею публичного управления, объединяющего с себе государственное и муниципальное управление.

В. С. Основин определял публичное управление следующим образом: это «деятельность, направленная на мобилизацию людей для достижения различных целей, рассредоточенных во времени». Ввиду того, что управление является деятельностью сознательной, предполагающей наиболее рациональное достижение поставленных целей, необходимо эффективное использование людей, материальных, технических и прочих средств⁸.

⁵ См.: *Стариков Ю. Н.* Государственное управление в системе единой публичной власти : терминологический итог конституционной реформы // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2020. № 1 (40). С. 28.

⁶ *Безруков А. В.* Правовая природа публичной власти в России : взгляд конституционалиста // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 11. С. 10.

⁷ См.: *Основин В. С.* Основы науки социального управления. Воронеж. 1971. 260 с. ; Местные органы государственной власти // Советское государственное право : учебник. М., 1971. С. 573–582 ; *Его же.* Городской совет – орган социального управления. М., 1983. 128 с.

⁸ См.: *Основин В. С.* Городской совет – орган социального управления. С. 43.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

³ *Ким Ю. В.* Конституционная модель публично-властной организации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 25.

⁴ См.: *Авакьян С. А.* Обеспечение безопасности личности как задача публичной власти и социума // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 1. С. 3–9 ; *Ноздрачев А. Ф.* Публичная административная власть и граждане // Воронежская школа административного права : четверть века научного поиска. Серия «Юбилеи, конференции, форумы. 2023. С. 276–302 ; *Кравцова Е. А.* О соотношении понятий «гражданское общество» и «публичная власть» и отдельных коллизиях в их нормативном регулировании // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 21–23 ; *Вахрамеев Е. Ю.* Институт публичной власти в Конституции РФ и Основном законе ФРГ // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 33–36 ; *Пилия Д. Э.* Основные подходы к определению понятия «публичная власть» в публично-правовых «государственно-правовых» науках // Lex russica. 2023. Т. 76, № 5 (198). С. 9–20 ; *Ким Ю. В.* Конституционная модель публично-властной организации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 25–34 ; *Кобзарь-Фролова М. Н.* «О терминах «государственное управление» и «публичное управление» в научных трудах, учебной литературе и законодательстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 87–101 ; *Наумкина В. В.* Понятие «единая система публичной власти» // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 3–6 ; *Кожевников О. А., Костюков А. Н., Ларичев А. А.* Единая система публичной власти : дискуссионные аспекты нормативной регламентации // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 3. С. 49–62 ; *Попова О. В.* Институционализация единой системы публичной власти в РФ на уровне городского управления и самоуправления // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 5–23 ; *Росинский Б. В.* О системе публичного управления // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 3–6.

В учебнике «Советское государственное право», вышедшем в свет в 1983 г., на первой страничке которого опубликован текст гимна Союза Советских Социалистических Республик, В. С. Основин написал две главы (всего в коллектив авторов, кроме него, входили профессор Е. И. Козлова и профессор М. Г. Кириченко): в первой раскрывается понятие советского государственного права, вторая посвящена проблемам науки советского государственного права.

Определяя предмет советского государственного права через специфику общественных отношений, В. С. Основин подчеркивал, что «все они связаны с закреплением и выражением главных, коренных основ устройства советского общества и государства»⁹, так как их стержневой базой является управление делами общества и государства¹⁰. Поэтому в предмет советского государственного права он включал отношения в сфере управления делами государства и общества, т. е. управленческие отношения.

О. Н. Мигущенко считает, что в перспективе при определенных условиях Концепция единой системы публичной власти должна превратиться «в реально и эффективно действующий документ стратегического планирования»¹¹.

По мнению М. Н. Кобзарь-Фроловой, понятие «государственное управление» имманентно понятию «публичное управление, «и связано с деятельностью системы органов публичной власти (в том числе органов местного самоуправления)»¹².

Особое значение В. С. Основин уделял управлению в городах областного подчинения, к которым в советский период относились населенные пункты, являющиеся экономическими и культурными центрами и имеющие определенную численность населения, в частности свыше 50 тыс. человек. При этом на июнь 1982 г. в стране насчитывалось 2103 города, из них примерно 30 % составляли города областного подчи-

нения¹³. В. С. Основин считал город областного подчинения (как объект управления) «сложной социально-экономической системой, включающей комплекс элементов, совокупность и особенности которых определяют специфику города и управления им»¹⁴.

Многие положения науки советского государственного права легли в основу науки современного административного права, базовым фундаментом которого являются управленческие отношения. Публичное управление в настоящее время представляет собой многоаспектную, сложно-правовую категорию. Законодатель в нормативно-правовых актах не дает легальное понятие публичного управления, но в ст. 3 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» закрепляется понятие государственного управления и муниципального управления «общим» понятием «деятельность». Так, государственное управление представляет собой деятельность государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности РФ, а муниципальное управление как деятельность органов местного самоуправления – по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития¹⁵.

Президент РФ своим Указом от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» выделил основные направления, к которым, кроме цифровой экономики, были отнесены: демография; здравоохранение; образование; жилье и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт¹⁶.

⁹ См.: Советское государственное право : учебник. М., 1983. С. 3.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Мигущенко О. Н. Концепция единой системы публичной власти // Муниципальная служба : правовые вопросы. 2023. № 3. С. 14.

¹² Кобзарь-Фролова М. Н. О терминах «государственное управление» и «публичное управление» в научных трудах, учебной литературе и законодательстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 100.

¹³ См.: Основин В. С. Городской совет – орган социального управления. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в ред. от 17.02.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

¹⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.

Однако на фоне новых вызовов международного и внутреннего характера Президент РФ в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития страны, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, экономического развития, базирующегося на честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе, высокой эффективности и технологичности, принимает Указ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» с указанием семи национальных целей: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы¹⁷.

Понятие цифровизации определяется как «процесс организации выполнения в цифровой сфере функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования ими цифровых продуктов»¹⁸.

Учитывая разрозненность положений как по законам, так и подзаконным актам и важность данного регулирования отношений с теоретико-прикладной стороны, представляется целесообразным поддержать мнения современных ученых о необходимости «ускорения» рассмо-

трения и принятия федерального закона о качестве государственного управления¹⁹.

В советский период развития нашего государства, конечно, не было цифровизационных процессов, с одной стороны, это было плохо, т. е. считалось недостатком системы государственного управления, а с другой – и ее достоинством, так как, по справедливому замечанию Н. Г. Канунниковой, «внедрение новых цифровых технологий в государственное управление несет в себе как огромный потенциал, так и всевозможные риски»²⁰.

Безусловно, использование новых информационных, цифровых технологий способствует эффективности публичного управления, но не всегда приводит к положительному эффекту, например, К. В. Коробейникова отмечает, что «цифровые риски могут спровоцировать кризис общественного доверия к процессу принятия решений, что препятствует прогрессу цифровизации в государственно-правовой сфере»²¹.

По справедливому замечанию Н. А. Шевелевой, «современное российское государство многократно усложнилось и требует новых научных разработок в области государственного управления»²². К одному из проблемных моментов в российской системе управления она относит то, что «большая часть современного научного продукта административного права растет из советских еще подходов»²³. Вряд ли можно полностью согласиться с такой позицией, во-первых, наука административного права стремительно развивается; во-вторых, представляется, что современная доктрина публичного управления, безусловно, должна учитывать положительный опыт развития советского управления, используя богатое научное наследие советских

¹⁹ См.: Ноздрачев А. Ф. О законодательных основах реализации федерального проекта «Цифровое государственное управление» (положения de lege lata и предложения de lege ferenda) // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 16.

²⁰ Канунникова Н. Г. Государственное управление в условиях цифровизации : зарубежный опыт, проблемы и перспективы развития // Административное право и процесс. 2023. № 6. С. 40.

²¹ Коробейникова К. В. Цифровизация государственно-правовой сферы : теоретико-правовой аспект // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 12.

²² См.: Шевелева Н. А. Административное право до сих пор базируется на советских подходах // Закон. 2024. № 3. С. 9.

²³ Шевелева Н. А. Там же. С. 9.

¹⁷ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

¹⁸ Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : приказ Минцифры РФ от 1 августа 2019 г. № 428 (документ опубликован не был).

ученых, чтобы избежать тех ошибок, которые были характерны для него и могут повторяться в настоящее время. Подтверждением этому выступает фундаментальность научных трудов Виктора Степановича Основина, которая состоит в теоретическом применении их для развития современной концепции публичного управления, о чем свидетельствует их востребованность и актуальность в отношении понятия, признаков, принципов, функций, видов управления, а также в практическом применении органами публичной власти и их должностными лицами.

Библиографический список

Авакьян С. А. Обеспечение безопасности личности как задача публичной власти и социума // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 1. С. 3–9.

Безруков А. В. Правовая природа публичной власти в России : взгляд конституционалиста // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 11. С. 7–11.

Вахрамеев Е. Ю. Институт публичной власти в Конституции РФ и Основном законе ФРГ // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 33–36.

Инициативный проект закона об обеспечении качества государственного управления / В. Н. Южаков, Э. В. Талапина, Е. И. Добролюбова, Ю. А. Тихомиров. М. : Дело. 2020. 147 с.

Ким Ю. В. Конституционная модель публично-властной организации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 25–34.

Кобзарь-Фролова М. Н. О терминах «государственное управление» и «публичное управление» в научных трудах, учебной литературе и законодательстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 87–101.

Кожевников О. А., Костюков А. Н., Ларичев А. А. Единая система публичной власти : дискуссионные аспекты нормативной регламентации // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 3. С. 49–62.

Кравцова Е. А. О соотношении понятий «гражданское общество» и «публичная власть» и отдельных коллизиях в их нормативном регулировании // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 21–23.

Ларичев А. А. Единая система публичной власти : дискуссионные аспекты нормативной регламентации // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 3. С. 49–62.

Мигуценко О. Н. Концепция единой системы публичной власти // Муниципальная служба : правовые вопросы. 2023. № 3. С. 10–15.

Наумкина В. В. Понятие «единая система публичной власти» // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 3–6.

Ноздрачев А. Ф. Публичная административная власть и граждане // Воронежская школа административного права : четверть века научного поиска. Серия «Юбилей, конференции, форумы». 2023. С. 276–302.

Основин В. С. Городской совет – орган социального управления. М., 1983. 128 с.

Основин В. С. Основы науки социального управления. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 1971. 260 с.

Пилюя Д. Э. Основные подходы к определению понятия «публичная власть» в публично-правовых «государственно-правовых науках» // Lex russica. 2023. Т. 76, № 5 (198). С. 9–20.

Попова О. В. Институционализация единой системы публичной власти в РФ на уровне городского управления и самоуправления // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 5–23.

Россинский Б. В. О системе публичного управления // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 3–6.

Советское государственное право : учебник. – М. : Юридическая литература, 1983. С. 3.

Стариков Ю. Н. Государственное управление в системе единой публичной власти : терминологический итог конституционной реформы // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2020. № 1 (40). С. 20–31.

Шевелева Н. А. Административное право до сих пор базируется на советских подходах // Закон. 2024. №–3. С. 8–15.

References

Avakian S. A. Ensuring personal security as a task of public authority and society // State power and local self-government. 2024. No. 1. P. 3–9.

Bezrukov A. V. The legal nature of public power in Russia: a constitutionalist's view // Constitutional and municipal law. 2023. No. 11. P. 7–11.

Vakhrameev E. Yu. Institute of public power in the Constitution of the Russian Federation and the Basic Law of Germany // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 12. P. 33–36.

Initiative draft law on ensuring the quality of public administration / V. N. Yuzhakov, E. V. Talapina, E. I. Dobrolyubova, Yu. A. Tikhomirov. Moscow : Delo. 2020. 147 p.

Kim Yu. V. The constitutional model of public authority organization in modern Russia // Constitutional and municipal law. 2023. No. 6. P. 25–34.

Kobzar-Frolova M. N. "On the terms "public administration" and "public administration" in scientific works, educational literature and legislation // Legal policy and legal life. 2023. No. 2. P. 87–101.

Kozhevnikov O. A., Kostyukov A. N., Larichev A. A. Unified system of public authority : controversial aspects of regulatory regulation // Law enforcement. 2022. Vol. 6, no. 3. P. 49–62.

Kravtsova E. A. On the relationship between the concepts of "civil society" and "public authority" and individual conflicts in their regulatory regulation // Constitutional and municipal law. 2021. No. 2. P. 21–23.

Larichev A. A. Unified system of public authority : debatable aspects of normative regulation // Law enforcement. 2022. Vol. 6, no. 3. P. 49–62.

Migushchenko O. N. The concept of a unified system of public authority // Municipal service : legal issues. 2023. No. 3. P. 10–15.

Naumkina V. V. The concept of a "unified system of public power" // State power and local self-government. 2024. No. 4. P. 3–6.

Nozdrachev A. F. Public administrative power and citizens // Voronezh school of administrative law : a quarter of a century of scientific research. Series "Anniversaries, conferences, forums. 2023. P. 276–302.

Osnovin V. S. City Council – a social management body. M., 1983. 128 p.

Osnovin V. S. Fundamentals of the Science of Social Management. Voronezh : Voronezh University Publishing House. 1971. 260 p.

Pilia D. E. Basic approaches to defining the concept of "public authority" in public-law (state-legal) sciences // Lex russica. 2023. Vol. 76, no. 5 (198). P. 9–20.

Popova O. V. Institutionalization of a unified system of public authority in the Russian Federation at the level of city government and self-government // Social and political studies. 2022. No. 1 (14). P. 5–23.

Romanovskaya O. V. On the right to good governance // Constitutional and municipal law. 2023. No. 9. P. 10–17.

Soviet state law : textbook. M. : Legal literature, 1983. P. 3.

Starilov Yu. N. Public administration in the system of a single public authority : terminological result of the constitutional reform // Voronezh State University. Series: Law. 2020. No. 1 (40). P. 20–31.

Talapina E. V. Prospects for legal regulation of the quality of public administration // Administrative law and process. 2021. No. 11. P. 33–36.

Sheveleva N. A. Administrative law is still based on Soviet approaches // Law. 2024. No. 3. P. 8–15.

Воронежский государственный университет
Гриценко В. В., доктор юридических наук,
профессор кафедры административного и административного процессуального права
E-mail: vvgritsenko@mail.ru

Поступила в редакцию: 14.05.2024

Для цитирования:

Гриценко В. В. Развитие научных идей профессора Виктора Степановича Основина в современной концепции публичного управления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 6–11. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/6-11>

Voronezh State University
Gritsenko V. V., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Administrative and Administrative
Procedural Law Department

Received: 14.05.2024

For citation:

Gritsenko V. V. The development of scientific ideas of professor Viktor Stepanovich Osnovin in the modern concept of public administration // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 6–11. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/6-11>

К 100-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА СКОБЕЛКИНА

УДК 349.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/12-18>

**ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ СКОБЕЛКИН:
СОЛДАТ, УЧЕНЫЙ, ГРАЖДАНИН
(О НАУЧНОМ ВКЛАДЕ ФРОНТОВИКОВ
В РАЗВИТИЕ ТРУДОВОГО ПРАВА)**

С. Ю. Чуча

Институт государства и права Российской академии наук

**VLADIMIR NIKOLAEVICH SKOBELKIN:
SOLDIER, SCIENTIST, CITIZEN
(ABOUT THE SCIENTIFIC CONTRIBUTION
OF FRONT-LINE SOLDIERS IN THE DEVELOPMENT
OF LABOR LAW)**

S. Yu. Chucha

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Аннотация: исследуются основные научные достижения профессора, доктора юридических наук Владимира Николаевича Скобелкина. Сквозь призму истории России прослеживается становление и развитие личности выдающегося правоведа, создавшего в мирные десятилетия оригинальную научную школу трудового права, воевавшего на фронтах Великой Отечественной войны и освободившего Европу от фашизма. Проводится анализ основных монографических публикаций В. Н. Скобелкина, отмечаются основные научные достижения в сфере проблем судебной защиты трудовых прав рабочих и служащих, юридических гарантий прав наемных работников, правового положения профсоюзов, трудовых правоотношений, трудового процедурно-процессуального права, существенно обогатившие теоретическую базу трудового права и права социального обеспечения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, трудовое право, трудовое процедурно-процессуальное право, трудовые правоотношения, защита трудовых прав, трудовые споры, юридические гарантии прав работников, правовое положение профсоюзов.

Abstract: the main scientific achievements of Professor, Doctor of Law Vladimir Nikolaevich Skobelkin are investigated. Through the prism of the history of Russia, the formation and development of the personality of an outstanding jurist, who created an original scientific school of labor law in the peaceful decades, fought on the fronts of the Great Patriotic War and liberated Europe from fascism, is traced. The main monographic publications of V. N. Skobelkin are analyzed, the main scientific achievements in the field of judicial protection of labor rights of workers and employees, legal guarantees of the rights of employees, the legal status of trade unions, labor relations, labor procedural and procedural law, which significantly enriched the theoretical basis of labor law and social security law, are noted.

Key words: The Great Patriotic War, labor law, labor procedural law, labor relations, protection of labor rights, labor disputes, legal guarantees of employee rights.



В. Н. Скобелкин

Много лет минуло со времени великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Миллионы жертв, нечеловеческие усилия воинов и тружеников тыла были принесены на алтарь свободы и независимости нашей Родины. Удивительное поколение, сумевшее сломить хребет фашизму, полонившему всю Европу и объединившему всю ее экономическую и военную мощь в кровавом броске на восток. Мало того, вернувшись с полей сражений, представители этого поколения сумели за несколько лет восстановить разрушенную страну, наверстать упущенные годы в продолжении образования и получить знания и навыки, достаточные для создания второй в мире экономики, базирующейся на оригинальной экономической модели, выстроить систему европейской и мировой безопасности, позволившей многие десятилетия избегать военного конфликта в Европе, создать правовую систему и отрасль права, послужившие образцом для десятков стран. Многие фронтовики посвятили свою жизнь развитию юридической науки и практики. В их числе нельзя не вспомнить доктора юридических наук, профессора Владимира Николаевича Скобелкина, создателя оригинальной школы трудового права в Воронежском и Омском государственных университетах.

Солдат

Владимир Николаевич Скобелкин родился 28 августа 1924 г. в деревне Филатово

Лебяжского района Кировской области в семье крестьянина, но в 1926 г. семья переехала в Омск. Уже в августе 1942 г., сразу после отличного окончания средней школы, Владимир Николаевич был призван в армию и направлен на курсы младших воентехников. Воевал на Южном фронте в военно-воздушных войсках. Принимал участие в боях на территории Венгрии, Австрии. 26 февраля 106-я Гвардейская дивизия, сформированная из воздушно-десантных бригад (дивизия в составе 38-го корпуса 9-й Гвардейской армии 2-го Украинского фронта), в которой воевал В. Н. Скобелкин, сосредоточилась восточнее Будапешта. В марте 1945 г. соединение получило задачу выйти на исходные позиции для наступления в районе Будакеши – Пать – Бичке.

16 марта гвардейцы с боями продвинулись на 4–7 км, овладев городом Чакберень западнее Будапешта, лесным массивом севернее него и населённым пунктом Каполнопушта. Наступление продолжалось. К 18 марта, форсировав реки Шарвиз и Гайя, атакой всех частей соединение овладело городом Мор. За прорыв укрепленной полосы обороны и овладение Мором весь личный состав получил благодарность Верховного главнокомандующего, а дивизия 26 апреля 1945 г. была награждена орденом Кутузова II степени.

25 марта дивизия совершила марш в район Баконьсентласло – Феньера и с утра 26 марта начала обход города Папа с севера с задачей овладеть им во взаимодействии с другими частями корпуса. В результате весь личный состав дивизии получил благодарность Верховного главнокомандующего, а Родина 26 марта салютовала победителям.

29 марта дивизия перешла в решительное наступление, овладела Реб-Челег, Нициг, Аркахати, Урейгнуй-фалу, Чалад, Ребцесемере, Ребсекафора и к 16:00 того же дня вышла на рубеж Иван, Фельшемаг, Пайтошкиль, Порладоне. 30 марта, преследуя противника, дивизия пересекла австро-венгерскую границу. 13 апреля советские войска полностью овладели городом Вена, а соединение перешло в наступление, и 15 апреля 1945 г. был взят Санкт-Пельтен. В этот день Москва вновь салютовала победителям. За боевые действия весь личный состав получил благодарность, активные участники боёв за Вену были награждены медалью «За взятие Вены». 38-й гвардейский корпус получил по-

чётное наименование «Венский», а дивизия была награждена вторым орденом – орденом Красного Знамени.

16 апреля дивизия овладела городом Вильгельмсбургом, непрерывные боевые действия в котором продолжались до 25 апреля. 5 мая дивизия была поднята по тревоге и совершила марш к австро-чехословацкой границе. Войдя в соприкосновение с противником, 8 мая она пересекла границу Чехословакии и с ходу овладела городом Зноймо. Весь личный состав получил благодарность Верховного главнокомандующего, а Родина ещё раз салютовала воинам-освободителям.

9 мая все части дивизии продолжали боевые действия по преследованию врага с целью заставить его капитулировать. За три дня они прошли с боями 80–90 км. В 12:00 11 мая 1945 г. передовой отряд вышел на реку Влтава, где встретился с частями 5-й американской танковой армии.

Великая Отечественная война для воинов соединения закончилась. День Победы В. Н. Скобелкин встретил в Чехословакии. За проявленные в ходе боев мужество и героизм он был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Вены», «За победу над Германией», многократно получал благодарности Верховного главнокомандующего.

Ученый

Демобилизовавшись в 1946 г., Владимир Николаевич поступил на юридический факультет Ленинградского государственного университета, по окончании которого в 1952 г. продолжил заочно обучение в аспирантуре Всесоюзного института юридических наук, где в феврале 1960 г. под руководством Н. Г. Александрова защитил кандидатскую диссертацию «Защита трудовых прав рабочих и служащих при рассмотрении трудовых споров в СССР».

В 1962 г. В. Н. Скобелкин, десять лет проработав заведующим юридической консультацией Ульяновского областного совета профсоюзов и приобретя огромный опыт практического применения законодательства о труде, начал педагогическую деятельность в Воронежском государственном университете, в котором прошел путь от доцента до профессора кафедры гражданского и трудового права. Спустя год после защиты в 1971-м во Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства докторской диссертации «Юридические

гарантии трудовых прав рабочих и служащих в СССР» (утверждена Высшей аттестационной комиссией 14 апреля 1972 г.) Владимир Николаевич избран на должность заведующего кафедрой гражданского и трудового права Воронежского государственного университета и проработал в ней до 1978 г. 3 октября 1973 г. ему присвоено ученое звание профессора.

В 1978 г. В. Н. Скобелкин был избран на должность профессора кафедры гражданского права и процесса Омского государственного университета, а в 1981 г. – на должность заведующего кафедрой трудового права, став, по сути, ее создателем. Руководил данной кафедрой вплоть до самой смерти 9 августа 2003 г.

Под руководством профессора В. Н. Скобелкина кафедра трудового права достигла заметных успехов в деле усовершенствования преподавания, повышения уровня методической и научной работы. В учебный процесс включались новые курсы и спецкурсы, соответствующие потребностям переходного периода, такие как «Трудовые споры», «Социальное партнерство в Российской Федерации», «Трудовое процедурно-процессуальное право». Много сил Владимир Николаевич отдавал подготовке молодых ученых. Под его началом защищены две докторские и 16 кандидатских диссертаций. При этом сам он в разные годы был членом советов по защите кандидатских и докторских диссертаций в Воронежском, Томском, Омском государственных университетах, Харьковском юридическом институте, Уральской государственной юридической академии, постоянно выступал в качестве официального оппонента.

В. Н. Скобелкин – автор ряда учебно-методических пособий, главным из которых можно назвать «Трудовое процедурно-процессуальное право» (Воронеж : Изд-во ВГУ, 2002 (в соавторстве с С. В. Передериним, С. Ю. Чуча, Н. Н. Семенюта) для студентов юридических вузов и факультетов, вышедшее в 2002 г. Профессор много времени посвящал организации научной работы студентов, долгие годы бесменно руководил студенческим научным кружком. Его педагогическая деятельность не ограничивалась лишь преподаванием юридических дисциплин. Многогранный талант В. Н. Скобелкина был направлен прежде всего на воспитание своих учеников патриотами Родины, людьми, не только знающими о чести и порядочности, но и стремящимися свои мысли и действия сообразовать

вать с этими высокими жизненными принципами. В аудиториях, где читал лекции Владимир Николаевич, нелегко было найти свободное место. Он всегда знал, как заинтересовать вопросы трудового права любого – от робкого студента до маститого руководителя организации, – на всех хватало его фундаментальных знаний теории и огромного массива практической информации, которыми он легко оперировал.

Все эти годы не прекращалась интенсивная научная деятельность. Особое внимание В. Н. Скобелкин уделял исследованию проблем судебной защиты трудовых прав рабочих и служащих, юридических гарантий прав наемных работников, правового положения профсоюзов, трудовых правоотношений. Им опубликовано более 160 научных работ, в их числе более двух десятков монографий и книг. Особо в их ряду следует назвать следующие: «Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих» (М. : Юрид. лит., 1969), «Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих (нормы и правоотношения)» (М. : Юрид. лит., 1982), «Обеспечение трудовых прав в СССР» (М. : Юрид. лит., 1987), «Дисциплинарная и материальная ответственность рабочих и служащих» (Воронеж : Центр-Черноземн. кн. изд-во, 1990), «Трудовые правоотношения» (М. : Вердикт - 1•М, 1999), «Трудовое процедурно-процессуальное право: учебное пособие» (Воронеж : Изд-во ВГУ, 2002 (в соавторстве с С. В. Передериным, С. Ю. Чуча, Н. Н. Семенюта).

Вклад В. Н. Скобелкина в науку трудового права переоценить сложно. Многие студенты и выпускники юридических вузов сегодня признают аксиомами те положения, за которые Владимиру Николаевичу приходилось сражаться с учеными, которых сегодня мы считаем классиками. Например, В. Н. Скобелкин высказал очень смелую для середины прошлого века теорию о том, что отдельно взятый субъект при найме на работу вступает не в единое неделимое трудовое правоотношение, а в систему правоотношений, которая уникальна для каждого работника, работодателя и прочих участников отношений самостоятельного труда. Свою позицию В. Н. Скобелкин основывал на том, что право регулирует реальную жизнь, с разным набором возможностей у разных лиц вследствие особенностей каждого отдельно взятого человека. Отношения, связанные с трудом, имеют ярко выраженный личностный элемент, и из-за этого трудовые правоотношения не могут быть

едиными. Владимир Николаевич пытался объяснить, что быть особенным – вовсе не плохо, и в трудовых отношениях не нужно пытаться нивелировать личностные качества человека, сделав из него безликого стандартного работника. В Трудовом кодексе РФ 2001 г. получила законодательное признание именно эта позиция.

Множество особенностей имеется не только у отдельно взятых работников, но и у работодателей, чей правовой статус испытывает, помимо прочего, серьезное влияние со стороны экономических факторов. Особенно ярко это проявилось при переходе России к рыночным отношениям. Для развития и обоснования своих идей В. Н. Скобелкин начал сотрудничество с учеными-экономистами в рамках совместной темы «Экономико-правовое регулирование трудовых отношений», еще раз доказывая, что и другая сторона трудового договора – работодатель – объективно не способна обеспечить какое-либо единство в отношениях на рынке труда. Кстати, сам термин «рынок труда» Владимир Николаевич постоянно критиковал, так как в нем не было человека, а был лишь винтик в огромном общем механизме.

Обосновав позицию о множественности трудовых правоотношений, В. Н. Скобелкин представил научному миру свое видение такой сложной общетеоретической проблемы, как отраслевая правосубъектность. Говоря о работнике, он указывал, что в трудовом праве правоспособность объективно базируется на фактической трудоспособности, поэтому отдельные элементы механизма правового регулирования должны проявляться уже тогда, когда молодой человек каким-то образом начинает привлекаться к труду. Такое явление в праве В. Н. Скобелкин предложил называть элементами базовой отраслевой правоспособности. Затем, когда большинство юридических норм становится адресованным человеку с достижением им установленного законом возраста, наступает собственно «базовая» правоспособность. Но ее объем не является раз и навсегда данным, так как отдельные правовые (да и фактические) возможности во времени начинают дополнять базовую правоспособность или, наоборот, утрачиваются. Так, наряду с базовой, появляется родовая или видовая правоспособность, что демонстрирует наличие в праве общего, особенного и единичного. По мнению Владимира Николаевича, правоспособность –

не статичная категория, а динамичное правовое явление, демонстрирующее тесную связь личности работника с его ролью в общественном производстве.

Множественность (как юридическая, так и фактическая) участников трудовых правоотношений, а также разнообразие этих отношений позволили провести их классификацию по различным основаниям. В. Н. Скобелкин выделил статические и динамические трудовые правоотношения, простые и сложные, основные и смежные с ними (предшествующие, сопутствующие, дополняющие и последующие), индивидуальные и коллективные (особо он подчеркнул внутриколлективные отношения в организации), материальные и нематериальные и т. д.

Особый интерес автора при этом вызывал анализ нематериальных отношений в трудовом праве, так как проблематикой трудовых споров В. Н. Скобелкин занимался с самого начала своей научной деятельности. Все нормы нематериального характера он подразделил на три основные группы: организационные, процедурные и процессуальные. Первые регламентируют деятельность по созданию, реорганизации и ликвидации правореализующих органов; вторые – деятельность по обеспечению реализации материальных трудовых прав и созданию (главным образом посредством локального нормотворчества) материальных норм трудового права; третьи – деятельность по рассмотрению трудовых споров. Таким же образом классифицировались профессором и нематериальные правоотношения.

Исходя из необходимости обслуживания материальных норм трудового права собственными средствами процедурного и процессуального характера, еще в 1982 г. в монографии «Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих (нормы и правоотношения)» В. Н. Скобелкин обратил внимание научной общественности на объективную необходимость становления трудового процедурно-процессуального права, формирование которого уже начиналось. Однако тогда говорить о появлении самостоятельной отрасли было еще рано, и профессор предложил считать трудовое процессуальное право сложившейся подотраслью трудового права. После перехода России к рынку трудовые отношения стали стремительно развиваться, и поэтому с принятием Трудового кодекса РФ появились все основания говорить о необходимости иным образом

подойти к регулированию трудовых процедурных и процессуальных отношений, так как количество нематериальных норм в трудовом праве резко возросло. В учебнике «Трудовое процедурно-процессуальное право», изданном в 2002 г., Владимиром Николаевичем обоснована самостоятельность новой отрасли – трудового процедурно-процессуального права, а также сформулировано его определение. Сегодня трудовое процедурно-процессуальное право – это объединение юридических норм, регулирующих на всех признаваемых государством уровнях процедурные и процессуальные отношения в сфере несамостоятельного труда. Оно обеспечивает реализацию прав и обязанностей субъектов трудового права, защиту их законных интересов, упорядочивает функционирование органов, содействующих достижению этих целей.

В. Н. Скобелкин занимался также и смежными с трудовым процедурно-процессуальным правом проблемами юридической ответственности в трудовом праве. В своей монографии «Дисциплинарная и материальная ответственность рабочих и служащих» он провел анализ видов ответственности работника, а также правил привлечения к ней. При этом к традиционно выделяемым видам материальной ответственности работника – полной и ограниченной – автор предлагал добавить третий – повышенную материальную ответственность, редкие случаи возможного привлечения к которой имелись в законодательстве.

В связи с исследованием проблематики трудовых отношений и трудовых споров В. Н. Скобелкин также обратился к изучению такого правового явления, как гарантии трудовых прав, включаемые в состав правового статуса работника. В монографии «Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих» он проанализировал систему юридических средств обеспечения реализации трудовых прав наемных работников, показал их важное место в общей системе гарантий (экономических, политических и др.). Под юридическими гарантиями Владимир Николаевич предлагал понимать правовые и организационно-правовые средства и способы, с помощью которых обеспечивается реализация прав и исполнение обязанностей, предусмотренных законодательством. Они представляют собой сложную систему взаимодействующих элементов, позволяющих организовать разностороннее обеспечение, охва-

тывающее различные стадии реализации прав и обязанностей, защиту от посягательств, восстановление нарушенных прав. На основе данного определения В. Н. Скобелкин разработал классификацию элементов системы гарантий, выделив три блока правовых средств, обеспечивающих вступление в трудовые правоотношения, реализацию трудовых прав и восстановление нарушенных прав. Специфика отраслевого правового статуса работника и заключается в том, что в состав элементов его правового статуса, наряду с общими и субъективными правами и обязанностями субъекта и общими условиями правообладания (правосубъектностью), включается система юридических гарантий – общих прав особого рода, связывающих работника не только с работодателем, но и с государством. Это еще одно из доказательств того, что трудовое право – особая отрасль, которую можно охарактеризовать как частично-публичную.

Отдельной областью научных интересов В. Н. Скобелкина был вопрос об основных началах трудового и трудового процедурно-процессуального права. Все принципы построения права он предлагал подразделить на шесть групп: отраженные, но не сформулированные в нормах права; закрепленные в одной или нескольких юридических нормах; не воспринимаемые законодателем, но закрепленные в имеющем обязательную силу акте органа-правоприменителя; не получившие официального закрепления, но применяемые на практике; закрепленные в праве, но не работающие на определенном этапе общественного развития; сформулированные наукой, но не закрепленные в правовых нормах и не используемые в действующей системе правового регулирования данного периода. Особо в трудовом праве Владимир Николаевич выделял принцип справедливости, обосновывающий социальную направленность отрасли и учитывающий личностные качества работника, его экономическое неравенство в отношениях с работодателем и право участия в распределении получаемой прибыли в результате совместной деятельности.

В период преобразований В. Н. Скобелкин обратился к теме регулирования правового статуса субъектов трудовых отношений, среди которых особое место в работах автора занимал вопрос прав профессиональных союзов. Произшедшие в законодательстве изменения, лишившие профсоюзы большей части ранее

имевшихся юридических возможностей, вызвали резкую критику ученого, многие годы посвятившего теории и практике профсоюзной работы. Он четко понимал, что это не может не отразиться на уровне правовых гарантий отдельно взятого наемного работника, чей интерес защитить самостоятельно довольно сложно. Такие выводы Владимир Николаевич обосновывал со ссылками на богатый международный опыт, который он изучал и анализировал, постоянно обращаясь к оригинальным источникам.

Такое богатство идей, ясность и умение их подать, а также доказать собственную позицию привели к созданию особой школы трудового права – школы В. Н. Скобелкина.

Гражданин

В. Н. Скобелкин постоянно выступал с докладами на научных и научно-практических конференциях, был научным редактором монографий, сборников, учебных пособий. В Воронеже он избирался депутатом районного совета, членом и заместителем секретаря партбюро юридического факультета. Был ведущим телепередачи «Человек. Общество. Закон». Участвовал в работе научно-консультативного совета при юридическом отделе ВЦСПС. За время работы в Омске Владимир Николаевич исполнял обязанности заместителя председателя научно-методического совета по вопросам государства и права областного отделения общества «Знание». Являясь известным специалистом в области трудового права, он принимал участие в законотворческой работе в качестве члена научно-консультативного совета при юридическом отделе ВЦСПС, научного консультанта Комитета конституционного надзора СССР, члена экспертной группы администрации Омской области. В Воронежском и Омском университетах В. Н. Скобелкин все годы избирался членом профкома и участвовал в работе комиссий по рассмотрению трудовых споров в качестве представителя профсоюза. Выступал с лекциями на правовые темы на предприятиях и в учреждениях. На юридическом факультете ОмГУ был руководителем методологического семинара преподавателей, в течение многих лет выполнял обязанности председателя совета по организации научно-исследовательской работы, работал в ученом и научно-техническом советах Омского государственного университета, был членом профессорского

С. Ю. Чуча

Владимир Николаевич Скобелкин: солдат, ученый, гражданин...

собрания ОмГУ. Являлся действительным членом Академии социальных наук, Петровской академии наук и искусств, с 1993 г. входил в число стипендиатов конкурса выдающихся ученых России.

За свою научную, педагогическую и общественную деятельность Владимир Николаевич награжден орденом Дружбы народов, медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и др.

Не менее известен профессор В. Н. Скобелкин и как поэт. Свой богатый внутренний мир он раскрывал в стихах. Изданы поэтические сборники: «Любовь и жизнь тебе, Россия» (1993), «Любовь, любовь...» (1995), «Сеголетки» (1997),

«Алтынник» (1999), «Семишники» (2000), «Луговина» (2001), «Любящим и любимым» (2002). Ряд его стихотворений положены на музыку композитором В.Н. Киселевым.

Владимир Николаевич серьезно увлекался туризмом. Он покорил многочисленные горные вершины, что подвластно только отважным людям, обладающим огромной волей и упорством. Да и вся его жизнь стала одним большим восхождением восемнадцатилетнего вчерашнего прилежного школьника через горнила Великой войны, годы трудного восстановления страны к вершине одного из корифеев трудового права России. Таким мы помним его: солдатом, ученым, гражданином.

Институт государства и права Российской академии наук

Чуча С. Ю., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора процессуального права, руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения
E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Поступила в редакцию: 14.03.2024

Для цитирования:

Чуча С. Ю. Владимир Николаевич Скобелкин: солдат, ученый, гражданин (о научном вкладе фронтовиков в развитие трудового права) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 12–18. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/12-18>

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Chucha S. Yu., Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Research Scientist of the Department of Trial Law, Chief of the Interdisciplinary Center for Legal Research of Labor Law and Social Security Law
E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Received: 14.03.2024

For citation:

Chucha S. Yu. Vladimir Nikolaevich Skobelkin: soldier, scientist, citizen (about the scientific contribution of front-line soldiers in the development of labor law) // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. No 3 (58). P. 12–18. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/12-18>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

УДК 342

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/19-32>

УТВЕРЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МЕСТНОМ УРОВНЕ

А. Н. Диденко

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации

THE ESTABLISHMENT OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES AT THE REGIONAL AND LOCAL LEVELS

A. N. Didenko

State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

Аннотация: пересмотр некоторыми государствами своих цивилизационных духовно-нравственных ценностей привел к необходимости разработки в странах, несогласных с этим, комплекса мер по их защите. Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества и государства, поэтому их защита является стратегическим приоритетом дальнейшего государственного строительства и обеспечивается целой системой правового регулирования. В статье рассматриваются результаты опроса субъектов Российской Федерации, проведенного Комитетом Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению в феврале текущего года, касающегося состояния дел относительно исполнения Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Представлен опыт регионов и муниципалитетов по реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Предложены подходы по дальнейшей деятельности, направленной на утверждение традиционных ценностей на региональном и местном уровнях.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, российские традиционные ценности, духовная, историческая и культурная общероссийская идентичность, институты гражданского общества, солидарное общество, межконфессиональный диалог, органы публичной власти, патриотическое воспитание, поисковые отряды, противодействие экстремизму, цивилизационный мировоззренческий кризис.

Abstract: the revision by some countries of their civilizational spiritual and moral values has led to the need in countries that disagree with this to develop a set of measures to protect them. The Russian Federation considers traditional values as the basis of Russian society and the state, therefore their protection is a strategic priority for further state-building and is provided by a whole system of legal regulation. The article discusses the results of a survey of constituent of the Russian Federation conducted by the State Duma Committee on Regional Policy and Local Self-Government in February of this year regarding the state of affairs regarding the implementation of Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022 «On approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening traditional Russian spiritual and moral values». The experience of regions and municipalities in implementing the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values is presented. The approaches for further activities aimed at affirming traditional values at the regional and local levels are proposed.

© Диденко А. Н., 2024

Key words: spiritual and moral values, Russian traditional values, spiritual, historical and cultural all-Russian identity, civil society institutions, solidary society, interfaith dialogue, public authorities, patriotic education, search teams, countering extremism, civilizational ideological crisis.

В условиях глобального цивилизационного ценностно-целевого кризиса особую актуальность приобретают вопросы защиты традиционных основ социальных взаимосвязей¹. В настоящее время международные отношения во многом определяются цивилизационным противостоянием между так называемым коллективным Западом и Россией, являющейся государством, выступившим с инициативой охраны и обороны традиционных духовно-нравственных ценностей.

2024 год объявлен в России Годом семьи. Как отметил 29 февраля текущего года в своем ежегодном Послании Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Ценности любви, взаимной поддержки и доверия передаются в семье из поколения в поколение, так же как культура, традиции, история, нравственные устои... Мы видим, что происходит в некоторых странах, где сознательно разрушают нормы морали, институты семьи, толкают целые народы к вымиранию и вырождению, а мы выбираем жизнь. Россия была и остается оплотом традиционных ценностей, на которых строится человеческая цивилизация»².

Пересмотр некоторыми государствами традиционных духовно-нравственных ценностей привел к необходимости разработки в странах, несогласных с подобными изменениями, разрабатывать комплекс мер по их защите.

Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, поэтому их защита является стратегическим приоритетом дальнейшего государственного строительства и обеспечивается целой системой мер правового регулирования.

¹ В нормативном плане российские традиционные духовно-нравственные ценности установлены Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400), Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 29 февраля 2024 г. // Рос. газета. 2024. 1 марта.

На сегодняшний день в нашей стране принят ряд указов Президента Российской Федерации, определяющих:

- основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- основные направления гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом;
- стратегические национальные приоритеты в рамках обеспечения национальной безопасности;
- цели государственной культурной и национальной политики.

При этом основным документом, где раскрывается стратегия защиты духовно-нравственных ценностей в современных условиях, являются Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 9 июля 2022 г. № 809 (далее также – Указ № 809).

Официально традиционные российские духовно-нравственные ценности определены в качестве нравственных мировоззренческих ориентиров, сформированных поколениями многонационального народа и проявляющихся в духовной, исторической и культурной общероссийской идентичности.

В систему традиционных российских духовно-нравственных ценностей, подлежащих обязательной защите, входят жизнь, права и свободы человека, включая нематериальные блага, патриотизм, любовь к ближнему, семья, основанная на чувствах взаимной любви и уважения, полезный труд, память предков, суверенитет. Соответственно традиционные российские духовно-нравственные ценности являются совокупностью религиозных, семейных, личных, правовых и публичных интересов. Поэтому в соответствии с Указом № 809 в их защите участвуют религиозные организации традиционных конфессий, органы публичной власти и институты гражданского общества. В качестве средств реализации такой защиты обозначены:

- воспитание, образование и взаимодействие с молодежью (обеспечение уважения к тради-

ционным российским духовно-нравственным ценностям);

– культура и наука с опорой на традиционные российские духовно-нравственные ценности и исторический опыт Российской Федерации (размещение заказа на исследовательскую, литературную, информационную деятельность по популяризации данных ценностей);

– межнациональные и межрелигиозные отношения (укрепление согласия в этих отношениях на основе объединяющей роли традиционных российских духовно-нравственных ценностей);

– средства массовой информации (коммуникации) (корректировка информационных отношений с учетом приоритета традиционных российских духовно-нравственных ценностей и усиления их роли в общественном сознании).

Указом № 809 обозначены правовые инструменты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. К ним отнесены:

– совершенствование нормативно-правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;

– разработка органами публичной власти документов стратегического планирования с учетом целей и задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей.

Органами публичной власти должны быть разработаны планы мероприятий по реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее также – Основы) на уровне Федерации, регионов и муниципалитетов соответственно. Таким образом, все уровни публичной власти задействованы в этом процессе.

Комитетом Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению в феврале текущего года был проведен опрос субъектов Российской Федерации, касающийся реального состояния дел относительно исполнения Указа № 809.

Анализ представленных субъектами Российской Федерации материалов показал, что в деятельность по сохранению и развитию традиционных российских ценностей включаются достаточно разнообразные мероприятия, такие как фестивали, конкурсы, акции и образовательные программы, охватывающие широкий круг участников, в том числе студентов, работающую

молодежь и представителей общественных организаций. Мероприятия направлены на поддержку общественных проектов, сохранение исторической памяти, укрепление гражданского единства и поддержку культурно-исторической уникальности региона.

Следует особо отметить, что в регионах реализуются различные государственные программы, направленные на развитие культуры, образования и молодежной политики, в которых предусматриваются дополнительные мероприятия по реализации Основ. Так, в подпрограмму «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на территории Ульяновской области» государственной программы «Гражданское общество и государственная национальная политика в Ульяновской области», утверждённой постановлением правительства области, внесены изменения, увеличивающие финансирование мероприятий по духовно-нравственному воспитанию и поддержке языков народов, проживающих в области.

Мероприятия по реализации Основ включены в следующие государственные программы Красноярского края:

– «Развитие культуры и туризма», утвержденная постановлением правительства края от 30 сентября 2013 г. № 511-п;

– «Профилактика правонарушений и укрепление общественного порядка и общественной безопасности», утвержденная постановлением правительства края от 12 января 2017 г. № 3-п;

– «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края», утвержденная постановлением правительства края от 30 сентября 2014 г. № 442-п;

– «Молодежь Красноярского края в XXI веке», утвержденная постановлением правительства края от 30 сентября 2013 г. № 519-п;

– план мероприятий по реализации Концепции развития патриотического воспитания в Красноярском крае, утвержденный распоряжением правительства края от 15 июля 2022 г. № 544-р;

– план мероприятий в сфере молодежной политики Красноярского края на 2024 г., утвержденный руководителем Агентства молодежной политики и реализации программ общественного развития Красноярского края от 12 января 2024 г.

В муниципальном образовании город Красноярск мероприятия по реализации Основ

включены в подпрограмму 3 «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов города Красноярск» муниципальной программы «Содействие развитию гражданского общества в городе Красноярске», утвержденной постановлением администрации города от 14 ноября 2022 г. № 1004 (далее – подпрограмма 3), в соответствии с которым ежегодно утверждается план мероприятий.

Реализация подпрограммы 3 направлена на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение общественно-политической стабильности в городе Красноярске. В ее задачи входят:

- содействие укреплению общероссийского гражданского самосознания и духовной общности народов, проживающих на территории города Красноярска;

- осуществление мер, направленных на сохранение, изучение и развитие культуры народов, проживающих на территории города Красноярска, в том числе на сохранение и развитие русского этноса;

- обеспечение социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в социокультурное пространство города;

- создание условий для профилактики конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и конфессиональных отношений.

Для выработки единых подходов к планированию и реализации мероприятий государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей субъектам Российской Федерации Указом № 809 предлагается принять и утвердить планы мероприятий по реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Надо отметить, что на региональном и муниципальном уровнях активно совершенствуется нормативно-правовая база именно для целей реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Например, в Рязанской области принят Закон от 20 мая 2015 г. № 24-ОЗ «Об отдельных вопросах патриотического воспитания граждан в Рязанской области», предусматривающий применение правовых инструментов на региональном и муниципальном уровнях для сохранения и укрепления традиционных ценностей.

В Самарской области разрабатывается проект

распоряжения правительства области «О реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В Республике Мордовия принят Закон от 27 января 2023 г. № 3-3 «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Республике Мордовия». Закон определяет цели, задачи и основные направления патриотического и духовно-нравственного воспитания в Республике Мордовия, а также правовые, экономические и организационные основы патриотического и духовно-нравственного воспитания граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Мордовия.

Постановлением правительства Республики Мордовия от 27 декабря 2023 г. № 756 утверждена государственная программа «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия», в которой предусмотрены мероприятия по реализации Указа № 809. Постановлением правительства Республики Мордовия от 25 декабря 2023 г. № 738 утверждена государственная программа «Сохранение и развитие национальной культуры, государственных языков Республики Мордовия и других языков в Республике Мордовия».

При этом субъекты Российской Федерации указывают на существующие проблемы: отсутствие государственного заказа на создание информационных и методических материалов, книгоиздание и книготорговлю, а также отсутствие контроля качества, в том числе содержательного, издаваемой книгопечатной продукции, кинофильмов и т. д.

В субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях создаются межведомственные комиссии (советы, рабочие группы) по реализации Основ, ориентированные на содействие укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, и их деятельность включает обсуждение вопросов, связанных с реализацией Основ в регионах. Так, в Республике Коми создан Совет при главе Республики Коми по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, основными целями которого являются содействие сохранению и укреплению традиционных ценностей на территории региона, обеспечение их передачи от поколения к поколению, содействие противодействию распространения деструктивной идеологии на территории респу-

блики. Одна из задач деятельности Совета – содействие укреплению на территории Республики Коми гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности, межнационального и межрелигиозного согласия на основе объединяющей роли традиционных ценностей. В состав нового коллегиального органа вошли представители духовенства, общественных организаций, руководители средств массовой информации.

В Республике Дагестан функционируют Совет старейшин, Республиканский родительский совет и Совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям.

В Республике Калмыкия в целях укрепления межкультурных связей, гармонизации межэтнических отношений и предупреждения межнациональных конфликтов во всех муниципальных образованиях созданы консультативные советы по межнациональным и межконфессиональным отношениям (Лаганское районное муниципальное образование – Рабочая группа по гармонизации межэтнических отношений). Заседания консультативных советов проводятся ежеквартально.

В Республике Мордовия созданы следующие организации по реализации Основ:

– Организационный комитет Республики Мордовия по патриотическому воспитанию, утвержденный Указом главы Республики Мордовия от 5 апреля 2018 г. № 141-УГ;

– Общественный совет по духовно-нравственному, военно-патриотическому и гражданскому воспитанию граждан, проживающих на территории Республики Мордовия, утвержденный постановлением правительства Республики Мордовия от 28 марта 2016 г. № 168;

– Комиссия по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

– Рабочая группа по основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Для реализации Основ в МГУ им. Н. П. Огарева создана рабочая группа из числа представителей руководства и структурных подразделений вуза, ответственных за профилактическую работу с молодежью, координацию деятельности которой осуществляет специально созданный центр.

В Республике Карелия существуют Совет по межнациональным отношениям, Совет пред-

ставителей карелов, вепсов и финнов, а также другие органы, такие как Рабочая группа по вопросам казачества и Комиссия по религиозным объединениям.

В Краснодарском крае действуют краевой организационный комитет «Победа», совещательный орган по российскому казачеству, региональный межведомственный координационный совет по патриотическому воспитанию и совет по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями. Эти органы включают представителей национально-культурных организаций, конфессий и исполнительных органов края.

В Общественной палате Удмуртской Республики создана комиссия по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В муниципальных образованиях республики вопросы, связанные с реализацией Указа № 809, решаются в рамках деятельности следующих межведомственных комиссий и координационных советов:

– межведомственная антинаркотическая комиссия;

– межведомственная комиссия по организации отдыха, оздоровления и занятости детей и молодежи в каникулярное время;

– межведомственная комиссия по обеспечению профилактики правонарушений;

– антитеррористическая комиссия;

– координационный совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям;

– общественный совет, советы женщин, советы отцов;

– рабочая группа по предупреждению и нейтрализации социальных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов и др.

В городе Черкесске создан межведомственный координационный совет по вопросам патриотического воспитания граждан Российской Федерации, проживающих на территории города Черкесска.

Всего по состоянию на февраль 2024 г. советы при главах регионов по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей созданы в 8 субъектах (Кабардино-Балкарской Республике, Республике Хакасия, Хабаровском крае, Вологодской, Тамбовской, Тверской, Томской областях, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре). В 35 субъектах созданы похожие органы (рабочие органы, комиссии и т. п.), но они либо не охватывают полный

спектр поддержки ценностей, либо работают не при главах регионов. На наш взгляд, и то и другое снижает статус этих органов и эффективность их деятельности.

На региональном и муниципальном уровнях принимаются также меры поддержки в сфере культуры и образования с учетом целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Эти меры включают в себя организацию патриотических и духовно-нравственных мероприятий, предоставление льгот для участников специальной военной операции, грантов на поддержку духовно-нравственных ценностей, а также проведение конкурсов и премий в области культуры и творчества.

Республика Адыгея: мероприятия «Время Героев», «Благодарим, гордимся, чтим!», «Семья – очаг гармонии и счастья!», направленные на патриотическое и духовно-нравственное воспитание.

Республика Бурятия:

– оплата обучения в высших образовательных организациях для детей участников специальной военной операции;

– предоставление льгот на посещение музеев и театров, гранты на сохранение традиционных ценностей.

Республика Карелия:

– конкурсы на получение денежных поощрений для муниципальных учреждений культуры и их работников в сельских поселениях;

– премии имени И. А. Федосовой и «Душа Карелии» для поддержки творческой активности и народного творчества;

– конкурсные отборы для предоставления субсидий на развитие домов культуры в малонаселенных населенных пунктах.

В рамках реализации государственной программы *Краснодарского края* «Развитие культуры» выделяются средства на проведение:

– краевого фестиваля «Кузнечное дело Кубани», частично софинансированного в рамках реализации муниципальной программы муниципального образования Апшеронский района «Развитие культуры», утвержденной постановлением администрации района от 23 октября 2014 г. № 1366 (из районного бюджета выделено 448,5 тыс. рублей);

– краевого фестиваля-конкурса коллективов и мастеров декоративно-прикладного искусства «Народный умелец» в станице Холмской Абинского района;

– краевого фестиваля декоративно приклад-

ного, изобразительного, фотоискусства и народных ремесел «Яблочный спас».

В рамках муниципальной программы «Развитие культуры в муниципальном образовании город Краснодар», утвержденной постановлением администрации города от 14 октября 2014 г. № 7461, предусмотрены:

– целевая поддержка творческих коллективов – победителей ежегодного конкурса «Искусство – это мы!» за звание «Лучший творческий коллектив» по итогам текущего года;

– ежегодные денежные выплаты творческим работникам муниципального образования город Краснодар, являющимся членами союза писателей, композиторов, художников, театральных деятелей, архитекторов;

– ежегодное предоставление грантов молодым педагогическим работникам муниципальных организаций дополнительного образования, находящихся в ведении управления культуры администрации муниципального образования город Краснодар.

Вместе с тем субъекты Российской Федерации отмечают, что с учетом сроков принятия Федерального закона от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» отсутствует достаточная правоприменительная практика, позволяющая выработать перечень эффективных мер государственной поддержки этнических процессов. Регионами предлагается конкретизировать меры государственной поддержки в данном законе.

Большое внимание уделяется в субъектах Российской Федерации вопросам взаимодействия региональных органов власти с правоохранительными органами в целях профилактики и пресечения противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии. Такое взаимодействие активно осуществляется в рамках соответствующих региональных программ. Проводятся открытые уроки, мероприятия в образовательных организациях, общероссийские профилактические акции, а также создаются межведомственные комиссии и штабы для координации действий по предотвращению преступлений и негативного поведения среди несовершеннолетних.

Республика Адыгея:

– реализация региональной программы по профилактике безнадзорности несовершеннолетних;

– проведение открытых уроков в образовательных организациях в рамках профилактической акции «Сообща, где торгуют смертью»;

– Всероссийская межведомственная операция «Дети России – 2023» в сотрудничестве с МВД.

Государственный комитет по делам молодежи Республики Мордовия совместно с ГБУ «Мордовский республиканский молодежный центр» на постоянной основе взаимодействует с правоохранительными органами в целях профилактики и пресечения противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии.

На территории республики проводятся совместные мероприятия, среди них:

– проект «Кибердружины», направленный на выявление и предотвращение распространения противоправного контента в сети Интернет (спикерами проекта выступали представители Центра противодействия экстремизму МВД по Республике Мордовия и Координационного центра по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма МГУ им. Н. П. Огарева);

– окружной семинар-совещание «Безопасная молодежная среда», состоявшийся в рамках национального проекта «Образование» регионального проекта «Развитие системы поддержки молодежи («Молодежь России»)» программы комплексного развития молодежной политики «Регион для молодых»;

– оперативно-профилактическое мероприятие «Твой выбор», направленное на нейтрализацию попыток вовлечения несовершеннолетних в деструктивную, в том числе экстремистскую, деятельность, незаконные массовые акции и др.

Региональный центр информационной безопасности и психологической помощи молодежи на постоянной основе взаимодействует с правоохранительными органами в процессе проведения совместных профилактических мероприятий, а также передачи выявленных аккаунтов, содержащих деструктивный контент, с целью повышения качества профилактической работы и пресечения противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии.

Управление по контролю за оборотом нарко-

тиков МВД по Республике Мордовия ежемесячно проводит мероприятия среди учащихся образовательных организаций региона по профилактике употребления наркотических веществ и ПАВ. Подростки, состоящие на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, на постоянной основе принимают участие в республиканских мероприятиях.

Республика Калмыкия:

– составление Межведомственного плана по профилактике преступлений и деструктивного поведения несовершеннолетних;

– формирование оперативного штаба и постоянно действующей комиссии по религиозному и национальному экстремизму.

Республика Карелия:

– деятельность межведомственных комиссий, таких как Антинаркотическая, Антитеррористическая и по защите прав несовершеннолетних;

– создание советов по профилактике безнадзорности и правонарушений в образовательных организациях.

– участие в региональном этапе Всероссийского конкурса социальной рекламы «Спасем жизнь вместе».

Взаимодействие образовательных организаций Удмуртской Республики с органами МВД России осуществляется в соответствии с рекомендациями, направленными письмом Министерства просвещения Российской Федерации № 07-6607, МВД России № 12/5351, Министерства науки и высшего образования России от 2 ноября 2020 г. № МН-11/1548 «О межведомственном взаимодействии» (вместе с рекомендациями об организации межведомственного взаимодействия и обмена информацией между образовательными организациями и органами внутренних дел о несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, а также о выявленных несовершеннолетних «группы риска»).

Кроме того, Удмуртской Республике разработан проект порядка межведомственного взаимодействия по профилактике деструктивного, в том числе суицидального, поведения несовершеннолетних, который определяет последовательность совместных согласованных действий субъектов межведомственного взаимодействия на территории Удмуртской Республики по вопросам организации:

– выявления несовершеннолетних, склонных к деструктивному, в том числе суицидальному, поведению, оперативного обмена информацией о выявленных несовершеннолетних, о фактах склонения несовершеннолетних к совершению суицида, о фактах вовлечения несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для их жизни, ближайшего окружения, общества в целом, организация общепрофилактической деятельности по предупреждению подобного поведения и вовлечения несовершеннолетних в эти действия;

– оказания несовершеннолетним, склонным к деструктивному, в том числе суицидальному, поведению, и их законным представителям своевременной комплексной психолого-педагогической и медико-социальной помощи, проведения индивидуальной лечебной и реабилитационной работы с несовершеннолетними, совершившими суицидальные попытки, их семьями.

Межведомственное взаимодействие по профилактике деструктивного, в том числе суицидального, поведения несовершеннолетних осуществляется с учетом методических рекомендаций, подготовленных Министерством просвещения Российской Федерации:

– рекомендации об организации межведомственного взаимодействия и обмена информацией между образовательными организациями и органами внутренних дел о несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, а также о выявленных несовершеннолетних «группы риска»;

– примерное положение об учете отдельных категорий несовершеннолетних в образовательных организациях;

– методические рекомендации о типовых формах и порядке взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Совместно с Управлением по вопросам миграции МВД России по Удмуртской Республике проводится разъяснительная работа с руководителями соответствующих республиканских национально-культурных общественных объединений о необходимости организации и посещения курсов по изучению русского языка, истории России, основ законодательства Российской Федерации для их соотечественников – трудовых мигрантов. В ходе встреч обсуждаются вопросы трудовой адаптации мигрантов, обеспечения

прав мигрантов, разъясняется порядок участия иностранных граждан в трудовых отношениях, доводится информация о нормах миграционного законодательства Российской Федерации, об изменениях законодательства в сфере миграции, также обсуждаются вопросы укрепления межнационального мира и согласия, развития толерантности, недопущения фактов дискриминации и ксенофобии.

Департамент внутренней политики администрации Краснодарского края является головным исполнителем комплексного плана противодействия идеологии терроризма на территории края, в рамках которого принимаются меры по выявлению и устранению факторов, способствующих возникновению и распространению деструктивной идеологии и идеологии терроризма.

В процессе взаимодействия с религиозными организациями по вопросам противодействия идеологии терроризма представители духовенства Кубанской митрополии Русской православной церкви (Московский патриархат), Духовного управления мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края включены в состав Экспертного совета при Антитеррористической комиссии в Краснодарском крае по совершенствованию информационной политики в сфере противодействия идеологии терроризма. В 2023 г. было проведено три заседания, на которых рассматривались вопросы противодействия распространению деструктивной идеологии, в том числе в сети Интернет, активизации работы с молодежью по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию.

Департаментом внутренней политики администрации Краснодарского края осуществляется мониторинг этноконфессиональных отношений в регионе. По результатам мониторинга этноконфессиональных процессов, происходящих в Краснодарском крае, принимаются меры в рамках компетенции по устранению предпосылок для возникновения этнополитических и религиозных конфликтов.

В рамках мониторинга межконфессиональных отношений в 2023 г. установлена активизация деятельности в регионе нового религиозного движения «АллатРа», созданного на Украине. Одной из особенностей движения является формирование актива движения в интернет-пространстве, реализация с этой целью международного проекта «Созидательное об-

щество». В ряде муниципальных образований Краснодарского края (города Новороссийск, Горячий Ключ, Мостовский, Лабинский, Динской, Гулькевичский, Апшеронский районы) отмечена установка рекламных конструкций (баннеров) с информацией о проекте «Созидательное общество». По рекомендации департамента внутренней политики администрации Краснодарского края органами местного самоуправления приняты меры, баннеры оперативно демонтированы.

На фоне антиизраильских настроений и событий, развернувшихся в ряде Северо-Кавказских республик 30 октября 2023 г. департаментом внутренней политики администрации Краснодарского края была организована и проведена рабочая встреча с руководителем Краснодарской краевой общественной организации «Центр культуры народов Дагестана “Единство”» И. М. Азизовым на предмет недопущения антиизраильских акций и распространения деструктивной идеологии.

Проведена встреча с главным раввином города Краснодара и Краснодарского края Менахем Менделом Лазаром и руководителем общественной организации «Ор Авнер» А. С. Фассом, достигнута договоренность об оперативном информировании сотрудников департамента внутренней политики администрации Краснодарского края в случае угрозы возникновения внештатных ситуаций.

Кроме того, в правоохранительные органы направлена информация о потенциальной угрозе синагогам Краснодарского края. Правоохранительными органами организовано дополнительное патрулирование возле синагог в Краснодаре и Сочи, также обеспечено их оперативное прикрытие.

В 2023 г. в целях профилактики и пресечения противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии, различными общественными организациями совместно с представителями правоохранительных органов организованы следующие мероприятия:

– окружной семинар-совещание для специалистов по работе с молодежью Южного федерального округа. Мероприятие состоялось в период с 19 по 21 июля 2023 г., общий охват – 130 человек;

– краевая молодежная антитеррористическая акция, посвященная Дню солидарности в борьбе с терроризмом. Общий охват акции на

краевом уровне – 132 человека, на муниципальном уровне – 39 707 человек;

– краевой слет антинаркотических волонтерских движений, некоммерческих общественных организаций по профилактике асоциальных явлений в молодежной среде. Слет состоялся 20 декабря 2023 г., общий охват – 500 человек.

Во всех 44 муниципальных образованиях Краснодарского края на 1463 объектах общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций были проведены всероссийские учения по антитеррористической защищенности объектов. В учениях приняли участие 1427 руководителей образовательных организаций (98,7 %), 50 247 работников образовательных организаций (95,3 %) и 2482 сотрудника охраняемых предприятий (97 %).

В субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях внимание уделяется также патриотическому воспитанию молодежи. Большую помощь по организации работы в этом направлении регионам оказывает Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Задача вуза сегодня – не только дать профессию, но и воспитать молодого человека гражданином, понимающим и разделяющим систему ценностей нашей страны.

В целях создания единой системы патриотического воспитания в образовательных организациях высшего образования Минобрнауки России в рамках реализации федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» создана Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь». Деятельность Ассоциации позволяет консолидировать имеющийся опыт по патриотическому воспитанию студенческой молодежи, внедрять его в деятельность клубов в вузах, разрабатывать эффективную модель патриотического воспитания обучающихся вузов во всех субъектах Российской Федерации.

В настоящее время в состав Ассоциации входит 270 студенческих патриотических клубов из 72 субъектов Российской Федерации. Ассоциацией реализуется единый сквозной план образовательных мероприятий, патриотической направленности и др. Внедряются новые направления деятельности и развития, такие как поиск и популяризация героев-современников России, обновление сети студенческих музеев и поддержка локального патриотизма, разви-

тие студенческого патриотического туризма, сохранение исторической правды в рамках федерального проекта «Без срока давности», а также создание федеральной медиа-команды из числа обучающихся вузов, направленной на трансляцию позитивной информационной повестки через освещение подвигов современных героев и достижений России в официальных социальных сетях Ассоциации и студенческих патриотических клубов.

В 2022 г. запущен информационный портал Ассоциации (я-горжусь.рф), который позволяет вовлекать студенческую молодежь в ее деятельность, информировать о мероприятиях, конкурсах и проектах, проводимых студенческими патриотическими клубами, предоставлять полную информацию о деятельности Ассоциации и необходимую документацию.

Кроме того, Минобрнауки России разработан модуль по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи «Великая Отечественная война: без срока давности».

Стратегии и программы на уровне регионов и муниципалитетов ставят целью сохранение военного наследия и поддержку общественных инициатив, нацеленных на гражданское и патриотическое воспитание.

В *Брянской области* молодежная организация «Военно-спортивный клуб “ПАТРИОТ”» проводит воздушно-десантную, тактико-огневую подготовку, знакомит с приемами рукопашного боя, радиосвязью и рассказывает о пользе закаливания, готовя участников для успешного выполнения военно-боевых задач. Проект «Выездной учебный центр “ПАТРИОТ”» активизирует военно-патриотическое воспитание в школах.

В *Республике Дагестан* движение ТОКС осуществляет воспитание молодежи в духе патриотизма через организацию отрядов краеведов-следопытов. Особое внимание уделяется поисковой работе для сохранения военного наследия и общей исторической памяти.

В *Архангельской области* Стратегия военно-патриотического воспитания до 2027 г. и Программа развития воспитания на 2021–2025 гг. фокусируются на регионализации содержания воспитания и проведении областных финалов военно-спортивных игр «Зарница» и «Орленок».

В регионах создаются видеоролики, методические материалы, рекомендации для органи-

зации различных мероприятий и фестивалей.

В *Республике Бурятия* активно разрабатываются и распространяются видеоролики анти-террористической направленности, такие как «Дружба народов» и «Ресурсы, которые не купить». Также проводятся мероприятия с использованием методических материалов, включая социальные видеоролики и памятки по профилактике экстремизма.

В *Республике Калмыкия* активно используются методические рекомендации для организации фестивалей, таких как Всероссийский фестиваль музейных экспозиций «Без срока давности».

В регионах России существуют разнообразные образовательные организации патриотического профиля, включая кадетские и казачьи. Наблюдается активное вовлечение учащихся в деятельность молодежных общественных организаций и движений, таких как «Движение первых», «Большая перемена», «Юнармия» и др. Образовательные учреждения активно поддерживают эти инициативы, открывая первичные отделения, проводя тематические мероприятия и привлекая студентов и школьников к участию. Мероприятия варьируются от слет-марафонов и квестов до профильных смен и форсайт-сессий. Региональные отделения организуют конкурсы, лагерные смены и форумы, способствуя разностороннему развитию молодежи и их участию в общественной жизни.

В 2023 г. патриотические объединения в различных регионах России провели более 250 мероприятий, включая военно-спортивные лагеря, патриотические игры и проекты по исторической памяти. Участие в этих мероприятиях приняли десятки тысяч граждан, в том числе студенты, молодежные организации и ветераны. Финансирование поддержки проектов в сфере патриотического воспитания также осуществляется через конкурсные отборы и гранты, способствуя разностороннему развитию и воспитанию молодежи в духе любви к Родине.

В российских регионах существует инфраструктура для поддержки деятельности патриотических клубов. Многие регионы предоставляют методическую, материально-техническую поддержку, а также создают специальные объекты, например полосы препятствий и спортивные комплексы, для использования военно-патриотическими клубами.

В *Удмуртской Республике* патриотические клубы получают методическую и материаль-

но-техническую поддержку от автономного учреждения «Молодежный центр Удмуртской Республики».

В *Краснодарском крае* функционируют 910 клубов по месту жительства, 527 клубных формирований военно-патриотической направленности, охватывая более 22 тысяч человек в возрасте от 14 до 35 лет. Также действуют клубы патриотической направленности в 67 профессиональных образовательных организациях, в которых участвует почти 6 тысяч человек.

В *Брянской области* более 200 патриотических клубов, таких как «Североморец», «Юные друзья пограничников», «Юнармия», активно осуществляют свою деятельность, способствуя патриотическому воспитанию.

В *Иркутской области* рассматривается создание единого центра патриотического воспитания молодежи, который станет координатором различных общественных объединений, включая ветеранские организации, молодежные организации и студенческие клубы, при этом будет использоваться субсидия «Регион для молодых» при поддержке Росмолодежи.

В рамках проведения мероприятий по патриотическому воспитанию в различных регионах России учебные заведения поддерживают активное и постоянное взаимодействие с краеведческими музеями. Школьные музеи тесно взаимодействуют с областными и государственными краеведческими музеями, а также их филиалами, например, организуют уроки мужества, выставки, часы памяти и мастер-классы. Кроме того, осуществляется проведение экскурсионных программ, анонсирование деятельности музеев в образовательных учреждениях и участие в различных образовательных проектах.

Краеведческие музеи играют важную роль в патриотическом воспитании, предоставляя школьникам и студентам уникальную возможность погружения в историю и культуру своего региона. Это содействует разностороннему развитию учащихся и формированию гражданской ответственности. Такие инициативы синхронизированы с учебными программами образовательных учреждений и включаются в обширные образовательные проекты, направленные на воспитание патриотизма и уважения к историческому наследию.

В регионах и муниципалитетах осуществляется деятельность по созданию и развитию поисковых отрядов, направленных на увековечение

памяти погибших. Образовательные организации, музеи и военно-патриотические клубы активно участвуют в поисковых экспедициях, проводят выставки и реализуют историко-архивные проекты. Также отмечается участие в межрегиональных мероприятиях и конкурсах, что свидетельствует о широком масштабе усилий по сохранению и передаче исторического наследия.

Владимирская область: создано 17 поисковых отрядов, 8 из них – на базе образовательных учреждений.

Луганская Народная Республика: открыто региональное отделение «Поискового движения России», действует поисковый отряд «Память Донбасса» с 34 обучающимися.

Пензенская область: создано 14 поисковых отрядов с участием 280 человек, в том числе 12 отрядов при Региональном отделении «Поисковое движение России», проводятся выезды в военно-археологические экспедиции и на конкурсы.

Краснодарский край: создано 17 поисковых общественных организаций, включая школьные и студенческие отряды, проведено 50 полевых экспедиций с находками останков советских воинов, организована масштабная VIII Межрегиональная поисковая экспедиция «Битва за Кавказ», на которой обнаружены останки 7 неизвестных советских воинов.

Образовательные организации различных регионов активно взаимодействуют с участниками войн и специальной военной операции. Проводятся патриотические форумы, выставки, благотворительные акции, образовательные семинары и проекты, встречи студентов и школьников с героями, ветеранами и участниками спецопераций. Цель этих мероприятий – не только сохранение и передача исторического опыта, но и формирование уважения к Родине, гражданской позиции и чувства сопричастности к общей истории страны. Встречи включают не только формальные мероприятия, но и неформальные диалоги, способствующие взаимопониманию и обмену опытом между поколениями.

Регионы и муниципалитеты оказывают поддержку религиозным организациям традиционных конфессий и обеспечивают их участие в деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, гармонизацию российского общества, распространение культуры межконфессионального диалога, противодействие экстре-

мизму. Подобные мероприятия включают профилактические встречи, лекции, семинары, тематические часы, игровые программы, конкурсы творческих работ, а также создание информационных материалов на тему профилактики экстремизма. В них участвуют религиозные деятели, представители общественных объединений, спортивных организаций, а также психологи и представители власти. Финансовая поддержка также направлена на организации, реализующие проекты по гармонизации межнациональных и межрегиональных отношений. Проводятся конкурсы, форумы, конференции с участием различных слоев общества для укрепления духовных ценностей, поддержки национальной культуры и содействия общественному согласию.

В Самарской области в 2023 г. проведено более 400 профилактических мероприятий, включая беседы, лекции, игровые программы и викторины, с участием религиозных деятелей, спортивных организаций и представителей власти.

Тюльская область организует областной конкурс «Благодатный отрок» с темами о вере, смысле жизни и духовных выборах, а также детские рождественские и пасхальные праздники.

В Севастополе в 2023 г. финансовая поддержка была направлена на общественные организации, работающие над гармонизацией межнациональных отношений и предотвращением экстремистских проявлений.

В Кабардино-Балкарской Республике представители религиозных организаций принимают активное участие в мероприятиях, направленных на укрепление межконфессиональных и межнациональных отношений, а также общественно значимых массовых, праздничных и памятных мероприятиях. Ежегодно в рамках государственной программы «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике» проводится конкурс на предоставление субсидий религиозным организациям по направлению «Активизация деятельности религиозных организаций в Кабардино-Балкарской Республике».

В Северо-Кавказском исламском университете имени имама Абу Ханифы проводится цикл просветительских и профилактических мероприятий, которые реализуются совместно с вузом и направлены на социализацию студентов, а также формирование культуры межконфесси-

онального, межнационального согласия, профилактику экстремизма и идеологии терроризма.

В целях развития системы духовно-нравственного и гражданско-патриотического образования и воспитания детей и молодежи в образовательных организациях дошкольного, начального, общего, среднего образования и среднего профессионального образования, организациях дополнительного образования детей, воскресных школах и православных школах и гимназиях ежегодно проводится региональный этап Всероссийского конкурса в области педагогики, воспитания и работы с детьми школьного возраста и молодежью до 20 лет «За нравственный подвиг учителя».

Таким образом, как мы видим, регионы и муниципалитеты проводят целый комплекс различных мероприятий по реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в русле тех нормативных установлений, которые задают Стратегия национальной безопасности и Основы государственной политики по традиционным ценностям.

Опираясь на представления В. Е. Лепского о солидарном обществе как саморазвивающейся полисубъектной среде – гармонии иерархий, сетей и сред³, дальнейшее развитие процесса мы видим в консолидации и структуризации как институтов, так и усилий на региональном и местном уровнях. Мы полагаем, во-первых, что сама концепция традиционных духовно-нравственных ценностей, равно как и антиценностей (деструктивной идеологии), нуждается в дальнейшем развитии и уточнении. В этом смысле представляют интерес те суждения, которые были высказаны на заседании Общественного экспертного совета по утверждению традиционных духовно-нравственных ценностей 21 марта 2024 г. и отражены, в частности, в статье И. В. Бабичева⁴.

Во-вторых, до сих пор не утвержден предусмотренный Указом № 809 федеральный план мероприятий по реализации основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нрав-

³ Лепский В. Е. Солидарное общество как саморазвивающаяся полисубъектная среда (гармония иерархий, сетей и сред) // Местное право. 2022. № 3. С. 11–20.

⁴ Бабичев И. В. Традиционные основы мировоззрения // Местное право. 2024. № 2. С. 73–80.

ственных ценностей. По данным нашего мониторинга (февраль 2024 г.), региональные планы приняты в 25 субъектах РФ, в стадии разработки – еще в 10 субъектах. В остальных субъектах Федерации мероприятия по реализации Основ осуществляются в рамках реализации стратегий, государственных программ и иных планов. Данными по муниципальным планам мы не располагаем, но наличие их считаем желательным.

В-третьих, мы считаем целесообразным создание на региональном и местном уровнях при главах регионов и муниципальных образований координирующих советов по сохранению и развитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей с широким привлечением к их работе руководителей профильных органов государственной власти и органов местного самоуправления, правоохранительных органов, авторитетных представителей культуры, искусства, науки, представителей бизнеса, профильных экспертных организаций, традиционных религиозных конфессий, общественных организаций и местных сообществ, представителей национально-культурных автономий.

Основными задачами таких советов, в соответствии с Указом № 809, могли бы быть: 1) организация совершенствования нормативно-правовой базы на региональном и муниципальном уровнях в соответствии с традиционными ценностями; 2) содействие разработке на региональном и местном уровнях документов стратегического планирования с учетом целей и задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей; 3) оценка проектов (в том числе информационных и иных материалов), программ и мероприятий на предмет соответствия традиционным ценностям, в том числе при решении вопроса о целесообразности их государственной или муниципальной поддержки; 4) организация мониторинга достижений целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, в том числе выполнения планов мероприятий по реализации такой политики; 5) организация проведения исследований по вопросам, связанным с реализацией государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей на региональном и муниципальном уровнях; 6) формирование методических рекомендаций, образовательной и просветительской работы по утверждению традиционных ценностей.

Важным и актуальным направлением деятельности таких советов могло бы стать координирование вопросов миграционной политики в регионе и муниципалитете с привлечением к такой координации представителей правоохранительных органов, традиционных конфессий и лидеров национально-культурных автономий и национальных диаспор и координирование вопросов вовлечения населения, особенно молодежи, в охрану общественного порядка на своей территории, в том числе с целью профилактики террористической и экстремистской активности, с использованием механизма народных дружин, установленного Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

По данным нашего мониторинга, советы по традиционным ценностям при главах регионах созданы в 8 субъектах Федерации, подобные им структуры при руководстве регионов (порой таких структур несколько) – еще в 36 субъектах. Вызывает сожаления тот факт, что координирующие структуры при руководителях регионов по сохранению и развитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей не созданы в новых субъектах Российской Федерации.

И, в четвертых, поскольку мы считаем местное самоуправление одной из традиционных российских ценностей, советы при главах субъектов Федерации и муниципальных образований своей миссией должны полагать развитие местного самоуправления, формирование стратегий развития инфраструктуры территорий и повышения их человеческого потенциала по механизму межсекторного взаимодействия, вовлекая в эту деятельность все виды местных сообществ, включая национально-культурные автономии, молодежь, малый и средний бизнес, крупный бизнес, если таковой имеется на территории, научно-экспертные и образовательные организации, организации культуры, физической культуры и спорта, оздоровительные организации, традиционные религиозные конфессии, опираясь при этом как на основу на традиционные российские цивилизационные ценности и погружая в них всех субъектов местного самоуправления.

Библиографический список

Бабичев И. В. Традиционные основы мировоззрения // Местное право. 2024. № 2. С. 73–80.

А. Н. Диденко

Утверждение традиционных российских духовно-нравственных ценностей на региональном и местном уровне

Лепский В. Е. Солидарное общество как саморазвивающаяся полисубъектная среда (гармония иерархий, сетей и сред) // Местное право. 2022. № 3. С. 11–20.

References

Babichev I. V. Traditional foundations of world-view // Local law. 2024. No. 2. P. 73–80.

Lepsky V. E. Solidary society as a self-developing polysubject environment (harmony of hierarchies, networks and environments) // Local law. 2022. No. 3. P. 11–20.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации

Диденко А. Н., председатель Комитета Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению

E-mail: clocal@duma.gov.ru

State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

Didenko A. N., Chairman of the State Duma Committee on Regional Policy and Local Self-Government

E-mail: clocal@duma.gov.ru

Поступила в редакцию: 13.06.2024

Received: 13.06.2024

Для цитирования:

Диденко А. Н. Утверждение традиционных российских духовно-нравственных ценностей на региональном и местном уровне // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 19–32. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/19-32>

For citation:

Didenko A. N. The establishment of traditional russian spiritual and moral values at the regional and local levels // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 19–32. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/19-32>

МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ОТ ИДЕИ К УСТОЙЧИВОЙ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ

И. Г. Хмелевская

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

YOUTH PARLIAMENTARISM: FROM AN IDEA TO A SUSTAINABLE REGULATORY MODEL

I. G. Khmelevskaya

Belgorod State National Research University

Аннотация: анализируется идейный базис становления молодежного парламентаризма как автономного политико-правового феномена, а также конкретно-исторические предпосылки его формирования. Предлагается теоретическая концепция, согласно которой в практическом смысле молодежный парламентаризм возник во второй половине XX в., однако тезисы о непосредственном участии молодежного сообщества в жизни государства и решении различных управленческих вопросов возникли еще в античный период. Отмечается важность дуальной составляющей в отношениях государственных органов и молодежи, выраженной в системе компромиссов, взаимных правах и обязанностях, а также законных гарантиях деятельности молодежи в административном секторе.

Ключевые слова: молодежный парламентаризм, молодежные парламенты, молодежь, государство, общество.

Abstract: the article analyzes the ideological basis of the formation of youth parliamentarism as an autonomous political and legal phenomenon, as well as the specific historical prerequisites for its formation. The authors propose a theoretical concept according to which, in a practical sense, youth parliamentarism arose in the second half of the twentieth century, but the theses on the direct participation of the youth community in the life of the state and the solution of various managerial issues arose in the ancient period. The importance of the dual component in the relations between government agencies and youth is noted, expressed in a system of compromises, mutual rights and obligations, as well as legal guarantees of youth activity in the administrative sector.

Key words: youth parliamentarism, youth parliaments, youth, state, society.

Непосредственное участие граждан в управлении делами государства является необходимой характеристикой и качественным показателем, имманентно присущим современному цивилизованному устройству общества. В настоящее время демократическое государство располагает достаточно апробированным инструментарием и весомым базисом интеграции социума в административно-управленческое пространство – выборы, референдум, публичные слушания, широкая вариация институтов гражданского общества и прочее. Однако

трансформационные процессы в обществе опосредуют активный поиск новых форматов вовлечения населения в функционально-властный сегмент – помимо традиционных механизмов, на авансцену выходят оригинальные концепции, соответствующие коллективным потребностям на конкретном этапе.

Особый интерес в контексте конструирования основ государственной повестки всегда привлекала молодежь как наиболее динамичная социальная страта. На примере России можно проследить отчетливую тенденцию к созданию внутри официальных структур автономных молодежных компонентов.

Сегодня практически во всех субъектах Федерации существуют молодежные парламенты и правительства, которые нормативно являются консультативно-совещательной составляющей законодательных и исполнительных органов. Зачастую указанные молодежные корпуса образуют довольно удачные комбинации, контактируя между собой и дублируя взаимодействия фактических элементов государственного механизма. Региональная практика проецируется и на федеральный уровень, что предопределяет функционирование национальных молодежных модулей – например, Молодежного парламента при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Подобный процесс консолидации молодежи в рамках властных звеньев генерирует формирование особой системы представительства интересов молодежного сообщества, именуемой молодежным парламентаризмом. Следует признать, что молодежный парламентаризм – не исключительно отечественная политологическая находка. Трек вовлечения молодежи в политико-управленческие процессы присущ большинству государств, которые в той или иной форме и с учетом самоидентификационных внутренних особенностей адаптируют молодежные соединения к деятельности в рамках административного кластера. Разумеется, для обретения подобного реноме молодежный парламентаризм прошел достаточно долгий путь развития, планомерно подтверждая собственную теоретическую и прикладную эффективность, а также амбицию на соответствующую статусу нормативно-правовую обеспеченность.

Для целей научного анализа обозначенного феномена одним из ключевых показателей является детерминация его «нулевой координаты». При этом отправная точка в данном направлении – изучение идейных постулатов, ставших прочным фундаментом для дальнейшего практического воплощения молодежных совещательных компонентов в управленческой конъюнктуре.

Тезисы об участии молодежи в различных государственных алгоритмах декларировались еще античными философами. Так, Платоном в идеальное государство интегрировалась особая матрица воспитания молодежи, построенная по принципу «иерархической лестницы», вершиной которой являлся своеобразный акцесс к управлению государственными делами.

Иллюстративно она выглядела следующим образом: по достижении двадцатилетнего рубежа юноши проверялись на способность к диалектике, в случае отсутствия которой должны были избрать военную карьеру. Прошедшие «испытание» продолжали заниматься наукой и после исполнения тридцати лет проходили очередную проверку – на «чистоту» помыслов.

Платон полагал, что люди, занимающиеся рассуждениями, преисполнены беззакония¹, поэтому для управления государством нужно привлекать мудрецов, свободных от чужого влияния, которые «когда наступит черед, будут трудиться над гражданским устройством, занимать государственные должности – не потому, что это нечто прекрасное, а потому, что так необходимо ради государства»².

Таким образом, основой социальной идеологии признавалась система преемственности, выраженная принципом «от юности к зрелости» и позволяющая формировать компетентный кадровый состав в государственном секторе, имплементируя необходимые навыки и характеристики в сознание молодых граждан, которые они будут развивать на протяжении жизни.

На важность воспитания у молодежи нравственных и интеллектуальных качеств обращал внимание и ученик Платона – Аристотель. Причем в его трактовке уровень прогресса в государстве напрямую коррелируется с достигнутым уровнем просвещенности молодежного сообщества. По мнению великого мыслителя, «едва ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит оттого ущерб»³.

Очевидное бремя ответственности возлагается Аристотелем именно на законодательные структуры, которые обязаны создавать положительный фон для развития человека в формате качественных законов. Предложенная им формула – «для общественного воспитания необходимы законы, а для хорошего – необходимы хорошие законы»⁴ – обеспечивает органич-

¹ См.: Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3, ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса ; пер. с др.-греч. СПб., 2007. С. 381.

² Там же С. 384.

³ Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / пер. с др.-греч. ; под общ. ред. А. И. Доватура. М., 1983. С. 628.

⁴ Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин, 2020. С. 216.

ную связь правотворчества с определенного рода «наставническим» воздействием на население, в том числе на молодежь.

В общих контурах фокус на качественном воспитании молодых граждан стал звеном, гарантирующим результативную работу государственного аппарата в Античности. Иерархически построенная система управления делами государства предполагала значительный вклад в образование молодежи – наиболее отличившиеся могли претендовать на замещение ключевых позиций.

Хотя политико-правовая мысль того времени демонстрировала своеобразный тренд на культивирование в молодом поколении духовных ценностей и рациональных способностей, позволяющих в дальнейшем принести пользу государству, она не предложила действенных механизмов участия молодых граждан в политических процессах.

Несмотря на зафиксированное исследователями осознание актуальности молодежного вопроса, античное общество все же не смогло выработать какой-либо инструментарий для легального представления молодежью собственных интересов наравне с официальными органами, а предлагало лишь наделение властным функционалом граждан в уже зрелом возрасте при условии положительных промежуточных итогов их жизненного пути.

В силу ряда факторов последующая средневековая эпоха также не стала эффективным примером ассимиляции молодежи и государственных компонентов. Религиозные догматы транслировали следование божественным законам и заявленным добродетелям, на чем строилась культура всего социума, античное наследие стремительно перерабатывалось под нужды новой мировоззренческой парадигмы, церковь планомерно деконструировала историю, переводя ее в теологическую плоскость, а автономность молодежи в административной сфере не входила в перечень «перспективных» вопросов.

Относительная интенсификация молодежного участия в реализации государственной политики произошла лишь на стыке Средневековья и Нового времени, когда возникли первые идеи о гражданском обществе. Гражданское общество как уникальная концепция выступила одновременно стимулом и гарантом для формирования множества представительных институтов. Появление теоретических базисов создания си-

стемы инициативных и независимых от государства структур, направленных на демонстрацию и защиту коллективных интересов, способствовало в дальнейшем и консолидации молодежного сообщества вокруг «вакантной ниши» в управленческой конъюнктуре.

Философская доктрина в целом поддерживала стремления молодых граждан к интеграции в государственную архитектуру. Так, Гуго Гроций в контексте участия молодежи в жизни государства отмечал: «Что же поделывать, если до сих пор не найдена столь демократическая республика, где хотя бы некоторые неимущие или чужеземцы, а также женщины и юноши не были исключены из участия в обсуждении и решении государственных дел?»⁵.

Подобный подход транслировал скептическое отношение Гроция к государственному строю, в котором игнорируется мнение молодежи как одной из ключевых социальных групп, что можно расценивать в качестве признания необходимости вовлечения молодых граждан в управление делами государства.

В свою очередь, рассуждая о поколенческих аспектах, Фрэнсис Бэкон писал о важности баланса между двумя кластерами: «Это будет хорошо как для настоящего, ибо достоинства каждого возраста могут исправить недостатки другого, так и для будущего, ибо молодые могут учиться, пока еще работают пожилые люди; и наконец, такое сочетание было бы хорошо для внешних связей, ибо старики пользуются авторитетом, а молодежь – любовью и популярностью»⁶.

Обозначенный подход отличался оптимальностью не только в решении каких-либо повседневных задач, но и выступал эффективным инструментом в вопросах государственной политики. В идеальном представлении Бэкона модель взаимодействия молодежи и старшего поколения позволяла достигнуть максимальных результатов в любой их сфер, акцентируя внимание на плюсах каждой группы и нивелируя взаимные недостатки. При этом, несмотря на перспективность идеи гражданского общества и определенный «модернизм», присущий мыслителям Нового времени, тезис о важности привлечения молодежной страты в государственный сегмент прослеживался в научных трудах лишь

⁵ О праве войны и мира : репринт с изд. 1956 г. М., 1994. С. 129.

⁶ Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. : [перевод]. М., 1972. Т. 2. С. 449.

в «сквозном» режиме. С формальной точки зрения не было предложено реальных механизмов молодежного участия в управленческих процессах, и концепция молодежного парламентаризма фактически оставалась на том же уровне развития, что и в античный период.

Закономерным итогом подобной антидинамики можно признать обусловленность молодежного парламентаризма конкретными историческими, социальными и правовыми предпосылками. Положения о целесообразности интеграции молодежного сообщества в политическую конъюнктуру, декларируемые в доктрине, для успешного воплощения в жизнь должны были суммироваться с рядом объективных факторов.

Как следствие, трансформация молодежного парламентаризма из абстрактной идеи в политико-правовых трудах в реальный феномен произошла уже в Новейшее время, когда и государство, и молодежь и были готовы к встречному движению. От первого в данном случае требовалось наличие юридической возможности внедрения молодых людей и их объединений в собственные алгоритмы. Очевидно, что такого рода преференция была доступна при условии корреспондирующего государственного строя.

Разделение властей, стабильно функционирующая система сдержек и противовесов, задатки правового государства и гражданского общества – минимальные атрибуты, позволяющие вовлечь молодежное сообщество в политико-управленческую плоскость на постоянной основе. Именно данные правовые универсалии несут в себе гарантии системного формирования молодежных корпусов при официальных структурах. Молодежь же в этом шаблоне – не просто пользователь, а непосредственный инициатор, стремящийся к активному выражению персональной позиции в диалоге с государством.

Ретроспективный анализ показывает, что примерно к середине XIX столетия заинтересованность молодых граждан в трансляции личных взглядов на обстановку в стране и мире достигла кульминации. Как правило, ведущую позицию в рядах молодежи занимало студенчество, которое ярко (иногда радикально) демонстрировало свои настроения, в том числе в условиях общественной турбулентности, со временем трансформируясь в довольно существенного актора на публичной арене.

Факт причастности студенческой молодежи к различным реконструкциям государственных категорий отчетливо подтверждает отечественный опыт – студенческие волнения 1860-х гг., последующее «принятие» ими различных политических идей – как марксистских, так и консерваторских, а также весомая роль в революционных процессах.

Вместе с тем в научной доктрине даже на данном этапе молодежная проблематика и непосредственное влияние молодежи на политическую ситуацию описывались фрагментарно⁷ и трактовались по-разному.

Бывший идеолог «Народной воли» Л. А. Тихомиров, относя молодежную тематику к «вопросам о будущем страны», все же отмечал, что «молодежь не может вынести на своих плечах судьбы страны. Как бы ни была она высоко настроена, у нее все-таки нет ни достаточной подготовки, ни средств действия»⁸. Он указывал на высокую вероятность допущения молодежным сообществом ошибок в определении сути вещей и выхода из сложных ситуаций, что предопределяло отсутствие по-настоящему инициативной роли у учащейся молодежи⁹.

Оценивая значение молодежи в революции, Л. А. Тихомиров утверждал, что она «на вид такая громкая и решающая, в действительности была прежде всего лишь ролью орудия, подстрекаемого старшими поколениями»¹⁰.

В. И. Ленин, наоборот, на молодежь возлагал критически важную задачу создания коммунистического общества¹¹, приводя ее социальные характеристики в соответствие с целями и идеалами коммунистической партии. В письме А. А. Богданову и С. И. Гусеву он писал: «Нужны молодые силы. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее. Время военное. Молодежь решит исход всей

⁷ См.: Елишев С. О. Молодежная проблематика и подходы к определению понятия «молодежь» в социологии // Вестник Моск. ун-та. Серия 18: Социология и политология. 2017. № 3. С. 200–223.

⁸ Тихомиров Л. А. К вопросу об общественной деятельности учащейся молодежи // Тихомиров Л. А. Апология Веры и Монархии. М., 1999. С. 225.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1981. С. 298.

борьбы, и студенческая, и еще больше рабочая молодежь»¹².

Подобные параллели, безусловно, проводились в контексте различия взглядов мыслителей на перспективные векторы государственности. Тем не менее, убедительно заявив о себе, молодежь буквально подтолкнула государство к согласительному подходу, признанию особой «ресурсности» молодежного сообщества и поиску способов сотрудничества и плодотворного взаимодействия с ним.

В то же время «революционный сценарий» был не единственно верным способом конструирования в обществе благоприятных для формирования молодежного парламентаризма условий. Резонанс общественных отношений, вызываемый в процессе реформирования общественного порядка, стимулировал молодежь к более активному выражению собственных взглядов, но он не позиционируется нами как исключительный фактор развития анализируемого феномена, а лишь демонстрирует вариативность концепции молодежного парламентаризма.

Решительные действия молодежи в одних странах сочетались с более дипломатичными методами в других, определяя национальные самобытные особенности молодежных совещательных структур.

Хронологически зарождение молодежного парламентаризма в практическом смысле связывают именно с началом XX в. и планомерным созданием в Соединенных Штатах Америки Международной молодежной палаты (JCI)¹³.

Исторический фон свидетельствует о том, что в противовес отечественному опыту западная молодежь стремилась к созданию автономной «внепартийной» ячейки, так или иначе поддерживаемой государством и связанной с ним. Подобный формат обусловлен конкретными фактическими обстоятельствами – отсутствием резко конфликтующих сторон и довольно ста-

бильным государственным устройством.

Затронувшие Америку в рамках Гражданской войны 1861–1865 гг. социальные перипетии уже успели стабилизироваться, и само общество находилось в состоянии относительного покоя. Молодежь, афишируя свои интересы, в данном случае не была орудием в политической борьбе, а представляла саморегулируемую и независимую единицу, требующую определенной протекции.

Полагаем, что именно самостоятельность и неподконтрольность какой-либо политической группировке стали своеобразными рычагами в формировании функциональной составляющей молодежного парламентаризма – молодежь транслировала свои интересы и потребности вне контекста идеологического или партийного противостояния и стремилась к созданию собственных модулей, одновременно поддерживаемых официальными органами, но лишенных чрезмерного стороннего влияния.

Позволим себе усомниться в том, что деятельность Международной молодежной палаты – исходный код молодежного парламентаризма. Признавая высокую роль названной структуры в развитии исследуемой категории, мы можем говорить о том, что она стала только прообразом молодежных совещательных компонентов.

Позиционируя себя как платформу для представления молодежью своих интересов, международная молодежная палата (JCI) и ее национальные отделения *de facto* не имели юридически закреплённой связи с каким-нибудь публичным органом.

Для молодежного парламентаризма принципиально важной характеристикой, на наш взгляд, является тесный, гарантируемый с помощью различных правовых средств и методов контакт с органами государства. Молодежные парламенты – это своего рода «трибуна» для молодых граждан, интегрированная в государственный механизм.

Подчеркнем исключительное значение дуальности в отношениях государственных органов и молодежного сообщества. Легально утвержденные паритетные начала в их взаимодействиях, компромиссы и корреспондирующие друг другу права и обязанности – обязательный фундамент для строительства молодежного парламентаризма.

Таким образом, о появлении молодежного парламентаризма в «реализационном» аспекте

¹² Ленин В. И. Письмо А. А. Богданову и С. И. Гусеву // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Изд. 5-е. Т. 9. М., 1967. С. 247.

¹³ См.: Фурсов О. Б. Молодежный парламентаризм в современной России (социологический анализ) : специальность 22.00.08 «Социология управления» : дис. ... канд. социол. наук. Самара, 2006. С. 37 ; Пастухова Л. С. Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы» : дис. ... канд. политол. наук. М., 2007. С. 39.

можно говорить лишь применительно ко второй половине XX столетия, когда при министерствах, законодательных структурах и т. д. начали возникать молодежные корпуса – например, Федеральный круг молодежи, созданный в 1949 г. в ФРГ, или аналогичная структура в Австрии, утвержденная в 1953 г.¹⁴

Резюмируя, отметим, что тезис о значимости вовлечения молодежи в государственные процессы культивировался на протяжении всей истории человечества. Осознание необходимости вовлечения молодых граждан в политическую среду, исторические события, требующие реакции на происходящие трансформационные процессы, постепенно формировали формулу «молодежь – государство – будущее».

Вместе с тем оформление молодежного парламентаризма в организационном аспекте требовало не только научного подтверждения и общественно-политических событий, подталкивающих молодежь к выражению собственных интересов, но и встречных шагов со стороны государства, которое также должно было пережить определенные метаморфозы – в частности, предоставить молодежному сообществу легальные возможности и площадки для демонстрации взглядов и мнений, гарантии учета озвученных позиций.

Кульминацией направленного друг к другу движения молодежи и государства в итоге стало нормативно-правовое закрепление конкретных молодежных парламентских структур, что и положило начало развитию молодежного парламентаризма.

Библиографический список

Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / пер. с др.-греч. ; общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. 830 с.

Аристотель. Никомахова этика. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. 222 с.

Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. : [перевод]. М. : Мысль, 1972. Т. 2. 581 с.

Елишев С. О. Молодежная проблематика и подходы к определению понятия «молодежь» в социологии // Вестник Моск. ун-та. Серия 18: Социология и политология. 2017. № 3. С. 200–223.

Зарубежные молодежные организации : справочник / сост.: М. О. Литовская, Ф. М. Мухаметшин. М. : Мол. гвардия, 1985. 430 с.

¹⁴ См.: Зарубежные молодежные организации : справочник / сост. : М. О. Литовская, Ф. М. Мухаметшин. М., 1985. С. 134.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1981. 543 с.

Ленин В. И. Письмо А. А. Богданову и С. И. Гусеву // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Изд. 5-е. Т. 9. М., 1967. 579 с.

О праве войны и мира : репринт с изд. 1956 г. М. : Ладомир, 1994. 868 с.

Пастухова Л. С. Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы» : дис. ... канд. политол. наук. М., 2007. 216 с.

Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3, ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса ; пер. с др.-греч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та ; Изд-во Олега Абышко, 2007. 752 с.

Тихомиров Л. А. К вопросу об общественной деятельности учащейся молодежи // Тихомиров Л. А. Апология Веры и Монархии. М., 1999. 474 с.

Фурсов О. Б. Молодежный парламентаризм в современной России (социологический анализ) : специальность 22.00.08 «Социология управления» : дис. ... канд. социол. наук. Самара, 2006. 244 с.

References

Aristotle. Works : in 4 volumes. Vol. 4 / trans. from ancient Greek; general ed. A.I. Dovatura. Moscow : Mysl, 1983. 830 p.

Aristotle. Nicomachean ethics. Moscow ; Berlin : Direct Media, 2020. 222 p.

Bacon F. Essays : in 2 vols. : translation. Moscow : Mysl, 1972. Vol. 2. 581 p.

Elishev S. O. Youth problematic and approaches to the definition of «youth» in sociology // Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. 2017. No. 3. P. 200–223.

Foreign youth organizations : handbook / comp.: M. O. Litovskaya, F. M. Mukhametshin. Moscow : Mol. guardia, 1985. 430 p.

Lenin V. I. Tasks of youth unions (speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth Union on October 2, 1920) // Lenin V. I. Complete Collection of Soch. Vol. 41. Moscow, 1981. 543 p.

Lenin V. I. Letter to A.A. Bogdanov and S. I. Gusev // Lenin V. I. Complete Collection of works : in 55 vol. Ed. 5. Vol. 9. Moscow, 1967. – 579 p.

On the law of war and peace : Reprint ed. 1956. Moscow : Ladomir, 1994. 868 p.

Pastukhova L. S. Youth parliamentarism as a factor in the development of civil society : specialty 23.00.02 Political institutions, ethno-political conflictology, national and political processes : cand. political scie. diss. Moscow, 2007. 216 p

Platon. Works in four volumes. Vol. 3 Part 1 / Under the general editorship of A. F. Losev and V. F. Asmus ; translated from Ancient Greek. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg University ; Publishing House of Oleg Abyshko, 2007. 752 p.

Tikhomirov L. A. On the issue of social activity of students // Tikhomirov L. A. Apology of Faith and Monarchy. Collection. Moscow, 1999. 474 p.

Fursov O. B. Youth parliamentarism in modern Russia (sociological analysis) : specialty 22.00.08 Sociology of management : cand. sociological. sci. diss. Samara, 2006. 244 p.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Хмелевская И. Г., ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического института

E-mail: Khmelevskaya@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию: 02.07.2024

Для цитирования:

Хмелевская И. Г. Молодежный парламентаризм: от идеи к устойчивой нормативно-правовой модели // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 33–39. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/33-39>

Belgorod National Research University

Khmelevskaya I. G., Assistant of the Theory and History of State and Law of the Law Institute Department

E-mail: Khmelevskaya@bsu.edu.ru

Received: 02.07.2024

For citation:

Khmelevskaya I. G. Youth parliamentarism: from an idea to a sustainable regulatory model // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 33–39. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/33-39>

ЦИФРОВИЗАЦИЯ. ЦИФРОВОЕ ПРАВО. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

УДК 34:004

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/40-46>

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ФОКУСЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

А. Б. Алексеева

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко

EVOLUTION OF LAW ENFORCEMENT IN THE FOCUS OF DIGITALIZATION OF LAW

A. B. Alekseeva

Transdnestrian State University named after T. G. Shevchenko

Аннотация: рассматриваются правовые аспекты воздействия и влияния цифровых технологий на процесс правоприменения, анализируются преимущества и риски, связанные с алгоритмизацией судопроизводства, использованием роботов при отправлении правосудия, наделением искусственного интеллекта элементами правосубъектности. Сформулирован вывод о положительном влиянии цифровых технологий на качество правосудия, связанное исключительно с его технической частью.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое право, электронное правосудие, алгоритмизация, робот-судья.

Abstract: the article considers legal aspects of the impact and influence of digital technologies on the process of law enforcement. The article analyzes the advantages and risks associated with the algorithmization of legal proceedings, the use of robots in the administration of justice, giving artificial intelligence elements of legal personality. The conclusion about the positive influence of digital technologies on the quality of justice related to its technical part is formulated.

Key words: digitalization, digital law, e-justice, algorithmicization, robot-judge.

Понятие «цифровизация» прочно вошло в обиход современного человека и означает внедрение современных технологий в различные сферы общественной жизни. О формировании отрасли цифрового права как отрасли права нового поколения в настоящее время говорят многие ученые-правоведы. Так, П. Хлебников предлагает рассматривать цифровое право как систему общеобязательных, формально-определенных, гарантированных государством правил поведения, складывающуюся в области применения или с помощью применения цифровых технологий, в том числе посредством специального программного обеспечения¹. По мнению

И. А. Умновой-Конюховой, цифровое право – это дочернее структурное подразделение более объемной по институционализации отрасли права нового поколения – информационного права².

В научной литературе справедливо отмечается, что развитие цифрового права значительно отстает от развития информационных технологий. Нормативные правовые акты в своем большинстве принимаются «вдогонку», при этом многие из них – лишь точечные и ситуационные меры, которые будут еще неоднократно уточняться и приспособляться к реальности³.

¹ См.: Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. 2017. № 9. С. 93–94.

© Алексеева А. Б., 2024

² См.: Умнова (Конюхова) И. А. // Конституционное право и международное публичное право : теория и практика взаимодействия. М., 2016. С. 71–90.

³ См.: Талапина Э. В. Государственный суверенитет в информационном пространстве : новые задачи права // Государство и право. 2018. № 5. С. 60–67.

Проникновение искусственного интеллекта в правовую систему оказывает существенное влияние на ее развитие и трансформацию. Сравнительный анализ различных точек зрения на трансформацию права в условиях цифровой трансформации позволяет установить некоторые закономерности: возникают новые объекты правового регулирования; формируются дескриптивные понятия как база новых правовых институтов; трансформируются источники права; появляются «цифровые права» нового поколения, новые объекты правового регулирования и правовые регуляторы (программные коды, операционные системы и т. д.); существенно изменяются квалификационные требования к юридическим кадрам.

В условиях цифровизации всех сфер общественной жизни В. Д. Зорькин видит несколько вариантов развития права: 1) право трансформируется в иной социальный регулятор, допуская появление программного кода или некой гибридной формы; 2) право сохранит свои субстанциональные признаки и будет мирно сосуществовать с программным кодом; 3) появится новая нормативная система, которая займет свое место в системе социальных норм наряду с правом, моралью, религией⁴.

Цифровые технологии способны значительно облегчить процесс правоприменения. Появляются новые виды доказательств, способы их фиксации, цифровая электронная подпись. Так, с целью обеспечения доказательств в судебных инстанциях появилось нотариальное действие, связанное с фиксацией содержания того или иного сайта. При этом такой нотариально заверенный документ принимается судами в качестве доказательства. В настоящее время роботы занимаются составлением юридически значимых текстов. С 29 декабря 2020 г. у нотариусов появилось право принимать на хранение документы в электронной форме, в том числе и авторские произведения. Теперь любой гражданин, опасаясь утери документов, может сдать на хранение нотариусу фотографии, видеофайлы и т. п. Сведения об открытии наследственного дела возможно получить через сеть «Интернет».

Специалистами в области программирования компании ПАО «СберБанк» был разрабо-

⁴ См.: Зорькин В. Д. Право в цифровом мире : мышления на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газета. 2018. 18 мая. № 115.

тан и успешно интегрирован в систему робот-юрист, анализирующий информацию, поступающую в правовой департамент. На основании заложенной в него правовой базы робот извлекает из документов необходимую информацию и формирует юридические заключения. Только за 8 месяцев робот-юрист успешно сформировал свыше 2,5 миллионов заключений. Компанией «Мегафон» разработан сервис «Цифровой юрист», в основе функционирования которого заложены нейронные сети и функция распознавания символов. Благодаря данному сервису появилась возможность работы с различными программами, например «Судебной платформой», самостоятельно формирующей типовые ответы юридического характера на нормативные документы государственных органов. Таким образом, правовая алгоритмизация превратилась в реальность⁵. Развитие технологий и проникновение искусственного интеллекта в правовую систему требует создания эффективного механизма правового регулирования. В связи с этим одной из самых актуальных задач современной юридической науки является научное осмысление тенденций, связанных с применением цифровых технологий в правоприменении в целом и судопроизводстве в частности.

Новой правовой реальностью является электронное правосудие. На страницах различных юридических изданий развернулась полемика относительно возможности интегрирования цифровой среды в традиционную систему правосудия. Так, российская научная электронная библиотека Elibrary по запросу «электронное правосудие» за период нескольких лет выдает более тысячи публикаций, что свидетельствует об актуальности данной проблемы.

Под электронным правосудием (e-justice) традиционно понимается способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационно-коммуникационных технологий⁶. Новый тип судебной организации базируется на электронном документообороте, разрешении правовых конфликтов в системе видео-конференц-связи, электронной цифровой подписи, дистанционной форме взаимодействия с лицами, участвующими в деле, дис-

⁵ Федеральные новости. URL: <https://corp.megafon.ru/press/news/> (дата обращения: 06.10.2023).

⁶ См.: Дрянцева О. Л., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России : проблемы и пути решения // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 97.

танционном доступе к суду и т. п. Электронное правосудие имеет ряд преимуществ, к числу которых можно отнести своевременный доступ к информации о деятельности судов; сокращение сроков подготовки судебных документов; увеличение скорости рассмотрения обращений; повышение эффективности использования трудовых и материальных ресурсов; обеспечение оперативного взаимодействия судов для обмена информацией⁷. Безусловно, информатизация судебной системы ведет к повышению уровня доступности и оперативности правосудия.

В настоящее время в экспертной среде обсуждается вопрос о возможности искусственного интеллекта полностью заменить судью: проанализировать фактические обстоятельства дела, квалифицировать правоотношения и вынести мотивированное решение.

Результатом внедрения соответствующих технологий может стать «предсказанное правосудие» – появление информационно-аналитических систем (программ), способных просчитать исход наиболее типичных судебных дел, в том числе определить оптимальный способ защиты, подобрать наиболее подходящие аргументы, оценить размер возможной компенсации⁸.

В процессе цифровизации правоприменительной деятельности ряда стран появился феномен роботов-судей. Так, Верховный суд Китайской Народной Республики опубликовал «Мнения о регулировании и усилении применения искусственного интеллекта в судебной сфере». Согласно данному документу к 2025 г. в Китае появится система искусственного интеллекта для поддержки судебной системы, а к 2030 г. будет создана более эффективная прикладная и теоретическая система для использования искусственного интеллекта в судебном секторе⁹. В Российской Федерации в качестве основы цифрового правосудия разработан суперсервис «Правосудие онлайн», его запуск планируется в конце 2024 г. Возможности ма-

шинного обучения для отправления правосудия, основная цель которого будет заключаться в обработке судебной статистики для составления прогноза затрат человеческих и финансовых ресурсов, изучает Латвия. В Соединенных Штатах уже работают «юристы-роботы», разговаривающие с людьми на простом языке. Третьего декабря 2018 г. Европейской комиссией по эффективности правосудия принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Указанный документ зарекомендовал себя в научной среде в качестве методологического ориентира пределов внедрения искусственного интеллекта в деятельность судов.

Цифровое правосудие не ограничивается использованием IT-технологий для повышения качества технической стороны судопроизводства. Оно предполагает изменение содержательной составляющей судебного процесса в части делегирования искусственному интеллекту права принимать решения. Иными словами, электронное правосудие в широком смысле предполагает алгоритмизацию правоприменения, т. е. моделируется ситуация, при которой искусственный интеллект, анализируя большой объем судебных решений, выдает предполагаемый результат относительно исхода конкретного дела. Совокупность таких решений, вынесенных на основе индуктивного анализа, составляет основу «предсказательного» или «шаблонного» правосудия.

Исследователи проблемы электронного правосудия считают возможным его применение к так называемым «шаблонным» делам, к числу которых относятся неисполнение финансовых обязательств по уплате обязательных платежей, приказное производство, нарушение правил дорожного движения с использованием видеофиксации и т. д. По некоторым категориям дел, связанным с использованием алгоритма, применение «шаблонного» правосудия оправдано (например, по делам о взыскании алиментов, взыскании недоимки по налогам и т. д.). В перечисленных случаях цифры способствуют снижению предвзятости и повышению открытости судебной системы, положительно влияют на качество правосудия, связанное с его технической частью.

В случаях, когда юридический казус уникален, человеческий фактор играет реша-

⁷ См.: Рогожина С. Г., Щербинина Н. С. Электронное правосудие: сравнительно-правовой анализ // Журнал юридических исследований. 2020. Т. 5, № 3. С. 47.

⁸ См.: Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex russica (Русский закон). 2019. № 11. С. 80–81.

⁹ Помощь ИИ для повышения эффективности судебного сектора // Китайская газета. 2022. 12 дек. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202212/12/WS6396843da31057c47eba3e3c.html> (дата обращения: 02.10.2023).

ющую роль для правильного разрешения дела. Процессуальное законодательство содержит ряд норм, прямо предусматривающих рассмотрение конкретных дел на основании индивидуального судебного регулирования – судебного усмотрения. Так, в силу п. 1 ст. 51 Арбитражного процессуального кодекса Приднестровской Молдавской Республики (далее – ПМР) Арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств¹⁰.

Внутреннее убеждение значительно сложнее применения алгоритма. Как справедливо утверждает К. А. Амирянц, невозможно «объяснить» машине, почему в зависимости от конкретных обстоятельств одни и те же доказательства в одном деле отвергаются, а в другом кладутся в основу решения¹¹. Ценность судебного усмотрения состоит в возможности учесть все нюансы юридического дела и применимые к нему доказательства. Правоприменение не всегда может осуществляться в форме алгоритма.

В силу ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Приднестровской Молдавской Республики (далее – ГПК ПМР) суд обязан разрешать гражданские дела на основании Конституции ПМР, международных договоров ПМР, конституционных законов, законов, нормативных правовых актов Президента ПМР и Верховного Совета ПМР и иных подзаконных нормативных правовых актов. Приведенная норма коррелируется с официальной доктриной источников континентального права, признающей в качестве таковых нормативные правовые акты. Место и роль источников цифрового права (стратегий, платформ, программных документов и т. п.) до настоящего времени не определе-

но, в связи с чем их использование в качестве нормативной основы построения правоприменительных актов без проведения кодификации законодательства неправомерно.

Еще одной спецификой и проблемой цифрового правосудия и цифрового права в целом является определение правового статуса его субъектов. В частности, «робот-личность» рассматривается некоторыми учеными в качестве субъекта правоприменения, что порождает определенные теоретические и практические вопросы. Согласно действующему процессуальному законодательству персональную ответственность за законность и обоснованность принятого решения несет судья. Новый виртуальный «субъект права» не может быть юридически идентифицирован, следовательно, не может нести юридическую ответственность. Отсутствие правосубъектности искусственного интеллекта автоматически исключает установление любых правовых связей между ним и государством. При таких обстоятельствах государство не может гарантировать человеку защиту его прав и свобод, а также привлечь робота-судью к правовой ответственности в силу отсутствия у него деликтоспособности.

В настоящее время пределы «правоспособности» искусственного интеллекта большинством юрисдикций ограничиваются. Например, Бюро по авторским правам США выработало правовую позицию, согласно которой законодательная защита оригинальных авторских произведений ограничивается произведениями, «созданными человеком». Бюро по авторским правам не регистрирует произведения, созданные машиной или любым механизмом, который работает автоматически без какого-либо творческого вклада или вмешательства со стороны человека-автора¹². В связи с этим представляется спорной позиция ученых-правоведов, предлагающих расширить правоспособность робота до «объекта с особым правовым положением» путем надления искусственного интеллекта вещными и обязательственными правами¹³.

¹² См.: Крысанова Н. В. Правосубъектность искусственного интеллекта : дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях // Материалы международной научно-практической конференции «Право, цифровые технологии и искусственный интеллект». М., 2021. URL: [http://inion.ru/site/assets/files/6476/2021_ss_pravo_tcifrovye_tekhnologii.pdf/](http://inion.ru/site/assets/files/6476/2021_ss_pravo_tcifrovye_tekhnologii.pdf) (дата обращения: 07.10.2023).

¹³ См.: Каплиев А. С. Критика национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до

¹⁰ Арбитражный процессуальный кодекс ПМР, введенный в действие Законом Приднестровской Молдавской Республики от 19 февраля 1998 г. // Сборник законодательства Приднестровской Молдавской Республики. № 84-З.

¹¹ См.: Амирянц К. А., Чемеринский, К. В. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-3. С. 50–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennoy-sudebnoy-sisteme-i-prava-cheloveka/> (дата обращения: 01.10.2023).

Правоприменительная деятельность требует морального выбора, к которому искусственный интеллект не приспособлен в принципе. Например, принятие решения по отдельным категориям уголовных дел, для разрешения которых применение робота недопустимо. При вынесении решения судья руководствуется не только законом, но и высокими стандартами нравственности, внутренним убеждением, основанным на высоком профессионализме.

Законодательство ПМР содержит большое количество норм с прямым указанием на применение усмотрения. Обнаружив отсутствие нормы, подлежащей применению в том или ином случае, суд использует свои дискреционные полномочия. Примером процессуального судебного усмотрения являются нормы, регулирующие процесс доказывания (например, право суда предложить представить дополнительные доказательства, право истребовать необходимые доказательства по своей инициативе и т. д.). Целью реализации дискреционных норм является справедливое судебное разбирательство. Машина, какой бы совершенной она ни была, «лишена гибкого, глубокого и точного человеческого мышления, еще более зависима от предустановок, чем человек зависим от предрассудков»¹⁴.

Ввиду зависимости решения искусственного интеллекта от встроеного в него алгоритма представляется сомнительной возможность участия робота-судьи в кассационной инстанции. Так, в силу ст. 377 ГПК ПМР основанием для отмены или изменения решения суда в кассационном порядке является нарушение или неправильное применение норм материального или процессуального права. При этом правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено исключительно по формальным соображениям, т. е., исходя из смысла приведенной нормы, основанием для отмены судебного решения может быть только существенное нарушение, повлиявшее на исход дела. Критерий «существенности» в немалой степени определяется судебным усмотрением,

2030 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 52.

¹⁴ Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481.

тогда как искусственный интеллект решает любую задачу с помощью алгоритма. Анализируя дело в кассационной инстанции, машина зафиксировывает все (не только существенные) правоприменительные ошибки и делает вывод о необходимости отмены судебного акта. Поэтому говорить о замене судьи искусственным интеллектом логически представляется как минимум преждевременным. Считаем обоснованной точку зрения А. И. Овчинникова, полагающего, что цифровизация и алгоритмизация правоприменительной деятельности приведут не только к исчезновению справедливости и правосудия в праве, но и обилию ошибочных правоприменительных решений¹⁵.

В силу ст. 80 Конституции ПМР правосудие в Приднестровской Молдавской Республике осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется судами посредством конституционного, гражданского, административного, уголовного и арбитражного судопроизводства. Создание чрезвычайных судов не допускается¹⁶. Внедрение искусственного интеллекта в судебный процесс, появление нового субъекта правоприменения вызывает справедливые опасения относительно устойчивости судебной системы и основ судопроизводства в целом.

Полагаем, что замена правоприменителя-человека на искусственный интеллект в настоящее время возможна в пределах совершения исключительно типовых рутинных процедур. Революционные преобразования судебной системы и прогнозирование связанных с ними рисков требуют проведения фундаментальных научных исследований, практического тестирования и создания новой модели правовой регуляции.

Библиографический список

Амиянц К. А., Чемеринский К. В. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-3. С. 50–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennoy-sudebnoy-sisteme-i-prava-cheloveka/>

¹⁵ См.: Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 258.

¹⁶ Конституция Приднестровской Молдавской Республики : принята на Всенародном референдуме 24 декабря 1995 г. Приднестровье. 2011. 5 июля. № 135.

Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex russica (Русский закон). 2019. № 11. С. 80–81.

Дрянцева О. Л., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 97.

Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газета. 2018. 18 мая. № 115.

Каплиев А. С. Критика национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 52.

Крысанова Н. В. Правосубъектность искусственного интеллекта: дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях // Материалы международной научно-практической конференции «Право, цифровые технологии и искусственный интеллект». М., 2021. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6476/2021_ss_pravo_tcifrovye_tekhnologii.pdf

Мельничук М. А., Ченцова Д. В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. № 6. С. 67.

Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 258.

Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481.

Рогожина С. Г., Щербинина Н. С. Электронное правосудие: сравнительно-правовой анализ // Журнал юридических исследований. 2020. Т. 5, № 3. 2020. С. 47.

Талапина Э. В. Государственный суверенитет в информационном пространстве: новые задачи права // Государство и право. 2018. № 5. С. 60–67.

Умнова (Конюхова) И. А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М., 2016. С. 71–90.

Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. 2017. № 9. С. 93–94.

References

Amiyants K. A., Chemerinsky, K. V. Use of Artificial Intelligence in the Modern Judicial System and Human Rights insky // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2019. No. 11-3. P. 50–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennoy-sudebnoy-sisteme-i-prava-cheloveka/>

Biryukov P. N. Artificial intelligence and "predicted justice": foreign experience // Lex russica (Russian law). 2019. No. 11. P. 80–81.

Dryantseva O. L., Soldatkina O. L. Electronic justice in Russia: problems and solutions // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2019. No. 12. P. 97.

Zorkin V. D. Law in the digital world: reflections on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum // Ros. newspaper. 2018. May 18. No. 115.

Kapliyev A. S. Critique of the national strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030 // Law and state: theory and practice. 2020. No. 2 (182). P. 52.

Krysanova N. V. Legal capacity of artificial intelligence: discussions in domestic and foreign studies // Proceedings of the international scientific and practical conference "Law, digital technologies and artificial intelligence". Moscow, 2021. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6476/2021_ss_pravo_tcifrovye_tekhnologii.pdf

Melnichuk M. A., Chentsova D. V. Civil liability of artificial intelligence // Law and Right. 2020. No. 6. P. 67.

Ovchinnikov A. I. Risks in the processes of digitalization of law // Legal technique. 2019. No. 13. P. 258.

Ovchinnikov A. I., Khakimov I. A. Law enforcement, artificial intelligence and the contextual meaning of the principles of law // Legal technology. 2020. no. 14. P. 481.

Rogozhina S. G., Shcherbinina N. S. Electronic justice: comparative legal analysis // Journal of legal studies. 2020. Vol. 5, no. 3. P. 47.

Talapina E. V. State sovereignty in the information space: new tasks of law // State and law. 2018. No. 5. P. 60–67.

Umnova (Konyukhova) I. A. Constitutional law and international public law: theory and practice of interaction. Moscow, 2016. P. 71–90.

Khlebnikov P. Digitalization of law as a consequence of digitalization of life // Housing law. 2017. No. 9. P. 93–94.

А. Б. Алексеева

Эволюция правоприменения в фокусе цифровизации права

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко

Алексеева А. Б., кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и теории государства и права, заслуженный юрист Приднестровской Молдавской Республики, член национальной ассоциации административистов Российской Федерации

E-mail: Allapolina@mail.ru

Поступила в редакцию: 06.12.2023

Для цитирования:

Алексеева А. Б. Эволюция правоприменения в фокусе цифровизации права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 40–46. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/40-46>

Transnistrian State University named after T. G. Shevchenko

Alekseeva A. B., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the International Law and Theory of State and Law Department, Honored Lawyer of the PMR, member of the National Association of Administrators of the Russian Federation

E-mail: Allapolina@mail.ru

Received: 06.12.2023

For citation:

Alekseeva A. B. Evolution of law enforcement in the focus of digitalization of law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 40–46. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/40-46>

ФЕНОМЕН ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. С. Кованов

*Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*

PHENOMENON OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

E. S. Kovanov

*Vladimir State University named after
Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletovs*

Аннотация: рассматриваются варианты приложения технологий искусственного интеллекта к российской правоохранительной системе. Упомянуты актуальные эксплуатационные трудности и способы контактирования с ними. Затрагиваются релевантные статистические данные преступности в сфере использования информационных технологий. Приводятся аргументированные критические замечания применительно к существующим в правовых исследованиях и нормировании подходам. В заключительной части представлено определение категории «искусственный интеллект» в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государство, право, цифровизация, правовой феномен, правоохранительная система, инновации в праве, Российская Федерация.

Abstract: the article discusses options for applying artificial intelligence technologies to the Russian law enforcement system. Current operational difficulties and ways of contacting them are mentioned. Relevant statistics of crime in the sphere of information technology use are touched upon. Argued critical remarks are given in relation to the existing approaches in legal research and standardization. The final part presents a definition of the category of artificial intelligence in law enforcement.

Key words: artificial intelligence, state, law, digitalization, legal phenomenon, law enforcement system, innovations in law, Russian Federation.

За последние годы заинтересованность мировой общественности в освоении рубежей цифровой реальности демонстрирует неоспоримую тенденцию роста. Например, уже в скором будущем ожидается автоматизированное удовлетворение большинства насущных человеческих потребностей. Ввиду подобных устремлений овладение многоуровневой архитектурой искусственного интеллекта (далее – ИИ), получившее стартовый импульс во втором десятилетии XXI в., остается одним из приоритетных направлений государственных курсов научно-технологического развития, в том числе и в Российской Федерации¹.

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 28 фев-

Ознаменованная широкомасштабная реализация всевозможных проектов технологической направленности не обошла стороной и правовую сферу. При этом преследуемая ориентированность на всеобщую цифровизацию не проводилась стихийно: ей предшествовали длительные подготовительные мероприятия и последовательная апробация тематических продуктов. В результате накопления достижений научно-технического прогресса было произведено обновление предъявляемых к юридическим специальностям стандартов, в дальнейшем нативно признаваемых профессиональными данностями.

Особенность современной информационной эпохи заключается в том, что каждый пользователь может убедиться в многообразии беспрецедентных возможностей, появившихся в том числе благодаря задействованию систем интеллектуальной природы². Но, несмотря на интенсификацию разработок в сфере ИИ на территории множества стран (Великобритании, Китая, Германии, Японии, США и прочих), установление момента их гармоничного закрепления в границах отдельных юрисдикций вызывает затруднения. Во многом это связано с продолжающимися дебатами по поводу согласования полученных конфигураций с приемлемыми ограничениями, диктуемыми глобальной повесткой, и собственным публично-правовым своеобразием.

Вдобавок в умах отдельных авторов ИИ видится исключительно как экзистенциальная угроза традиционной юриспруденции, претендующая на безоговорочное господство в масштабах планеты. Однако изображаемой категоричности проблематично выразить солидарность, поскольку заведомое отведение доминирующей роли не корреспондирует позиции беспристрастного наблюдателя.

Для опровержения представленного тезиса дополнительно обобщим имеющиеся сведения о текущих измерениях, в которых существует ИИ, рассмотрев альтернативы его приложения к сферам, пересекающимся с компетенцией правоохранительных органов. Нынешний ИИ способен контактировать с человеком:

– в материальном физическом пространстве (т. е. в традиционной для человеческой жизнедеятельности среде);

– киберпространстве (искусственной нематериальной реальности, образованной посредством воплощенных технических средств для взаимодействия с цифровыми сетевыми платформами и содержащимися в них информационными атрибутами³).

Далее остановимся на производных от данного вида пространства вариантах, являющих-

ся модифицированными версиями приводимой среды, а именно:

– на виртуальной реальности (Virtual reality, VR) – пространстве, симулирующем с помощью иммерсивных технологий эффект полного пребывания в воображаемой среде (например, через специализированный шлем воспроизведения виртуальной реальности);

– дополненной реальности (Augmented reality, AR) – разновидности физического присутствия, к которому поверх существующих элементов реального мира присоединяются цифровые объекты (например, наложение добавочных элементов на собственное цифровое отображение в режиме онлайн);

– смешанной реальности (Mixed reality, MR) – успешном совмещении физического и виртуального миров, выполненном с помощью специальных устройств в целях взаимодействия с иллюзорными объектами в любой момент времени с сохранением пространственных компонентов реальности (например, с помощью очков смешанной реальности Apple Vision Pro);

– на расширенной реальности (Extended reality, XR) – пространстве, в котором осуществляется сочетание физической, дополненной и виртуальной реальностей (например, в метавселенной MootUp, созданной для проведения бизнес-встреч).

В зависимости от уровня постижения ИИ в будущем предложенный перечень может быть расширен. На данный же момент в доктрине отсутствует комплексное понимание категории феномена ИИ, чьи функциональные возможности напрямую присоединены к различным видам одобренной правоохранительной активности.

Далее в настоящем исследовании под словосочетанием «правоохранительная деятельность» будет пониматься особый вид государственной деятельности по охране правовых установлений, осуществляемой специально уполномоченными субъектами (органами) посредством реализации легальных мер воздействия на происходящее внутри правовой среды в соответствии с утвержденными нормативными предписаниями и юридическими процедурами⁴.

⁴ См., например: *Тарасов А. М.* К вопросу о понятии правоохранительной деятельности и о правоохранительных органах // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2018. № 4 (44). С. 302–303; *Гулягин А. Ю.* Основы правоохранительной

² См.: *Завьялов И. А.* Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // *Вестник Моск. ун-та МВД России.* 2021. № 3. С. 229.

³ См.: *Головкин Р. Б.* Юридическая техника правового регулирования в киберпространстве // *Вестник Воронежского института ФСИИ России.* 2022. № 2. С. 183; *Осипенко А. Л.* Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности // *Научный вестник Омской академии МВД России.* 2019. № 4 (75). С. 40.

Подчеркнем, что скорейшее освоение новых пространственных категорий императивно задается амбивалентным нахождением инновационных технологий как на стороне законопослушных граждан, так и на стороне представителей их антипода, поскольку, расширяя горизонты дозволенного, параллельно изменяется наружность выделенных типов правонарушений, а вместе с ними трансформируются и классические виды отступлений от предписаний закона.

Таким образом, проведение правоохранительных мероприятий в пределах границ новообразованной цифровой реальности предполагает выработку коррелирующих с действительностью стратегий по ее усовершенствованию. Сосредоточить усилия на этом необходимо, даже если часть из общего массива информации непременно останется вне основательного контроля⁵. По-другому с соответствующими вызовами противоправного толка не справиться: чрезмерная осторожность способна привести лишь к деградации текущих правовых кондиций.

Наглядность озвученного беспокойства прослеживается в обнародованных уполномоченными органами отчетных документах. Согласно ежегодно публикуемым статистическим сборникам о состоянии преступности в России⁶, за прошедший 2023 г. было зарегистрировано немногим менее 677 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Сравнительно с 2022 г. произошло количественное возрастание аналогичных преступных деяний на 29,7 %. Также в отчете сказано об увеличении показателей раскрываемости на 21 %. Их пропорциональная доля от общего числа уголовно наказуемых деяний в сравнении с предыдущим периодом увеличилась на 8,3 % и теперь составляет 34,8 %. Другими словами, каждое третье среди выявленных преступлений прямо или косвенно связано с объектами, принадлежащими сфере технологий. Отметим, что порядка 75 % из числа действительных субъектов преступления в

названных составах по прошествии всех оперативно-розыскных и следственных процедур не подлежат прохождению через институт уголовной ответственности. В нашем понимании такие цифровые значения весьма красноречиво повествуют о степени приспособленности правоохранительных органов к сегодняшним преступным реалиям.

Бесспорно, киберпреступность – относительно новый элемент в правовой доктрине, тематические диссертационные исследования по правовым специальностям, посвященные раскрытию этого понятия, были представлены только в нынешнем тысячелетии. Но это не значит, что изложенные статистические данные не требуют обстоятельного осмысления⁷ и плодотворной работы над ошибками, поскольку, как мы можем наблюдать, демонстрируемое невмешательство в механизм применения прогрессивных информационных продуктов оказывается контрпродуктивным начинанием, определенно влекущим ухудшение фиксируемой криминальной обстановки и ослабление устоявшихся правовых порядков.

Констатируемая технологическая отсталость насущных возможностей правоохранительных органов в борьбе с передовыми практиками злоумышленников становится очевидной даже при самом поверхностном погружении в проблематику, а потому для исправления сложившейся внутри правоохранительного корпуса конъюнктуры требуются решительные действия (например, использование модернизированного противовеса). На наш взгляд, на эту роль может претендовать хорошо зарекомендовавший себя в коммерческом секторе ИИ, созидательный потенциал которого в последние годы активно исследуется.

Заранее обозначим, что данный феномен не должен восприниматься иначе, кроме как в инструментальном плане, поэтому дублирование тезиса о незаменимости человеческих существ в парадигме отношений «человек – человек» считаем нецелесообразным. Более того, в нынешнем правовом устройстве рассуждения о противоположном исходе некорректны, поскольку

деятельности органов административной юрисдикции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 17.

⁵ См.: *Воронцов С. А., Михайлов А. Г.* О проблемах, порождаемых использованием искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // *Ростовский научный журнал.* 2019. № 3. С. 191.

⁶ См.: *Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023.* URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 25.03.2024).

⁷ См.: *Бессонов А. А.* Искусственный интеллект как орудие преступлений и средство их расследования // *Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 11.*

ку они, скорее, напоминают бесперспективные заявления правоведов, изолированных от всепроникающих охватов последующих правовых потрясений.

Согласно предусмотренному назначению ИИ предлагается использовать:

- в идентификации по личностным и биологическим характеристикам участвующих или предполагаемых к участию в установленных законом процедурах субъектов; сбору, хранению и обработке информации о них;

- деанонимизации онлайн-пространства в целях предупреждения последствий делинквентного поведения;

- автоматизированном поиске и классификации релевантных для правоохранительной деятельности данных;

- прогнозировании преступных инициатив, сценариев их развития и генерировании предпочтительных решений на базе наличествующих условий;

- коммуникативных и координационных мероприятиях между участниками, статус которых нормативно регламентирован⁸.

Нельзя не отметить, что добавление ИИ позволит более детально соприкоснуться с особенностями человеческого рационального начала, тем самым усовершенствовав профилактические операции по предотвращению реализации преступного умысла. Подобная предиктивная аналитика способна стать мощнейшим катализатором в снижении оглашенных неутешительных показателей. Сохраняя научную непредвзятость, обозначим, что на данном этапе пытаться глубокомысленно полемизировать о каких-либо гарантиях, продуцируемых от лица ИИ, – несколько беспредметная затея.

Вместе с этим в некоторых научных работах встречаются перечни гипотетических полномочий ИИ, которые базируются на желаемом образе феномена, нежели на перечислении его действительного круга компетенций⁹. На наш

⁸ См.: *Завьялов И. А.* Указ. соч. С. 236 ; *Осипенко А. Л.* Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе : адаптация к условиям цифровой реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 42 ; *Степаненко Д. А., Бахтеев Д. В., Евстратова Ю. А.* Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Вестник Санкт-Петербур. военного института войск национальной гвардии. 2020. № 2 (11). С. 109.

⁹ См.: *Морозов О. Л., Корелов О. А., Маркушин А. Г.* О возможности применения искусственного интеллек-

т-взгляд, аналогичные предположения из разряда «может – не может» и «способен – не способен» должны как минимум в сущностной части подтверждаться на практике, а не основываться на абстрактной теоретизации. Руководствоваться этим соображением необходимо, поскольку в противном случае научная ценность предложенного будет неизбежно сведена к нулевой отметке.

Высказанное замечание строится на том, что при делегировании полномочий умная технология вправе претендовать на успешное выполнение обширного класса задач. Однако в крайних формах ее эфемерная идеализация превращается в необоснованную дискредитацию человеческих способностей, согласно которой живой организм априорно уступает собственной имитации. К сожалению, такое гипертрофированное понимание с малой долей вероятности может соответствовать свойственному научному знанию принципу объективности, поэтому мы настаиваем на воздержании от него хотя бы в тех исследованиях, что проводятся по юридической тематике.

Пока же с уверенностью можно утверждать, что фигурирующие в различных работах области предполагаемого использования ИИ в правоохранительной деятельности подразумевают под собой сугубо рекомендательный характер, а потому ни одна авторская концепция не является образцовой. С другой стороны, продолжение академических дискуссий стимулирует профильные разработки, подогревая интерес к скорейшему вовлечению обсуждаемой интеллектуальной конструкции в правовую среду¹⁰.

та в управленческой деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 78 ; *Пакляченко М. Ю.* Направления использования технологий искусственного интеллекта для оптимизации деятельности правоохранительных органов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии : сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2022. № 8-2. С. 130 ; *Чурикова А. Ю.* Использование искусственного интеллекта в целях управления рисками уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов // Технологии XXI века в юриспруденции : сборник научных статей по материалам Пятой Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2023. С. 253.

¹⁰ См.: *Мишин С. А., Мишин А. В.* Возможные направления применения искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Общественная безопасность, законность и пра-

Ввиду этого риск-ориентированный подход, когда оценивание потенциальных угроз и противоправного приложения преобладает при апробации технологии, видится вполне уместным¹¹. Но сразу же оговоримся, что подготовительные регулятивные мероприятия не должны исчерпываться единственно им, ведь самовольное удовлетворение антисоциальных потребностей для ИИ не характерно¹²: отчасти неразумно акцентировать внимание исключительно на несовершенстве, позабыв об остальных основополагающих метриках (например, о его преобразующем потенциале).

Таким образом, ключевой уязвимостью является присоединение ИИ, концептуально не подпадающего под профильные правоохранные стандарты. По причине чего одним из действенных вариантов распространения модификаций может считаться адаптация существующих электронных систем под нужды занятых в правоохранительной сфере.

При этом сам факт похожего присутствия порождает дилеммы следующего порядка:

- допустимость ограничительных мер применительно к санкционированным технологиям (эксплуатация полной или урезанной версии);

- вопрос безусловного доверия технологиям, произведенным или имеющим стратегически важные для работоспособности элементы в зарубежных странах (противодействие несогласованному вмешательству в вопросы национальной безопасности);

- недостаточность соответствующего опыта кооперации с интеллектуально одаренными объектами (столкновение мнений человека и ИИ, набор квалифицированных кадров и прочее);

- отсутствие пертинентных примеров, внедренных в какую-либо правоохранительную область (абсолютное превосходство теоретического сопровождения образцов над воплощаемыми на практике).

Полагаем, их наличие обусловлено ненайденным консенсусом в отношении нюансов,

вопорядок в III тысячелетии : сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж. 2021. № 7-3. С. 73.

¹¹ См.: Artificial intelligence act, Council's General Approach, 6 December 2022. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14954-2022-INIT/en/pdf> (дата обращения: 25.03.2024).

¹² См.: Желудков М. А. Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // Lex russica. 2021. Т. 74, № 4. С. 66.

естественных для временного диапазона, предшествующего окончательному внесению ИИ в правовой контекст. В нашем понимании по завершении отрезка адаптации экспериментальных нововведений отнесение упоминаемых промежуточных трудностей в разряд неразрешимых делается не востребуемым исследовательским изысканием, так как постоянная пролонгация процесса обнаружения ответов на упомянутый список вопросов идет вразрез с природой ожидаемых реформ.

Недостатки нынешней стадии постижения ИИ заключены не только в вопросах временного характера. Другая негативная тенденция включает ультимативное сосредоточение на интеллектуальных комплексах, влекущее асимметричность прилагаемых усилий в остальных сферах, которые не имеют близкого индекса поддержки в лице общественности и государственных властных организаций¹³.

Корень проблемы кроется в следующем – если новоявленная переменная окажется нежизнеспособной, национальные программные документы не будут избавлены ни от существенного пересмотра, ни от объемных текстовых редакций. Самое же большое упущение будет состоять не столько в безрезультатно затраченных федеральных резервах, сколько в израсходовании выделенного ранее неизведанному технологическому феномену кредита доверия, не восполняемого в будущем. Поэтому, чтобы осуществляемое форсирование привело к благоприятным итогам, необходимо грамотное юридическое сопровождение, основанное на соблюдении баланса интересов каждого гипотетического участника: в первую очередь для уравновешенной интеграции следует сфокусироваться на нейтральных параметрах, запрещающих произвольное посягательство на правовой статус граждан, в отношении которых выносятся правоприменительные акты. Приверженность же к серьезнейшим оговоркам будет сигнализировать об отклонении от начального замысла, содержащего намерение конструктивно преобразовать правовые контуры вокруг ИИ.

¹³ См.: Взаимодействие МГТУ имени Н. Э. Баумана и ФКУ «ГИАЦ МВД России» по вопросам использования технологий искусственного интеллекта в сфере безопасности и обеспечения правоохранительной деятельности / А. Ю. Попов, В. В. Агеев, Д. Ю. Булгаков, О. А. Лоскутова // Искусственный интеллект на службе полиции : сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 21–22.

С учетом вышеизложенного в процессе достижения провозглашенного внедрения ИИ в правоохранительную среду предлагаем следующий универсальный алгоритм.

1. Создание всеобъемлющей унифицированной теоретической конструкции феномена, в которой будет закреплён усреднённый прообраз его существования (цели, задачи, принципы, сферы приложения, внешняя форма и прочие неотъемлемые элементы).

Среди обязательных отличительных черт выделяют¹⁴:

а) сохранение человеческого присутствия (человекоцентризм, основанный на симбиотическом причастии);

б) задавание лимитов автономии ИИ извне;

в) подчинение порядков бытия ИИ установленным правилам (превалирование нормы над объектом, а не наоборот).

2. Разработка, обучение и тестирование интеллектуальных систем в соответствии с утверждённым регламентом, позволяющим делать небольшие корректировки согласно кристаллизовавшимся условиям пользования.

Чтобы функциональное перестраивание к происходящим на различных должностях эпизодам не потребовало существенной донастройки умственных параметров при выборе оптимальной стратегии обучения, предлагаем комбинирование привносимых представителями профессии подлинных эмпирических данных и литерального следования положениям правовой доктрины, поскольку дальнейшая конструктивная работа будет во многом предопределена избавлением от когнитивных искажений, которые встречаются как на этапе обучения, так и в момент обращения к полученным знаниям¹⁵.

3. Констатирование окончательного нормативного положения, всесторонне определяющего место ИИ в правовом поле. Помимо этого, дополнительно понадобится комплекс организационных, технических и иных юридических мероприятий, чтобы развертывание в профес-

¹⁴ См.: Кубасов И. А., Сушков В. И. Применение технологий искусственного интеллекта в робототехнических комплексах специального назначения в целях обеспечения правоохранительной деятельности // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022. № 3. С. 70–71.

¹⁵ См.: Карника А. Г. Анализ направлений применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Юрист-Правоведь. 2023. № 1 (104). С. 134.

сиональную повседневность производилось болезненно.

4. Использование ИИ в предназначенных областях, а также мониторинг состояния и методичное улучшение имеющихся конфигураций.

Здесь подразумевается результативное решение задач как специфических, так общего профиля. Диагностируемая надёжность выводов конкретного экземпляра будет подтверждаться триадой факторов (точность, достоверность, правильность), которые при систематическом неповторении будут повествовать о непригодности к несению рабочих функций.

Напомним, что наблюдение и стабилизация единственно стараниями государственно аппарата могут привести к отраслевому смещению, образовав непреодолимый пробел в правовом регулировании, поэтому не стоит игнорировать запечатление в правовых источниках элементов общественного контроля, ведь посредством него скептические настроения граждан не будут налагать избыточные обременения на инновационные траектории, а сами новаторские инициативы получают достойный отклик от неравнодушной части населения страны.

Помимо контролирующих инстанций, особый интерес добавочно вызван определением степени подготовленности национального правового пространства под многообразие интеллектуальных объектов, критерии которой сформулированы довольно умозрительно. На наш взгляд, подобное затягивание ошибочно: незавершенные финальные параметры не позволят зарегистрировать момент прекращения апробационной кампании, что способна длиться не один управленческий цикл. В связи с чем нами предлагается установить следующие правовые индикаторы:

– промульгация нормативного правового акта, непосредственно затрагивающего пребывание ИИ в правоохранительной среде;

– прохождение сотрудниками правоохранительной системы специального образовательного модуля, посвященного выполнению рабочих функций с применением технологий ИИ¹⁶;

– качественное повышение уровня технической оснащённости на рабочих местах (обновле-

¹⁶ См.: Лантух Э. В., Смольяков А. А., Гаврилова О. В. Актуальные проблемы внедрения новейших цифровых технологий для подготовки сотрудников экспертно-криминалистических подразделений // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2023. № 4 (61). С. 36.

ние утративших актуальность устройств и комплекующих), измеряемого согласно одобренной методологии;

– утверждение форм своевременной отчетности, отражающей промежуточные итоги использования (для оперативного отслеживания и нивелирования негативных эпизодов).

В нашем представлении пока каждый из четырех пунктов не будет синхронно урегулирован, дискуссии о полном участии ИИ в правоохранительной деятельности останутся преждевременными.

Переходя к заключительной части исследования, скажем, что частыми законодательными изменениями ежегодно конкретизируется огромное количество аспектов общественной жизни. В результате чего правовое положение правоохранительных органов способно со временем претерпевать некоторое переустройство, позволяющее наиболее точно приспособиться к происходящим в обществе сдвигам¹⁷. Следовательно, привносимые явления (в нашем случае – ИИ) должны уже на этапе внедрения иметь задел на коренное реформирование как своего естества, так и системных ограничений, в рамках которых они репрезентованы.

Удовлетворение общественного запроса относительно сбалансированного присутствия интеллектуальных технологий недостижимо без координированного взаимодействия блока правоохранительных структур, субъектов законотворчества и IT-компаний. Преследование обратного нарратива, напротив, многократно уменьшит социальную полезность найденного компромисса: без калибровки функциональных возможностей¹⁸ адекватное реагирование на предметную критику делается несбыточным начинанием даже для апологетов инноваций в праве.

Сверх этого актуализируются значительные опасения по поводу выстраивания равновесного значения между декларируемыми правами и общественной безопасностью¹⁹. Беспокойство

заключается в следующем – пока другие незыблемые цифровые данности (цифровые права, социальные сети, цифровые валюты) наделены правовым звучанием, ИИ как уникальный правовой феномен от него преимущественно освобожден. Полагаем, ступенчатые законодательные новеллы позволят подвести плюрализм выработанных научных концептов под общий знаменатель, тем самым защитив и от названных проблемных зон²⁰.

Бороться с эволюцией бессмысленно: уже сегодня треть российских компаний использует технологии ИИ в своей работе²¹, и их число будет непременно возрастать, поэтому достижение концептуального единства – первостепенная задача, стоящая не столько перед должностными лицами, сколько перед всем обществом, нацеленным на сохранение и приумножение собственного благоденствия.

Пожалуй, полноценно совладать с имеющейся в правовой сфере неопределенностью не удастся. Однако верная навигация по дорожной карте развития, составленной в согласии с существующими и прогнозируемыми цифровыми порядками, станет нерушимым подспорьем в нормировании феномена. Также считаем обоснованным ужесточение ответственности по сформированному алгоритму идентификации использования ИИ в противоправной деятельности (например, за генерирование и распространение дипфейков, намеренной дезинформации и т. д.), так как по объективным причинам без специальных познаний и инструментария легальное воспрепятствование разрушительному потенциалу ИИ не увенчается успехом.

Итак, минимизация вредоносного эффекта неосуществима без перехода представителей правоохранительной системы от устаревших технологических решений к новым цифровым реалиям. Делать это необходимо с оставлением присущих государственному суверенитету очер-

¹⁷ См.: Правоохранительные органы : курс лекций и учебно-методические материалы / под ред. Ю. А. Лукичева. СПб. 2020. С. 8.

¹⁸ См.: Батоев В. Б. Об использовании технологии искусственного интеллекта ChatGPT в правоохранительной деятельности // Расследование преступлений : проблемы и пути их решения. 2023. № 2 (40). С. 85.

¹⁹ См.: Атабеков А. Р. Вопросы осуществления предиктивного права в правоохранительной деятельности : сравнительно-правовое исследование // Вестник Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2023. № 3 (99). С. 72.

²⁰ См.: Кубасов И. А. Обеспечение доверия к искусственному интеллекту в судебной и правоохранительной деятельности // Искусственный интеллект и большие данные (Big Data) в судебной и правоохранительной системе: реалии и требование времени : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Косшы, 2023. С. 258.

²¹ Третью российских компаний используют технологии ИИ в своей работе // Официальный сайт аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/tret-rossijskih-kompanij-ispolzuut-tehnologii-ii-v-svoej-rabote-27745?ysclid=ltpp1zx6mx352531542> (дата обращения: 25.03.2024).

таний, ведь, как показывает практика, мировая коалиция, обеспечивающая коллективную безопасность, в периоды политической нестабильности может быть подвержена деструктивным колебаниям, поэтому атрибуты самодостаточности централизованного подхода в отечественном упорядочивании общественных отношений обязаны сохраниться.

Таким образом, согласно нашему авторскому определению, суммарно объединяющему результаты проделанной исследовательской работы, *под феноменом ИИ в правоохранительной деятельности следует понимать разновидность санкционированной государством комплексной технологии, способной должным образом выполнять делегированные человечеством правоохранительные функции соответственно имеющемуся аналогу умственных характеристик.*

Библиографический список

- Атабеков А. Р.* Вопросы осуществления предиктивного права в правоохранительной деятельности : сравнительно-правовое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 67–75.
- Батоев В. Б.* Об использовании технологии искусственного интеллекта ChatGPT в правоохранительной деятельности // Расследование преступлений : проблемы и пути их решения. 2023. № 2 (40). С. 80–88.
- Бессонов А. А.* Искусственный интеллект как орудие преступлений и средство их расследования // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам Международного научно-практического конференции. М., 2023. С. 10–17.
- Взаимодействие МГТУ имени Н. Э. Баумана и ФКУ «ГИАЦ МВД России» по вопросам использования технологий искусственного интеллекта в сфере безопасности и обеспечения правоохранительной деятельности / А. Ю. Попов, В. В. Агеев, Д. Ю. Булгаков, О. А. Лоскутова // Искусственный интеллект на службе полиции : сборник статей Международного научно-практического конференции. М., 2021. С. 20–34.
- Воронцов С. А., Михайлов А. Г.* О проблемах, порождаемых использованием искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Ростовский научный журнал. 2019. № 3. С. 189–195.
- Головкин Р. Б.* Юридическая техника правового регулирования в киберпространстве // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2022. № 2. С. 180–188.
- Гулягин А. Ю.* Основы правоохранительной деятельности органов административной юрисдикции : автореферат диссертации на соискание степени кандидата юридических наук. М., 2014. 66 с.
- Желудков М. А.* Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // Lex russica. 2021. Т. 74, № 4. С. 63–70.
- Завьялов И. А.* Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 228–236.
- Карника А. Г.* Анализ направлений применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Юрист-Правовед. 2023. № 1 (104). С. 130–135.
- Кубасов И. А.* Обеспечение доверия к искусственному интеллекту в судебной и правоохранительной деятельности // Искусственный интеллект и большие данные (Big Data) в судебной и правоохранительной системе : реалии и требования времени : материалы Международной научно-практической конференции. Косшы, 2023. С. 253–260.
- Кубасов И. А., Сушков В. И.* Применение технологий искусственного интеллекта в робототехнических комплексах специального назначения в целях обеспечения правоохранительной деятельности // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2022. № 3. С. 69–76.
- Лантух Э. В., Смольяков А. А., Гаврилова О. В.* Актуальные проблемы внедрения новейших цифровых технологий для подготовки сотрудников экспертно-криминалистических подразделений // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2023. № 4 (61). С. 32–37.
- Мишин С. А., Мишин А. В.* Возможные направления применения искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии : сборник статей Международной научно-практической конференции. 2021. № 7-3. С. 68–74.
- Морозов О. Л., Корелов О. А., Маркушин А. Г.* О возможности применения искусственного интеллекта в управленческой деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 75–80.
- Осипенко А. Л.* Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 38–46.
- Пакляченко М. Ю.* Направления использования технологий искусственного интеллекта для оптимизации деятельности правоохранительных орга-

нов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии : сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. 2022. № 8-2. С. 127–131.

Правоохранительные органы : курс лекций и учебно-методические материалы / под ред. Ю. А. Лукичева. СПб. : Астерион, 2020. 334 с.

Степаненко Д. А., Бахтеев Д. В., Евстратова Ю. А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 2 (11). С. 104–110.

Тарасов А. М. К вопросу о понятии правоохранительной деятельности и о правоохранительных органах // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 299–305.

Чурикова А. Ю. Использование искусственного интеллекта в целях управления рисками уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов // Технологии XXI века в юриспруденции : сборник научных статей по материалам Пятой Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2023. С. 250–256.

References

Atabekov A. R. Issues of implementation of predictive law in law enforcement: a comparative legal study // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (99). P. 67–75.

Batov V. B. On the use of artificial intelligence technology ChatGPT in law enforcement // Crime Investigation: problems and ways of their solution. 2023. No. 2 (40). P. 80–88.

Bessonov A. A. Artificial intelligence as a tool of crime and means of their investigation // State scientific and technical policy in the field of criminalistic support of law enforcement : a collection of scientific articles on the materials of the international scientific and practical conference. Moscow, 2023. P. 10–17.

Interaction between the Bauman Moscow State Technical University and the FCU "GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia" on the use of artificial intelligence technologies in the field of security and law enforcement / A. Yu. Popov, V. V. Ageev, D. Yu. Bulgakov, O. A. Loskutova // Artificial Intelligence in the service of the police: collection of articles of the international scientific and practical conference. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2021. P. 20–34.

Vorontsov S. A., Mikhailov A. G. On the problems generated by the use of artificial intelligence in law enforcement // Rostov Scientific Journal. 2019. No. 3. P. 189–195.

Golovkin R. B. Legal technique of legal regulation in cyberspace // Vestnik Voronezh Institute of FSIN of Russia. 2022. No. 2. P. 180–188.

Gulyagin A. Y. Fundamentals of law enforcement activity of administrative jurisdiction bodies : dr. legal. sci. abstr. Moscow, 2014. 66 p.

Zheludkov M. A. Justification of the need to adapt the activities of law enforcement agencies to the conditions of digital transformation of the criminal environment // Lex russica. 2021. Vol. 74, no. 4. P. 63–70.

Zavyalov I. A. Foreign experience of using artificial intelligence in crime detection // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. P. 228–236.

Karpika A. G. Analysis of the directions of application of artificial intelligence in law enforcement // Jurist-Pravovoved. 2023. No. 1 (104). P. 130–135.

Kubasov I. A. Ensuring confidence in artificial intelligence in judicial and law enforcement activities // Artificial intelligence and big data (Big Data) in judicial and law enforcement system : realities and the requirement of time : proceedings of the international scientific-practical conference. Koshy, 2023. P. 253–260.

Kubasov I. A., Sushkov V. I. Application of the artificial intelligence technologies in the special purpose robotic complexes for law enforcement // Vestnik Voronezh Institute of FSIN of Russia. 2022. No. 3. P. 69–76.

Lantukh E. V., Smolyakov A. A., Gavrilova O. V. Actual problems of introduction of the newest digital technologies for training of employees of expert-criminalistic divisions // Psychological and pedagogical problems of human and society security. 2023. No. 4 (61). P. 32–37.

Mishin S. A., Mishin A. V. Possible directions of application of artificial intelligence in the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation // Public safety, legality and law and order in the III millennium: collection of articles of the international scientific-practical conference. 2021. No. 7-3. P. 68–74.

Morozov O. L., Korelov O. A., Markushin A. G. On the possibility of using artificial intelligence in management activities in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (57). P. 75–80.

Osipenko A. L. Operative and investigative activity in the information society: adaptation to the conditions of digital reality // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (75). P. 38–46.

Paklyachenko M. Y. Directions for the use of artificial intelligence technologies to optimize the acti-

vities of law enforcement agencies // Public safety, law and order in the III millennium: collection of articles of the international scientific and practical conference. 2022. No. 8-2. P. 127–131.

Law enforcement agencies : a course of lectures and teaching materials / ed. Y. A. Lukichev. Petersburg : Asterion, 2020. 334 p.

Stepanenko D. A., Bakhteev D. V., Evstratova Yu. A. Use of artificial intelligence systems in law enforcement // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Forces. 2020. No. 2 (11). P. 104–110.

Tarasov A. M. To the question of the concept of law enforcement activity and law enforcement agencies // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (44). P. 299–305.

Churikova A. Y. Use of artificial intelligence in order to manage the risks of criminal procedural activities of law enforcement agencies // Technologies of the XXI century in jurisprudence : a collection of scientific articles on the materials of the fifth international scientific-practical conference. Yekaterinburg, 2023. P. 250–256.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Кованов Е. С., аспирант
E-mail: zhekasso@mail.ru.

Поступила в редакцию: 23.04.2024

Для цитирования:

Кованов Е. С. Феномен искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 47–56. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/47-56>

Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletovs

Kovanov E. S., Postgraduate Student
E-mail: zhekasso@mail.ru.

Received: 23.04.2024

For citation:

Kovanov E. S. Phenomenon of artificial intelligence in law enforcement activity // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 47–56. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/47-56>

КРИЗИС ПРАВОВОГО СТАТУСА ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИАСФЕРЕ

Н. О. Шестерин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

A CRISIS OF LEGAL STATUS OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDIA

N. O. Shesterin

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: бум технологий искусственного интеллекта последних лет вызвал и несомненно продолжит вызывать кризисы правового характера, большинство из которых фокусируются на проблеме интеллектуальной собственности составных произведений искусства, а также на правовом статусе алгоритмов искусственного интеллекта как таковых. Большинство этих кризисов разрешимы на данном этапе развития обучаемых технологий. В статье даётся краткое описание текущей ситуации и делается осторожный прогноз ближайшего будущего искусственного интеллекта в контексте генерации медиаконтента и в целом потенциальных объектов интеллектуальной собственности на основе современных трендов. Сделана попытка определить, возможна ли интеграция подобных технологий ближайшего будущего в существующую систему права, и как эти технологии будут меняться под влиянием правовой системы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, правовое регулирование, авторское право, новые медиа.

Abstract: the explosion of technologies based on Artificial Intelligence in recent years has caused and will continue to cause legal crises, most of which relate to the problem of intellectual property of compounded works of art as well as on the legal status of AI-algorithms themselves. In our article, we provide a brief summary of the current situation and make modest predictions of the near future of Artificial Intelligence in the context of generating media as well as other generic potential objects of intellectual property, based on contemporary trends. We attempt to determine whether integration of such technologies of the near future into today's legal system is possible, and how these technologies will change under the influence of the legal system.

Key words: artificial intelligence, generative artificial intelligence, legal regulation, copyright, new media.

Область исследования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в последние годы совершила несколько ключевых технологических скачков, которые позволили ИИ производить не только многообещающие экспериментальные результаты¹, но и конечные медийные продукты интеллектуальной деятельности, по уровню часто неотличимые от созданных людьми².

Генеративные ИИ сегодня делают возможным создание реплик и производных медиа-объектов с конкретным сюжетом, в заданном стиле, нужного объема и формата³. В условиях свободного рынка это делает данную технологию привлекательной для работодателей – она может за-

¹ См.: Schmidhuber J. Deep learning in neural networks : an overview // arXiv. 2015. № 1404. P. 7828.

² См.: Roose K. An A.I.-generated picture won an art © Шестерин Н. О., 2024

prize. Artists aren't happy // The New York Times. 2022. 2th of septem. URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/02/technology/ai-artificial-intelligence-artists.html> (дата обращения: 01.06.2024).

³ См.: Amatriain X. Prompt design and engineering : introduction and advanced methods // arXiv. 2024. № 2401. P. 14423.

менить тысячи рабочих мест художников, дизайнеров и других представителей творческих профессий. На массовом потребительском рынке ИИ-продукты также обладают преимуществами по сравнению с медиа, созданными людьми: ИИ может создавать тысячи разнообразных интерпретаций своего задания с минимальной задержкой, с той же скоростью работать в форматах и стилях, требующих от людей уникально высоких временных и трудовых затрат. Наконец, ИИ-медиа значительно дешевле по сравнению с выполняемыми под заказ работами, что также делает ИИ привлекательным для производителя. У генеративных алгоритмов, безусловно, есть и недостатки: посредственность и однотипность результатов, сложность в настройке мелких деталей конечного результата и т. д. Очевидно, что по мере распространения и интеграции ИИ в новые отрасли всё больше недостатков и ограничений всплывут на поверхность. Однако уже сейчас, по прошествии четырех-пяти лет после совершения ключевых технологических прорывов и всего пары лет после начала бума ИИ-медиа, мы наблюдаем активную адаптацию ИИ крупными компаниями креативных индустрий⁴ с часто непредвиденными, критическими последствиями⁵, в том числе в правовом контексте. Современная законодательная система во многих случаях оказалась не готова к столь значительным изменениям и действовала с существенным запозданием⁶. Таким образом, мы можем заключить, что ИИ и производные ИИ-медиа вряд ли исчезнут или утратят популярность в ближайшее время – напротив, разумно ожидать всё новых случаев, а с ними и новых конфликтов. Для их безболезненного разрешения необходимы кардинальные изменения как в правовом статусе ИИ, так и в правовом статусе созданных с его помощью продуктов. Всё сказан-

⁴ См.: *Singla Alex*. The state of AI in early 2024 : gen AI adoption spikes and starts to generate value // McKinsey. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ См.: *Scott Br*. How AI could perpetuate racism, sexism and other biases in society // NPR. 2023. 19th of Jule. URL: <https://www.npr.org/2023/07/19/1188739764/how-ai-could-perpetuate-racism-sexism-and-other-biases-in-society> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ См.: *De Nihilesh*. FTX's failure is sparking a massive regulatory response // Coindesk. URL: <https://www.coindesk.com/policy/2022/11/14/ftxs-failure-is-sparking-a-massive-regulatory-response/> (дата обращения: 01.07.2024).

ное делает актуальным вопрос о влиянии правовой системы на интеграцию генеративного ИИ в область медиа.

Значимость проблемы подкрепляется существующими исследованиями в сфере правовой регуляции технологий ИИ. Так, рассматриваются вопросы международного правового регулирования в области ИИ⁷ и регулирования в Российской Федерации⁸, выявляются возможности правового регулирования правосубъектности ИИ⁹. Также исследуются проблемы правовой регуляции технологий, находящихся в прямой взаимозависимости с технологиями ИИ: неопируемых токенов (далее – NFT)¹⁰, блокчейна¹¹, в целом экосистемы Web3¹². Однако эти исследо-

⁷ См.: *Бабченко А. И., Чуканова Е. С.* Проблемы международного правового регулирования искусственного интеллекта // *Правоохранительная функция государства : актуальные вопросы истории, теории и правоприменительной практики*. М., 2022. С. 29–32.

⁸ См.: *Григорьева Н. В.* Совершенствование административно-правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации // *Современное право*. 2023. № 5. С. 51–53.

⁹ См.: *Исмаилова Н. П.* Правовое регулирование вопросов правосубъектности искусственного интеллекта // *Развитие правового сознания в образовательном пространстве*. Махачкала, 2019. С. 169–175.

¹⁰ См.: *Волкова А. А., Славникова М. А.* Феномен NFT-проектов на примере NFT-приложения «Деньги за Ходьбу» // *Вестник молодых ученых Санкт-Петерб. гос. ун-та технологии и дизайна*. СПб., 2023. № 1. С. 498–504; *Маньковская Д. Ю.* NFT как один из способов защиты авторских прав и его связь с нормами гражданского законодательства // *Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы : сборник науч. трудов III Всерос. науч.-практ. конф.* М., 2023. С. 92–97; *Stasi A., David T. W. Ch.* NFT marketplace – a market of fake artworks addressing the international regulatory vacuum of NFT // *International Journal of Public Law and Policy*. United Kingdom. 2023. № 4. С. 375–384.

¹¹ См.: *Аверина А., Аверин А.* Review of Blockchain Technology Vulnerabilities and Blockchain-System // 2019 International multi-conference on industrial engineering and modern technologies, FarEastCon 2019, Vladivostok, 1–4 окт. 2019 г. Владивосток, 2019. С. 8934243; *Михайлова П. В., Шаповалова А. А., Сухотерин А. И.* Технология blockchain : сущность, проблемы внедрения и перспективы развития blockchain в РФ // *Ресурсам области – эффективное использование : сборник материалов XVIII Ежегодной науч. конф. студентов Технологического ун-та, Королёв*, 2018. С. 103–109.

¹² См.: *Забайкин Ю. В., Лунькин Д. А.* Правовые аспекты изучения метавселенных в среде Web3 // *Вопросы российского и международного права*. М., 2023. № 1-2-1. С. 222–228; *Заикина О. П., Хафизов Д. Р., Иванов Е. Е.*

вания рассматривают данные технологии сами по себе, в изоляции, несмотря на то, что они являются частью одной экосистемы, и развитие одной технологии непосредственно влияет на возможности другой. Так, к примеру, NFT и децентрализованные системы организации транзакций и хранения информации часто приводятся как возможные способы или по крайней мере предпосылки к возможным способам регуляции продуктов деятельности ИИ и защиты прав интеллектуальной собственности цифровых товаров и IP в условиях конкуренции с ИИ и частого нарушения прав интеллектуальной собственности их создателями. Такой подход не вполне позволяет решить существующие проблемы. Нам также не удалось обнаружить исследований, посвященных анализу результатов взаимодействия ИИ и правовой сферы. Мы в нашей работе предпринимаем попытку с применением историко-функционального и сравнительно-типологического методов ликвидировать этот пробел и выявить тенденции, формирующиеся в ходе взаимодействия технологий генеративного ИИ в области медиа и существующих практик правового регулирования их применения. Важно подчеркнуть, что для того, чтобы оценить совместимость технологий генеративных ИИ с современной правовой системой, нам необходимо заглянуть в будущее, опираясь на во многом скудный набор уже собранных данных и примеров, а также на внутренние и второстепенные факторы в области ИИ, толкающие ее развитие в том или ином направлении. Мы начнем с определения этих факторов и текущего, непосредственного состояния области ИИ в сфере высоких технологий и на основе метода антиципации и экстраполяции данных предпримем попытку установить тенденции развития анализируемого процесса.

подавляющее большинство инноваций в области ИИ последних лет совершались исследовательскими группами, принадлежащими крупным корпорациям в сфере IT¹³, многие из кото-

Правовые аспекты изучения метавселенных в среде Web3 // Современные проблемы обеспечения безопасности человека в условиях развития гражданского общества : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, Оренбург, 18–19 мая 2023 г. Оренбург, 2023. № 1-2-1. С. 121–126.

¹³ См.: *Komarraju Ap.* Top 20 Artificial intelligence research labs in the world in 2021 // Analytics Insight. URL: <https://www.analyticsinsight.net/artificial-intelligence/top-20-artificial-intelligence-research-labs-in-the-world>

рых функционируют по принципу постоянного роста и требуют кратковременных показательных результатов, если не немедленной переработки новшества в конечный рыночный продукт. По этой причине большинство существующих областей применения ИИ очевидны в своем посыле и конечной цели – автоматизация и повышение темпов производства креативной индустрии¹⁴. Нейросети, генерирующие изображения, позиционируются как альтернатива художникам. Алгоритмы, генерирующие музыку – как альтернатива композиторам. Нейросети, генерирующие тексты – как альтернатива журналистам. Однако для создания музыкальных произведений, приятных на слух людям, алгоритму необходимы примеры сделанных людьми музыкальных композиций; для создания изображений на популярные темы необходимы изображения схожей тематики, сделанные настоящими художниками; для написания текстов важны тексты различных жанров и форматов. Математически описанная задача генеративного ИИ – мимикрия. Как следствие, современные ИИ по своей природе паразитарны и неспособны к творчеству, независимому от человеческого, от созданных людьми медийных продуктов¹⁵. Этот факт необходимо учитывать для понимания ключевой, фундаментальной неизбежности проблемы хищения интеллектуальной собственности, вызываемой существованием генеративных ИИ в условиях свободного рынка: теоретически возможно натренировать генеративный ИИ на материалах общественного достояния. Однако такой подход имеет три существенных изъяна:

1) деятели искусства, создавшие свои работы общественным достоянием, не рассчитывали на то, что этот статус будет означать использование работ для автоматизированного, массового создания медийных материалов корпоративными ИИ. На сегодняшний день большая группа художников и графических дизайнеров выступают против ИИ и открыто запрещают использование своих произведений для их обуче-

in-2021 (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁴ См.: *Vallance Chr.* AI could replace equivalent of 300 million jobs – report // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/technology-65102150> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁵ См.: *Mineo L.* Is art generated by artificial intelligence real art // The Harvard Gazette. URL: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2023/08/is-art-generated-by-artificial-intelligence-real-art/> (дата обращения: 01.07.2024).

ния. Даже при отсутствии очевидного юридического нарушения этот аспект может привести к существенному уменьшению числа работ общественного достояния в будущем;

2) давая ИИ для обучения только предметы общественного достояния, корпоративные служащие потенциально снижают их эффективность и соревновательность. Особенно – в среде сетевых медиа, где новые смысловые графические и текстовые культурные единицы появляются и трансформируются в течение дней и часов;

3) в случае кражи интеллектуальной собственности создателями таких алгоритмов отследить факт кражи на основании конечного продукта часто невозможно – особенно если обучение проходило на основании множества (сотен тысяч) работ разнообразных художников.

Итак, единственное известное на текущий момент эффективное решение проблемы кражи интеллектуальной собственности при обучении ИИ потенциально снижает число современных работ в «фонде» общественного достояния, имеет прямые и весьма существенные факторы, понижающие конечную прибыль компаниям, создающим и использующим ИИ, и при этом не может быть реализовано на практике за исключением юридических случаев, в которых акт хищения может быть доказан более прямыми способами – например, по свидетельству работников компании.

Для того чтобы разрешить этот кризис, необходимо кардинальное изменение механизма рыночной экономики. В отсутствие такой возможности важным представляется наработка прецедентной базы для разрешения конфликтов интеллектуальной собственности в случаях, в которых фигурируют генеративные ИИ, а также разработка законодательных решений, запрещающих или ограничивающих использование произведений общественного достояния для обучения алгоритмов ИИ за исключением случаев, когда автор даёт на это прямое согласие. Практическая реализация этих возможных ограничений, однако, всё также полагается на гипотетический механизм, способный доподлинно определить или по крайней мере с высокой степенью вероятности заметить случай нарушения интеллектуальной собственности в работе любого конкретного ИИ.

Такой алгоритм теоретически возможен¹⁶, однако на практике вряд ли реализуем – его сложность будет возрастать экспоненциально при росте мощности анализируемого алгоритма, умноженной на размер базы данных для обучения, в то время как сложность анализируемого алгоритма возрастает линейно. Такая приближительная зависимость существует только в условиях, когда у нас нет доступа к оригинальному анализируемому алгоритму – нет возможности определить внутреннюю его реакцию в ответ на конкретный стимул. Отследить же влияние конкретного произведения (стимула) на конечный результат при доступе к «внутренностям» алгоритма-нарушителя возможно только при относительно небольшом банке данных для обучения и определенным образом поставленной нарушителю задаче, направленной на мимикрию (подражание) стилю, композиции, персонажам и сюжетам, а не более абстрактным общим концепциям (например, освещению).

Кроме того, даже в случае, когда под сам акт хищения можно подвести доказательную базу, статус созданных ИИ медиа далеко не всегда очевиден и однозначен. Произведенные ИИ медийные объекты по сути являются составными произведениями искусства, в которых созданные людьми объекты трансформируются для получения конечного продукта. При этом трансформация сама по себе лишена всякой творческой составляющей, что добавляет веса данной интерпретации: текущее отношение правовой системы к ИИ во многих странах таково, что сами по себе сгенерированные медиа не являются творчеством и не могут являться объектами интеллектуальной собственности. В случаях когда после генерации с медиа производятся манипуляции с целью творческой экспрессии, правило перестает действовать, а медийный объект становится все тем же составным произведением искусства, где финальные манипуляции конечного автора являются одной из составляющих. Данный сценарий в перспективе потенциально вероятен. Однако по ранее означенной нами причине большинство примеров практического применения ИИ до сегодняшнего момента были очевидными, простыми и однозначно мотивированными. Вместе с тем важно подчеркнуть, что сама по себе технология ИИ не привязана к

¹⁶ См.: *Steele Ch. How to detect AI-created images // PCMag. URL: <https://www.pcmag.com/articles/how-to-detect-ai-created-images> (дата обращения: 01.07.2024).*

корыстным побуждениям кремниевой долины и допускает намного более экзотические случаи, прецедентов для которых на текущий момент практически нет:

1) алгоритм ИИ создан кустарно, настроен автором для реализации художественного умысла и производит с материалами для обучения схожие трансформации, что и художник, опирающийся на работы своих коллег для пополнения своих навыков;

2) алгоритм обладает способностью к творчеству, не имея при этом личной мотивации, осознанности и правового статуса;

3) медийный продукт включает в себя несколько «поколений» работ – объектов, созданных другими ИИ на основе произведений человека.

Первый случай может быть интуитивно отброшен как тривиальный – он отличается от описанного ранее сценария лишь степенью отстраненности от оригинальных материалов. Однако современные ИИ уже на данном этапе своего развития способны интегрировать материалы для обучения столь же глубоко и комплексно, сколь и художники, дизайнеры при взаимодействии художественных приемов. Это неизбежно приводит к формированию своего рода двойного стандарта, в котором от ИИ требуют гораздо большей самобытности и независимости, чем от художников, музыкантов, журналистов и писателей-людей.

Второй случай также не представляется актуальным на текущий момент: несмотря на огромный прогресс технологий ИИ, мы все еще далеко от универсального ИИ, способного самосознавать и принимать решения за себя. Однако уже сейчас, используя существующие технологии, возможно создать ИИ, взаимодействующий с миром и воспринимающий его так же, как это делают живые существа. Такие ИИ будут способны к творчеству и экспрессии, но не будут являться разумными, и уж тем более физическими лицами в контексте права. Тем не менее так же, как в юридических системах многих стран существуют законы о правах животных, природных форм и экосистем, уже в ближайшем будущем могут потребоваться законы, защищающие права искусственных, неразумных, но живых и способных чувствовать боль систем. На данный момент подобной законотворческой деятельности нет, и, вероятно, не будет до появления первых таких систем и первых нарушений их прав.

Третий случай станет все более распространенным по прошествии достаточного времени и насыщения онлайн-медиаферы генерированными изображениями. Здесь стоит остановиться и рассмотреть попытки своего рода саморегуляции, предложенные деятелями корпоративной техсферы – NFT¹⁷. NFT представляют собой децентрализованный алгоритм, хранящий информацию в базе данных, дублируемой на множестве носителей. В этой базе каждый элемент имеет уникальный номер, связанный с определенным «кошельком» криптовалюты. Владелец кошелька может посредством криптовалюты продавать доступ к этому элементу базы данных. В зависимости от правил конкретной реализации элемент базы данных может содержать инструкции, определяющие, какие операции можно с ним выполнять. Продавцы NFT и связанных товаров и услуг пропагандировали данный протокол как цифровую систему регистрации и контроля интеллектуальной собственности, в которой акты купли-продажи, лицензирования и аренды цифровых товаров могли бы проходить моментально, даже автоматически¹⁸. Эта система могла бы быть интегрирована в онлайн социальные и медиапространства (социальные сети, видео-хостинги и т. д.), обеспечить удобную, «бесшовную» оплату труда художников, нормализовать покупку цифрового искусства и в целом цифровых товаров. Применительно к ИИ схожие системы могли бы использоваться для контроля за использованием интеллектуальной собственности – сервисы, использующие нейросети, обученные на конкретных произведениях, могли бы автоматически отчислять часть своей прибыли авторам, в том числе через несколько «поколений» переработки человеческого искусства ИИ.

На практике NFT оказались и до сих пор остаются крайне ненадежной, нестабильной, опасной и в правовом контексте бесполезной системой. База данных, хранящая данные NFT, намеренно децентрализована и не может быть обновлена, изменена или исправлена без согласия и активного вовлечения участников. Практически

¹⁷ См.: *Allyn B.* What's an NFT? And why are people paying millions to buy them? // NPR. URL: <https://www.npr.org/2021/03/05/974089381/whats-an-nft-and-why-are-people-paying-millions-to-buy-them> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁸ См.: *Olson D.* Line goes up – the problem with NFTs // Folding Ideas. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YQxWvX1n9g> (дата обращения: 01.07.2024).

это означает, что в случае обнаружения скрытого изъяна или лазейки для мошенников исправить проблему почти невозможно – возможно лишь создать новую базу данных, так называемую «ветку», и надеяться, что большинство участников старой версии перейдут на нее. Этот же процесс необходим в случае совершения какого-либо преступления или нелегитимной транзакции. Система не включает в себя протокол апелляции, и единственное, что может сделать владелец цифровых товаров, потерявший к ним доступ, – попросить создателей базы вручную удалить транзакцию и создать новую ветку системы. Несмотря на сложность и неопределенность такой процедуры, подобные случаи происходили в среде криптовалюты множество раз, каждый раз защищая интересы наиболее богатых и влиятельных участников, которые, владея большим процентом капитала и, как следствие, большим числом голосов, или просто посредством давления на создателей угрозами ухода с платформы добивались отмены нежелательных транзакций¹⁹. Данная система апелляций вместе с принципиальной, врожденной децентрализованностью системы NFT делает ее несовместимой с современной правовой системой и делигитимизирует ее как потенциальную жизнеспособную универсальную систему цифровой торговли. Более того, вследствие невозможности государственной регуляции и вообще организованного управления, уязвимости кода и новизны данной технологии среда NFT стала рассадником обманов, афер, финансовых махинаций и манипуляций: владельцам криптовалюты агрессивно предлагаются новые спекулятивные валютные и NFT проекты, цифровые товары, содержащие вирусы, а сами криптовалюты, подкрепляющие эти товары финансово, страдают от крайней нестабильности и регулярно обрываются, теряя свою изначальную ценность²⁰. Также из-за отсутствия и принципиальной невозможности создания процедуры апелляции в случае, когда злоумышленник создает NFT того или иного цифрового объекта раньше владель-

ца (например, раньше художника), автор не может никак на это повлиять в рамках системы. Все эти факторы делают NFT несовместимыми с правовой системой и традиционными механизмами защиты интеллектуальной собственности²¹.

Единственный способ добиться подобия совместимой системы, приводимый ее сторонниками, – включать традиционные лицензионные контракты в данные элемента базы. Однако такой способ делает саму систему цифровой организации данных рудиментарной и не дает цифровым художникам и другим производителям цифровых товаров каких-либо новых возможностей защиты их интеллектуальной собственности в цифровой среде. Как следствие, единственный сценарий, в котором NFT могут стать жизнеспособным средством защиты IP, – тот, в котором одна система выигрывает цифровое пространство и становится общепринятым стандартом. Однако данный сценарий не только маловероятен по означенным выше причинам (нестабильность, высокая конкуренция, ненадежность), но даже при успехе может монополизировать цифровую коммерцию в руках наиболее богатых участников и создателей системы. Самоорганизующиеся системы коммерции имеют тенденцию к консолидации власти. Доказательством тому служат множество сервисов и промежуточных интерфейсов, появившихся на пике бума криптовалюты, позволяющих малознакомым со средой людям (большинству участников) взаимодействовать с децентрализованной составляющей системы за процент от каждой транзакции, фактически обесценивая этот аспект децентрализации в попытках исправить ее последствия.

Еще один существенный фактор, делающий любую автоматическую систему контроля и защиты интеллектуальной собственности цифровых товаров без прямого участия судебной системы проблематичной в реализации, – возможность бесконечной дубликации цифровых товаров без каких бы то ни было трудозатрат. Хищение физического объекта наносит прямой вред владельцу, поскольку он больше не имеет к нему доступа. Хищение цифрового товара обеспечивает доступ к этому товару большему числу людей. В случае с цифровыми медиа для

¹⁹ См.: *Emmert C.* Ethereum (ETH) vs. Ethereum classic (ETC) : how the split happened // Nerdwallet. URL: <https://www.nerdwallet.com/article/investing/ethereum-vs-classic> (дата обращения: 01.07.2024).

²⁰ См.: *Ramirez D.* FTX crash : timeline, fallout and what investors should know // nerdwallet. URL: <https://www.nerdwallet.com/article/investing/ftx-crash> (дата обращения: 01.07.2024).

²¹ См.: *Stone D.* NFTs are legally problematic ft. Steve Mould & Coffeezilla // LegalEagle. URL: https://www.youtube.com/watch?v=C6aeL83z_9Y (дата обращения: 01.07.2024).

отображения медиа на цифровом носителе этот носитель вначале должен загрузить медиа. Все это делает акт хищения цифровой собственности тривиальным, а защиту этой собственности целесообразной только в случае, когда нанесенный одним таким актом и одним злоумышленником ущерб существенен и стоит судебного разбирательства.

В начале криповалютного бума 2021–2022 гг. многие крупные художники и другие творческие деятели активно и с энтузиазмом приняли участие в становлении систем NFT, став источниками бесплатного маркетинга и одновременно обогатившись на продажах их закодированных работ²². Эти симбиотические взаимоотношения, однако, быстро прекратились под влиянием в общем негативной реакции общественности в целом и творческих сообществ в частности. Главной причиной такой реакции стала элитарность системы, оппортунизм этих крупных художников, пропагандировавших NFT как универсальное средство защиты IP в личных, корыстных целях.

На данный момент среда NFT разве что не мертва и составляет меньше 10 % своего капитала на пике бума²³. Редкие выжившие относительно успешные проекты удовлетворены своей рыночной нишей и не предпринимают попыток развивать экосистему за пределы создания все новых валют, все новых баз данных – так называемых «коллекций» NFT (рассчитаны на небольшую аудиторию преданных коллекционеров). Попытки создать общепринятую систему или революционизировать процедуры защиты интеллектуальной собственности ушли из питчей таких систем. Многие криптовалюты и NFT были разоблачены как мошеннические или изначально противозаконные, часто после обрушения таких систем, стоивших участникам, в том числе тысячам людей среднего и рабочего классов, огромных денежных сумм²⁴. Искусственный

интеллект же продолжает внедряться во все новые области креативного производства, затрагивающие в своем большинстве цифровых художников, что приводит к существенному сокращению рабочих мест и автоматизации многих творческих аспектов предпринимательской деятельности сектора IT и индустрии развлечений, как и маркетинговых и дизайн-специальностей.

Что же показывает данный опыт в контексте правового статуса ИИ и возможных будущих законов, ограничивающих права интеллектуальной собственности пользователям ИИ и защищающих права работников творческих профессий? Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы: ИИ и смежные технологии находятся в состоянии активного развития и лавинной адаптации ко все новым и новым задачам. Разработка этих технологий ведется крупнейшими компаниями сектора IT и консолидирована вокруг небольших корпоративных исследовательских групп. Результаты их работы активно внедряются с основной целью автоматизации и сокращения рабочих мест креативных индустрий. Этот процесс сопровождается частым нарушением прав интеллектуальной собственности работников этих индустрий, а бесконтрольное распространение может привести к исчезновению целых ниш творческого труда. При этом попытки саморегуляции технологического и финансового частного сектора провалились и до сегодняшнего момента остаются неудачными. Тем не менее эти попытки и реакция общественности, в особенности сообществ творческих деятелей, и ранняя реакция некоторых крупных художников говорят о востребованности быстрой и доступной системы защиты интеллектуальной собственности, выходящей за рамки конкретной онлайн-среды. Таким образом, можно сказать, что от правовой системы требуется активная превентивная деятельность, скорость реакции на развитие данного технологического сектора, которой можно достичь посредством тесного сотрудничества с корпоративными исследовательскими группами и художественными сообществами и союзами – создание правовых практик, а в идеале – цифровых систем, дающих творческим деятелям возможность определения и защиты своего юридического статуса

vings // Business Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/ftx-collapse-sam-bankman-fried-victime-impact-statements-prosecutors-sentencing-2024-3?op=1> (дата обращения: 01.07.2024).

²² См.: *Kakar Ar*. Two years since the historic beeplesale, what's happened to the NFT market? // Artsy. URL: <https://www.artsy.net/article/artsy-editorial-two-years-historic-beeplesale-happened-nft-market> (дата обращения: 01.07.2024).

²³ См.: *Rosen Ph*. Remember when NFTs sold for millions of dollars? 95 % of the digital collectibles may now be worthless // Business Insider. URL: <https://markets.businessinsider.com/news/currencies/nft-market-cryptodigital-assets-investors-messari-mainnet-currency-tokens-2023-9?op=1> (дата обращения: 01.07.2024).

²⁴ См.: *Lee Ll*. Some wealthy people lost millions in the FTX collapse. But others say they've lost their entire life sa-

са и прав в условиях постоянно и стремительно меняющегося рынка.

Библиографический список

Аверина А., Аверин А. Review of blockchain technology vulnerabilities and blockchain-system // 2019 International multi-conference on industrial engineering and modern technologies, FarEastCon 2019, Vladivostok, 01–04 окт. 2019 г. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2019. С. 8934243.

Бабченко А. И., Чуканова Е. С. Проблемы международного правового регулирования искусственного интеллекта // Правоохранительная функция государства : актуальные вопросы истории, теории и правоприменительной практики. М. : ИП Колупаева Е. В., 2022. С. 29–32.

Волкова А. А., Славникова М. А. Феномен NFT-проектов на примере NFT-приложения «Деньги за Ходьбу» // Вестник молодых ученых Санкт-Петерб. гос. ун-та технологии и дизайна. СПб. : Санкт-Петерб. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна. 2023. № 1. С. 498–504.

Григорьева Н. В. Совершенствование административно-правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации // Современное право. 2023. № 5. С. 51–53.

Исмаилова Н. П. Правовое регулирование вопросов правосубъектности искусственного интеллекта // Развитие правового создания в образовательном пространстве. Махачкала : Дагестанский гос. педагогический ун-т им. Р. Гамзатова», 2019. С. 169–175.

Забайкин Ю. В., Лункин Д. А. Правовые аспекты изучения метавселенных в среде Web3 // Вопросы российского и международного права. М. : Российский биотехнологический ун-т, 2023. № 1. С. 222–228.

Заикина О. П., Хафизов Д. Р., Иванов Е. Е. Правовые аспекты изучения метавселенных в среде Web3 // Современные проблемы обеспечения безопасности человека в условиях развития гражданского общества : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Оренбург, 18–19 мая 2023 г. Оренбург : Оренбургс. гос. аграрный ун-т, 2023. № 1. С. 121–126.

Маньковская Д. Ю. NFT как один из способов защиты авторских прав и его связь с нормами гражданского законодательства // Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы : сборник науч. трудов III Всерос. науч.-практ. конф. М. : Моск. ун-т Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 92–97.

Михайлова П. В., Шановалова А. А., Сухоме-рин А. И. Технология *blockchain* : сущность, проблемы внедрения и перспективы развития *blockchain* в РФ // Ресурсам области – эффективное использование : сборник материалов XVIII Ежегодной науч. конф. студентов Технологического ун-та. Королев : Научный консультант, 2018. С. 103–109.

Amatriain X. Prompt design and engineering : introduction and advanced methods // arXiv. 2024. № 2401. P. 14423.

Schmidhuber J. Deep learning in neural networks : an overview // arXiv. 2015. № 1404. P. 7828.

Stasi A., David T. W. Ch. NFT marketplace – a market of fake artworks Addressing the international regulatory vacuum of NFT // International Journal of Public Law and Policy. United Kingdom : Inderscience LTD, 2023. № 4. С. 375–384.

References

Averina A., Averin A. Review of blockchain technology vulnerabilities and blockchain-system // 2019 International multi-conference on industrial engineering and modern technologies, FarEastCon 2019, Vladivostok, oct. 1–4, 2019. Vladivostok : Far Eastern Federal University, 2019. P. 8934243.

Babchenko A. I., Chukanova E. S. Problems of international legal regulation of artificial intelligence // Law enforcement function of the state : current issues of history, theory and law enforcement practice. Moscow : Publishing house IP Kolupaeva E. V., 2022. P. 29–32.

Volkova A. A., Slavnikova M. A. The phenomenon of NFT projects using the example of the NFT application «Money for Walking» // Bulletin of young scientists of the St. Petersburg State University of Technology and Design. St. Petersburg : Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design», 2023. No. 1. P. 498–504.

Grigorieva N. V. Improving the administrative and legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation // Modern law. 2023. No. 5. P. 51–53.

Ismailova N. P. Legal regulation of issues of legal personality of artificial intelligence // Development of legal creation in the educational space. Makhachkala : Dagestan State Pedagogical University named after. R. Gamzatova, 2019. P. 169–175.

Zabaikin Yu. V., Lunkin D. A. Legal aspects of studying metaverses in the Web3 environment // Issues of russian and international law. Moscow : Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Biotechnological University», 2023. No. 1. P. 222–228.

Mankovskaya D. Yu. NFT as one of the ways to protect copyright and its connection with the norms of

civil legislation // Reforming the legal model of contractual and non-contractual obligations in the era of creating a national digital ecosystem : collection of scientific papers of the III All-Russian scientific and practical conference. Moscow : Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after. V. Ya. Kikotya», 2023. P. 92–97.

Mikhailova P. V., Shapovalova A. A., Sukhoterin A. I. Blockchain technology : essence, problems of implementation and prospects for the development of blockchain in the Russian Federation // Regional resour-

ces – effective use : collection of materials of the XVIII Annual Scientific Conference of Students of the Technological University. Korolev, 2018. P. 103–109.

Amatriain X. Prompt design and engineering : introduction and advanced methods // arXiv. 2024. No. 2401. P. 14423.

Schmidhuber J. Deep learning in neural networks : an overview // arXiv. 2015. No. 1404. P. 7828.

Stasi A., David T. W. Ch. NFT marketplace – a market of fake artworks addressing the international regulatory vacuum of NFT // International Journal of Public Law and Policy. United Kingdom : Inderscience LTD, 2023. No. 4. P. 375–384.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Шестерин Н. О., аспирант Школы дизайна
E-mail: nshesterin@gmail.com

Поступила в редакцию: 19.09.2024

Для цитирования:

Шестерин Н. О. Кризис правового статуса генеративного искусственного интеллекта в медиасфере // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/57-65>

National Research University «Higher School of Economics»

Shesterin N. O., Postgraduate Student of the School of Design
E-mail: nshesterin@gmail.com

Received: 19.09.2024

For citation:

Shesterin N. O. A Crisis of legal status of generative artificial intelligence in media // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/57-65>

УДК 340:347.23,347.2/3,347.44

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/66-75>

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА (февраль 1917 – 1922 г.)

Е. С. Дерябина

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

FEATURES OF THE REGULATION OF CIVIL LAW RELATIONS IN THE HISTORY OF RUSSIAN LAW (February 1917–1922)

E. S. Deryabina

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: основной целью исследования является проведение сравнительно-правового анализа регулирования гражданско-правовых отношений в условиях разных переходных исторических ситуаций с февраля 1917 по 1922 г. На основе комплексного методологического подхода делается вывод о том, что в условиях описываемых переходных исторических ситуаций императивный метод являлся основным при регулировании имущественных отношений. Однако содержание переходных процессов было разным. Поскольку февральская буржуазно-демократическая революция не привела к качественной смене экономических основ общественной системы, вопрос права собственности на землю с учетом интересов трудящихся так и не стал предметом гражданско-правового урегулирования до созыва Учредительного собрания. Императивное правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях слома буржуазной общественной системы и создания основ советской общественной системы, отношение к гражданскому праву как к публично-правовой сфере станет ключевым системным подходом советского законодателя.

Ключевые слова: общественная система, гражданско-правовые отношения, системная методология, переходная историческая ситуация, правовая политика Временного правительства, новая экономическая политика, Гражданский кодекс РСФСР.

Abstract: the main purpose of the study is to conduct a comparative legal analysis of the regulation of civil legal relations in the conditions of various transitional historical situations from February 1917 to 1922. On the basis of a complex methodological approach, it is concluded that in the conditions of the described transitional historical situations, the imperative method was the main one in regulating property relations. However, the content of the transition processes was different. Since the February bourgeois-democratic revolution did not lead to a qualitative change in the economic foundations of the social system, the issue of land ownership, taking into account the interests of the working people, did not become the subject of a civil legal settlement before the convening of the Constituent Assembly. Imperative legal regulation of civil law relations in the context of the breakdown of the bourgeois social system and the creation of the foundations of the Soviet social system, treating civil law as a public legal sphere will become the key systematic approach of the Soviet legislator.

Key words: social system, civil law relations, system methodology, transitional historical situation, legal policy of the Provisional Government, new economic policy, Civil Code of the RSFSR.

Особенности регулирования гражданско-правовых отношений на этапе становления советского права, а также в период нэпа продолжают изучаться многими отечественными исследователями. Достаточно полно проанализированы декреты II Всероссийского съезда Советов, их влияние на изменения экономических основ советского государства, а значит и основ гражданско-правового регулирования. Также научным сообществом значительное внимание уделено анализу причин нэпа, содержанию внесенных изменений в гражданско-правовое регулирование имущественных отношений после периода «военного коммунизма». В меньшей степени затрагиваются проблемы регулирования гражданско-правовых отношений с февраля по октябрь 1917 г., хотя данный этап наиболее интересен с точки зрения анализа переходной исторической ситуации и ее влияния на государственно-правовую надстройку.

Несмотря на определенную степень изученности, данная тема продолжает быть актуальной в связи с необходимостью более глубокого рассмотрения переходных процессов в истории российского государства и права, а также осуществления сравнительно-правового анализа регулирования гражданско-правовых отношений в условиях разных переходных исторических ситуаций с февраля 1917 по 1922 г.

Типологические особенности государства и права в условиях смены общественных систем нами были выделены ранее¹. Поэтому, используя инструментарий системной методологии, ответим на вопросы:

– что общего и особенного в регулировании гражданско-правовых отношений с февраля 1917 по 1922 г.?

– как смена общественных систем влияла на содержание регулирования гражданско-правовых отношений?

При более детальном изучении гражданско-правовых институтов с февраля 1917 по 1922 г. обнаруживается сохранение в формирующемся советском праве остаточных элементов досоветского периода. В связи с этим объективно возникает необходимость анализа постпереходных этапов в развитии новой общественной системы, а также ее государственно-правовой

надстройки. Поскольку стратегическое развитие общественной системы (экономический базис) предопределяет правовой режим собственности и все, что с ней связано, важно обратиться к сравнительно-правовому анализу регулирования гражданско-правовых отношений с февраля 1917 г. до периода нэпа включительно. Поэтому на основе комплексного методологического подхода, включающего использование системного, исторического, функционального, формально-юридического и сравнительно-правового методов, необходимо проследить эволюцию в регулировании гражданско-правовых отношений с февраля 1917 до 1922 г. для выявления общего и особенного в этом процессе.

Регулирование гражданско-правовых отношений в феврале – октябре 1917 г.

Позиция Временного правительства в отношении нового государственного и правового устройства была напрямую связана с идеей созыва Учредительного собрания. В условиях политического и экономического хаоса принимать важные законодательные акты в области регулирования гражданско-правовых отношений, включая решение земельного вопроса, было достаточно сложно. Данный фактор усиливался еще и существованием разных подходов в решении наболевшего земельного вопроса. Стоит согласиться с позицией П. В. Крашенинникова, отмечающего отсутствие единства в понимании правового урегулирования земельных отношений в феврале – октябре 1917 г.: «меньшевики требовали муниципализации, эсеры – социализации, а большевики – национализации всех земель»². Не было единства и среди крестьян, так как «общинники стояли за отмену частной собственности на землю, а собственники – за ее существование»³. Тем не менее именно вопрос о земле как центральном объекте вещного права необходимо было решать в крестьянской стране.

В постановлении от 19 марта 1917 г. закрепляется важность проведения земельной реформы, являющейся «основным требованием программ всех демократических партий»⁴. Для ре-

² Крашенинников П. В. Обреченные мечтатели. Четыре временных правительства, или почему революция была неизбежна. М., 2023. С. 97.

³ Там же.

⁴ О подготовке и разработке материалов по земельному вопросу // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 9–10.

¹ См.: Дерябина Е. С. Государство и право в условиях смены общественных систем : теория и история // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2018. № 4. С. 84–98.

шения данной задачи при Министерстве земледелия создавался Земельный комитет, который должен был подготовить Программу земельной реформы до Учредительного собрания⁵. При этом Временное правительство постоянно акцентировало внимание на том, что принципиальных изменений в регулировании права собственности до созыва Учредительного собрания не будет⁶.

21 апреля 1917 г. Временное правительство издало постановление «Об учреждении земельных комитетов», которое предусматривало создание Главного земельного комитета и местных (губернских, уездных и волостных), состоящих в ведении Министерства земледелия⁷. На Главный земельный комитет возлагалось общее руководство «собираением, разработкой необходимых для земельной реформы сведений... составление общего проекта земельной реформы»⁸. В задачи губернских и уездных земельных комитетов входило: «собрание необходимых для земельной реформы сведений... приведение в исполнение постановлений центральной власти по земельным делам; издание по вопросам сельскохозяйственных и земельных отношений обязательных постановлений в пределах действующих законоположений и постановлений Временного правительства... приостановление действий частных лиц, направленных к обесцениванию земельных и сельскохозяйственных имуществ... возбуждение перед Главным земельным комитетом вопросов об изъятии таких имуществ из распоряжения частных лиц»⁹ и др. Таким образом, на земельные комитеты всех уровней возлагались функции по информационной подготовке материалов для земельной реформы и административные функции для приостановления противоправных действий частных лиц в отношении нецелесообразного использования сельскохозяйственного имущества.

Декларативный характер действий Временного правительства по вопросам правового уре-

гулирования земельных отношений, сосуществование двух источников реализации властных полномочий в центре (Временное правительство и Петроградский Совет) и на местах (губернские и уездные комиссары Временного правительства и губернские – уездные – волостные советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов) – приводили к принятию разных управленческих решений, усилению роста протестного поведения, прежде всего со стороны крестьян. Так, в условиях июльского кризиса управляющий Министерством внутренних дел И. Г. Церетели был вынужден издать «Циркуляр губернским и областным комиссарам об охране земельной собственности»¹⁰. Содержание данного документа говорит об участившихся «захватах, случаях запашки и засева чужих полей», уничтожении племенного скота, расхищении сельскохозяйственного инвентаря, неправомерной вырубке лесов, «самочинному распределению земельных угодий»¹¹. Тем самым И. Г. Церетели обращает внимание на невыполнение местными органами власти распоряжения Временного правительства от 12 июля 1917 г., предусматривавшего сохранение земельного фонда «в неприкосновенности до созыва Учредительного собрания»¹².

В условиях экономического и, как следствие, продовольственного кризиса рыночные механизмы (деньги – товар – деньги) не были эффективными, поэтому снабжение города сельскохозяйственной продукцией обеспечивалось административно-правовым регулированием, а не гражданско-правовым. Для реализации продовольственных задач на местах создавались губернские, уездные и волостные продовольственные комитеты, которые занимались реквизицией излишка хлеба в пользу городского населения. Данные действия продовольственных комитетов осуществлялись на основе постановления Временного правительства от 25 марта 1917 г., которое передавало все полномочия распоряжением хлебом в пользу государства¹³. Администрирование prodrazверстки усиливало недовольство среди крестьян деятельностью продовольственных комитетов, которые

⁵ См.: Там же. С. 10.

⁶ См.: Объявление Временного правительства о сохранении в неприкосновенности земельного фонда до созыва Учредительного собрания от 12 июля 1917 г. // Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. С. 302.

⁷ См.: Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 192–193.

⁸ Там же. С. 193.

⁹ Там же. С. 194–195.

¹⁰ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. С. 309–311.

¹¹ Там же. С. 309–310.

¹² Там же. С. 310.

¹³ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг. 1917. С. 69–109.

на практике издавали постановления и выносили резолюции «дающие повод населению к проявлению... незаконных и опасных для государства деяний»¹⁴.

Таким образом, сложившаяся политическая (свержение самодержавия, провозглашение идеи создания буржуазно-демократической республики и в то же время продолжение внешнеполитического курса царского правительства на «войну до победного конца») и социально-экономическая (сосуществование буржуазного и феодального укладов в экономике, сохранение помещичьего землевладения, отсутствие решения вопроса в отношении малоземельных и безземельных крестьян) ситуации способствовали усилению административно-правового регулирования имущественных отношений, объектом которых выступало недвижимое имущество (прежде всего земля) или движимое имущество (хлеб и иные зерновые культуры).

Несколько иной подход наблюдался в отношении правовой регламентации статуса юридических лиц, а также способа их образования. Постановление Временного правительства «О кооперативных товариществах и их союзах» от 20 марта 1917 г. впервые предусматривало возможность создания кооперативных товариществ и их регистрации окружными судами в статусе юридических лиц (концессионный порядок не допускался)¹⁵. К числу кооперативных товариществ были отнесены: кредитные и ссудо-сберегательные товарищества; потребительные общества; товарищества для производства, по совместной закупке, сбыту, транспорту и хранению товаров, для совместного пользования средствами производства, для переработки продуктов хозяйства, страховые, для совместного приобретения и пользования землей, строительные; общества для удовлетворения жилищной нужды; трудовые и биржевые артели¹⁶ и др. Упрощенный порядок создания кооперативных товариществ, безусловно, способствовал их раз-

витию. Исследуя историю отечественной кооперации, Л. Е. Файн отмечает, что к концу 1917 г. «в России насчитывалось более 63 тысяч кооперативных товариществ, в деятельности которых участвовали более 24 млн человек»¹⁷.

Однако рост кооперативных товариществ в статусе юридических лиц не решал серьезных экономических проблем, так как самый главный вопрос, касающийся права собственности на землю с учетом интересов трудящихся, не стал предметом гражданско-правового урегулирования до созыва Учредительного собрания. В связи с этим можно утверждать, что качественных изменений в правовом регулировании гражданско-правовых институтов вещного, обязательственного и наследственного права в период с февраля по октябрь 1917 г. не произошло, кроме расширения круга юридических лиц и закрепления упрощенного способа их образования.

Совсем иная ситуация будет складываться после октября 1917 г.

Регулирование гражданско-правовых отношений (октябрь 1917 – 1922 г.)

Декреты II и III Всероссийского съезда советов, последующие декреты ВЦИКа и СНК, Конституция РСФСР 1918 г. четко определили политические и экономические основы советского государства, что, безусловно являлось политической и экономической стратегией его развития в рамках советской монистической общественной системы. Однако ликвидировать экономическую многоукладность одномоментно было невозможно. В то же время стратегическая направленность советской власти по направлению создания и укрепления советской общественной системы в кратчайшие сроки приводила к частому использованию административно-правовых методов. Но содержание и реализация этих методов, в отличие от периода двоевластия, будут более классово-предметными. В Обращении II Всероссийского съезда «Рабочим, солдатам и крестьянам» от 26 октября 1917 г. четко объявлялось о переходе всей власти на местах «к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок»¹⁸. Декрет о земле закреп-

¹⁴ Приказ министра продовольствия А. В. Пешехонова продовольственным комитетам о мерах по охране посевов от 18 июля 1917 г. // Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. С. 317.

¹⁵ См.: Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 49.

¹⁶ См.: Положение о кооперативных товариществах и их союзах. Раздел первый // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 50–51.

¹⁷ См.: Крашенинников П. В. Обреченные мечтатели. Четыре временных правительства или почему революция была неизбежна. М., 2023. С. 113–114.

¹⁸ Обращение II Всероссийского съезда советов «Рабочим, солдатам и крестьянам» от 26 октября //

пил правомерность конфискации помещичьей, удельной, монастырской и церковной земли, отменив частную собственность на землю, объявив переход всех земель во всенародное достояние (а точнее – в государственную собственность)¹⁹. При этом «земли рядовых крестьян и рядовых казаков» не подлежали конфискации²⁰. В то же время в декрете местным Советам и земельным комитетам предлагалось руководствоваться Крестьянским наказом о земле, который был принят еще в мае 1917 г. на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов и опубликован 19 августа 1917 г. в газете «Известия»²¹. Наказ предусматривал выбор форм землепользования (подворное, хуторское, общинное, артельное), а также уравнильное землепользование – распределение земли в зависимости от местных условий по трудовой или потребительной норме с периодическими переделами земельного фонда²². При этом советский законодатель (не без влияния эсеров и меньшевиков, представленных в большинстве на II Всероссийском съезде) тоже акцентировал внимание на том, что «вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием»²³.

Таким образом, Декрет о земле закрепил отмену капиталистической частной собственности на землю и ее недра посредством их принудительного изъятия (национализации) у частных физических лиц в пользу государ-

ства. Поэтому советская власть в рамках стратегии экономического и политического развития советской общественной системы делала ставку на правовое закрепление государственной социалистической формы собственности, а также коллективных форм землепользования. Согласие большевиков на созыв Учредительного собрания и включение основных положений Крестьянского наказа о земле (созданного на основе экономической программы эсеров) в Декрет о земле носили в большей степени тактический характер, учитывая нестабильную социально-политическую ситуацию в стране, отсутствие широкой поддержки со стороны крестьян в первые годы существования советской власти.

Декрет о земле закрепил основные принципы проведения национализации объектов частной собственности: безвозмездность, изъятие данных объектов из гражданского оборота, доминирование административно-правового регулирования имущественных отношений.

Как следствие, в области обязательственных отношений объектами частных сделок не могли быть предметы, изъятые из гражданского оборота, на которые устанавливалась государственная монополия. Советская власть продолжила политику Временного правительства по закреплению государственной монополии на распределение хлеба, нефти, изделий из золота, табака. Решая в первую очередь политические задачи и конкретные социально-экономические (продовольственный кризис), советская власть предоставляла широкие административные полномочия местным органам управления. Так, Декрет СНК «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле» от 28 октября 1917 г. предоставлял право органам городского самоуправления издавать постановления по осуществлению надзора и контроля над частными торговыми и торгово-промышленными предприятиями, изменять их штат, устанавливать цены на производимые ими продукты, реквизировать излишки продовольствия²⁴. За «противодействие мерам городского самоуправления в деле продовольствия» виновные подвергались «тюремному заключению до года и имущественному взыска-

Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁹ См.: Декрет о земле от 27 октября 1917 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

²⁰ Декрет о земле от 27 октября 1917 г. п. 5 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

²¹ Декрет о земле от 27 октября 1917 г. п. 4 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

²² Декрет о земле от 27 октября 1917 г. Крестьянский наказ о земле. п. 7 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

²³ Декрет о земле от 27 октября 1917 г. Крестьянский наказ о земле // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

²⁴ См.: Декрет СНК «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле» от 28 октября 1917 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

нию вплоть до конфискации всего имущества в пользу городов»²⁵.

Декрет о социализации земли от 19 февраля 1918 г., с одной стороны, подтвердил основные положения Декрета о земле, с другой – в ст. 3 закреплялось «право пользоваться землей... лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом»²⁶. Таким образом, декрет сохранял различные формы землепользования (государственную, коллективную, индивидуальную), субъектами которых могли быть как коллективные хозяйства, так и индивидуальные (отдельные семьи и лица)²⁷, но предпочтение отдавалось первым²⁸. Коллективными субъектами землепользования могли быть: государство в лице органов советской власти (федеральной, областной, губернской, уездной, волостной и сельской); общественные организации (под контролем и с разрешения местной советской власти); сельскохозяйственные коммуны; сельскохозяйственные товарищества; сельские общества; торгово-промышленные и транспортные предприятия (с особого разрешения и под контролем советской власти)²⁹.

Институт землепользования реализовывался на базовых принципах формирующегося советского гражданского и земельного права: безвозмездности передачи земли с учетом нужды и классового подхода. Последний предусматривал предоставление земли «в пользование в первую очередь тем, кто желает работать на ней не для извлечения личных выгод, а для общественной пользы»³⁰. Отмена права частной собственности на важные объекты недвижимого имущества (землю, ее недра, леса, почву, телеграф, торгово-промышленные предприятия, транспорт) привела к доминированию государственной (народной) социалистической формы собственности, объектами которой стало национализированное имущество. Советские граждане данными объектами могли лишь пользоваться, включая право пожизненного пользования землей, но без права прямого распоряжения.

Вопросами распределения земли, как главного объекта недвижимого имущества, ведали «сельские, волостные, уездные, губернские, областные, главные и федеральный земельные отделы Советов» (ст. 9)³¹.

Таким образом, в проанализированных декретах все имущественные отношения, возникшие в отношении национализированных объектов, регулировались на основе императивного метода правового регулирования.

Подобный императивный подход проявлялся и при урегулировании права наследования. Декретом ВЦИК от 27 апреля 1917 г. отменялось «наследование как по закону, так и по духовному завещанию», после смерти гражданина его имущество становилось «государственным достоянием»³². Только нетрудоспособные родственники могли получить «содержание из оставшегося после него (умершего) имущества»³³, при этом внебрачные и усыновленные дети по своим имущественным правам приравнивались к нетрудоспособным законно рожденным. «Размер подлежащего выдаче супругу и оставшимся родственникам содержания из имущества умершего» определялся «учреждением, ведающим делами социального обеспечения при губернских, а в Москве и Петрограде – городских Советах Рабочих и Крестьянских Депутатов»³⁴. Для получения содержания из имущества умершего нуждающимся родственникам необходимо было обратиться в местный Совет в течение одного года со дня публикации в средствах массовой информации о факте его смерти. Нетрудоспособные родственники, включая пережившую супругу (или супруга), могли претендовать только на имущество в пределах десяти тысяч рублей³⁵. Декрет также определял порядок управления и распоряжения имуществом – «по соглашению между супругом и родственниками, а в случае спора между ними – местным судом»³⁶. Имущество, оцененное свыше десяти ты-

²⁵ Там же.

²⁶ Декрет ВЦИК «О социализации земли» от 19.02.1918 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

²⁷ См.: Там же. Раздел II.

²⁸ См.: Там же. Раздел III.

²⁹ См.: Там же. Раздел II.

³⁰ См.: Там же. Раздел III.

³¹ Декрет ВЦИК «О социализации земли» от 19.02.1918 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

³² Декрет ВЦИК «Об отмене наследования» от 27 апреля 1917 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

³³ Там же. Ст. 2.

³⁴ Там же. Ст. 4.

³⁵ См.: Там же. Ст. 9.

³⁶ Там же.

сяч рублей, переходило в распоряжение местных Советов, которые могли передавать его в управление учреждениям³⁷.

Определение размеров трудовой собственности советских граждан в пределах десяти тысяч рублей закреплялось и Декретом СНК РСФСР «О праве получения содержания из имущества лиц, объявленных отсутствующими, и о судебном признании пропавших умершими». На основании указанного декрета «нетрудоспособные родственники по прямой нисходящей и восходящей линии, полнородные и неполнородные братья и сестры и супруги лиц, признанных судом отсутствующими», получали «содержание из имущества отсутствующего в размере и порядке, предусмотренном статьями 3 и 4 декрета “Об отмене наследования”»³⁸. Днем смерти лица, объявленного судом умершим, считался день, «в который определение суда вступило в законную силу»³⁹. Если лицо, объявленное умершим, являлось после судебного признания его умершим, то оно имело «право на получение, независимо от срока своей явки, всего оставшегося имущества, находящегося в управлении учреждений»⁴⁰.

Итак, мы видим, что советская власть решила главные стратегические задачи в течение октября 1917 – июля 1918 г.: были принципиально ликвидированы все прежние органы государственной власти и создана единая централизованная система органов управления, закрепленная в последующем Конституцией РСФСР 1918 г.; советские органы власти на местах реализовывали решения центральных органов, используя судебные и административные способы урегулирования всех имущественных споров в пределах данных им компетенций; гражданско-правовые отношения преимущественно регулировались императивным способом; центральным институтом вещного права становился институт владения (обладания) трудовой собственностью, а базовой формой собственности – государственная (народная) социалистическая собственность.

Указанная выше стратегическая направленность советской общественной системы сохра-

нялась и в период нэпа. Поэтому закрепление в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. института права частной собственности (а это чуждый, не системный гражданско-правовой институт для советской общественной системы) объективно не предполагало его абсолютный характер и длительное применение.

Стоит согласиться с большинством авторов, считающих, что в условиях нэпа нужны были четко очерченные политические рамки деятельности частного капитала. В данном случае право играло обслуживающую роль. Подтверждением данному выводу является письмо В. И. Ленина к Д. И. Курскому, в котором в числе задач, стоящих перед наркомюстом в условиях проведения новой экономической политики, перечисляются: «...Обуздать, ограничить, контролировать, ловить на месте преступников, карать внушительно всякий капитализм, выходящий за рамки государственного капитализма»⁴¹. Поэтому гражданско-правовое регулирование и правоприменительная практика должны были соответствовать общей стратегии развития советской общественной системы (данная стратегия была определена конституционно, в отличие от периода двоевластия. – Д. Е).

Таким образом, период нэпа принципиально отличается от переходной исторической ситуации февраля – октября 1917 г. и отчасти периода гражданской войны (в условиях которой не на всей территории применялись декреты советских органов государственной власти и нормы Конституции РСФСР) тем, что к этому моменту была решена проблема восстановления конституционного единства в системе государственного управления и действовал единый механизм принуждения. При этом социально-экономическая и политическая стратегия развития советской общественной системы не предполагала конституционного закрепления института права частной собственности. На этой основе сформировалась и общая схема нэпа: жесткость в политике, временный относительный либерализм в экономике. Таким образом, принципиальные основы понимания роли права, закона, правотворчества в государстве не менялись, смещались лишь акценты в понимании этих терминов. Поэтому нэп может рассматриваться лишь

³⁷ См.: Там же. Ст. 5.

³⁸ Декрет СНК РСФСР «О праве получения содержания из имущества лиц, объявленных отсутствующими, и о судебном признании пропавших умершими» от 17 июня 1918 г. Ст. 1 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

³⁹ Там же. Ст. 24.

⁴⁰ Там же. Ст. 26.

⁴¹ Ленин В. И. Письмо Д. И. Курскому от 20.11.1922 «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики». URL: <http://libelli.ru/works/44-1.htm> (дата обращения: 22.01.2024).

как проявление постпереходного этапа в истории российского государства и права.

Интересен описываемый Т. Е. Новицкой факт обсуждения на заседании СНК РСФСР 24 октября 1922 г. вопроса о «систематизации материалов по пересмотру настоящего кодекса (ГК РСФСР 1922 г. – *Е. Д.*) с тем, чтобы 1 января 1925 г. было подготовлено второе издание этого кодекса»⁴². Таким образом, кодекс еще не был принят, а уже велась дискуссия о необходимости внесения изменений, исходя из анализа реализации гражданско-правовых норм на практике. Данный факт подтверждает неуверенность советской власти в необходимости внесения качественных изменений в гражданско-правовое регулирование, однако вносимые изменения будут носить тактический временный характер, не затрагивая системных ценностей.

Одним из системных табу при урегулировании права собственности являлась социалистическая собственность на основные средства производства, поэтому земля не могла быть предметом частного оборота (ст. 21)⁴³, что, безусловно, сказалось на особенностях гражданско-правового регулирования имущественных отношений в условиях нэпа. Так, закрепление трех форм собственности в ст. 52 ГК РСФСР 1922 г. (государственной, кооперативной и частной) не предусматривало их равного статуса, поэтому любые сделки, наносящие вред государству, признавались недействительными (ст. 30). Именно государство в лице советских органов власти в центре и на местах начинает выступать активным участником гражданско-правовых отношений, используя административные рычаги.

Определялся достаточно узкий круг предметов частной собственности (ст. 54) и пределы (ограничения) распоряжения ею (например, домовладением). Оценивая ГК РСФСР 1922 г., Д. А. Пашенцев справедливо обращает внимание на отсутствие закрепления системы охраны личных неимущественных прав граждан, как следствие – гражданская правоспособность была связана только с личными имущественными правами⁴⁴.

Национализированные объекты продолжали являться предметом государственной социалистической собственности, но могли передаваться в пользование на условиях концессионных соглашений с государством. Нарушение подобного соглашения могло рассматриваться как хозяйственное преступление по УК РСФСР 1922 г.

В связи с отменой частной собственности на землю и недопущением данного объекта в гражданский оборот ГК РСФСР 1922 г. не предусматривал деление имущества на движимое и недвижимое, что объективно вызывало доминирование административно-правового регулирования в области имущественных отношений.

Советский законодатель также отказался от правопреемства в закреплении института владения как законного фактического обладания вещью, что было предусмотрено Сводом законов Российской империи.

Возвращение к гражданско-правовому урегулированию института наследования в условиях нэпа безусловно является позитивным шагом со стороны советского законодателя. Но сохранение ограничения в праве наследования до 10 тысяч золотых рублей (ст. 416) и возможность «раздела или ликвидация наследственного имущества в части, превышающей предельную стоимость наследства, в пользу заинтересованных органов государства» (ст. 417)⁴⁵ вновь отражали доминирование императивного правового регулирования данного гражданско-правового института.

ГК РСФСР 1922 г. закреплял три основания для возникновения обязательственных отношений: из договоров, вследствие неосновательного обогащения и вследствие причинения вреда (ст. 106). Договорные отношения строились на принципе как индивидуальной, так и солидарной ответственности. Т. Е. Новицкая отмечает влияние А. Г. Гойхбарга на особенности правового урегулирования ответственности за причиненный вред – с учетом «связи вреда с деятельностью причинившего вред»⁴⁶. Тем самым советский законодатель делал правовой акцент на социальной направленности причиненного

⁴² Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М., 1922. С. 55.

⁴³ Гражданский кодекс РСФСР от 31 октября 1922 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

⁴⁴ См.: Пашенцев Д. А. Особенности развития советского гражданского права на начальном этапе (1917–

1922) // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Юриспруденция. 2017. № 4. С. 25.

⁴⁵ Гражданский кодекс РСФСР от 31 октября 1922 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1.htm (дата обращения: 15.01.2024).

⁴⁶ Новицкая Т. Е. Указ. соч. С. 101.

вреда. Однако, несмотря на отсутствие дефиниции «вины», в Кодексе закрепляются формы вины. Отношение к гражданскому праву как к публично-правовой области отражалось в закреплении ограничения ответственности государства за причиненный вред и установления годичного срока исковой давности (ст. 404).

Безусловно, данный перечень особенностей гражданско-правового регулирования не является исчерпывающим. Хотелось лишь акцентировать внимание на условиях, в рамках которых осуществлялось данное правовое регулирование и которые предопределили доминирование императивного метода правового регулирования гражданско-правовых отношений в период нэпа: частные права граждан содержали лишь те правомочия, которые были предусмотрены ГК РСФСР 1922 г., все иные правомочия принадлежали государству; присутствовали ограничения в распоряжении частной собственностью; осуществлялся жесткий контроль со стороны государства за соблюдением существенных условий концессионного соглашения, нарушение которого могло рассматриваться как хозяйственное преступление по УК РСФСР 1922 г.; сохранялся налоговый пресс на физических и юридических лиц; были введены ограничения в праве наследования; произошел отказ от закрепления института законного владения как фактического обладания вещью и др. Императивное правовое регулирование гражданско-правовых отношений явилось объективным результатом выбранной социально-экономической и политической стратегии советского государства, отраженной в том числе в Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1924 г.

Степень императивности еще более усилится в ГК РСФСР 1924 г., в котором термин «частная собственность» будет вообще изъят из нормативного оборота. Вместо него будет закреплён институт личной собственности советских граждан.

Введение продналога вместо продразверстки, осуществление частичной денационализации мелкой кустарной промышленности, закрепление института частной собственности, расширение видов гражданско-правовых договоров (договоров аренды, концессии), введение хозрасчета на государственных предприятиях и др. являлись тактическими шагами советского законодателя и носили временный характер.

Таким образом, рассмотрение лишь неко-

торых аспектов гражданско-правового регулирования на фоне социально-экономического и политического развития российского государства в период с февраля 1917 по 1922 г. включительно позволяет выделить одну общую черту: доминирование императивного правового регулирования институтов вещного права и обязательственных договорных отношений. В то же время социально-экономическое развитие общественной системы оказывало серьезное влияние на особенности гражданского правового регулирования. Февральская буржуазно-демократическая революция не изменила социально-экономических основ функционирующей капиталистической (рыночной) общественной системы с ее многоукладностью, поэтому гражданско-правовые институты, закреплённые Сводом законов Российской империи, должны были остаться неизменными до созыва Учредительного собрания. Однако политическая и экономическая ситуации, связанные с системой двоевластия, продовольственным кризисом и просто хаосом в стране, отражающим порой безвластие, заставляли Временное правительство применять директивные (административные) способы регулирования имущественных отношений, прежде всего земельных и обязательственных договорных. Причем применение данных административных методов регулирования гражданско-правовых отношений с позиции Временного правительства являлось вынужденным временным шагом.

Совсем другая ситуация сложилась после 25 октября (7 ноября) 1917 г. Практически все декреты II Всероссийского съезда Советов и последующие решения ВЦИК и СНК РСФСР, Конституция РСФСР 1918 г. были направлены на закрепление советской общественной системы, что предопределило отказ от деления системы права на частное и публичное, отношение к гражданскому праву как к публично-правовой сфере и, как следствие, императивное регулирование имущественных отношений. Данные изменения преимущественно носили накопительный системный характер и стратегически были направлены на упрочение социально-экономических, политических и правовых основ формирующейся советской общественной системы.

Гражданская война показала, что переходный этап в формировании советской общественной системы не завершился. Поэтому нэп стал временным постпереходным периодом, направ-

ленным на дальнейшее упрочение советской общественной системы, экономической основой которой оставалась государственная социалистическая собственность на основные средства производства. В отличие от периода февраля – октября 1917 г. допущение с ограничениями права частной собственности, института наследования, договорных отношений в ГК РСФСР 1922 г. – было временным и носило тактический характер. В основе гражданско-правового регулирования лежал системообразующий императивно-диспозитивный метод.

Библиографический список

- Крашенинников П. В.* Обреченные мечтатели. Четыре временных правительства или почему революция была неизбежна. М. : Эксмо, 2023. 251 с.
- Ленин В. И.* Письмо Д. И. Курскому от 20.11.1922 «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики». URL: <http://libelli.ru> (дата обращения: 22.01.2024).
- Новицкая Т. Е.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М. : Зерцало-М, 2002. 224 с.

Пашенцев Д. А. Особенности развития советского гражданского права на начальном этапе (1917–1922) // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Юриспруденция. 2017. № 4. С. 22–26.

Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. 624 с.

References

- Krashennnikov P. V.* Doomed dreamers. Four provisional governments or why the revolution was inevitable. Moscow : Eksmo, 2023. 251 p.
- Lenin V. I. Letter from D. I. Kursky dated November 20, 1922 «On the tasks of the People’s Commissariat of Justice in the conditions of the new economic policy». URL: <http://libelli.ru> (date of access: 01.22.2024).
- Novitskaya T. E.* Civil Code of the RSFSR of 1922. Moscow : Zertsalo-M, 2002. 224 p.
- Pashentsev D. A.* Features of the development of Soviet civil law at the initial stage (1917–1922) // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2017. No. 4. P. 22–26.
- Revolutionary movement in Russia in July 1917. The July crisis. Moscow, 1959. 624 p.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Дерябина Е. С., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

E-mail: esderyabina@mail.ru

Поступила в редакцию: 06.02.2024

Для цитирования:

Дерябина Е. С. Особенности регулирования гражданско-правовых отношений в истории российского права (февраль 1917–1922 г.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 66–75. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/66-75>

National Research University «Higher School of Economics»

Deryabina E. S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Civil and Business law Department

E-mail: esderyabina@mail.ru

Received: 06.02.2024

For citation:

Deryabina E. S. Features of the regulation of civil law relations in the history of Russian law (February 1917–1922) // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 66–75. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/66-75>

**О СИНГУЛЯРНОМ ПРАВОПРЕЕМСТВЕ
В ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ
ПОСТАВЩИКА (ИСПОЛНИТЕЛЯ, ПОДРЯДЧИКА)
ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ (МУНИЦИПАЛЬНЫМ) КОНТРАКТАМ***

А. С. Яковлев, А. И. Поротиков
Воронежский государственный университет

**ON SINGULAR SUCCESSION IN THE RIGHTS
AND OBLIGATIONS OF SUPPLIERS (CONTRACTORS)
UNDER STATE (MUNICIPAL) CONTRACTS**

A. S. Iakovlev, A. I. Porotikov
Voronezh State University

Аннотация: рассматриваются особенности сингулярного перехода прав и обязанностей поставщика (исполнителя, подрядчика) в государственных (муниципальных) контрактах. Анализируются юридико-технические, догматические, политико-правовые основания для ограничения правопреемства на стороне поставщика (исполнителя, подрядчика). Поднимаются проблемы допустимости перевода долга по контракту на основании сделки, а также запреты замены исполнителя контракта.

Ключевые слова: правопреемство, исполнение обязательства, контрактная система, государственный контракт.

Abstract: the features of the singular transfer of rights and obligations of the supplier (performer, contractor) in state (municipal) contracts are considered. The article analyzes the legal, technical, dogmatic and political grounds for restricting succession on the side of the supplier (contractor). The authors discuss the problems of the admissibility of transferring debt under a contract on the basis of a transaction, as well as prohibitions on replacing the contract executor.

Key words: succession, fulfillment of obligations, contract system, state contract.

**Перевод долга в силу закона и запрет
перемены исполнителя контракта**

Положения Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (да-

лее – Закон о контрактной системе)¹ в качестве предмета контракта допускают аренду имущества для публичных нужд, в которой место исполнителя контракта занимает арендодатель, являющийся по смыслу ст. 608 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)² либо собственником такого имущества, либо лицом уполномоченным законом или собственником сдавать имущество в аренду.

К одной из особенностей регулирования отношений по поводу аренды в отечественном

* Статья является продолжением размышлений авторов о допустимости и ограничениях правопреемства по обязательствам в государственных контрактах. Первую часть см.: Яковлев А. С., Поротиков А. И. Об универсальном правопреемстве в правах и обязанностях поставщика (исполнителя, подрядчика) по государственным (муниципальным) контрактам // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. 2023. № 4. С. 111–118.

© Яковлев А. С., Поротиков А. И., 2024

¹ Рос. газета. 2013. № 80.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

законодательстве относится так называемый принцип следования, закрепленный в ст. 617 ГК РФ, согласно которому при отчуждении сданной внаем вещи к новому собственнику переходят права по ранее заключенному договору аренды, а его права в отношении вещи обременяются правами арендатора. Лицо, к которому перешло право собственности на арендуемое имущество, вне зависимости от волеизъявления арендатора в силу закона приобретает права и обязанности арендодателя, прежний собственник этого имущества выбывает из правоотношений по его аренде независимо от того, внесены изменения в договор аренды или нет, а соответствующий договор продолжает регулировать отношения между новым арендодателем и арендатором³.

Сохранение аренды при распоряжении арендованным имуществом является отступлением от общего правила относительности обязательственных отношений (п. 3 ст. 308 ГК РФ), допускаемым законодателем в интересах арендатора, чье спокойное владение не может быть нарушено по воле арендодателя, который в ином случае получил бы беспрепятственную возможность в любой момент избавиться от арендного обременения, продав вещь третьему лицу с оговоркой об обратном выкупе. Выступая побочным следствием распоряжения арендованной вещью, перемена лица на стороне арендодателя в силу ст. 617 ГК РФ представляет собой частный случай одновременной уступки требования и, что для нас важнее, перевода долга, который происходит не по сделке⁴, а в силу закона (ст. 387, 392.2 ГК РФ).

Нетрудно заметить, что общее правило о переводе обязательства по договору аренды вступает в конфликт с буквально истолкованной нормой ч. 5 ст. 95 Закона о контрактной системе, не предусматривающей подобного исключения из запрета перемены исполнителя в публичном контракте⁵. Поскольку правила о кон-

трактной системе не ограничивают собственника в праве распорядиться принадлежащим ему имуществом, такое толкование рассматриваемого нами императива позволяет арендодателю, более не стесненному принципом следования, навязанным ему положениями ст. 617 ГК РФ в интересах арендатора, самому определять судьбу арендного обязательства, решая, в какой момент его прекратить, для чего достаточно продать сданную внаем вещь покупателю, которым скорее всего окажется аффилированное с ним лицо.

В подобных условиях государственный заказчик – арендатор вопреки существованию арендного обязательства, запрету произвольного отказа от исполнения договора оказывается в заведомо слабой договорной позиции, попадает в зависимость от арендодателя, его доброй совести и желания продолжать договорные отношения⁶. Между тем такое положение дел вступает в явное противоречие с целями и существом законодательного регулирования контрактных отношений, а потому позволило судам отказаться от буквального понимания анализируемой здесь нормы в пользу ее расширительного толкования, устраняющего кажущееся противоречие между правилами о контрактной системе и принципом следования, заложенном в нормах гражданского законодательства.

По одному из дел Арбитражный суд Московского округа в этой связи указал, что установление общего императивного запрета на замену стороны контракта согласно ч. 5 ст. 95 Закона о контрактной системе не содержит принципиального отрицания действия п. 1 ст. 617 ГК РФ в части установления гарантий правового положения арендатора при смене собственника арендуемого имущества, как и не закрепляет запрета собственнику на свободное распоряжение принадлежащим ему имуществом⁷. Сходная логика с необходимостью распространяется и на иные случаи, в которых проявляется действие принци-

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 305-ЭС20-14025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Договор купли-продажи, имеющий другой предмет и заключаемый без согласия арендатора, к таким сделкам относиться не может.

⁵ Подчеркнем, что вопросы правопреемства в различных категориях обязательственных отношений, не только в области контрактной системы, уже становились предметом доктринального анализа, в результате которого были выявлены многочисленные пробелы и кол-

лизии правового регулирования. (См.: Ягельницкий А. А. Категория правопреемства в российском гражданском праве. М., 2011. 263 с.).

⁶ Сходная ситуация складывается и в обязательствах по поводу исключительных прав, в которых заказчик с риском для себя приобретает лицензию, которая в любой момент может быть отозвана правообладателем.

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 июля 2021 г. № Ф05-15716/2021 по делу № А40-143913/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

па следования. Так, при переходе исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к новому правообладателю последний в силу п. 7 ст. 1235 ГК РФ становится лицензиаром на условиях ранее заключенного лицензионного договора. Такая замена должника, обеспечивающая интересы кредитора – государственного заказчика, также должна выводиться из-под действия запрета перемены исполнителя.

Изложенного достаточно для вывода о том, что специальные положения ч. 5 ст. 95 Закона о контрактной системе не могут быть истолкованы вопреки общим правилам п. 1 ст. 617, п. 7 ст. 1235 ГК РФ, которые в большей степени, нежели специальные нормы Закона о контрактной системе, соответствуют целям законодательного регулирования, принципу защиты публичного интереса в контрактном обязательстве.

Допустимость перевода долга по контракту на основании сделки

Известно, что одним из необходимых условий замены должника в обязательстве является согласие кредитора на перевод долга, поскольку для кредитора далеко не безразлично, кто является должником (имущественное положение должника, репутация, опыт, способность исполнить обязательство и т. п.). В отличие от общих правил ГК РФ Закон о контрактной системе устанавливает безусловный, не зависящий от воли кредитора запрет на перевод долга по контракту⁸.

«В ходе реформы гражданского законодательства в текст ГК порой попадают нормы, не отличающиеся четкостью формулировок и устанавливающие чрезмерные, не имеющие сколько-нибудь разумного правно-политического обоснования ограничения гражданского оборота. Одной из таких норм является правило п. 7 ст. 448, появившееся в Кодексе с 01.06.2015, которое запрещает уступку прав по обязательствам,

возникшим из договора, заключение которого в силу закона возможно только на торгах. С учетом того что он находится в одном пункте с запретом перевода долга, возложения исполнения и декларацией о необходимости личного исполнения победителем торгов таких договоров, этот запрет следовало бы понимать как исключаящий замену в обязательстве лица, выигравшего торги, иным лицом, т. е. как инструмент противодействия разного рода злоупотреблениям при торгах. Соответственно, и применяться это ограничение должно лишь там, где такие злоупотребления в принципе возможны»⁹.

Возможно, такое регулирование обусловлено идеей недопущения возможных злоупотреблений со стороны представителей заказчиков, распоряжающихся не своими, а бюджетными средствами. Кроме того, для заказчиков осуществление закупок зачастую является далеко не основным видом деятельности. В этой связи руководители и персонал заказчика могут не обладать достаточной компетенцией для оценки всех возможных правовых последствий своего поведения при исполнении контракта. Так, еще Высший Арбитражный Суд РФ акцентировал внимание на том, что Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» устанавливает императивные требования к заказчикам и исключает для них возможность действовать по собственному усмотрению исходя из гражданско-правового принципа «можно все, что прямо не запрещено»¹⁰.

Подобные меры защиты публичных интересов трудно назвать последовательными. Ведь именно заказчику предоставлено право определять предмет и условия закупки, что предполагает у него достаточную компетенцию для осуществления закупки. Недюжинной квалификации и опыта сотрудников заказчика требует и знание обширного свода норм, которые наряду с Законом о контрактной системе помещаются в едва обозримом количестве подзаконных актов.

⁸ Отметим, что в доктрине неоднократно обсуждались вопросы уступки права требования по государственным (муниципальным) контрактам, которые так же, как и перевод долга, вызвали дискуссию о допустимости замены кредитора в данных обязательствах в связи с коллизиями в правовом регулировании между нормами ГК РФ и Закона о контрактной системе. (См. подробнее: Чваненко Д. А. Можно ли уступить требование по госконтракту? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 г. № 307-ЭС16-19959 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 31–35).

⁹ Латыев А. Н. Уступка прав по договору, заключенному на торгах. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20 апреля 2017 г. № 307-ЭС16-19959 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 4.

¹⁰ Постановление Президиума ВАС РФ от 28 января 2014 г. № 11535/13 по делу № А40-148581/12, А40-160147/12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ранее уже упоминалось о том, что для публичных контрактов требование реального исполнения имеет особое значение, обусловленное потребностями удовлетворения публичных нужд. Так, заказчик, да и публичное образование, в интересах которого заключается контракт, заинтересованы в том, чтобы дороги были отремонтированы, больные получили лекарства, а дети – питание в дошкольных учреждениях.

Представим ситуацию, когда, например, поставщик лекарств или питания по каким-либо причинам не может надлежащим образом исполнить контракт. В этом случае доступные заказчику средства защиты сводятся к ограниченному набору способов с присущими им высокими издержками для кредитора. По общему правилу заказчик вправе применять к такому поставщику меры имущественной ответственности в виде неустойки, требовать возмещения убытков, для определения и взыскания которых обычно нужно приложить незаурядные усилия. Он может отказаться от контракта, заказав нужное у последующих участников закупки по правилам ч. 17.1 ст. 95 Закона о контрактной системе, что требует соблюдения неспешной процедуры, связанной со включением информации о первом исполнителе в реестр недобросовестных поставщиков. При этом объем работы или услуги, выполняемой (оказываемой) вторым участником, должны быть уменьшены с учетом количества поставленного товара, объема выполненной работы или оказанной услуги по расторгнутому контракту, относительно чего у сторон почти всегда имеются разногласия, разрешаемые в ходе долгих судебных тяжб, до окончания которых судьба замещающей сделки оказывается в подвешенном состоянии. Для того чтобы заново разместить заказ, требуется время, ограниченное сроками принятия бюджетных обязательств и заключения контрактов¹¹. Тем временем больные остаются без лекарств, детское питание отсутствует, а скорая медицинская помощь не оказывается.

Положение заказчика оказывается не столь бедственным, если, преследуя цели максимально полного и эффективного удовлетворения публичных нужд, допустить принципиальную воз-

можность перевода долга исполнителя по контракту.

Несмотря на то, что в приведенных примерах речь идет не столько о переводе долга, сколько о передаче договора в целом, ситуация перехода долга без одновременной уступки требования также является вполне реальной, например, в случае, когда после исполнения основного обязательства по поставке у исполнителя возникнут сложности, связанные с выполнением гарантийных обязательств, которые с пользой для всех могут быть перенесены на другое лицо. Очевидно, что для этого требуется предусмотреть механизм защиты публичных интересов от возможных злоупотреблений, связанных прежде всего с обходом правил о торгах, справедливой конкуренции, с тем, чтобы риск недобросовестности сторон контрактной системы не позволил отказаться от плодотворной идеи оборотоспособности обязательств из контрактов.

Так, понятно, что новый исполнитель должен соответствовать требованиям, которые предъявлялись заказчиком к участникам торгов, с учетом очередности в соответствии с ч. 17.1 ст. 95 Закона о контрактной системе; а также предоставить предусмотренное данным законом обеспечение исполнения и отвечать иным правилам и моделям регулирования, поиск которых нуждается в более детальном исследовании.

Особенности перемены исполнителя в государственных (муниципальных) контрактах, заключенных с единственным поставщиком

Большинство ранее изложенных аспектов касалось контрактов, заключаемых по результатам проведения конкурентных процедур. Однако Закон о контрактной системе предусматривает возможность заключения контракта и без них в ходе закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в случаях, установленных ст. 93. В частности без проведения торгов могут заключаться контракты на закупку товара, работы или услуги, которые относятся к сфере деятельности субъектов естественных монополий; оказание услуг по водоснабжению, водоотведению, теплоснабжению, обращению с твердыми коммунальными отходами, газоснабжению; договоры энергоснабжения или договоры купли-продажи электрической энергии с гарантирующим поставщиком электрической энергии и т. п. Поставщики,

¹¹ О мерах по обеспечению исполнения федерального бюджета : постановление Правительства РФ от 9 декабря 2017 г. № 1496 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 51. Ст. 7807.

о которых идет речь, потому и оказываются единственными, что обычно не имеют конкурентов на рынке товаров, работ и услуг.

В этой ситуации запрет правопреемства при реорганизации, например, субъекта естественной монополии, будет означать, что публичный интерес, который не может быть удовлетворен иным лицом, окажется необеспеченным. Те же результаты, но по иным причинам, наблюдаются в случае малых закупок, производимых в порядке п. 4, 5 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, в особенности когда такие контракты заключаются не в электронной форме с использованием электронной площадки (ч. 12 ст. 93). Обособление этой группы контрактов призвано по мысли законодателя снизить издержки конкурсных процедур, которые для данной категории оказываются неоправданно высокими и не покрываются присущими им выгодами. Препятствия в мобилизации обязательств, возникающих по поводу малых закупок, точно так же, как торги, оборачиваются непомерной ценой для оборота, а потому мешают ему, создавая дополнительные риски, которые влияют на повышение цены и в конце концов приводят к неэффективному расходованию бюджетных средств.

Очевидно, что степень договорной свободы сторон такого контракта должна быть существенно выше, нежели при осуществлении конкурентных закупок. Собственно, даже сам Закон о контрактной системе, в изъятие из общего правила о недопустимости изменения условий контракта, применительно к контрактам с единственным поставщиком такое изменение прямо допускает (п. 10 ч. 1 ст. 95).

Подводя итог сказанному, нужно отметить, что попытки ограничивать общие положения гражданского права для защиты публичных интересов, особенно в области заключения государственных контрактов и особенно на торгах, можно признать обоснованными, если только такие ограничения будут продуманными и последовательными, не станут создавать дисбаланс в отношениях сторон контракта. Следует согласиться с коллегой Э. Е. Бершицким, отметившим: «Оценочных ограничений преемства, устанавливаемых в публичных интересах, должно быть меньше всего. Оптимальный вариант закрепления ограничений – точечные запреты, сформулированные ясно и недвусмысленно. Таковы требования правовой определенности <...> аккумулировать все такие случаи и вы-

работать для всех них единый режим, по всей видимости, вряд ли возможно, особенно учитывая, насколько тонка грань между ограничениями этой группы и ограничениями, устанавливаемыми, скажем, в интересах кредиторов»¹².

Библиографический список

Бершицкий Э. Е. Оценочные ограничения сингулярного правопреемства в обязательственных правах на стороне кредитора : в поисках критериев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 2. С. 50–104 ; № 3. С. 115.

Латыев А. Н. Уступка прав по договору, заключенному на торгах. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 г. № 307-ЭС16-19959 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 4–8.

Чваненко Д. А. Можно ли уступить требование по госконтракту? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 г. № 307-ЭС16-19959 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 31–35.

Ягельницкий А. А. Категория правопреемства в российском гражданском праве. М., 2011. 263 с.

References

Bershitsky E. E. The appraisal restrictions of the singular succession in obligatory rights on the side of the creditor : in search of criteria // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 2. P. 50–104 ; no. 3. P. 115.

Latyev A. N. The assignment of rights under an agreement concluded at the auction. Commentary on the determination of the Judicial Collegium for Economic disputes of the Armed Forces of the Russian Federation of 04.20.2017 No. 307-ES16-19959 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 6. P. 4–8.

Kvanenko D. A. Is it possible to give in to the requirement on the state contract? Commentary on the determination of the Judicial Collegium for Economic disputes of the Armed Forces of the Russian Federation of 04.20.2017 No. 307-ES16-19959 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 5. P. 31–35.

Yagelnitsky A. A. The category of succession in Russian civil law. M., 2011. 263 p.

¹² *Бершицкий Э. Е.* Оценочные ограничения сингулярного правопреемства в обязательственных правах на стороне кредитора : в поисках критериев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 2. С. 50–104 ; № 3. С. 115.

Воронежский государственный университет
Яковлев А. С., кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
E-mail: ayakov@yandex.ru

Поротиков А. И., кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
E-mail: 820080@mail.ru

Поступила в редакцию: 19.09.2024

Для цитирования:

*Яковлев А. С., Поротиков А. И. О сингулярном
правопреемстве в правах и обязанностях постав-
щика (исполнителя, подрядчика) по государствен-
ным (муниципальным) контрактам // Вестник
Воронежского государственного университета.
Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 76–81. DOI: [https://
doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/76-81](https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/76-81)*

Voronezh State University
Iakovlev A. S., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Civil Law and Process
E-mail: ayakov@yandex.ru

Porotikov A. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Civil Law and Process
E-mail: 820080@mail.ru

Received: 19.09.2024

For citation:

*Iakovlev A. S., Porotikov A. I. On singular succession
in the rights and obligations of suppliers (contractors)
under state (municipal) contracts // Proceedings of
Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58).
P. 76–81. DOI: [https://doi.org/10.17308/law/1995-
5502/2024/3/76-81](https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/76-81)*

К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОССТАНОВЛЕНИИ УТРАЧЕННОГО СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Е. А. Грицких

Российский государственный университет правосудия

ON THE ISSUE OF UNIFICATION OF THE NORMS OF CIVIL PROCEDURAL LEGISLATION ON THE RESTORATION OF LOST JUDICIAL PROCEEDINGS

E. A. Gritskikh

Russian State University of Justice

Аннотация: анализируются проблемы, возникающие при применении положений главы 38 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, посвященной восстановлению утраченного судебного производства; выявляются противоречия между общими нормами гражданского процессуального права и специальными нормами, присущими данной категории дел особого производства; обращается внимание на пробелы в правовом регулировании, выдвигаются предложения по их устранению.

Ключевые слова: унификация гражданского процессуального законодательства, восстановление утраченного судебного производства, отказ в восстановлении утраченного судебного производства, отказ в возбуждении дела о восстановлении утраченного судебного производства.

Abstract: the article analyzes the problems arising in the application of the provisions of Chapter 38 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, devoted to the restoration of lost judicial proceedings, identifies contradictions between the general norms of civil procedure law and special norms inherent in this category of special proceedings, draws attention to gaps in legal regulation, and puts forward proposals to eliminate them.

Key words: unification of civil procedural legislation, restoration of lost judicial proceedings, refusal to restore lost judicial proceedings, refusal to initiate proceedings for the restoration of lost judicial proceedings.

Одной из задач гражданского судопроизводства, закрепленной в ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГПК РФ), является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел. Вместе с тем решение этой задачи невозможно без системы ясных и понятных правоприменителю процессуальных норм, которые должны находиться в системном един-

стве и не противоречить друг другу. Как отмечает Е. Г. Потапенко, «от правильного отражения в законодательстве структуры гражданского процессуального права зависят не только его стройность и логичность, но и эффективность правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности, а значит, эффективность судопроизводства по конкретным гражданским делам»².

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 06.04.2024, с изм. от 04.06.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Грицких Е. А., 2024

² Потапенко Е. Г. Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вместе с тем не все положения ГПК РФ отвечают принципу правовой определенности и согласуются между собой. Одним из таких институтов гражданского процессуального права, специальные нормы которого, на наш взгляд, в значительной степени не соответствуют общим нормам и допускают произвольное толкование в правоприменительной практике, является восстановление утраченного судебного производства. На необходимость унификации норм законодательства о восстановлении утраченного судебного производства, которая обеспечит единообразие в правовом регулировании сходных общественных отношений, не раз обращали внимание многие ученые-процессуалисты.

В частности предметом анализа неоднократно становилась предусмотренная ст. 315 ГПК РФ норма об отказе в возбуждении дела о восстановлении утраченного судебного производства, которая неизвестна искомому производству и является процессуальной особенностью только данной категории дел. Отказ в возбуждении дела с точки зрения его содержания ученые рассматривают как аналог отказа в принятии заявления, предусмотренного ст. 134 ГПК РФ, полагая, что такая формулировка является недостатком построения нормативного материала в главе 38 ГПК РФ³.

Используя функциональный и сравнительно-правовой методы, проведем анализ положений процессуального законодательства, регулирующих условия, порядок принятия заявления и рассмотрения дел о восстановлении утраченного судебного производства с целью выявления противоречий между общими и специальными нормами права, последующего их устранения и создания законодателем единого логичного и упорядоченного комплекса положений, регулирующих сходные правоотношения.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в цивилистическом процессе отсутствуют какие-либо альтернативы институту восстановления утраченного судебного производства. Решение суда становится обязательным для участвующих в деле лиц, а также для всех граждан и организаций после вступления его в законную силу. Утрата судебного производства, в котором было вынесено решение, не позволяет вос-

создать его каким-либо другим способом, кроме установления факта принятия такого решения самим судом, его вынесшим. Иное восстановление, например, посредством воссоздания копии документа за счет информации, сохранившейся в информационной базе данных суда, в любом случае будет являться ущербным, поскольку не придает ему законной силы судебного решения. Не даром в Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), утвержденной Постановлением Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 г. № 100, предусмотрена возможность восстановления по имеющимся материалам с использованием информации, поданной заявителем в электронном виде, а также содержащейся в информационных справочных системах «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов» и в системе автоматизации судопроизводства только утраченного дела, производство по которому не прекращено (п. 16.7)⁴.

Несмотря на пробел в законодательстве и отсутствие данной категории дел в других процессуальных кодексах, таких как Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ, процедура восстановления утраченного судебного производства, оконченного рассмотрением дела по существу, давно и успешно применяется на практике по аналогии закона не только судьями судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, но судьями арбитражных судов⁵, в том числе по своей инициативе при возникновении объективной необходимости.

Положение о возможности восстановления утраченного судебного производства по инициативе суда было воспринято законодателем из практики арбитражных судов, и с 1 сентября 2024 г. в ст. 313 ГПК РФ Федеральным законом от 12 июня 2024 г. № 135-ФЗ вносятся соответ-

⁴ Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций) : постановление Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 г. № 100 (в ред. от 11.07.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 октября 2020 г. № 88-15673/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2021 г. № 88а-8170/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствующие изменения. Расширяя за счет суда круг лиц, по инициативе которых возможно восстановление утраченного производства, законодатель тем самым обеспечил большую свободу и гибкость гражданского процесса в целях обеспечения всесторонней защиты прав заинтересованных лиц.

Как известно, одной из отличительных черт особого производства выступает наличие цели, для которой заявитель просит установить юридический факт, признавать гражданина безвестно отсутствующим или объявить гражданина умершим. При этом цель должна иметь правовой характер, т. е. влечь для заявителя возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав. На необходимость приведения такой цели в качестве требования к заявлениям по делам особого производства обращается внимание в ч. 1 ст. 264, 265, 267, 277, 314 ГПК РФ.

В отличие от других категорий дел особого производства в ст. 315 ГПК РФ четко предусмотрены последствия отсутствия указания на цель обращения в суд в заявлении о восстановлении утраченного судебного производства в виде оставления его без движения, а в случае, если указанная заявителем цель обращения не связана с защитой его прав и законных интересов – в виде отказа в возбуждении дела о восстановлении утраченного судебного производства или оставления заявления без рассмотрения, если дело было возбуждено.

Оставление судьей заявления без движения в случае отсутствия в заявлении о восстановлении утраченного судебного производства цели обращения в суд не вызывает каких-либо нареканий, поскольку закрепленное в ст. 46 (ч. 1) Конституции Российской Федерации право на судебную защиту предполагает возможность обращения в суд только в установленном федеральным законом порядке. Такой порядок предусматривает в том числе необходимость соблюдения требований, предъявляемых к оформлению соответствующего обращения в судебные органы. Нарушение требований, предъявляемых к содержанию заявления, допущенное лицом, обратившимся в суд, в силу ч. 1 ст. 136 ГПК РФ, которую суды применяют по аналогии с другими делами особого производства, является основанием для оставления искового заявления без движения⁶.

⁶ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 29 августа 2023 г. по делу № 33-12920/2023, № 9-112/2023. Доступ из справ.-правовой

Вместе с тем последствия, предусмотренные ст. 315 ГПК РФ, в виде отказа в возбуждении дела о восстановлении утраченного судебного производства или оставления заявления без рассмотрения, если цель, указанная заявителем, не влечет для заявителя возникновения, изменения или прекращения его личных или имущественных прав, противоречат положениям общих норм гражданского процесса, подлежащих применению в сходных ситуациях, и выбиваются из единообразной судебной практики. Так, по делам особого производства в случае, если цель, указанная заявителем, не влечет для заявителя возникновения, изменения или прекращения его личных или имущественных прав, суды выработали подход, при котором они отказывают в принятии заявления по аналогии со ст. 134 ГПК РФ, а если заявление принято к производству – прекращают производство по делу на основании положений абзаца 2 ст. 220 ГПК РФ.

Например, определением Зюзинского районного суда г. Москвы от 14 мая 2021 г., с которым согласились апелляционная и кассационная инстанции, было отказано в принятии заявления об объявлении граждан умершими в связи с тем, что они являются для заявителя посторонними людьми, а удовлетворение заявления не повлечет для него никаких правовых последствий⁷. Определением Сорокиннского районного суда Тюменской области от 24 января 2022 г., оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, было прекращено производство по делу по заявлению об установлении факта постоянного проживания на территории Российской Федерации по состоянию на 6 февраля 1992 г. в связи с тем, что установление такого факта не порождает для гражданина прав и обязанностей, поскольку заявитель имеет гражданство другого государства⁸.

системы «КонсультантПлюс»; определение Теучежского районного суда Республики Адыгея от 19 января 2022 г. № 9-5/2022-М-1590/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 7 июня 2017 г. по делу № 33-4986/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 августа 2022 г. по делу № 88-16529/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 сентября 2022 г. по делу № 88-

Данная практика носит единообразный характер и соответствует сущности отказа в принятии заявления, которым констатируется невозможность возбуждения гражданского дела и прекращения его в случае, если такой процесс был инициирован, в связи с отсутствием у заявителя права на обращение в суд. Такой отказ не допускает повторной подачи в суд аналогичного заявления.

Вместе с тем необходимо отметить, что изложенная в ст. 315 ГПК РФ формулировка вызывает определенные трудности в правоприменении, поскольку, как уже отмечалось, законодателем не закреплена дефинитивная норма об отказе в возбуждении дела в гражданском судопроизводстве. Зачастую судьи отказывают в принятии такого заявления вместо вынесения определения об отказе в возбуждении дела о восстановлении утраченного судебного производства. Вышестоящие инстанции при проверке таких судебных актов вынуждены вносить соответствующие корректировки в содержание определения, дополнительно ссылаясь на положения ст. 315 ГПК РФ⁹ и фактически приравнивая указанные основания друг к другу.

Оставление же без рассмотрения заявления, которое уже было принято к производству суда, в случае, если указанная заявителем цель обращения не связана с защитой его прав и законных интересов, по общим правилам гражданского процесса предполагает возможность повторного обращения в суд с тождественным заявлением. Между тем такое последствие противоречит логике и общим нормам гражданского процессуального права.

Таким образом, норма ч. 2 ст. 315 ГПК РФ, на наш взгляд, подлежит изменению. Полагаем, что в полной мере отвечающей теоретическим положениям, а также сложившейся судебной практике будет являться следующая формулировка: «В случае если указанная заявителем цель обращения не связана с защитой его прав и законных интересов, судья отказывает в принятии заявления о восстановлении утраченного судебного

производства или суд мотивированным определением прекращает производство по делу, если оно было возбуждено».

Немалые трудности на практике также вызывает применение у судов ст. 316 ГПК РФ «Отказ в восстановлении утраченного судебного производства». Согласно ч. 1 указанной статьи судебное производство, утраченное до рассмотрения дела по существу, не подлежит восстановлению. Истец в этом случае вправе предъявить новый иск. Буквальное толкование положений ст. 316 ГПК РФ позволяет сделать вывод о том, что, закрепляя возможность отказа в восстановлении утраченного судебного производства, законодатель исходил из необходимости рассмотрения дела по существу, поскольку в диспозиции указанной статьи отсутствует указание на возможность такого отказа на стадии принятия заявления к производству суда, о чем говорится, например, в ст. 315 ГПК РФ. Вместе с тем указанная норма нуждается в корректировке с целью исключения избыточной процедуры рассмотрения заявления по существу, если на стадии его принятия из представленных документов явно следует, что утраченное дело не было окончено вынесением решения или определения о прекращении производства. Следовательно, оснований для принятия такого заявления не имеется.

На наш взгляд, иное толкование противоречило бы принципу процессуальной экономии, направленному на эффективное использование процессуальных средств, временных и трудовых ресурсов при отправлении правосудия. По этому же пути пошла и судебная практика, в которой достаточно распространены случаи отказа в восстановлении утраченного судебного производства на стадии принятия заявления при наличии сведений, подтверждающих, что дело не было окончено рассмотрением по существу¹⁰. Полагаем, что в качестве альтернативы, имеющейся в ч. 1 ст. 316 ГПК РФ, может быть предложена следующая формулировка: «Судебное производство, утраченное до рассмотрения дела по существу, не подлежит восстановлению. В случае если судебное производство утрачено до рассмо-

14858/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 июня 2023 г. № 88-11482/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 января 2024 г. № 88-348/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31 августа 2021 г. по делу № 88-18715/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17 января 2024 г. № 88-797/2024 по делу № 13-174/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тения дела по существу, судья отказывает в принятии заявления о восстановлении утраченного судебного производства или суд мотивированным определением прекращает производство по делу, если оно было возбуждено».

Относительно предусмотренных ст. 317, 318 ГПК РФ последствий рассмотрения заявления о восстановлении утраченного судебного производства необходимо отметить, что они также отличаются своей нестандартностью, противоречат общим нормам гражданского процесса и не соответствуют принципу правовой определенности. Так, в ч. 1 ст. 317 ГПК РФ установлено, что решение или определение суда о прекращении судебного производства, если оно принималось по делу, подлежит восстановлению, за исключением случаев, предусмотренных ст. 318 ГПК РФ.

Таким образом, по результатам рассмотрения дела о восстановлении утраченного судебного производства суд на основании представленных и исследованных доказательств устанавливает факт вынесения судом решения или определения о прекращении по утраченному судебному производству и полностью восстанавливает его содержание, чтобы предоставить заявителю возможность осуществить свое право. При этом такое решение не может быть вынесено в случаях, предусмотренных ст. 318 ГПК РФ, а именно: при недостаточности собранных материалов для точного восстановления судебного постановления, связанного с утраченным судебным производством, а также при истечении срока предъявления исполнительного листа к исполнению и отсутствии оснований к его восстановлению. В такой ситуации суду предписано прекратить производство по делу.

Анализ указанных норм позволяет сделать парадоксальный вывод о том, что по результатам рассмотрения заявления о восстановлении утраченного судебного производства суд может вынести решение только в случае его удовлетворения, а при недостаточности материалов производство по делу подлежит прекращению. Вместе с тем такой подход противоречит самой природе рассмотрения дела, поскольку в силу ст. 194 ГПК РФ постановление суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу, принимается только в форме решения суда.

Полагаем, что при недостаточности собранных материалов для точного восстановления судебного постановления, связанного с утраченным судебным производством, у заявителя нет

права на получение судебной защиты в рамках особого производства, в связи с чем отказ суда должен оформляться не определением о прекращении производства по делу, а соответствующим решением. В данной ситуации зачастую путаются и суды, отказывая решением в удовлетворении заявления о восстановлении утраченного судебного производства, а не прекращая производство по делу¹¹. Например, апелляционным определением Воронежского областного суда от 16 июня 2022 г. было оставлено без изменения решение Ленинского районного суда г. Воронежа от 28 января 2022 г., которым отказано в удовлетворении заявления К. А. о восстановлении утраченного производства по заявлению К. А. об установлении факта пребывания в несовершеннолетнем возрасте в местах содержания, созданных фашистами и их союзниками в период Второй мировой войны, в связи с недостаточностью собранных материалов. Как было установлено судами, заявление К. А. в Ленинский районный суд г. Воронежа не поступало, гражданское дело не возбуждалось, не рассматривалось, в архив суда не сдавалось, в связи с чем оно не могло быть утрачено и соответственно не подлежит восстановлению, в связи с чем суд пришел к выводу о необходимости отказа в удовлетворении заявленных требований¹².

На наш взгляд, формулировка ч. 1 ст. 317 ГПК РФ может быть изложена следующим образом: «Решение или определение суда о прекращении судебного производства, если оно принималось по делу, подлежит восстановлению в полном объеме. При недостаточности собранных материалов для точного восстановления содержания окончательного судебного постановления, вынесенного по утраченному судебному производству, либо в случае истечения срока предъявления исполнительного листа к исполнению суд отказывает в восстановлении утраченного судебного производства и разъясняет лицам, участвующим в деле, право предъявить иск в общем

¹¹ Апелляционное определение Мещанского районного суда города Москвы от 4 апреля 2024 г. по делу № 11-62/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; решение Павловского районного суда Воронежской области от 20 апреля 2023 г. по делу № 2-в25/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Апелляционное определение Воронежского областного суда от 16 июня 2022 г. № 33-3667/2022, 2-261/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

порядке». При этом ст. 318 ГПК РФ подлежит исключению как неактуальная.

В предлагаемой формулировке ст. 317 ГПК РФ, считаем, следует указать на необходимость восстановления решения суда в полном объеме, учитывая специфику названной категории дел, а также строго ограниченный законом перечень случаев, когда судья может не составлять мотивированное решение. Внесение такого уточнения в рассматриваемую норму необходимо, чтобы суды в выносимом судебном постановлении излагали полностью текст сохранившегося и признанного судом достоверным решения суда или определения о прекращении по восстанавливаемому производству, а не только его резолютивную часть, которая в большинстве случаев приводится судами¹³.

Проведенное исследование доказывает, что, несмотря на нелогичное построение законодателем норм института восстановления утраченного судебного производства, которые в ряде случаев вступают в противоречие с общими положениями гражданского процессуального права, а также на наличие в связи с этим немалых проблем в правоприменении, данный институт имеет тенденцию к развитию и расширению. В частности такая категория дел особого производства была предусмотрена в рамках единого ГПК РФ, концепция которого была одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 8 декабря 2014 г. № 124 (1)¹⁴ для судов общей юрисдикции и арбитраж-

ных судов. Вероятно, в будущем будут внесены соответствующие изменения в Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ.

Унификация норм главы 38 ГПК РФ с учетом указанных предложений, на наш взгляд, позволит преодолеть дисбаланс между структурными элементами института восстановления утраченного судебного производства и общими нормами гражданского процессуального права, «что будет способствовать созданию единой терминологии нормативно-правовых актов и преодолению противоречий в системе законодательства»¹⁵.

Библиографический список

Мамкиева Ю. Х. Отказ в возбуждении дела о восстановлении утраченного судебного производства // Мировой судья. 2023. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Потапенко Е. Г. Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сенякин И. Н. О роли унификации в системе российского законодательства // Вестник Саратов. гос. юрид. академии. 2019. № 2 (127). С. 15–23.

References

Mamkueva Yu. Kh. Refusal to initiate a case for the restoration of lost judicial proceedings // Justice of the Peace. 2023. No. 2. Access from SPS «ConsultantPlus».

Potapenko E. G. Optimization of civil procedural legislation in the direction of ensuring a balance of specialization and unification of procedural law // Bulletin of Civil Procedure. 2021. No. 3. Access from SPS «ConsultantPlus».

Senyakin I. N. On the role of unification in the system of Russian legislation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 2 (127). P. 15–23.

¹³ Заочное решение Мичуринского городского суда Тамбовской области от 17 июля 2024 г. по делу № 2-1130/2024 (2-676/2022) (УИД 68RS0013-01-2024-001321-83). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; решение Троицкого районного суда города Москвы от 21 мая 2024 г. по делу № 2-2294/2024 (УИД 77RS0035-01-2016-001467-66). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; решение Кировского районного суда города Уфы от 17 мая 2024 г. по делу № 2-6631/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному

и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124 (1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ *Сенякин И. Н.* О роли унификации в системе российского законодательства // Вестник Саратов. гос. юрид. академии. 2019. № 2 (127). С. 22.

Е. А. Грицких

К вопросу об унификации норм гражданского процессуального законодательства...

Российский государственный университет правосудия

Грицких Е. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, судья в отставке

E-mail: gritskih77@mail.ru

Поступила в редакцию: 29.07.2024

Для цитирования:

Грицких Е. А. К вопросу об унификации норм гражданского процессуального законодательства о восстановлении утраченного судебного производства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 82–88. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/82-88>

Russian State University of Justice

Gritskikh E. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Civil and Administrative Proceedings Department, Retired Judge

E-mail: gritskih77@mail.ru

Received: 29.07.2024

For citation:

Gritskikh E. A. On the issue of unification of the norms of civil procedural legislation on the restoration of lost judicial proceedings // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 82–88. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/82-88>

УДК 347.921

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/89-84>

ЛОЖЬ В СУДЕ: ОТ НЕДОВЕРИЯ К НЕЛЕГИТИМНОСТИ

О. А. Сухорукова

Воронежский государственный университет

LYING IN COURT: FROM DISTRUST TO ILLEGITIMACY

O. A. Sukhorukova

Voronezh State University

Аннотация: рассматривается проблема лжи, т. е. сознательного искажения фактов, и ее последствий для разрешения судами гражданских дел. Особое внимание уделяется исследованию лжи лиц, имеющих юридическую заинтересованность в исходе дела, с учетом того, что при нынешнем подходе законодателя таковая юридической ответственности для них не влечет. Обосновывается необходимость распространения применения понятия лжесвидетельства также на заинтересованных лиц в части сообщения суду сведений об обстоятельствах дела, а также необходимость выработки механизма реагирования на ложь судебных представителей со стороны профессионального сообщества; предложены меры профилактики лжи, связанные с повышением уровня коммуникативной компетентности судей, и ряд других.

Ключевые слова: добросовестность, ложь в суде, доверие к суду, объяснения сторон, лжесвидетельство.

Abstract: the article deals with the problem of lying, i. e. conscious distortion of facts, and its consequences for the resolution of civil cases by courts. Particular attention is paid to the study of lies of persons who have a legal interest in the outcome of the case, taking into account that under the current approach of the legislator such a lie does not entail legal responsibility for them. The article substantiates the necessity of extending the application of the concept of perjury also to interested persons in terms of reporting to the court of information about the circumstances of the case, as well as the need to develop a mechanism for the professional community to respond to the lies of judicial representatives; the article suggests a number of measures for the prevention of lies; some of them are related to improving the level of communicative competence of judges.

Key words: good faith, lying in court, trust in the court, pleadings in court, perjury.

В последние годы в праве возрос интерес к феномену добросовестности в самых разных ее проявлениях. Причем активность в проведении соответствующих исследований демонстрируют не только цивилисты и процессуалисты, но и специалисты в области классических публичных отраслей, таких, например, как налоговое и административное право. Изучаются различные аспекты этой проблематики: от собственно понятия добросовестности, стандартов добросовестного поведения для отдельных правоотношений до последствий недобросовестного поведения и эстоппеля. Одной из причин такого интереса

науки и законодателя можно назвать повышение уровня правовой грамотности российского общества в целом и бизнес-сообщества в частности. Развитие информационных технологий привело, помимо прочего, к вовлечению в активный гражданский оборот за счет, например, маркетплейсов огромного числа людей, для которых возврат некачественного товара или написание претензии стали обычным делом. То же можно сказать о развитии культуры самостоятельного планирования путешествий, которое вынуждает соприкасаться со многими аспектами правовой действительности. На предпринимателей схожее влияние оказывает, например, развитие

© Сухорукова О. А., 2024

электронных механизмов во взаимоотношениях с органами государственной власти, которые за счет упрощения процедуры позволили частично отказаться от услуг юристов и решать многие вопросы самостоятельно. И это лишь малая часть из множества подобных примеров. В результате сегодня можно говорить о том, что, все чаще соприкасаясь со сферой правового, граждане и организации сформировали вполне адекватные представления и о законности как таковой, и об основных способах правового воздействия на общественные отношения; в том числе поэтому пришло время поднять выше планку ожиданий государства в отношении их поведения от просто законного к добросовестному.

Не осталась в стороне от этих процессов и сфера гражданского судопроизводства, в которой последовательно развиваются, например, идеи запрета на противоречивое поведение и другие проявления недобросовестности в процессе. Одним из аспектов этой проблематики является, безусловно, проблема лжи в суде.

Ложь – это феномен коммуникативный, поскольку в ее основе лежит желание транслировать собеседнику определенную версию событий, т. е. информацию. Учитывая, что все судебное доказывание осуществляется с целью получения как можно более полных и достоверных сведений об обстоятельствах спора, искажение таких сведений следует считать серьезным препятствием на этом пути. Даже не погружаясь в глубокие размышления об онтологии лжи, ее нравственном, религиозном и социальном измерении, можно с уверенностью сказать, что в контексте судопроизводства ложь не имеет и не может иметь положительной коннотации.

Ложь является намеренным искажением истины¹, т. е. в некотором смысле антиистиной, и хотя бы поэтому она несовместима с правосудием, для которого установление истины является несомненным приоритетом.

Допущение лжи в суде подрывает доверие к суду, к его способности выносить справедливые судебные акты. Доверие является базисом правосудия, поэтому, по мнению Г. А. Гаджиева, «суд, потеряв доверие, утрачивает легитимность»².

¹ URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13403>

² Гаджиев Г. А. Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 24.

Судебное решение, основанное на лжи, не достигает целей правосудия, поскольку не способно ни восстановить нарушенное право, ни урегулировать спор, ни решить вспомогательные задачи, связанные с обеспечением законности, формированием уважительного отношения к закону и суду. Но еще большая опасность в том, что подобные решения демонстрируют отсутствие необходимого авторитета судебной власти (раз уж возможно безнаказанно и даже с успехом водить суд за нос), а это может привести к росту нигилистических настроений в обществе со всеми вытекающими последствиями: от самоуправства до серьезных преступлений.

Однако при всей важности обозначенной проблемы, как ни странно, отечественное процессуальное законодательство, кроме нормы о необходимости добросовестно пользоваться процессуальными правами, а также положений об ответственности за заведомо ложные показания свидетелей, заключение экспертов и т. п., не содержит норм, обязывающих именно заинтересованных в исходе дела лиц правдиво выступать перед судом, как это есть в некоторых иностранных правовых порядках. Например, гражданское процессуальное законодательство Германии помимо объяснений сторон предусматривает возможность допроса сторон под присягой (*Fragerecht*), целью которого является установление действительных обстоятельств гражданского дела³. Очевидно, потребность в такой мере возникает в случае противоречивости представленных доказательств или сомнений суда в правдивости объяснений стороны.

В то же время нельзя утверждать, что только лишь отсутствие правового механизма реагирования на ложь является причиной ее распространения в суде. Осознание безнаказанности, безусловно, оказывает большое влияние на поведение, но представляется, что люди лгут в суде не только поэтому, а скорее потому же, почему совершают иные недостойные и даже неправомерные поступки, т. е. потому, что считают ложь нравственно приемлемым инструментом достижения своих целей.

Разумеется, здесь имеют значение и культурные факторы – представления людей об искренности и силе слова заметно изменились за последние годы. Ложь все чаще оправдывается

³ См.: Гражданское процессуальное уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению: пер. с нем. / сост., введ. В. Бергманна. М., 2006.

субъективно понимаемой необходимостью и не порицается; искажение фактов, в том числе исторических, и создание таким образом в сознании аудитории несуществующей версии реальности стало инструментом в руках политических элит многих стран и, как следствие, население этих стран испытывает на себе серьезное информационное воздействие такого толка, которое осуществляется посредством СМИ и социальных сетей. Словом, ложь прочно закрепила в человеческой жизни и вполне закономерно, что ее проявления наблюдаются и в судебном процессе.

Очевидно, что юридическая наука не способна конструктивно повлиять на нравственные истоки лжи, но вполне возможно разработать эффективные меры по противодействию лжи в суде с тем, чтобы свести к минимуму ее негативное воздействие на достижение целей судопроизводства.

Прежде всего, следует вести речь о заинтересованных участниках процесса, поскольку существующее по этому вопросу регулирование правового положения лиц, содействующих осуществлению правосудия, представляется достаточным. Итак, еще раз следует констатировать, что применительно к лицам, участвующим в деле, никаких значимых предупреждающих ложь норм в отечественном процессуальном законодательстве нет, хотя именно их недобросовестность, особенно недобросовестность сторон, способна оказать наибольшее влияние на ход рассмотрения дела и его результат.

Можно выделить два способа проникновения в процесс лжи от заинтересованных лиц: объяснения сторон и третьих лиц и доказательства. Объяснения имеют сложную природу и вследствие этого неоднородную структуру. Так, М. К. Треушников предложил выделять в объяснениях сторон и третьих лиц следующие элементы⁴: 1) сообщения, сведения о фактах, т. е. доказательства; 2) волеизъявления; 3) суждения о юридической квалификации правоотношений; 4) мотивы, аргументы, с помощью которых каждая сторона освещает фактические обстоятельства в выгодном для себя аспекте; 5) выражение эмоций, настроений.

Некоторые авторы считают объяснения сторон разновидностью заверений об обстоятель-

ствах, поскольку подобно тому, как заверения об обстоятельствах даются стороне сделки, чтобы вызвать у нее доверие, объяснения даются суду как свидетельствование истинности и обоснованности доводов стороны⁵.

В любом случае объяснения всегда содержат сведения о фактах и в этой части, безусловно, имеют доказательственное значение. Именно к этой фактической составляющей объяснений необходимо предъявлять требование правдивости. Чем отличается рассказ о фактах спора, например, истца и свидетеля? Они оба, владея информацией о случившемся, сообщают ее суду для правильного рассмотрения дела, т. е. одинаково свидетельствуют о том, что знают, и это свидетельство имеет одинаковый статус доказательства по делу. Но при этом одному из них необходимо под угрозой уголовного наказания говорить правду, а второй может без последствий солгать. Это странная и противоречивая ситуация. Нельзя оправдать ее ссылками на ст. 51 Конституции РФ, в соответствии с которой «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом»⁶, равно как и дублирующими ее нормами ч. 4 ст. 69 Гражданского процессуального кодекса РФ и ч. 6 ст. 56 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ). В указанных нормах гарантируется право на молчание с целью не стать источником доказательств в ущерб своим интересам или интересам своих близких, а не на сознательную ложь с целью сформировать у суда не соответствующее действительности, но выгодное для стороны представление о фактах.

Таким образом, квалификация лжесвидетельства не должна зависеть от процессуального статуса лица и его юридической заинтересованности или незаинтересованности в исходе дела, а только от установления факта предоставления суду ложных, т. е. сознательно искаженных, сведений. Такой подход укрепит позиции состязательности в процессе, поскольку создаст правильную корреляцию с обязанностью стороны

⁵ См., например: Султанов А. Р. Последствия лжи в процессе и материальном праве // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 5.

⁶ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 21.03.2024).

⁴ См.: Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 2021. С. 185.

доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений: не хочешь говорить правду – молчи, но в таком случае ты несешь риск непредставления необходимых доказательств. Восприятие этого подхода потребует соответствующего изменения уголовного законодательства, что наверняка вызовет скепсис в рядах процессуалистов, однако другого пути нет, если мы хотим быть последовательными в вопросах формирования уважительного отношения к закону и суду.

Если право сторон отстаивать свои интересы всеми средствами может найти сторонников в научной среде, то вряд ли таковых обретут нечистые на руку представители. Те, кто специализируется на представительстве в суде, должны дорожить доверием суда, а не злоупотреблять им. Их объяснения должны быть ими тщательно проверены и подкреплены доказательствами. Недостоверность их объяснений должна не только вызывать негативные последствия для процесса, но и порождать их персональную ответственность. Вообще говоря, то, что простительно истцу, не простительно его профессиональному представителю. Однако здесь есть важные нюансы. Представитель не является источником доказательств, его знания о фактах спора получены от доверителя, он лишь транслирует их суду, и следовательно, обвинить его во лжи невозможно. Но если представитель на протяжении судебного разбирательства непоследователен в изложении фактов или в его описании обстоятельств спора обнаруживаются противоречия, это может свидетельствовать уже о сознательном искажении сведений и должно получить соответствующую оценку.

Со стороны суда это будет выражено в квалификации процессуального поведения как недобросовестного с предусмотренными процессуальными кодексами последствиями в виде, например, отнесения на такое лицо (доверителя) судебных издержек и наложения судебного штрафа уже на самого представителя за неуважение к суду.

Со стороны профессионального сообщества, если во лжи уличен адвокат, должны быть приняты дисциплинарные меры. Кстати, Кодекс профессиональной этики адвоката уже содержит нормы, позволяющие такие меры применять. Например, п. 1 ст. 4: «Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии»; п. 1 ст. 8: «При осуществлении профессиональной деятельно-

сти адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности»; и конечно, п. 1 ст. 10: «Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»⁷. Иначе говоря, уже сейчас суд имеет возможность вынесения частного определения в отношении адвоката не только по фактам опозданий, оскорблений, других форм неподобающего поведения, как это имеет место в настоящее время, но и по факту уличения во лжи, поскольку ложь есть не менее, а скорее даже более циничная форма проявления неуважения к суду со стороны представителя профессионального сообщества.

Указанные меры по сути своей являются мерами карательными, несмотря на очевидный превентивный потенциал, в связи с чем их внедрение требует тщательного осмысления условий и механизма привлечения к ответственности во избежание их неразумного и неизбирательного применения. Решение этой задачи невозможно без надлежащей квалификации судей, прежде всего без необходимого уровня их коммуникативной компетентности, которая позволит распознавать ложь и адекватно реагировать на нее. Следует еще раз подчеркнуть, что ложь – это не любое несоответствие слов/доказательств действительности, но только сознательное искажение этой действительности. В этом смысле судья должен быть достаточно компетентен для того, чтобы различными коммуникативными средствами подтвердить или опровергнуть свой вывод именно о лживости, а не простой ложности тех или иных утверждений.

Кроме того, хорошие навыки профессиональной коммуникации вкупе с готовностью судьи пресекать ложь значительно повышают вероятность ее обнаружения. Это очень важно, поскольку в вопросах лжи всегда имеет место расчет: ложь всегда несет в себе риск, но если потенциальная выгода от лжи велика, риск игнорируется, однако если вероятность разоблачения лжи существенно возрастает, риск становится

⁷ Кодекс профессиональной этики адвоката. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 21.03.2024).

ся неприемлемым и тогда с учетом возможных последствий выгоднее сказать правду. Поэтому высокий уровень коммуникативной компетентности судьи является одним из наиболее эффективных средств борьбы с ложью в суде и ее профилактики.

Вторым значимым проявлением лжи в процессе является фальсификация доказательств. Общеизвестно, что она может осуществляться в форме материального и интеллектуального подлога.

При всей очевидной значимости для правильного разрешения дела обоих вариантов подлога Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» указал, что в порядке ст. 161 АПК РФ подлежат рассмотрению заявления, мотивированные наличием признаков подложности доказательств, т. е. совершением действий, выразившихся в подделке формы доказательства: изготовление документа специально для представления его в суд (например, несоответствие времени изготовления документа указанным в нем датам) либо внесение в уже существующий документ исправлений или дополнений (например, подделка подписей в документе, внесение в него дополнительного текста). В силу ч. 3 ст. 71 АПК РФ не подлежат рассмотрению по правилам названной статьи заявления, касающиеся недостоверности доказательств (например, о несоответствии действительности фактов, изложенных в документе)⁸.

Таким образом, констатация недостоверности доказательства в результате его проверки и исследования не влечет никаких специальных последствий, кроме влияния на вывод суда о доказанности соответствующих фактов. Но этот подход можно считать приемлемым только в отсутствие установленной преднамеренности со стороны лица, представившего такое порочное доказательство, т. е. когда оно не является его «создателем». В противном случае подобное недостоверное доказательство является сфальсифицированным ровно так, как документы с поддельными подписями, датами и прочими прав-

⁸ О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. март. № 3.

ками, и реакция суда на него должна быть такой же. В этом смысле указанная позиция Верховного Суда РФ по этому вопросу является совершенно не удовлетворительной и требующей пересмотра.

Однако применительно к представлению доказательств следует различать активную ложь, выраженную в действиях, и сокрытие, т. е. утаивание от суда важных доказательств. Если подобное утаивание не сопровождается ложными объяснениями стороны, оно не может быть квалифицировано как лжесвидетельство, поскольку в таком случае лицо лишь реализует право не свидетельствовать против себя. Между тем, сложно представить ситуацию, когда, зная о наличии важных для дела, но невыгодных для стороны доказательств, можно обойтись без лжи.

Верховный Суд РФ и в этом вопросе занял неоднозначную позицию, которую в частности иллюстрирует определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 марта 2021 г. № 306-ЭС20-16785(1,2) по делу № А65-6755/2017 по вопросу возможности пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам. В нем Верховный Суд РФ отмечает следующее: «Принцип правовой определенности не может защищать сторону, действовавшую недобросовестно и умышленно создавшую видимость отсутствия ключевых доказательств, которые имели решающее значение для дела и могли позволить полноценно провести судебное разбирательство»⁹.

С одной стороны, следует положительно оценить допущенную возможность пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам при обнаружении явной судебной ошибки вследствие сокрытия доказательств. В этом смысле стоит согласиться с А. Р. Султановым, который также считает ложь юридическим фактом, выявление которого может послужить основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам¹⁰. С другой стороны неопределенность квалификации поведения стороны как

⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 марта 2021 г. № 306-ЭС20-16785(1,2) по делу № А65-6755/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2b6220df-a831-4dbc-9b12-0cb0caf8d16b/900c90ac-8212-43a8-8a5f-9a4f2da7e4df/A65-6755-2017_20210311_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 21.03.2024).

¹⁰ См.: Султанов А. Р. Ложь стороны в арбитражном суде как процессуальный юридический факт // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 4.

недобросовестного только лишь в связи с утаиванием имеющихся доказательств противоречит конституционному праву не свидетельствовать против себя и, конечно, такое поведение само по себе не может быть квалифицировано как противоправное или даже недобросовестное.

Очевидно, Верховному Суду РФ следовало в этой ситуации сместить акценты на ложь стороны, которая в этом деле явно имела место, и именно на этом делать вывод о недобросовестности, в то время как обнаружение доказательства, сокрытого стороной, квалифицировать как доказательство этой лжи, а не как самостоятельный акт недобросовестного поведения.

Таким образом, на сегодняшний момент можно констатировать отсутствие цельной и всесторонне осмысленной стратегии борьбы с ложью в суде при в общем осознаваемой всеми необходимости такой борьбы. По всей видимости, локальные меры Верховного Суда РФ не возымеют действия без сформулированных процессуальной наукой новых адекватных обозначенным вызовам подходов к решению этой важнейшей аксиологической проблемы процесса. А это именно ценностная проблема, поскольку установление истины в качестве высшей ценности правосудия неизбежно влечет абсолютную нетерпимость ко лжи и соответственно невозможность оправдать ложь стремлением к обеспечению ценностей более низкого порядка, например, состязательности, диспозитивности, процессуальной экономии и даже защите нарушенного права, ибо, как говорили римляне, *fraus et jus nunquam cohabitant* (обман и правосудие никогда не уживаются).

Библиографический список

Гаджиев Г. А. Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 17–26.

Гражданское процессуальное уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению : пер. с нем. / сост., введ. В. Бергманна. М. : Волтерс Клувер, 2006. 472 с.

Султанов А. Р. Ложь стороны в арбитражном суде как процессуальный юридический факт // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 4. С. 70–86.

Султанов А. Р. Последствия лжи в процессе и материальном праве // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 5. С. 230–262.

Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М. : Городец, 2021. 304 с.

References

Gadzhiev G. A. Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation» : novelties of constitutional proceedings of 2010 // Journal of Russian Law. 2011. No. 10. P. 17–26.

German civil procedure code. Introductory law to the Civil Code : transl. from germ. / comp., introd. by V. Bergmann. M. : Wolters Kluwer, 2006. 472 p.

Sultanov A. R. Lie by a party in an arbitration court as a procedural legal fact // Bulletin of Civil Procedure. 2021. T. 11, no. 4. P. 70–86.

Sultanov A. R. Consequences of lies in process and substantive law // Bulletin of civil process. 2019. T. 9, no. 5. P. 230–262.

Treushnikov M. K. Forensic evidence. 5th ed., add. M. : Gorodets, 2021. 304 p.

Воронежский государственный университет
Сухорукова О. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
E-mail: osuhorukova@gmail.com

Дата поступления: 25.03.2024

Для цитирования:

Сухорукова О. А. Ложь в суде : от недоверия к нелегитимности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 89–94. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/89-94>

Voronezh State University
Sukhorukova O. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Civil Law and Process
Department

Received: 25.03.2024

For citation:

Sukhorukova O. A. Lying in court : from distrust to illegitimacy // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 89–94. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/89-94>

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ О РЕСТИТУЦИИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Д. К. Конева

Южный федеральный университет

APPLICATION OF THE RULES ON RESTITUTION IN BANKRUPTCY

D. K. Koneva

South Federal University

Аннотация: рассматриваются вопросы применения правил о реституции в рамках процедуры несостоятельности, основные положения о правовой природе признания сделок недействительными по правилам Закона о банкротстве. Оцениваются преимущества и недостатки применения реституции, проанализированы нормы главы Гражданского кодекса Российской Федерации о неосновательном обогащении с точки зрения их применения к ситуациям, указанным в п. 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве. Исследована актуальная судебная практика по вопросам применения норм о неосновательном обогащении в рамках оспаривания сделки при банкротстве. Сделаны выводы о том, что существуют некоторые проблемы в вопросах применения правил о неосновательном обогащении, и предложены варианты их решения.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, недействительность сделки, реституция, неосновательное обогащение, конкурсное оспаривание.

Abstract: the work is devoted to the application of rules on restitution within the framework of bankruptcy proceedings. The main provisions on the legal nature of declaring transactions invalid according to the rules of the Bankruptcy Law are considered. The advantages and disadvantages of using restitution are assessed, the norms of the chapter of the Civil Code of the Russian Federation on unjust enrichment are analyzed from the point of view of their application to the situations specified in paragraph 1 of Art. 61.6 of the Bankruptcy Law. The current judicial practice on the application of rules on unjust enrichment in the framework of challenging a transaction in bankruptcy has been studied. It is concluded that there are some problems in the application of the rules on unjust enrichment and options for their solution are proposed.

Key words: bankruptcy, insolvency, invalidity of the transaction, restitution, unjust enrichment, challenging on bankruptcy specific grounds.

Правовое регулирование реституции при банкротстве на сегодняшний день является предметом особой критики со стороны специалистов в сфере банкротства¹. Наибольшее разногласие вызывает следующий вопрос: при признании сделки недействительной по основаниям, указанным в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)², имущество от контрагента по сделке по-

ступает в конкурсную массу, но вот контрагент не получает встречного предоставления – у него возникает лишь право требования и, в зависимости от основания признания сделки недействительной, данное требование либо включается в реестр требований кредиторов, либо выносится за реестр. В связи с этим формируется несколько вопросов: во-первых, насколько уместно и целесообразно такое регулирование с точки зрения его адекватности содеянному? Во-вторых, как соотносятся последствия признания сделок недействительными, закрепленные в Законе о банкротстве, и последствия, указанные в ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)?

¹ См., например: *Егоров А. В.* Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ.* 2010. № 12.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

© Конева Д. К., 2024

Вопрос о правовой природе признания сделок недействительными по правилам Закона о банкротстве в научной литературе рассматривался уже не раз. Глобально все существующие в современной литературе мнения можно разделить на две категории: одни ученые считают, что нельзя говорить о применении реституции, если сделка оспаривается по основаниям, предусмотренным в Законе о банкротстве³; другие придерживаются противоположного мнения: безусловно, применение последствий недействительности при оспаривании сделок по правилам Закона о банкротстве отличается от общегражданских в первую очередь своим односторонним характером, однако это не исключает реституционной природы этих последствий. В качестве основного аргумента в поддержку первой позиции выступает факт одностороннего характера возврата имущества, который осуществляется в пользу должника – в то время как контрагент по сделке получает лишь право требования, исполнение которого ввиду несостоятельности должника весьма маловероятно. Как справедливо отмечает Т. П. Шишмарева, «признание сделки или действия в процедурах несостоятельности (банкротства) недействительной не влечет применения двусторонней реституции как общего последствия недействительности сделки, поскольку это противоречило бы основному принципу конкурсного права – соразмерному удовлетворению требований кредиторов»⁴, и этим объясняются особенности, закрепленные в законодательстве о банкротстве. Тем не менее, вторая группа ученых также критикует практику применения норм Закона о банкротстве, при которых совершенно не учитываются интересы контрагента должника по сделке.

В целях нивелирования негативных последствий применения правил о недействительности сделок в науке было представлено несколько вариантов решения проблемы.

Один из них – это предложение применять именно правила об одновременной двусторонней реституции, при которой контрагент должника по сделке не включается в реестр требований кредиторов, а получает удовлетворение сво-

их требований из конкурсной массы в рамках реализации принципа одновременного встречного исполнения реституционных требований. Как и у всякого решения, у данного подхода есть как свои преимущества, так и недостатки. В первую очередь отметим, что подобное регулирование не отвечает целям конкурсного оспаривания, которые заключаются в пополнении конкурсной массы и освобождению её от злонамеренно принятых должником обязательств. Удовлетворение же требований контрагента ведет к уменьшению объема конкурсной массы и, соответственно, к снижению шансов кредиторов на получение причитающегося им имущества. Однако в этом случае уместно задаться вопросом: чьи интересы заслуживают большего внимания – контрагента должника или его кредиторов? Ведь, как справедливо замечает А. В. Егоров, в признании сделки недействительной может быть больше вины должника, нежели другой стороны сделки⁵. Более того, ведь если мы говорим о применении реституции, то сделки как бы и не было, а соответственно, у кредиторов нет права претендовать на приобретенное в результате такой «сделки» имущество.

Второй аргумент против применения указанной теории опирается на экономические риски, которые двусторонняя реституция влечет для кредиторов. Если в актуальной экономической ситуации сложно представить себе внезапное понижение стоимости индивидуально-определенной вещи, например, офисного помещения, то в отношении имущественных прав изменение стоимости в сторону понижения возможно с высокой степенью вероятности. Может сложиться ситуация, при которой, к примеру, акции обесценятся сразу после их включения в конкурсную массу – подобный риск в деле о банкротстве, где необходимо пополнить конкурсную массу должника активами и обеспечить наиболее полное удовлетворение требований кредиторов, конечно, крайне нежелателен. И если в обычной ситуации ответственность за этот риск несут стороны сделки, то в случае банкротства эта ответственность переносится на группу кредиторов должника. Они помимо прочего несут риск неудовлетворения своих требований по причине ограниченности конкурсной массы. Возложение на них дополнительных рисков не соответствует целям и смыслу института несостоятельности.

³ См.: Костко В. С. Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2015. № 2.

⁴ Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М., 2018. 239 с.

⁵ См.: Егоров А. В. Указ. соч. С. 24–25.

Данный аргумент весьма серьезен, а потому требует особого внимания. Очевидно, что возможна и обратная ситуация: повышение цены актива. Тогда кредиторы скорее выигрывают от одновременной реституции. Однако даже в случае понижения стоимости мы снова вынуждены обратиться к аргументу о том, что применение последствий недействительности сделки нивелирует совершение этой сделки, а соответственно, должник все равно понес бы указанный финансовый риск. Безусловно, ситуация осложняется на фоне наличия у должника кредиторов, но все же нет убедительных причин предпочесть их интерес интересу контрагента должника по сделке.

На наш взгляд, применение подобного решения в рамках конкурсного оспаривания способно эффективно разрешить целый ряд насущных практических вопросов. Более того, указанный теоретический подход позволил бы избежать ситуаций, когда должник получает необоснованные преимущества в результате оспаривания сделок. Например, в одном из дел, переданных на рассмотрение Верховного Суда РФ, была интересная фабула⁶: в 2013 г. должник подарил 49 % доли в обществе с ограниченной ответственностью его директору, а 51 % доли – своей родственнице. Стоимость доли в 2013 г. составляла 80 тыс. руб. В 2018 г. начинается процесс банкротства должника. Сумма реестровых требований кредиторов составляет 12 млн руб. Описанная сделка дарения части доли директору общества с ограниченной ответственностью признана недействительной на основании ст. 10 и 168 ГК РФ. Однако судом не учтено, что стоимость предприятия за указанный период значительно выросла, вследствие чего увеличилась и стоимость доли. На момент судебного разбирательства стоимость возвращенного имущества в несколько десятков раз превышала весь размер требований кредиторов. Решение, при котором сделка признается недействительной и вся стоимость доли на момент признания сделки недействительной возвращается в конкурсную массу, в данном случае нельзя оценить как справедливое, так как преференции от оспаривания получает уже сам должник: он приобретает имущество, которое по стоимости в несколько десятков раз превышает ранее им отчужденное. Такое положение вещей уже не раз критиковалось рос-

сийскими специалистами в сфере несостоятельности⁷. Более логичным представляется присуждение приобретателя доли к возврату в конкурсную массу ее рыночной стоимости на момент совершения сделки. И такое решение встречалось в судебной практике: Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 30 августа 2022 г. № 18АП-7481/22 по делу № А47-13583/2019⁸ пришел к выводу, что возмещение ответчиком разницы в цене сделки *на момент ее совершения* является достаточным основанием для отказа в удовлетворении требований кредиторов о признании сделки недействительной.

Следует отметить, что в некоторых случаях указанная модель реституции заключается в предоставлении возможности приобретателю имущества спасти сделку от оспаривания путем оплаты стоимости имущества до рыночной (например, если была заключена неравноценная сделка). В этой связи следует обратить внимание на п. 29.3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», в котором указано, что «...при сохранении у кредитора предмета отступного, если он в ходе рассмотрения заявления перечислит в конкурсную массу денежные средства в размере обязательств, погашенных с предпочтением, суд отказывает в силу статьи 61.7 Закона о банкротстве в признании сделки недействительной и также восстанавливает задолженность должника в том же размере, которая удовлетворяется в порядке пунктов 2 или 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве»⁹. Безусловно, в указанном случае речь идет о ситуации, связанной с залогом, который кредитор получил в

⁷ См., например: Карелина С. А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства) : правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 23 ; Суворов Е. Д. Банкротство в практике нового Верховного Суда РФ за первый год работы (2014–2015) : акты и комментарии. М., 2016. С. 118.

⁸ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2022 г. № 18АП-7481/22 по делу № А47-13583/2019. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁹ О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2010. № 3.

⁶ Постановление Верховного Суда РФ от 13 февраля 2020 г. по делу № А56-38737/2018. URL: СудАкт.ру (sudact.ru) (дата обращения: 10.04.2024).

качестве гарантии удовлетворения своего требования. По нашему мнению, подобное решение следует не только оценивать положительно, но и приветствовать его применение по аналогии в иных случаях, ведь данный подход полностью отвечает одной из основных целей процедуры банкротства – увеличение конкурсной массы. Статистические данные наглядно демонстрируют, что процесс реализации с торгов имущества несостоятельного лица – процедура малоэффективная с точки зрения приобретения денежных средств. В большинстве случаев активы уходят по стоимости на 70 % ниже их рыночной¹⁰. Следовательно, непосредственное наполнение конкурсной массы деньгами отвечает с одной стороны интересам кредиторов, а с другой – интересам контрагента по договору, который сохраняет за собой право на имущество.

Верховный Суд РФ, вероятно, также оценил потенциал такого урегулирования проблемы: в его определении от 4 марта 2022 г. № 310-ЭС22-533 по делу № А08-10699/2017¹¹ признана возможность доплатить стоимость имущества до рыночной и таким образом спасти сделку от оспаривания. В уже упомянутом нами решении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда, в котором возмещение ответчиком разницы в цене спасло сделку от оспаривания, суд в том числе обосновал причины такого решения: «Возврат имущества по спорной сделке в конкурсную массу приведет к необходимости многократного проведения торгов, что вызовет затягивание процедуры конкурсного производства и значительно увеличит расходы по процедуре банкротства из-за расходов на публикации объявлений о торгах. ... Следовательно, процедура проведения торгов требует значительного размера денежных средств, а также времени, что неизбежно приведет к усеченному удовлетворению требований кредиторов, нежели принятие единовременной выплаты, которая произведена не на основе абстрактной информации, а на основании экспертизы»¹².

¹⁰ «...67 % компаний ничего не платят кредиторам» // Право.Ру. URL: <https://pravo.ru/news/view/145113/> (дата обращения: 21.03.2024).

¹¹ Постановление от 5 сентября 2017 г. по делу № А70-3028/2017. URL: СудАкт.ру (sudact.ru).

¹² Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2022 г. № 18АП-7481/22 по делу № А47-13583/2019. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

Конечно, в данном случае речь шла о добровольном возмещении части стоимости, но представляется, что и присуждение именно к доплате стоимости может быть в некоторых случаях вполне целесообразным решением: например, если вещь утрачена и не может быть возвращена в натуре. На сегодняшний день для таких случаев Законом о банкротстве предусмотрено применение правил ГК РФ о неосновательном обогащении – п. 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве отсылает к правилам о неосновательном обогащении, закрепленным в ст. 1105 ГК РФ: «В случае невозможности возратить в натуре неосновательно полученное или сбереженное имущество приобретатель должен возместить потерпевшему действительную стоимость этого имущества на момент его приобретения, а также убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества, если приобретатель не возместил его стоимость немедленно после того, как узнал о неосновательности обогащения». Данная норма, однако, вызывает некоторые вопросы. Первый из них касается возмещения убытков, связанных с изменением стоимости имущества. Имеются в виду убытки, вызванные виновными действиями приобретателя имущества или же речь идет об изменении рыночной стоимости имущества?

Из анализа судебной практики следует, что речь все же идет об изменении рыночной стоимости приобретенного имущества¹³ в сторону увеличения. Падение стоимости при этом значения не имеет. Такой подход представляется не вполне справедливым, особенно в случае, если приобретатель имущества был добросовестным. По какой причине он должен отвечать за увеличение рыночной стоимости, а конкурсные кредиторы претендовать на сумму большую, чем предусмотренную сделкой? Столь строгие последствия представляются оправданными только для недобросовестного контрагента.

Не вполне понятно, относится ли условие знания о неосновательности обогащения только к возмещению убытков или также к стоимости имущества на момент приобретения. Конструкция предложения и буквальное лексическое толкование позволяют сделать вывод о том, что применяться условие о знании может и

¹³ См., например: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 29 ноября 2012 г. № Ф04-1739/12; определение Высшего Арбитражного суда РФ от 8 октября 2012 г. № ВАС-10504/12. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

к убыткам, вызванным последующим изменением стоимости имущества, и к стоимости самого имущества. Возникает также вопрос о добросовестности приобретателя имущества. Ст. 1105 ГК РФ подразумевает, что убытки подлежат возмещению лишь в случае его недобросовестности: «...если приобретатель не возместил его стоимость немедленно после того, как узнал о неосновательности обогащения», т. е. не поступил как добросовестный участник гражданского оборота. Ни судебная практика, ни теоретические исследования не дают однозначного ответа на вопрос, возмещаются ли убытки добросовестным приобретателем. Представляется соответствующим требованиям разумности и справедливости подход, при котором убытки должны возмещаться лишь при недобросовестности приобретателя. Соответственно, применительно к нормам Закона о банкротстве убытки по ст. 61.6 Закона и ст. 1105 ГК РФ можно взыскать лишь при оспаривании сделок по основаниям, предусматривающим недобросовестное поведение контрагента в качестве одного из условий оспаривания.

Последовательно рассматривая правила о неосновательном обогащении, переходим к ст. 1107 ГК РФ, в которой предусмотрена возможность взыскания с приобретателя имущества доходов от пользования этим имуществом с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о неосновательности обогащения. В связи с применением нормы в процессе банкротства возникает вопрос, как определить этот момент. Практика применения данной нормы в общегражданских делах демонстрирует, что суды в спорах, связанных с оспариванием сделок, признают таким моментом либо день заключения сделки, либо дату вынесения судебного решения, если речь идет о квалификации спорного договора. По этой причине логично предположить, что при оспаривании сделки при банкротстве «момент, когда лицо узнало или должно было узнать о неосновательности обогащения» должен определяться моментом, когда лицо узнало либо должно было узнать об основании оспаривания сделки. Следовательно, если сделка оспаривается по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, то взыскать доходы от пользования имуществом с контрагента по договору возможно с момента совершения сделки.

Наконец, вопрос, который возникает с точки зрения применения норм о неосновательном обогащении в рамках процедуры банкротства,

это возможность компенсации контрагентом своих вложений в возвращенный объект: может ли он потребовать их возмещения или контрагент априори признается недобросовестным, так как его недобросовестность – это условие успешного оспаривания? Ни нормы ГК РФ, ни положения Закона о банкротстве ответа на этот вопрос не дают. Логичным представляется обратиться к общим нормам ГК РФ, регулирующим подобную ситуацию, т. е. к ст. 303 ГК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что применение описанной модели реституции соответствует целям конкурсного оспаривания сделок и по этой причине, с учетом особенностей процедуры несостоятельности, должна быть применена. На сегодняшний день применение норм ГК РФ о неосновательном обогащении к оспариванию сделок при банкротстве несколько затруднено, однако представляется, что нужный вектор и условия их применения могут быть уточнены судебной практикой, а не внесением изменений в гражданское законодательство.

Библиографический список

- Егоров А. В.* Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. 2010. № 12.
- Карелина С. А.* Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства) : правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4.
- Костко В. С.* Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2015. № 2.
- Суворов Е. Д.* Банкротство в практике нового Верховного Суда РФ за первый год работы (2014–2015) : акты и комментарии. М. : Статут, 2016.
- Шишмарева Т. П.* Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М. : Статут, 2018. 239 с.
- «...67 % компаний ничего не платят кредиторам» // Право.Ру. URL: <https://pravo.ru/news/view/145113/> (дата обращения: 10.04.2024).

References

- Egorov A. V.* Restitution for invalid transactions in bankruptcy // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2010. No. 12.
- Karelina S. A.* Suspicious transactions in the process of insolvency (bankruptcy) : legal issues of challenging // Business Law. 2012. No. 4.
- Kostko V. S.* Legal consequences of the ban on visiting premises (clause 2, article 174.1 of the Civil Code

Д. К. Конева

Применение правил о реституции при банкротстве

of the Russian Federation) // Bulletin of Civil Law. 2015. No. 2.

Suvorov E. D. Bankruptcy in replacement of the new supreme Court of the Russian Federation for the first year of work (2014–2015) : acts and comments. Moscow : Statut, 2016.

Shishmareva T. P. Invalidity of transactions and actions in Insolvency proceedings in Russia and Germany. Moscow : Statut, 2018. 239 p.

«...67 % of companies pay nothing to creditors» // Pravo.Ru. URL: <https://pravo.ru/news/view/145113/>

Южный федеральный университет
Конева Д. К., аспирантка 3-го курса
E-mail: dariakoneva18@yandex.ru

Дата поступления: 09.07.2024

Для цитирования:

Конева Д. К. Применение правил о реституции при банкротстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 95–100. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/95-100>

South Federal University
Koneva D. K., 3rd year Post-Graduate Student
E-mail: dariakoneva18@yandex.ru

Received: 09.07.2024

For citation:

Koneva D. K. Application of the rules on restitution in bankruptcy // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 95–100. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/95-100>

ЛИЦА, УЧАСТВУЮЩИЕ В ПЕРЕВОЗКЕ ПАССАЖИРА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ

К. И. Никитина

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

PERSONS PARTICIPATING IN TRANSPORTATION PASSENGERS BY RAILWAY TRANSPORT

K. I. Nikitina

Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov

Аннотация: анализируется понятийный аппарат договора перевозки пассажира железнодорожным транспортом, выявлены пробелы и коллизии в правовом регулировании транспортных отношений, а также обозначены пути их преодоления. Раскрыто содержание понятий «пассажир», «перевозчик», «владелец инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования», «оператор железнодорожного подвижного состава», а также иных терминов, используемых в транспортном законодательстве.

Ключевые слова: перевозка пассажира, железнодорожный транспорт, стороны договора перевозки пассажира, лица, участвующие в перевозке пассажира.

Abstract: the article analyzes the conceptual apparatus of the contract for the carriage of passengers by rail. The author identified gaps and conflicts in the legal regulation of transport relations, and also outlined ways to overcome them. The work reveals the content of the concepts «passenger», «carrier», «owner of public railway transport infrastructure», «operator of railway rolling stock», as well as other terms used in transport legislation.

Key words: transportation of a passenger, railway transport, parties to a contract for the carriage of a passenger, persons involved in the transportation of a passenger.

Законодательство о перевозке пассажира железнодорожным транспортом имеет сложный характер. С 1997 г. было принято два устава железнодорожного транспорта РФ (далее – УЖТ РФ)¹, шесть правил перевозок пассажиров и багажа на железнодорожном транспорте², более 15 федеральных стратегий и государственных программ в сфере железнодорожных пассажир-

ских перевозок³. Кроме того, в анализируемой сфере действуют международные договоры, которые образуют правовую основу межгосударственных отношений⁴. Можно назвать в частности Соглашение о международном пассажирском сообщении (далее – СМПС)⁵, Соглашение о Международном пассажирском тарифе⁶,

¹ Транспортный устав железных дорог Российской Федерации : федер. закон от 8 января 1998 г. № 2-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2. Ст. 218 ; Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации : федер. закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ (с изм. от 19.10.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 2. Ст. 170.

² В настоящий момент действуют постановление Правительства РФ от 27 мая 2021 г. № 810 и приказ Министерства транспорта РФ от 5 сентября 2022 г. № 352.

© Никитина К. И., 2024

³ К наиболее важным программным документам можно отнести Указ Президента РФ от 8 ноября 1997 г. № 1201 ; постановление Правительства РФ от 18 мая 2001 г. № 384 ; распоряжения Правительства РФ от 17 июня 2008 г. № 877-р и от 27 ноября 2021 г. № 3363-р и др.

⁴ См.: Бирюков П. Н. Международное право : учебник для вузов. 10-е изд. М., 2020. С. 207.

⁵ Соглашение о международном пассажирском сообщении от 1 октября 1951 г. (с изм. от 01.06.2023). URL: <https://company.rzd.ru/ru/9353/page/105104?id=1012> (дата обращения: 08.04.2024).

⁶ Соглашение о Международном пассажирском тарифе от 19 мая 1995 г. (с изм. от 20.11.2023) // URL:

Межгосударственные стандарты⁷ и др. Помимо прочего, в области перевозок большое количество актов Совета по железнодорожному транспорту государств – участников Содружества⁸. Акты Совета также регламентируют перевозку пассажира железнодорожным транспортом и активно применяются судами РФ⁹.

Принятие указанных актов повлекло за собой не только существенное преобразование нормативной базы управления железнодорожным транспортом, но и серьезные изменения в субъектном составе лиц, участвующих в перевозке пассажира. Перечень стал намного сложнее и казуистичнее и требует более детального изучения и рассмотрения. Рассмотрим некоторые проблемы.

1. *Пассажир*. В доктрине транспортного права отсутствует единое понимание пассажира как стороны договора перевозки. В литературе последних лет в качестве определяющих признаков пассажира относят наличие билета (электронного билета)¹⁰, факт заключения договора пере-

возки пассажира¹¹, наличие у пассажира специального правового статуса – потребителя¹² и т. д.

Между тем в законодательстве вопрос о признании лица пассажиром решен неоднозначно и меняется в зависимости от уровня правового регулирования. Согласно ст. 2 УЖТ РФ, под пассажиром понимается физическое лицо, которое заключило договор перевозки пассажира. Аналогичное определение пассажира воспроизводится в ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»¹³ (далее – Закон о железнодорожном транспорте). В п. 2 ст. 3 Федерального закона от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» (далее – Закон об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика) пассажирами считаются лицо, которое заключило договор перевозки, и ребенок, который перевозятся с ним бесплатно или по льготному тарифу¹⁴.

Третий подход к определению пассажира изложен в п. 1.2 Правил дорожного движения РФ. Он понимается как лицо, которое находится в транспортном средстве либо входит или выходит из него.

Четвертый подход содержится в актах ОАО «РЖД», которые в силу п. 7 приказа Минтранса

135 ; Федорова О. С. Сложные операции и сделки : бухгалтерский учет, документооборот, применение ККТ // Налоги и финансовое право. 2022. № 11.

¹¹ См.: Гришаев С. П., Свит Ю. П., Богачева Т. В. Постатейный комментарий к Разделу IV «Отдельные виды обязательств» части второй Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2021. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77250732/paragraph/3201/doclist/14556/1/0/0:1> (дата обращения: 08.04.2024) ; Микрюкова Г. А. Классификация договоров как основа совершенствования гражданско-правового регулирования пассажирских перевозок // Право и экономика. 2023. № 10. С. 43–49.

¹² См.: Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения : правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8. С. 68–82 ; Шерстобитов А. Е. Защита прав потребителей в современном российском гражданском праве // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 116–125.

¹³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 2. Ст. 169.

¹⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 25. Ст. 3257.

<https://company.rzd.ru/ru/9353/page/105104?id=2027> (дата обращения: 08.04.2024).

⁷ ГОСТ 33942-2016. Межгосударственный стандарт. Услуги на железнодорожном транспорте. Обслуживание пассажиров. Термины и определения : введен в действие приказом Росстандарта от 30 ноября 2016 г. № 1873-ст. М., 2016 ; ГОСТ 34530-2019. Транспорт железнодорожный. Основные понятия. Термины и определения : введен в действие приказом Росстандарта от 24 сентября 2019 г. № 748-ст. М., 2019.

⁸ Протокол 54-го заседания Совета по железнодорожному транспорту государств – участников Содружества от 18–19 мая 2011 г. // РЖД. Партнер. Документы. 2011. № 17 ; Протокол 70-го заседания Совета по железнодорожному транспорту государств – участников Содружества от 14–15 мая 2019 г. URL: <https://www.sovetgt.org/index.php?link=11> (дата обращения: 08.04.2024).

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. по делу № А40-24106/2017. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71976772/paragraph/21/doclist/1389/1/0/0:1> (дата обращения: 08.04.2024) ; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 сентября 2020 г. по делу № 8Г-4776/2020. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/315990901/paragraph/1/doclist/11277/1/0/0:2> (дата обращения: 08.04.2024) ; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 декабря 2021 г. по делу № А40-259103/2020. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/64601557/paragraph/1/doclist/11283/2/0/0:5> (дата обращения: 08.04.2024).

¹⁰ См.: Федотова Д. С. Бронирование как элемент некоторых гражданско-правовых договоров // Российское право : образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 127–

России от 5 сентября 2022 г. № 352 применяются для регулирования отношений в сфере перевозки. Так, согласно п. 2 Распоряжения ОАО «РЖД» от 6 июля 2016 г. № 1345р¹⁵ под пассажиром понимается не только лицо, которое имеет действующий проездной документ, но и лицо, которое имеет действующий электронный проездной документ.

Пятый подход к понятию представлен в актах международного права. В частности в ст. 2 СМПС и п. 2.2 ГОСТа 33942-2016 под пассажиром понимается лицо, которое совершает поездку на основании билета либо имеет билет и находится на территории пассажирской платформы.

Кроме того, в законодательстве содержится достаточно большое количество терминов, которые используются наравне с понятием «пассажир» в значении лица, заключившего договор перевозки. Например, физические лица – пассажиры¹⁶, потребитель (пользователь) пассажирских транспортных услуг¹⁷, «клиент»¹⁸, «потребитель (потенциальный потребитель)»¹⁹, «плательщик»²⁰ и т. д. Вместе с тем, разрешая споры

¹⁵ Об утверждении Правил программы лояльности «РЖД Бонус» холдинга «РЖД»: распоряжение ОАО «РЖД» от 6 июля 2016 г. № 1345р // Экономика железных дорог. 2016. № 11.

¹⁶ Об утверждении Правил оказания услуг по перевозкам на железнодорожном транспорте пассажиров, а также грузов, багажа и грузобагажа для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 27 мая 2021 г. № 810 (с изм. от 27.08.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 23. Ст. 4058.

¹⁷ Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8613.

¹⁸ О Кодексе деловой этики ОАО «РЖД»: распоряжение ОАО «РЖД» от 18 июля 2023 г. № 1792/р. URL: <https://rulaws.ru/acts/Rasporyazhenie-OAO-RZHD-ot-18.07.2023-N-1792r>. (дата обращения: 08.04.2024).

¹⁹ Об утверждении стандарта качества услуг, предоставляемых клиентам посредством личного общения: распоряжение ОАО «РЖД» от 10 декабря 2015 г. № 2911р. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=553399&dst=100210#JAC2L9UQnhoQM4xR1> (дата обращения: 08.04.2024).

²⁰ О вводе в эксплуатацию технологии оплаты электронных билетов электронными деньгами на сайте ОАО «РЖД» «Пассажирам»: распоряжение ОАО «РЖД» от 21 декабря 2016 г. № 2612р. URL: <https://rulaws.ru/acts/>

в сфере перевозки пассажира железнодорожным транспортом, суды руководствуются определением пассажира, которое содержится в ст. 2 УЖТ РФ²¹.

В то же время существует практика признания судом в качестве пассажира железнодорожного транспорта ребенка, который перевозится вместе с совершеннолетним пассажиром и имеет проездной документ²². В пользу широкого подхода к понятию «пассажир» также свидетельствует п. 31 Приказа Минтранса России от 5 сентября 2022 г. № 352, в котором взрослые и дети являются самостоятельными категориями пассажиров.

С учетом изложенного и в целях единообразного толкования и применения правовых норм предлагаем следующее определение понятия «пассажир»: это физическое лицо, заключившее договор перевозки пассажира, а также ребенок, перевозимый бесплатно (не старше 5 лет без занятия отдельного места) или по льготному тарифу (не старше 10 лет с предоставлением отдельного места) в пассажирском вагоне.

2. *Перевозчик.* Определение понятия «перевозчик» характеризуется многообразием подходов в научной литературе, каждый из которых обусловлен определенными признаками и особенностями анализируемого явления: наличием лицензии на оказание транспортных услуг пассажирам²³, возможностью совершения перевозки как лицом, заключившим договор, так и фактически ее осуществившим²⁴, связью с транс-

Rasporyazhenie-OAO-RZHD-ot-21.12.2016-N-2612r (дата обращения: 08.04.2024).

²¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2021 г. по делу № 8Г-6032/2021. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/321381703/paragraph/1/doclist/11299/1/0/0:1> (дата обращения: 08.04.2024); Решение Верховного Суда РФ от 4 декабря 2023 г. № АКПИ23-816. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/408349241/paragraph/1/doclist/1437/1/0/0:6> (дата обращения: 08.04.2024).

²² Решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 13 октября 2014 г. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/129179684/paragraph/1/doclist/11310/12/0/0:9> (дата обращения: 08.04.2024).

²³ См.: Жеребцов А. Н., Корякин В. М. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации». М., 2020.

²⁴ См.: Бутакова Н. А. Правовое регулирование прямой смешанной перевозки грузов: монография. М., 2024. С. 360–405.

портным средством²⁵, осуществлением перевозочной деятельности на профессиональной основе²⁶ и т. д. Между тем анализ транспортного законодательства показывает, что единое понятие перевозчика как стороны договора перевозки пассажира железнодорожным транспортом также не выработано и различается в зависимости от уровня правового регулирования.

Согласно ст. 2 Закона о железнодорожном транспорте, под перевозчиком в общем виде понимается организация, которая осуществляет перевозку на основании договора перевозки транспортом общего пользования. Однако в действительности перевозчик может осуществлять перевозку подвижным составом не общего пользования и от этого быть перевозчиком не перестает (например, перевозка работников собственным подвижным составом организации на путях необщего пользования²⁷).

В п. 3 ст. 3 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика к перевозчику относится организация, которая зарегистрирована в РФ и осуществляет перевозку.

Третий подход к определению перевозчика изложен в п. 7 ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (далее – Закон о транспортной безопасности)²⁸. В указанном акте под перевозчиком в общем виде понимается организация, которая приняла на себя обязательство доставить пассажира в пункт назначения.

Другие подходы к перевозчику изложены в актах международного права. В частности в ст. 2 СМПС и п. 2.2 ГОСТа 33942-2016 правовая природа перевозчика обусловлена причастностью лица к перевозке, которая возможна в силу заключения лицом договора перевозки (договорной перевозчик) или фактического ее осуществления (фактический перевозчик).

В п. 2.12.68 ГОСТа 34530-2019 перевозчик рассматривается как организация, которая име-

ет лицензию и обладает подвижным составом, включая тяговые транспортные средства. В то же время в соответствии с п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса ЕАЭС перевозчик трактуется как лицо, осуществляющее перевозку через таможенную границу Союза²⁹.

В разделе 2 Распоряжения ОАО «РЖД» от 21 декабря 2016 г. № 2612р под перевозчиком понимается только та организация, которая заключила договор с ОАО «РЖД» на продажу электронных билетов или сопутствующих услуг на сайте ОАО «РЖД» «Пассажирам» и имеющая статус агента по продаже услуг в АСУ «Экспресс». Иными словами, если транспортная организация не имеет, например, статуса агента по продаже услуг в АСУ «Экспресс», то и перевозчиком, судя по указанному определению, она являться не может.

Наконец, согласно п. 1.3 распоряжения ОАО «РЖД» от 26 августа 2020 г. № 1827/р перевозчиком может являться исключительно Дирекция скоростного сообщения, АО «ФПК» и пригородные пассажирские компании.

Единый подход к правовой природе перевозчика отсутствует и в правоприменительной практике. В частности имеется обширная судебная практика толкования и применения определения «первозчик» в значении, которое вкладывают в данное понятие УЖТ РФ³⁰, Закон об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика³¹, Закон о транспортной безопасности³². Причем анализ судебных реше-

²⁵ См.: Бажина М. А. Основные закономерности становления правового регулирования статуса перевозчика // Рос. юридический журнал. 2021. № 2. С. 148.

²⁶ См.: Гришаев С. П., Свит Ю. П., Богачева Т. В. Указ. соч.

²⁷ Решение Арбитражного суда Ярославской области от 2 сентября 2021 г. по делу № А82-10937/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/EVwbRnymE4xu/> (дата обращения: 08.04.2024).

²⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 7. Ст. 837.

²⁹ Таможенный кодекс ЕАЭС (с изм. от 18.03.2023) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11.04.2017). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 (дата обращения: 08.04.2024).

³⁰ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 июля 2023 г. по делу № А56-1924/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/NG4q81pSkcgE/> (дата обращения: 08.04.2024); Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 26 июля 2023 г. по делу № А10-398/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/3rksXuVuc31x/> (дата обращения: 08.04.2024).

³¹ Постановление Верховного Суда РФ от 19 августа 2019 г. № 74-АД19-8. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/72637648/paragraph/1/doclist/11321/1/0/0:12> (дата обращения: 08.04.2024); Постановление Верховного Суда РФ от 27 сентября 2019 г. № 74-АД19-10. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/72878270/paragraph/1/doclist/11324/1/0/0:1> (дата обращения: 08.04.2024).

³² Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда от 3 ав-

ний свидетельствует о существовании еще одного (девятого) подхода к понятию «перевозок», которое выработали сами суды. Так, в определении Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. по делу № А53-24628/2014 делается вывод о том, что перевозчиком является любая организация, осуществляющая перевозку железнодорожным транспортом³³.

Обобщая все названные подходы к анализируемому явлению, предлагаем под перевозчиком понимать юридическое лицо или индивидуального предпринимателя, которые имеют намерение перевезти, осуществляют или осуществили перевозку пассажира, багажа, груза или грузобагажа с использованием транспортного средства (независимо от того, являются ли они перевозчиками по договору перевозки или осуществляют перевозку фактически).

3. *Иные лица, участвующие в перевозке пассажира.* Для надлежащего исполнения договора перевозки пассажира необходимо участие иных лиц, задействованных в перевозочном процессе, которые сторонами договора не являются, но от этого их правовое значение в отношении перевозки не умаляется. Анализ законодательства и практики его применения показывает, что к ним могут быть отнесены *владелец инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования*³⁴ (далее – владелец инфраструктуры) и *оператор железнодорожного подвижного состава*³⁵ (далее – оператор).

Для осуществления перевозки пассажира перевозчик заключает с владельцем инфраструк-

туры договор об оказании услуг по использованию инфраструктуры, в рамках которого определяются объем, сроки, перечень и стоимость оказываемых услуг. В то же время наличие лишь договорных отношений между перевозчиком и владельцем инфраструктуры не позволяет рассматривать последнего в качестве представителя перевозчика и (или) стороны договора перевозки пассажира. Владелец инфраструктуры в данном случае выступает исполнителем услуги по предоставлению инфраструктуры в пользование, а перевозчик – ее заказчиком³⁶. Аналогичный вывод следует из самого определения понятия «владелец инфраструктуры», которое дважды встречается в транспортном законодательстве (ст. 2 УЖТ РФ и ст. 2 Закон о железнодорожном транспорте).

Однако анализ п. 3, 14, 31, 129 приказа Минтранса России от 5 сентября 2022 г. № 352 и сравнительно небольшой практики его применения в виду вступления в силу лишь с 1 сентября 2023 г. свидетельствует о том, что владелец инфраструктуры наравне с перевозчиком может оформлять и реализовывать проездные билеты, влиять на формирование стоимости проездных билетов путем увеличения (уменьшения) стоимости услуг по пользованию инфраструктурой, обеспечивает транспортную безопасность и доступность объектов железнодорожного транспорта³⁷. Причем в ряде случаев законодательство допускает участие даже одного субъекта (перевозчика или владельца инфраструктуры) для решения вопросов, связанных с использованием вагонов и объектов инфраструктуры для осуществления предпринимательской деятельности, составления акта о несчастном случае и т. д. (п. 12, 98 приказа Минтранса России от 5 сентября 2022 г. № 352).

Следовательно, на определенном этапе перевозочного процесса владелец инфраструктуры может выступать в качестве фактического перевозчика в отношениях с пассажиром, при этом не имея с ним договорных отношений.

густа 2023 г. по делу № 33-4149/2023. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/338367004/paragraph/1/doclist/11330/1/0/0:4> (дата обращения: 08.04.2024) ; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 17 ноября 2023 г. по делу № 33-17052/2023. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/337420788/paragraph/1/doclist/11338/1/0/0/> (дата обращения: 08.04.2024).

³³ Определение Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. по делу № А53-24628/2014. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71294692/paragraph/23/doclist/1487/1/0/0:10> (дата обращения: 08.04.2024).

³⁴ Апелляционное определение Туапсинского городского суда Краснодарского края от 23 ноября 2023 г. по делу № 11-45/2023. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/338497760/paragraph/1/doclist/11348/1/0/0:1> (дата обращения: 08.04.2024).

³⁵ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 мая 2023 г. по делу № 16-1866/2023. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/333517410/paragraph/1/doclist/11353/1/0/0:4> (дата обращения: 08.04.2024).

³⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 декабря 2022 г. по делу № А40-91756/2022. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/69296128/paragraph/1/doclist/11358/1/0/0:1> (дата обращения: 08.04.2024).

³⁷ Решение Верховного Суда РФ от 4 декабря 2023 г. № АКПИ23-816. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/408349241/paragraph/1/doclist/1510/1/0/0/> (дата обращения: 08.04.2024).

Подтверждением этого может служить постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 июня 2019 г. по делу № А40-309039/2018³⁸. Согласно материалам дела, потребитель на официальном сайте ОАО «РЖД» (владелец инфраструктуры) приобрел проездные билеты на поезд в вагон, принадлежащий АО ТК «Гранд Экспресс» (перевозчик). Класс сервисного обслуживания вагона предусматривал сервисную услугу в виде питания. Однако из-за ошибки, содержащейся на официальном сайте ОАО «РЖД», питание потребителю предоставлено не было. В связи с этим суд пришел к выводу о том, что именно владелец инфраструктуры, разместив на своем сайте недостоверную информацию, ввел в заблуждение потребителя. Поэтому владелец инфраструктуры должен нести бремя ответственности перед пассажиром за качество и безопасность оказываемой услуги, если осуществляет права и обязанности перевозчика; данные права и обязанности вытекают из договора об оказании услуг по использованию инфраструктуры.

3. *Оператор.* Согласно ст. 2 УЖТ РФ, под оператором понимают организацию, которая имеет на законном основании подвижной состав и оказывает услуги по его предоставлению в пользование для железнодорожных перевозок. В настоящее время в качестве оператора пассажирских перевозок преимущественно выступают транспортные компании, входящие в ОАО «РЖД», АО ТК «Гранд Сервис Экспресс», ООО «Транс-Класс Сервис» и ФГУП «Крымская железная дорога»³⁹.

Отношения между оператором и перевозчиком строятся на основании договора возмездного оказания транспортных услуг и (или) договора аренды железнодорожного подвижного состава. В то же время возможна ситуация, когда одно и то же лицо совмещает в себе одновременно функции оператора и владельца инфраструктуры или оператора и фактического перевозчика. Так, решением Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 18 марта 2022 г. по делу № А56-98807/2020 с ОАО «РЖД» (оператор и владелец инфраструк-

туры) в пользу АО ТК «Гранд Сервис Экспресс» (перевозчик) были взысканы убытки за вынужденную остановку пассажирского поезда по причине неисправности локомотива, арендованного перевозчиком у ОАО «РЖД»⁴⁰.

Примером другой ситуации является п. 7 постановления Правительства РФ от 25 июля 2013 г. № 626, которое предусматривает возможность возложения на основании договора между перевозчиком и оператором на последнего функций фактического перевозчика для выполнения отдельных операций перевозочного процесса. Поэтому полагаем, что ответственность за техническое состояние предоставленных в пользование перевозчику железнодорожного подвижного состава и оборудования, а равно задержку отправления (опоздания) поезда на железнодорожную станцию по причине неисправности данного состава и оборудования, должен нести оператор. Вместе с тем трудно не заметить, что надлежащее исполнение обязательств перевозчика по договору перевозки пассажира находится в прямой зависимости от надлежащего исполнения оператором договора аренды железнодорожного подвижного состава и (или) оборудования, если последние задействованы в перевозке пассажира. Подтверждением тому является двухгодичный хозяйственный спор между ФГУП «Крымская железная дорога» и АО ТК «Гранд Сервис Экспресс» из-за неопределенности платы за время использования локомотивной тяги, который мог затруднить перевозку пассажиров на Крымский полуостров⁴¹.

Таким образом, проведение реформ железнодорожного транспорта в России с одной стороны позволило переосмыслить существовавшие с советских времен подходы к сторонам договора перевозки, обусловило появление новых лиц, участвующих в перевозочном процессе, а с другой породило пробелы и коллизии в понятийном аппарате договора перевозки пассажира железнодорожным транспортом, которые нуждаются в скорейшем преодолении.

³⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 июня 2019 г. по делу № А40-309039/2018. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/63215274/paragraph/1:7> (дата обращения: 08.04.2024).

³⁹ Решение Арбитражного суда Ярославской области от 2 сентября 2021 г. по делу № А82-10937/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/EVwbRnymE4xu/> (дата обращения: 08.04.2024).

⁴⁰ Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 18 марта 2022 г. по делу № А56-98807/2020 URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/99164013/paragraph/1/doclist/11446/1/0/0:10> (дата обращения: 08.04.2024).

⁴¹ Решение Арбитражного суда Республики Крым от 12 сентября 2023 г. по делу № А83-2492/2023. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/580471368/paragraph/1/doclist/229/1/0/0:2> (дата обращения: 08.04.2024).

Библиографический список

- Бажина М. А.* Основные закономерности становления правового регулирования статуса перевозчика // Рос. юридический журнал. 2021. № 2. С. 142–151.
- Белов В. А.* Цифровое посредничество и потребительские отношения : правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8. С. 68–82.
- Бирюков П. Н.* Международное право : учебник для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. Т. 2. 276 с.
- Бутакова Н. А.* Правовое регулирование прямой смешанной перевозки грузов : монография. М. : Юстицинформ, 2024. 468 с.
- Микрюкова Г. А.* Классификация договоров как основа совершенствования гражданско-правового регулирования пассажирских перевозок // Право и экономика. 2023. № 10. С. 43–49.
- Федорова О. С.* Сложные операции и сделки : бухгалтерский учет, документооборот, применение ККТ // Налоги и финансовое право. 2022. № 11.
- Федотова Д. С.* Бронирование как элемент некоторых гражданско-правовых договоров // Российское право : образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 127–135.
- Шерстобитов А. Е.* Защита прав потребителей в современном российском гражданском праве // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 116–125.

References

- Bazhina M. A.* Basic patterns of formation of legal regulation of the status of the carrier // Russian Legal Journal. 2021. No. 2. P. 142–151.
- Belov V. A.* Digital mediation and consumer relations : legal nature and responsibility // Current problems of Russian law. 2022. No. 8. P. 68–82.
- Biriukov P. N.* International law : textbook for universities. 10th ed., rev. and add. Moscow : Yurayt, 2020. T. 2. 276 p.
- Butakova N. A.* Legal regulation of direct multimodal transportation of goods : monograph. Moscow : Justitsinform, 2024. 468 p.
- Mikryukova G. A.* Classification of contracts as the basis for improving civil law regulation of passenger transportation // Law and Economics. 2023. No. 10. P. 43–49.
- Fedorova O. S.* Complex operations and transactions : accounting, document flow, use of cash register systems // Taxes and financial law. 2022. No. 11.
- Fedotova D. S.* Reservation as an element of some civil contracts // Russian law : education, practice, science. 2020. No. 3. P. 127–135.
- Sherstobitov A. E.* Protection of consumer rights in modern Russian civil law // Journal of Russian Law. 2023. No. 5. P. 116–125.

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Никитина К. И., аспирантка кафедры гражданского и предпринимательского права
E-mail: knikitina@ieml.ru

Поступила в редакцию: 16.05.224

Для цитирования:

Никитина К. И. Лица, участвующие в перевозке пассажира железнодорожным транспортом // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 101–107. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/101-107>

Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov

Nikitina K. I., Post-graduate Student of the Civil and Business Law Department
E-mail: knikitina@ieml.ru

Received: 16.05.2024

For citation:

Nikitina K. I. Persons participating in transportation passengers by railway transport // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 101–107. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/101-107>

ПРАВОВАЯ ПРОЦЕДУРА АТТЕСТАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ВРЕМЕННЫХ ПЕРИОДОВ

А. Н. Сеньюков

Воронежский государственный университет

THE LEGAL PROCEDURE OF ATTESTATION OF PEDAGOGICAL WORKERS IN THE CONTEXT OF DIFFERENT TIME PERIODS

A. N. Senyukov

Voronezh State University

Аннотация: рассматриваются особенности правовой процедуры проведения аттестации педагогических работников в различные временные периоды. Изучаются особенности содержания данной процедуры аттестации педагогических работников. Делается вывод необходимости разработки и установления критериев оценки аттестации для профессорско-преподавательского состава, а также о целесообразности закрепления понятия «аттестация» в положениях Трудового кодекса Российской Федерации. Высказываются предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего процедуру аттестации педагогических работников.

Ключевые слова: аттестация педагогических работников, квалификация, профессиональные навыки, процедура аттестации, правовые средства и способы аттестации.

Abstract: the article examines the features of the legal procedure of attestation of pedagogical workers in various time periods. The features of the content of the procedure of attestation of pedagogical workers are studied. It is concluded that it is advisable to consolidate the concept of “attestation” in the provisions of the Labor Code of the Russian Federation, the need to develop and establish criteria for evaluating attestation for teaching staff. Suggestions are made to improve the legislation regulating the procedure of attestation of pedagogical workers.

Key words: attestation of pedagogical workers, teaching staff, qualifications, professional skills, procedure of attestation, legal means and methods of attestation.

Аттестация как явление, связанное с проверкой соответствия работника организации установленным требованиям¹, имеет большое практическое значение. Несмотря на повсеместное использование слова «аттестация» (от лат. *attestatio* – «свидетельство»), определение целей, задач и принципов аттестации, его легальное определение не содержится ни в одном нормативном правовом и ненормативном правовом акте, что вызывает широкую дискуссию в научном сообществе.

¹ См.: Лисняк П. В. Аттестация персонала : понятия, виды и процедура проведения // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2022. № 2 (28). С. 11–14.

© Сеньюков А. Н., 2024

По мнению некоторых ученых-юристов, аттестацию работника можно рассматривать с позиции двух аспектов: в качестве оценки профессионализма работника и в качестве показателя качества образования в целом (если речь идет о педагогических работниках, например). В целом одно и другое полностью взаимосвязаны, и без оценки первого невозможна оценка второго. Отмечается, что аттестация представляет собой стимул для профессионального роста работника².

² См.: Аттестация педагога : инструмент профессионального роста / Л. Н. Соловьева, О. А. Мещерякова, С. В. Солодовникова, М. А. Яшина // Педагогика и современное образование : традиции и инновации : сборник

В специальной юридической литературе встречаются и позиции, согласно которым аттестация полностью соотносится с деятельностью всего коллектива, которым созданы благоприятные условия для осуществления трудовой деятельности работника³. Аттестация является неотъемлемой частью процесса управления человеческими ресурсами, посредством которой можно не только определить соответствие работника занимаемой должности, но и усовершенствовать эффективность деятельности всего органа, организации, замотивировать работника на совершенствование своего профессионализма, достижения положительных результатов⁴.

Г. М. Коджаспирова определяет аттестацию педагогических работников как комплексную оценку уровня квалификации, педагогического профессионализма и продуктивности деятельности работников образовательных учреждений⁵. Квалификация – это уровень профессиональной подготовки, наличие знаний и навыков, необходимых для выполнения определенной работы⁶.

За время существования аттестации педагогических работников документы об аттестации неоднократно изменялись, обновлялись с учетом изменений, происходящих в системе образования⁷.

Для педагогов России аттестация впервые была введена в 1936 г. в советский период на ос-

статей VI Международной методико-практической конференции, Петрозаводск, 2023. С. 15.

³ См.: *Тараненко Н. Ю.* Психологический аспект аттестации педагогических работников // Педагогика, психология, общество : от теории к практике : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, Чебоксары, 2023. С. 63.

⁴ См.: *Пименов Э. Р.* Значение и принципы аттестации работников // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов : сборник материалов XXII Междунар. науч.-практ. конф., М., 2023. С. 667.

⁵ См.: *Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю.* Словарь по педагогике. М., 2005. 448 с.

⁶ См.: *Николаева А. Д., Лаптева Я. А.* О нормативно-правовом регулировании процесса аттестации педагогических работников как основание для профессионального развития педагога // Влияние педагогических традиций на становление и развитие личности будущего учителя : сборник материалов науч. конф., Якутск, 6–7 ноября 2013 г. / под ред. И. С. Алексеевой (отв. ред.), А. Д. Николаевой, О. П. Осиповой. Якутск, 2013. С. 307–311.

⁷ См.: *Охлопкова Н. Р.* Нормативно-правовое регулирование аттестации педагогических работников // Образовательная панорама. 2016. № 1 (5). С. 43–48.

новании принятого документа «О персональных званиях учителей начальных и средних школ»⁸, в котором было установлено, что для оценки знаний педагогических работников создавалась специальная комиссия на основании решений которой учителям могли быть присвоены три звания: 1) Учитель начальной школы; 2) Учитель средней школы; 3) Заслуженный учитель школы. Данные звания являлись пожизненными, но в то же время в судебном порядке лицо могло быть его лишено.

Процедура аттестация проводилась в форме беседы с аттестуемым особой аттестационной комиссией. Помимо присвоения звания комиссия разрешала вопрос о реальной возможности осуществления трудовой деятельности работниками. При этом если комиссия принимала отрицательное решение, у лица имелась возможность восстановиться на работе после прохождения дополнительного обучения⁹. В результате назначением проводимых аттестационных мероприятий выступало определение способности и готовности испытуемого лица осуществлять творческий процесс обучения.

Начиная с 1941 г. в период военного времени аттестации педагогических работников не уделялось внимания, и ее правовое регулирование менялось незначительно вплоть до 1974 г. Ситуация изменилась в связи с принятием в 1974 г. нового положения об аттестации, где было конкретизировано, что работники должны проходить аттестацию каждые пять лет, а также в отношении отдельных субъектов, которые не справлялись со своей трудовой деятельностью и не повышали квалификацию, прохождение аттестации могло быть по дополнительным основаниям.

Спустя десятилетие постановлением ЦК КПСС от 12 апреля 1984 г. № 318 «О повышении заработной платы учителей и других работников народного образования»¹⁰ к списку аттесту-

⁸ О персональных званиях для учителей начальных и средних школ : постановление ЦИК СССР № 53, СНК СССР № 686 от 10 апреля 1936 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: *Муин-Заде Ш. Х.* Аттестация педагогических кадров : теория и практика // Modern Science. 2020. № 6-2. С. 86.

¹⁰ О повышении заработной платы учителей и других работников народного образования : постановление ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС от 12 апреля 1984 г. № 318. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

емых были добавлены воспитатели и старшие пионервожатые. Процедура аттестации начала проводиться поэтапно: сначала аттестационные материалы рассматривала внутренняя рабочая группа, затем – внешняя аттестационная комиссия.

В 1993 г. в связи с созданием нового государства и принятием Конституции Российской Федерации и многочисленного федерального законодательства, изменился и порядок аттестации для педагогических работников¹¹ (далее – Порядок аттестации 1993 г.).

В типовом положении об аттестации педагогических и руководящих работников были установлены цели, задачи и принципы аттестации: «Целью аттестации является стимулирование роста квалификации, профессионализма, продуктивности педагогического и управленческого труда, развитие творческой инициативы, обеспечение социальной защищенности работников отрасли в условиях рыночных отношений путем дифференциации оплаты их труда. Задачами аттестации являются: целенаправленное, непрерывное повышение профессионального уровня педагогических и руководящих работников; установление соответствия между качеством и оплатой труда; управление качеством образования для создания оптимальных условий развития личности. Аттестация осуществляется на основе комплексной оценки уровня квалификации, педагогического и управленческого профессионализма и продуктивности деятельности работников учреждений образования. Основными принципами аттестации являются: добровольность, открытость и коллегиальность, обеспечивающие объективное, гуманное и доброжелательное отношение к педагогическим и руководящим работникам».

Таким образом, основной задачей аттестации на новом историческом этапе государственного развития стала проверка соответствия критериям профессионального уровня в целях последующей дифференцированной оплаты педагогического труда согласно достигнутому показателю.

В 2000 г. в действующий на тот период Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г.

¹¹ Об утверждении типового положения об аттестации педагогических и руководящих работников государственных, муниципальных учреждений и организаций образования Российской Федерации : приказ Минобрнауки России от 17 июня 1993 г. № 256 // Рос. вестн. 1993. № 144.

№ 3266-1 «Об образовании»¹² были внесены существенные изменения, в соответствии с которыми отменялось Положение об аттестации 1993 г. и устанавливалось, что работник должен самостоятельно инициировать проведение аттестации в определенный период; срок аттестации не может превышать двух месяцев, а в том случае, если лицо не прошло аттестацию, то может подать заявление и пройти ее повторно не ранее, чем через один год.

С 2011 г. начал действовать новый Порядок аттестации педагогических работников государственных и муниципальных образовательных учреждений¹³ (далее – Порядок аттестации 2010 г.), где были определены следующая цель, задачи и принципы аттестации педагогических работников: «Аттестация проводится в целях установления соответствия уровня квалификации педагогических работников требованиям, предъявляемым к квалификационным категориям (первой или высшей) или подтверждения соответствия педагогических работников занимаемым ими должностям на основе оценки их профессиональной деятельности. Основными задачами аттестации являются: стимулирование целенаправленного, непрерывного повышения уровня квалификации педагогических работников, их методологической культуры, личностного профессионального роста, использования ими современных педагогических технологий; повышение эффективности и качества педагогического труда; выявление перспектив использования потенциальных возможностей педагогических работников; учет требований федеральных государственных образовательных стандартов к кадровым условиям реализации образовательных программ при формировании кадрового состава образовательных учреждений; определение необходимости повышения квалификации педагогических работников; обеспечение дифференциации уровня оплаты труда педагогических работников. Основными принципами аттестации являются коллегиальность,

¹² Об образовании : закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (с изм. и доп. от 12.11.2012) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 150 ; 2012. № 47. Ст. 6396.

¹³ О порядке аттестации педагогических работников государственных и муниципальных образовательных учреждений : приказ Минобрнауки России от 24 марта 2010 г. № 209 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 19.

гласность, открытость, обеспечивающие объективное отношение к педагогическим работникам, недопустимость дискриминации при проведении аттестации».

Сравнивая цели, задачи и принципы аттестации педагогических работников, изложенные в Порядке аттестации 1993 и 2010 гг., можно с уверенностью обозначить, что в последнем указанные объекты существенно расширены, что можно расценивать исключительно положительно с позиции сущности проведения аттестации.

В 2012 г. был принят Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании), который в ст. 49 закрепил следующее: «Аттестация педагогических работников проводится в целях подтверждения соответствия педагогических работников занимаемым ими должностям на основе оценки их профессиональной деятельности и по желанию педагогических работников (за исключением педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава) в целях установления квалификационной категории»¹⁴.

Также законодатель обозначил, что проведение аттестации педагогических работников в целях подтверждения соответствия педагогических работников занимаемым ими должностям осуществляется один раз в пять лет на основе оценки их профессиональной деятельности аттестационными комиссиями, самостоятельно формируемыми организациями, осуществляющими образовательную деятельность. Проведение аттестации в целях установления квалификационной категории педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, осуществляется аттестационными комиссиями, формируемыми федеральными органами исполнительной власти, в ведении которых эти организации находятся, а в отношении педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении субъекта Российской Федерации, педагогических работников муниципальных и частных организаций, осуществля-

ющих образовательную деятельность, проведение данной аттестации осуществляется аттестационными комиссиями, формируемыми уполномоченными органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Порядок проведения аттестации педагогических работников устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере труда.

В 2014 г. был утвержден Порядок проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность¹⁵ (далее – Порядок аттестации 2014 г.), где существенно отличалась цель проведения аттестации работников по сравнению с Порядком аттестации 2010 г. Из нового положения следовало, что аттестация педагогических работников проводится в целях подтверждения соответствия педагогических работников занимаемым ими должностям на основе оценки их профессиональной деятельности и по желанию педагогических работников (за исключением педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава) в целях установления квалификационной категории. Несколько усовершенствованы были и задачи проведения аттестации, несмотря на общее сохранение их сущности. Так, основными задачами проведения аттестации являются стимулирование целенаправленного, непрерывного повышения уровня квалификации педагогических работников, их методологической культуры, профессионального и личностного роста; определение необходимости повышения квалификации педагогических работников; повышение эффективности и качества педагогической деятельности; выявление перспектив использования потенциальных возможностей педагогических работников; учет требований федеральных государственных образовательных стандартов к кадровым услови-

¹⁴ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 25.12.2023 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53. Ст. 7598 ; 2023. № 25. Ст. 4408.

¹⁵ Об утверждении Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность : приказ Минобрнауки России от 7 апреля 2014 г. № 276 // Рос. газета. 2014. № 124.

ям реализации образовательных программ при формировании кадрового состава организаций; обеспечение дифференциации размеров оплаты труда педагогических работников с учетом установленной квалификационной категории и объема их преподавательской (педагогической) работы. Принципы проведения аттестации по Порядку об аттестации 2014 г. полностью совпадают с принципами проведения аттестации по Порядку об аттестации 2010 г.

Следующее совершенствование аттестации педагогических работников было произведено в 2023 г. в связи с утверждением Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность¹⁶ (далее – Порядок). Сохранили свою сущность, но в то же время были усовершенствованы посредством расширительного толкования задачи проведения аттестации. Так, в настоящий момент основными задачами проведения аттестации являются:

а) стимулирование целенаправленного, непрерывного повышения уровня квалификации педагогических работников, их методологической культуры, профессионального, личностного и карьерного роста;

б) определение необходимости дополнительного профессионального образования педагогических работников;

в) повышение эффективности и качества педагогической деятельности;

г) выявление перспектив использования потенциальных возможностей педагогических работников, в том числе в целях организации (осуществления) методической помощи (поддержки) и наставнической деятельности в образовательной организации;

д) учет требований федеральных государственных образовательных стандартов к кадровым условиям реализации образовательных программ при формировании кадрового состава организаций;

е) обеспечение дифференциации оплаты труда педагогических работников с учетом установленных квалификационных категорий, объема их преподавательской (педагогической) работы либо дополнительной работы.

¹⁶ Об утверждении Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность : приказ Минпросвещения России от 24 марта 2023 г. № 196. URL: www.pravo.gov.ru

Сравнивая Порядок аттестации 2023 г. с ранее действующими 2010, 2014 гг., мы видим, что принципы проведения аттестации не изменились, тем самым подчеркивается их существенность. Данные принципы определяют содержание и направление правового регулирования процедуры аттестации педагогических работников.

Необходимо обратить внимание, что ряд практических и даже юридических конфликтов, которые содержались и в ранее действовавших подзаконных нормативных правовых актов, так и не был устранен. Как уже отмечалось, аттестационная комиссия самостоятельно формируется организацией. Данное положение само по себе содержит определенный конфликт интересов, а в ряде ситуаций может стать поводом возникновения коррупциогенных факторов. В первую очередь речь идет о системе мероприятий внутри педагогического коллектива в целях подтверждения соответствия занимаемой должности. Таким образом, педагогические работники могут периодически включаться в состав соответствующих комиссий с целью последующего проведения мероприятий аттестации своих коллег, которые в будущем, что не исключается порядком, могут принимать участие в аттестации лиц, ранее проводящих их собственную аттестацию. При этом нормативно закрепляется циклический характер аттестации сроком раз в пять лет, что в совокупности с изложенным может привести к возникновению конфликта интересов. Более того, п. 6 Порядка закрепляет, что аттестационная комиссия формируется «из числа работников организации». Подобный регламент формирования сам по себе носит дискуссионный характер.

Возвращаясь к целям аттестации, следует отметить, что она состоит в определении соответствия педагогического работника занимаемой должности. При этом согласно п. 31 ст. 2 Закона об образовании участниками образовательных отношений являются обучающиеся, их родители, педагогические работники и сама образовательная организация. В результате действующие в настоящее время правила исключают как минимум обучающихся и их родителей из числа субъектов, участвующих в аттестационных мероприятиях педагогов, причем по вопросу о соответствии их занимаемой должности, который непосредственно затрагивает интересы данных субъектов образовательных отношений, которые

непосредственно взаимодействуют с педагогическими работниками в процессе получения образования. В итоге Порядок аттестации 2023 г., как и ранее действовавшие, позволяет педагогическим работникам ставить оценки не только обучающимся при непосредственном образовательном процессе, но и «самим себе» внутри педагогического коллектива в рамках аттестационных мероприятий, что стоит признать как минимум избыточным.

Наконец, Порядком аттестации 2023 г. не установлены конкретные критерии, по которым аттестационная комиссия должна определить, соответствует все же педагогический работник занимаемой должности либо нет. Так, п. 11 Порядка регламентирует, что среди прочих сведений о педагогическом работнике, содержащихся в представлении руководителя образовательной организации в аттестационную комиссию должна содержаться в том числе «мотивированная всесторонняя и объективная оценка результатов профессиональной деятельности педагогического работника по выполнению трудовых обязанностей, возложенных на него трудовым договором». При этом критерии подобной мотивированной и всесторонней оценки отсутствуют, они находятся на административном усмотрении руководителя образовательной организации и, соответственно, могут различаться в зависимости от образовательного учреждения.

Федеральное законодательство устанавливает коррупциогенные факторы применительно к нормативным правовым актам и их проектам, однако по аналогии подобные критерии относимости можно определить и для подзаконных актов, к которым относится и приказ, утвердивший Порядок аттестации 2023 г. Среди них выделяются широта дискреционных полномочий, в том числе позволяющая руководству образовательной организации самостоятельно определять фактические критерии оценки профессиональной деятельности аттестуемого работника, а также неполнота административных процедур. В п. 43 Порядка аттестации 2023 г. указано, что результаты аттестации в целях установления квалификационной категории (первой, высшей) педагогический работник вправе обжаловать в соответствии с законодательством Российской Федерации. При этом в отношении аттестации в целях подтверждения соответствия занимаемой должности указание на возможность обжалования в посвященном ей разделе не предусмо-

трена. При установлении же квалификационной категории возможность обжалования не конкретизирована, что снижает гарантии защиты прав работников, что не может быть признано допустимым. Правоприменительная практика в случае возникновения конфликтных ситуаций идет по пути рассмотрения индивидуального трудового спора в порядке главы 60 Трудового кодекса РФ¹⁷ (далее – ТК РФ), а в случае несогласия с результатом разбирательства в административном порядке педагогический работник вправе обратиться в суд общей юрисдикции в соответствии со ст. 390–392 ТК РФ.

Еще одним новшеством в аттестации педагогических работников является срок действия квалификационных категорий – первая и высшая категория теперь присваиваются бессрочно, несмотря на ранее действующий – пять лет. При этом квалификационные категории, присвоенные до вступления в силу нового Порядка аттестации 2023 г., сохраняются в течение срока, на который они были присвоены.

Аттестация педагогических работников в целях установления первой или высшей квалификационной категории проводится по их желанию (п. 24). Действительно, какой-либо срок установления квалификационной категории отсутствует, что прямо соответствует положениям Закона об образовании.

Также были установлены следующие разделы аттестации педагогических работников:

- в целях подтверждения соответствия занимаемой должности;
- установления первой и высшей квалификации;
- установления квалификационной категории «педагог-методист» или «педагог-наставник».

Следует обратить внимание на введение новых квалификационных категорий «педагог-методист» и «педагог-наставник».

Одним из показателей для установления категории «педагог-наставник» является следующий показатель – содействие в подготовке педагогических работников, в том числе из числа молодых специалистов, к участию в конкурсах профессионального (педагогического) мастер-

¹⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023 ; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ства. Данное нововведение важно и для молодых педагогов, так как для них первым аттестационным рубежом является обязательная аттестация или «соответствие занимаемой должности». В связи с тем, что данный вид аттестации проходит внутри школы, молодым учителям необходима поддержка коллег и руководства¹⁸.

Аттестация в целях установления квалификационной категории «педагог-методист» или «педагог-наставник» проводится по желанию педагогических работников. К указанной аттестации допускаются педагогические работники, имеющие высшую квалификационную категорию. Тем самым нововведение дает возможность повышения профессионального статуса педагога, уже имеющего высшую квалификационную категорию, и должно помочь в решении проблем, связанных с организацией наставнической и методической работы в образовательных организациях. До принятия данных изменений учителя выполняли эти функции, не имея официального статуса, а с получением названных официальных категорий педагоги смогут получать за это соответствующую надбавку к зарплате.

Исходя из анализа законодательных документов и нормативных актов можно сделать вывод о том, что процедура аттестации педагогов претерпела значительные изменения, «развернулась» в сторону объективного отношения государства к педагогу. Подтверждением этому служит не только возможность дифференцировать оплату труда педагогов, но и создать объективную необходимость непрерывного повышения уровня их квалификации и методологической культуры, личностного профессионального роста. Современный аттестационный порядок направлен на установление взаимодействия и гибкого комплексирования требований федерального государственного образовательного стандарта и кадровых условий реализации образовательных программ, что позволяет определить векторы развития кадрового потенциала¹⁹.

¹⁸ См.: Бочкарева Т. Н., Афанасьева Е. В., Воробьева Н. П. Управление образовательной организацией на основе построения модели организационной структуры как фактора успешной аттестации педагогических работников // Преподаватель XXI века. 2019. № 1-1. С. 104–111.

¹⁹ Уточкина Е. Ю. Процедура аттестации педагогических кадров в контексте внедрения профессионального стандарта педагога (на примере гуманитарно-педагогического колледжа) // Педагогическое образование : вызовы XXI века : сборник науч. статей IX Международной науч.-практ. конф., посвященной памяти академика РАО

Постоянное совершенствование правового механизма проведения аттестации работников можно расценивать положительно, поскольку это вполне соответствует современным реалиям, изменениям, которые происходят в государстве, обществе и законодательстве, однако проблемные аспекты, связанные с аттестацией педагогических работников, сохраняются.

Таким образом, с учетом изложенного необходимо заключить, что, несмотря на наличие такого инструмента, как аттестация работников, и его активное применение, отсутствие легального понятия аттестации обуславливает некоторые сложности в ее определении. В целях устранения дискуссии представляется целесообразным в ст. 209 ТК РФ закрепить следующее понятие аттестации: «Аттестация – добровольная или обязательная оценка профессиональных навыков и умений работников, осуществляемая в целях определения соответствия занимаемой должности либо установления квалификационной категории в порядке, определенном законодательством».

Основной механизм проведения аттестации педагогических работников предусмотрен положениями приказа Минпросвещения России от 24 марта 2023 г. № 196 «Об утверждении Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность», который действует до 31 августа 2029 г. и распространяется на всех педагогических работников (за исключением профессорско-преподавательского состава).

Поскольку при действующем в настоящее время Порядке аттестации 2023 г. сохраняется субъективный подход к проводимой аттестации, не все участники образовательного процесса включены в данную процедуру, целесообразным является расширение круга субъектов, входящих в состав аттестационной комиссии, например, представителями родительского комитета, которые одновременно представляют определенных в Законе об образовании участников образовательного процесса – обучающихся и их родителей.

Как уже отмечалось, Порядок аттестации 2023 г. не устанавливает критерии оценки профессиональной деятельности педагога. Так, в представлении работодателя на педагогиче-

В. А. Слестёнина, Самара, 4–5 октября 2018 г. / под общ. ред. А. И. Смоляр. Самара, 2018. С. 150–154.

ского работника, которое он вносит непосредственно в аттестационную комиссию, должна содержаться в том числе «всесторонняя и объективная оценка результатов профессиональной деятельности педагогического работника по выполнению трудовых обязанностей, возложенных на него трудовым договором». В связи с чем возникает необходимость нормативно ввести критерии всесторонней и объективной оценки результатов профессиональной деятельности педагогических работников, отсутствие соответствия которым будет являться основанием для признания педагогического работника не соответствующим занимаемой должности. Определение данных критериев на локальном уровне порождает возможность административного усмотрения со стороны руководства образовательной организации либо произвольное установление отсылочных норм в локальных актах к иным актам иных структур в сфере образования, что в целом создает почву для образования в данном вопросе правовой неопределенности о том, в каких именно актах содержатся те требования и критерии, по которым в последующем будет проводиться та самая всесторонняя и объективная оценка результатов профессиональной деятельности педагогического работника. Поскольку данные работники, как правило, имеют преимущественно педагогическое, а не юридическое образование, возложение на них обязанности анализа различных актов на предмет выявления критериев, по которым будет проводиться оценка их профессиональной деятельности, не может быть признано допустимым, а потому целесообразно установить в Порядке аттестации 2023 г. исчерпывающий перечень административных процедур в данной сфере, включая критерии соответствия педагогического работника занимаемой должности, которые объективно должны быть выработаны путем проведения широкого обсуждения данного вопроса внутри педагогического сообщества, а также в ходе комплексной юридической оценки, исключающей наличие коррупциогенных факторов. Вместе с тем следует помнить, что образование – в первую очередь творческий процесс, не позволяющий как урегулировать все элементы данной творческой деятельности, так и исчерпывающе выработать объективные критерии ее оценки.

Библиографический список

Аттестация педагога : инструмент профессионального роста / Л. Н. Соловьева, О. А. Мещерякова, С. В. Солодовникова, М. А. Яшина // Педагогика и современное образование : традиции и инновации : сборник статей VI Междунар. методико-практ. конф. Петрозаводск, 2023. С. 15–24.

Бочкарева Т. Н., Афанасьева Е. В., Воробьева Н. П. Управление образовательной организацией на основе построения модели организационной структуры как фактора успешной аттестации педагогических работников // Преподаватель XXI века. 2019. № 1-1. С. 104–111.

Винник Н. С. Аттестация педагогических работников как показатель уровня их профессионального развития // Современные проблемы и перспективы развития : материалы науч.-практ. конф. Новосибирск, 2018. С. 147–151.

Гаухман Л. Д. Методико-теоретические основы подготовки научных и научнопедагогических кадров. М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2022. 160 с.

Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике. М. : MapT, 2005. 448 с.

Лисняк П. В. Аттестация персонала : понятия, виды и процедура проведения // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2022. № 2 (28). С. 11–14.

Муин-Заде Ш. Х., Антонова Н. Л. Аттестация педагогических кадров : теория и практика // Modern Science. 2020. № 6-2. С. 84–90.

Николаева А. Д., Лаптева Я. А. О нормативно-правовом регулировании процесса аттестации педагогических работников как основание для профессионального развития педагога // Влияние педагогических традиций на становление и развитие личности будущего учителя : сборник материалов науч. конф., Якутск, 6–7 ноября 2013 г. / под ред. И. С. Алексеевой (отв. ред.), А. Д. Николаевой, О. П. Осиповой. Якутск : Междунар. центр научно-исследовательских проектов, 2013. С. 307–311.

Охлопкова Н. Р., Серова Н. Л. Нормативно-правовое регулирование аттестации педагогических работников // Образовательная панорама. 2016. № 1 (5). С. 43–48.

Пименов Э. Р. Значение и принципы аттестации работников // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов : сборник материалов XXII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 667–669.

Тараненко Н. Ю. Психологический аспект аттестации педагогических работников // Педагогика, психология, общество : от теории к практике : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Чебоксары, 2023. С. 63–65.

Уточкина Е. Ю. Процедура аттестации педагогических кадров в контексте внедрения профессионального стандарта педагога (на примере гуманитарно-педагогического колледжа) // Педагогическое образование : вызовы XXI века : сборник науч. статей IX Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти академика РАО В. А. Слостенина, Самара, 4–5 октября 2018 г. / под общ. ред. А. И. Смоляра. Самара : Самар. гос. социально-педагогический ун-т, 2018. С. 150–154.

References

Teacher certification : a tool for professional growth / L. N. Solovyeva, O. A. Meshcheryakova, S. V. Solodovnikova, M. A. Yashina // Pedagogics and modern education : traditions and innovations : collection of articles of the VI International Methodological and Practical Conference. Petrozavodsk, 2023. P. 15–24.

Bochkareva T. N., Afanasyeva E. V., Vorobyeva N. P. Managing an educational organization on the basis of building a model of organizational structure as a factor of successful certification of teaching staff // Teachers XXI Century. 2019. No. 1-1. P. 104–111.

Vinnik N. S. Attestation of pedagogical workers as an indicator of the level of their professional development // Modern problems and prospects of development : proceedings of the scientific and practical conference. Novosibirsk, 2018. P. 147–151.

Gaukhman L. D. Methodological and theoretical foundations of training of scientific and scientific-pedagogical personnel. Moscow : YurInfoR-Press, 2022. 160 p.

Kodzhaspirova G. M., Kodzhaspirov A. Y. Dictionary of pedagogy. Moscow : Mart, 2005. 448 p.

Lisnyak P. V. Attestation of personnel : concepts, types and procedure of conducting // Spiritual situation of time. Russia XXI century. 2022. No. 2 (28). P. 11–14.

Muin-Zadeh Sh. H., Antonova N. L. Attestation of pedagogical staff : theory and practice // Modern Science. 2020. No. 6-2. P. 84–90.

Nikolaeva A. D., Lapteva Y. A. About the normative-legal regulation of the process of certification of pedagogical workers as a basis for professional development of a teacher // Influence of pedagogical traditions on the formation and development of personality of a future teacher : collection of materials of the Scientific Conference, Yakutsk, november 6-7, 2013 / eds. by I. S. Alekseeva (ex. ed.), A. D. Nikolaeva, O. P. Osipova. Yakutsk : International Center for Research Projects, 2013. P. 307–311.

Okhlopkova N. R., Serova N. L. Normative-legal regulation of attestation of pedagogical workers // Educational Panorama. 2016. No. 1 (5). P. 43–48.

Pimenov E. R. The importance and principles of employee attestation // Actual problems of science and education in the context of modern challenges : Proceedings of the XXII International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2023. P. 667–669.

Taranenko N. Y. Psychological aspect of certification of pedagogical workers // Pedagogy, psychology, society : from theory to practice : Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Cheboksary, 2023. P. 63–65.

Utochkina E. Yu. Procedure of certification of pedagogical staff in the context of the implementation of professional standard of teacher (on the example of humanitarian-pedagogical college) // Pedagogical education : challenges of the XXI century : Collection of scientific articles of the IX International Scientific and Practical Conference in memory of Academician RAO V. A. Slostenin, Samara, october 4-5, 2018 / gen. ed. of A. I. Smolyar. Samara : Samara State Socio-Pedagogical University, 2018. P. 150–154.

Воронежский государственный университет
Сеньюков А. Н., аспирант
E-mail: senyukovanton2011@mail.ru

Voronezh State University
Senyukov A. N., Post-Graduate Student
E-mail: senyukovanton2011@mail.ru

Поступила в редакцию: 07.05.2024

Received: 07.05.2024

Для цитирования:

Сеньюков А. Н. Правовая процедура аттестации педагогических работников в контексте различных временных периодов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 108–116. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/108-116>

For citation:

Senyukov A. N. The legal procedure of attestation of pedagogical workers in the context of different time periods // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 108–116. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/108-116>

УДК 340

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/117-127>

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ ВЫСЫЛКИ ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА

О. В. Катаева

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

ON THE PROSPECTS FOR IMPROVING PUBLIC-LAW MECHANISMS FOR IMPLEMENTING THE EXPULSION OF A FOREIGN CITIZEN

O. V. Kataeva

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin

Аннотация: проанализированы современные проблемы высылки иностранного гражданина из Российской Федерации и рассмотрены перспективные пути совершенствования данной меры государственного принуждения. Выдвинуто положение о необходимости совершенствования публично-правовых механизмов реализации высылки иностранного гражданина из Российской Федерации, а также помещения лица, подлежащего высылке, в специальные учреждения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Методология исследования включает в себя анализ имеющихся правоприменительных проблем в исследуемой области, а также сравнительно-правовой метод, использованный с целью выявления дальнейших тенденций развития законодательства в области реализации высылки иностранного гражданина из Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция, миграционный кризис, административное выдворение, депортация, реадмиссия, специальные учреждения, высылка иностранного гражданина.

Abstract: it is analyzed modern problems of expulsion of a foreign citizen from the Russian Federation and considered promising ways to improve this measure of state coercion. The provision on the need to improve public-law mechanisms for implementing the expulsion of a foreign citizen from the Russian Federation, as well as placing a person subject to expulsion in special institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, is put forward. The methodology of the study includes an analysis of existing law enforcement problems in the area under study, as well as a comparative legal method used to identify further trends in the development of legislation in the field of implementing the expulsion of a foreign citizen from the Russian Federation.

Key words: migration, migration crisis, administrative expulsion, deportation, readmission, special institutions, expulsion of a foreign citizen.

Сегодня в международный миграционный обмен вовлекается всё большее число лиц, актуализируя необходимость обеспечения права на свободу всеми демократическими государствами. По подсчетам экспертов, в 2022 г. количество международных мигрантов во всём мире достиг-

ло 281 млн человек¹, что говорит о тенденции глобализации миграционного движения.

На мировой арене управляемые миграционные процессы сегодня становятся важнейшим фактором, определяющим прогрессивное раз-

¹ См.: В мире насчитывается примерно 281 млн международных мигрантов. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/02/1418252> (дата обращения: 30.05.2024).

витие участвующих в них государств, положительно сказываясь на экономике, демографии и благосостоянии населения в целом.

Одновременно неконтролируемая миграция создает реальную угрозу правопорядку стран-реципиентов, обуславливая кризисную ситуацию в мировом масштабе. Наиболее негативно отражается на состоянии защищенности национальной безопасности государств незаконная миграция как миграционное движение, являющееся питательной средой для различного рода правонарушений, дестабилизирующих оперативную обстановку и создающую атмосферу ксенофобии и социальной напряженности. Поэтому главные стратегические риски и вызовы национальной безопасности стран-участников миграционного обмена связаны именно с наличием мирового миграционного кризиса, являющегося, в свою очередь, следствием стремительно развивающейся глобализации миграционных процессов², воспринимающейся сегодня в качестве потенциальной угрозы всего миропорядка.

В целях поддержания мирового правопорядка, преодоления негативных последствий неконтролируемых миграционных процессов, параллельно с развитием и становлением права человека на свободу передвижения развивались и механизмы его ограничения³.

Российская Федерация в последние годы активно и целенаправленно совершенствует публично-правовые средства управления миграцией, принимая активные действия, направленные на упорядочение миграционных процессов.

В соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации «достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на противодействие незаконной миграции, усиление контроля за миграционными потоками»⁴. Значительное

² См.: Кривенкова М. В. Юридические основания международно-правовой ответственности государств в сфере вынужденной миграции // Миграционное право. 2017. № 2. С. 6–9.

³ См.: Пенкин С. В. Конституционное право человека на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (история становления и юридическая природа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

внимание проблеме нелегальной миграции было уделено на расширенном заседании коллегии МВД России, проходившем 2 апреля 2024 г., где Президент Российской Федерации В. В. Путин указал на необходимость жесткой борьбы с этим негативным явлением⁵.

В связи с этим актуализируется проблема модернизации нормативных правовых основ публично-правового регулирования миграционных процессов и четкого определения границ их действия⁶.

Российским законодателем предусмотрен достаточно широкий перечень видов юридической ответственности, применяемой к иностранным гражданам, нарушающим правопорядок, включающий различные уголовно-правовые и административно-правовые меры. Однако наиболее эффективной защитой от иностранных граждан, создающих угрозу национальной безопасности, видится их высылка за пределы Российской Федерации с последующим запретом въезда в страну в течение определенного срока, правовые механизмы реализации которой в контексте обеспечения права на свободу передвижения иностранных граждан в условиях современного миграционного кризиса требуют наиболее пристального внимания.

В настоящее время высылка иностранных граждан осуществляется в таких предусмотренных национальным законодательством формах, как административное выдворение за пределы Российской Федерации, депортация и реадмиссия, имеющие при своей значительной общности существенные отличия⁷.

Основной отличительной чертой административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранного гражданина является его непосредственная связь с совершением лицом административного правонарушения, поскольку по своей правовой природе это мера административного наказания, предусмотренная санкциями соответствующих норм КоАП РФ.

⁵ См.: Владимир Путин назвал приоритетные задачи МВД. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/04/02/1029402-putin-oboznachil-klyuchevie-prioriteti-v-rabote-mvd> (дата обращения: 29.05.2024).

⁶ См.: Косарева В. В. Механизм правового регулирования в сфере миграционных отношений (теоретико-правовой аспект) // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4. С. 74–83.

⁷ См.: Сандугей А. Н. Депортация : наказание или процедура // Административное право и процесс. 2005. № 1. С. 32–35.

Что касается депортации, то ее применение не связано с совершением лицом правонарушения, а является следствием утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания в Российской Федерации⁸. Депортация представляет собой меру административного принуждения, что принципиально отличает данный вид принудительной высылки от административного выдворения, несмотря на общность правовых последствий.

Особое внимание исследователей сегодня привлекает такой вид принудительной высылки, как реадмиссия – эффективный международный механизм регулирования миграции, представляющий собой, как и депортация, меру государственного принуждения.

Законодательное определение реадмиссии в отечественном законодательстве официально не закреплено, оно содержится в источниках международного права, таких как двусторонние или многосторонние заключенные между государствами соглашения, упрощающие процедуру высылки и возврата лиц, подлежащих реадмиссии. Так, в Соглашении между Российской Федерацией и Европейским сообществом о реадмиссии от 25 мая 2006 г. понятие реадмиссии определено как передача запрашивающим государством и принятие запрашиваемым государством лиц (граждан запрашиваемого государства, граждан третьих государств или лиц без гражданства), чей въезд, пребывание или проживание в запрашивающем государстве признаны незаконными в соответствии с положениями вышеуказанного Соглашения⁹.

Как международно-правовой институт, соглашение о реадмиссии устанавливает порядок возврата и транзита лиц, не отвечающих требованиям установленного порядка нахождения в запрашивающем государстве.

Таким образом, все описанные виды высылки иностранных граждан фактически заключаются в удалении с территории государства нежелательного субъекта с последующим запретом его въезда на пятилетний срок, а в случае

повторности – на десятилетний. Некоторые отличия при этом имеет процедура реадмиссии, в случае прекращения которой в связи с добровольным выездом из страны иностранному гражданину въезд запрещается в течение трехлетнего срока с момента выезда¹⁰.

Выраженная тождественность административного выдворения, депортации и реадмиссии иностранных граждан справедливо ставит вопрос об унификации процедуры их высылки в целях дальнейшего совершенствования механизмов публично-правового регулирования миграции в Российской Федерации.

Мнение отечественных ученых о необходимости такой унификации¹¹ сегодня воплотилось в законопроекте «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»¹², где законодатель впервые обобщил под термином «высылка» все формы удаления с территории государства лиц, как совершивших административные правонарушения, так и не совершавших, если это признано необходимым для защиты конституционно значимых ценностей. Такой шаг, безусловно, послужит прогрессивному развитию национального законодательства и повышению эффективности правоприменительной практики.

Однако до принятия указанного выше нового нормативного правового акта Государственная Дума приняла ряд законопроектов, вносящих изменения в действующие нормативные правовые акты, которыми вводится новый правовой режим высылки мигрантов, устанавливаемый в отношении иностранных граждан, не имеющих законных оснований для нахождения в стране. Также предполагается создание реестра контролируемых лиц, в котором будут содержаться сведения о таких иностранных гражданах¹³.

¹⁰ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : федер. закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.

¹¹ См.: *Сандугей А. Н.* Указ. соч. С. 32–35; *Смашинова Т. Б.* Административно-правовое противодействие незаконной миграции в Российской Федерации и Республике Беларусь : сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

¹² Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 02.06.2024).

¹³ См.: Дума одобрила проект о новом режиме высылки мигрантов. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/06/>

⁸ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

⁹ О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Европейским сообществом о реадмиссии : федер. закон от 3 марта 2007 г. № 26-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 23. Ст. 2693.

В современных условиях складывающейся геополитической ситуации средства обеспечения национальной безопасности приобретают особое значение, и в целях реализации данных средств на конституционном уровне российского законодательства задекларирована возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина на основании федерального законодательства¹⁴, что в полной мере распространяется и на ограничение права на свободу передвижения, гарантированное ст. 27 Конституции РФ.

Вместе с тем высылка мигранта из страны, существенно влияя на интересы этого лица, также может в значительной степени затронуть права иных лиц, поскольку, находясь в Российской Федерации определенное время, иностранный гражданин в той или иной степени интегрируется в социум, обретая социальные связи, в том числе создавая семьи с российскими гражданами. Такие объективные обстоятельства, как беременность супруги, участие в воспитании детей, необходимость ухода за больными близкими родственниками и другие требуют самого пристального внимания правоприменителя при решении вопроса о возможности дальнейшего нахождения иностранного гражданина в стране с целью достижения оптимального баланса публичных и частных интересов¹⁵.

Исключительная важность соразмерности при применении мер принуждения в отношении иностранных граждан подчеркнута в законопроекте «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства», где соразмерность впервые закреплена в качестве принципа этой деятельности.

Разработчиками законопроекта задекларирована возможность применения мер принуждения в отношении иностранных граждан, если это позволяет защитить конституционно значимые ценности, привлечь к административной ответственности виновных лиц, а также стиму-

лировать добровольное выполнение ими правовых предписаний.

При этом все применяемые меры принуждения должны быть объективно обоснованы и дифференцированы, в соответствии с обстоятельствами совершенного правонарушения, личностными характеристиками лица и иными значимыми обстоятельствами. Особо подчеркивается в рассматриваемом законопроекте необходимость соразмерности применения мер, ограничивающих право иностранного гражданина на въезд в Российскую Федерацию и нахождение в стране поведению иностранного гражданина, а также степени исходящей от него опасности, поскольку влечет за собой утрату или прекращение законных оснований для его пребывания на территории государства.

Особый акцент в рассматриваемом законопроекте сделан на условия назначения высылки в части необходимости учета таких факторов, свидетельствующих об интеграции иностранного гражданина в российский социум, как срок пребывания в стране, семейное положение, включая длительность проживания в браке, наличие несовершеннолетних детей и других. И если фактические обстоятельства дела свидетельствуют о несоразмерности назначения высылки иностранного гражданина объективным обстоятельствам, то в отношении такого лица предлагается установление режима контролируемого пребывания, предполагающего контроль за местонахождением иностранного гражданина со стороны территориального органа МВД России и ряд ограничительных мер, направленных на недопущение правонарушений подконтрольным лицом, обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Важно отметить, что в случае совершения контролируемым лицом нового противоправного деяния такой режим отменяется с одновременным принятием решения о высылке.

Однако в целях обеспечения национальной безопасности государства законопроект предусматривает принятие решения о высылке иностранного гражданина без учета частных интересов заинтересованных лиц. Например, в случае совершения иностранным гражданином преступления, относящегося к категории тяжких или особо тяжких, а также административного правонарушения в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах, административного правона-

2024/667181c39a79479f8b0cca3a (дата обращения: 18.06.2024).

¹⁴ См.: Статьи 27, 55 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹⁵ См.: Шерстобоев О. Н. Доктрина надлежащей судебной защиты в административном праве (на примере высылки иностранных граждан) // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 32–36.

рушения, либо связанного с организацией или участием в несогласованных акциях. Кроме того, такая возможность предусмотрена в связи с установлением причастности лица к экстремистской деятельности, а также в иных случаях, если это объективно обусловлено необходимостью обеспечения безопасности государства.

Исключительно в гуманных целях законодателем предусмотрен запрет на высылку иностранных граждан, которым Российская Федерация предоставила убежище, включая тех, чье заявление о предоставлении убежища находится на рассмотрении, и членов семьи таких лиц. Также установлен запрет на коллективную высылку и высылку в государство, где жизнь или свобода лица находятся под угрозой.

Необходимо отметить, что права иностранного гражданина в значительной степени ограничиваются не только самим фактом его высылки и последующим закрытием въезда на территорию Российской Федерации, но и такой мерой, как содержание в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии¹⁶, а общий порядок содержания этих лиц еще раз подтверждает тождественность всех перечисленных мер.

Порядок содержания в таких учреждениях лиц, подлежащих высылке, на сегодняшний день является общим для всех их категорий и определен в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹⁷, где отмечается, что данной мерой предусматривается ограничение свободы передвижения иностранных граждан, исключающее возможность самовольного оставления ими специальных учреждений.

В законопроекте «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»¹⁸ проблеме помещения иностран-

ного гражданина в специальное учреждение также посвящена отдельная глава, в которой достаточно подробно регламентируются правовые основания содержания иностранных граждан в специальных учреждениях, требования к их содержанию, права и обязанности иностранных граждан, а также права и обязанности администрации и сотрудников специальных учреждений.

Вместе с тем конкретные сроки нахождения иностранных граждан в специальных учреждениях законодатель не установил ни в действующем Федеральном законе, ни в новом законопроекте, ограничиваясь абстрактной формулировкой о содержании данных лиц до исполнения соответствующих решений. Неопределенность времени нахождения иностранных граждан в специальных учреждениях влекла необоснованно длительное их пребывание в условиях ограничения права на свободу передвижения, вызывая обоснованные жалобы иностранных граждан, а также ложась нагрузкой на бюджет страны¹⁹, поэтому вопрос о необходимости законодательного установления предельного срока пребывания в таком учреждении в последние годы стоял достаточно остро и широко обсуждался как правоприменителями, так и отечественными учеными-административистами. А. С. Дугенец ранее справедливо отмечал, что из числа административных наказаний только лишь административное выдворение иностранных граждан за пределы Российской Федерации является бессрочным, поскольку сроки его исполнения КоАП РФ не определены²⁰.

Мнение ученых и практиков в 2023 году воплотилось в дополнении КоАП РФ ст. 27.19.1, установившей предельный срок содержания таких иностранных граждан в специальных учреждениях – девяносто суток, а при отсутствии фактической возможности административного выдворения данный срок продлевается судьей по ходатайству судебного пристава-исполнителя либо уполномоченного должностного лица органа внутренних дел, но не более чем на девяносто суток.

¹⁶ Далее – специальные учреждения.

¹⁷ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

¹⁸ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 02.06.2024).

¹⁹ См.: Круглова Ю. Б., Мисякова О. В. Миграционная безопасность и ее обеспечение мерами административного принуждения // Миграционное право. 2024. № 1. С. 19–21.

²⁰ См.: Дугенец А. С. Проблемы применения административной ответственности к иностранным гражданам и лицам без гражданства // Рос. следователь. 2007. № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Законодательное закрепление предельного срока содержания иностранного гражданина, подлежащего административному выдворению за пределы Российской Федерации, в специальном учреждении, безусловно, является широким шагом в сторону повышения эффективности реализации данной меры административной ответственности. Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что предварительное временное размещение иностранных граждан в специальных учреждениях связано с тем, что реализация принудительной высылки занимает в некоторых случаях достаточно продолжительный период времени, в течение которого эти лица должны находиться под контролем уполномоченных органов, в связи с чем предельно установленный срок их содержания в специальных учреждениях, даже с учетом возможности продления, не всегда будет достаточным для проведения необходимых мероприятий, например, связанных с документированием этих лиц.

Что же касается депортации и реадмиссии, то предельный срок пребывания иностранного гражданина, подлежащего высылке, в специальном учреждении законодательно не определен и, в соответствии с положениями КАС РФ, принимается в каждом конкретном случае судом, рассматривающим административное исковое заявление о помещении иностранного гражданина в специальное учреждение, отражаясь в обязательном порядке в резолютивной части решения суда²¹, но сам этот срок не называется и отечественными учеными указывается на существующий правовой пробел в этой области²², а также возможность учета опыта зарубежных стран, где созданы центры по административному содержанию иностранных граждан, подлежащих высылке из страны, и четко определено время их нахождения в таких центрах²³.

²¹ См.: Статья 266 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 27.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

²² См.: *Мальшев Е. А.* Государственное управление в сфере внешней трудовой миграции : теория и практика : монография. М., 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ См.: *Трыканова С. А.* Сравнительный анализ зарубежной организационно-правовой практики создания и функционирования специальных учреждений для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению или депортации // Миграционное право. 2015. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В настоящее время в отечественном законодательстве определение срока пребывания лица в специальном учреждении до его фактической высылки отнесено к компетенции суда²⁴. При этом важно соблюсти баланс между обоснованностью принятия решения о высылке и оперативностью ее реализации при условии тщательного рассмотрения всех обстоятельств дела с учетом интересов лица и реализации его права на защиту²⁵.

Таким образом, несмотря на некоторые предпринятые законодательные меры (установление в КоАП РФ предельного срока содержания в специальных учреждениях лиц, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, установление в КАС РФ требования об определении судьей такого срока для лиц, подлежащих депортации или реадмиссии), в настоящее время сохраняется длительность и неопределенность сроков содержания иностранных граждан, подлежащих высылке, в специальных учреждениях.

В качестве одного из путей решения назревшей проблемы целесообразно внедрение альтернативных мер контроля за гражданами, в отношении которых в установленном порядке принято решение о высылке с территории Российской Федерации. В качестве такой меры возможно установление в отношении таких лиц режима контролируемого пребывания, о котором упоминалось ранее как о возможной в перспективе альтернативе высылке.

В проекте Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» применение данной инновационной меры связано с «непомещением иностранного гражданина в специальное учреждение либо освобождением по решению суда из специального учреждения, если в отношении него не отменено решение, на основании которого он подлежал помещению в специальное учреждение». Как видится, подоб-

²⁴ См.: *Зеленцов А. Б., Ястребов О. А.* Судебное административное право : учеб. для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: *Щерстобоев О. Н.* Ограничение свободы иностранного гражданина, подлежащего высылке за пределы принимающего государства // Административное право и процесс. 2014. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ная мера представляет собой определенный режим контроля за поведением таких лиц и осуществление систематического наблюдения за его выполнением²⁶.

В этих целях авторами законопроекта предложена в качестве отдельного положения норма, содержащая «обязанности и запреты, устанавливаемые в отношении контролируемого лица», к которым отнесен запрет контролируемому лицу изменять место пребывания на территории Российской Федерации, исключением из которого являются наступление обстоятельств непреодолимой силы, а также явка по вызову в территориальный орган МВД России и информирование о невозможности такой явки в силу объективных причин с уведомлением о месте своего нахождения, в том числе в виде информации с отметкой о геолокации. Думается, что предложенные меры будут недостаточны для достижения целей установления режима контролируемого пребывания в отношении иностранных граждан – обеспечение общественной безопасности и общественного порядка, охраны жизни и здоровья граждан. Данный перечень запретов целесообразно дополнить такими ограничениями, как запрещение пребывания в определенных местах, а также запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях, назначаемых в зависимости от оснований установления режима контролируемого пребывания.

В целом введение такой законодательной инновации видится актуальным и востребованным, дающим возможность экономии средств, затрачиваемых на содержание иностранных граждан в специальных учреждениях, а также более гуманного отношения к этим лицам, поскольку в таком случае их право на свободу передвижения ограничивается в меньшей степени.

Вместе с тем основания установления режима контролируемого пребывания в отношении иностранных граждан как альтернативы их помещения в специальные учреждения необходимо законодательно регламентировать более подробно, поскольку в законопроекте сказано о том, что решение, на основании которого лицо подлежало помещению в специальное учреждение при этом не отменено, а, следовательно, нахождение на территории Российской Федерации

²⁶ См.: *Разаренов Ф. С.* Административный надзор как способ предотвращения правонарушений // Советское государство и право. 1973. № 2. С. 36.

данного лица несет потенциальные риски установленному правопорядку.

Думается, что при таких обстоятельствах необходимо законодательно закрепить условия, при которых возможно установление режима контролируемого пребывания в отношении иностранных граждан, которые должны включать отсутствие невыполненных обязательств, наложенных на них судом и обязательств по уплате налогов, а также то, что в случае совершения контролируемым лицом нового противоправного деяния такой режим отменяется и принимается решение о высылке иностранного гражданина из страны.

При этом необходимо отметить, что ст. 22 Конституции Российской Федерации предусматривает право каждого на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов²⁷. Следуя этому конституционному положению, в законопроекте «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» предусмотрена возможность помещения иностранного гражданина в специальное учреждение на срок, не превышающий сорока восьми часов, по решению территориального органа МВД России. В случае более длительного нахождения иностранного гражданина в специальном учреждении такое решение может быть принято только судом в порядке, определенном КоАП РФ и КАС РФ.

В качестве необходимого условия обеспечения прав иностранных граждан в области рассматриваемых правоотношений является предложенное законодательное установление требований к их содержанию иностранных граждан в специальных учреждениях, которые заключаются, прежде всего, в соблюдении принципов законности, гуманизма, уважения человеческого достоинства, личной безопасности, охраны здоровья граждан, недопустимости причинения им

²⁷ См.: Статья 22 Конституции Российской Федерации : (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 398.

физических или нравственных страданий, дискриминации, либо предоставления преференций исходя из их расовой или национальной принадлежности, имущественного и должностного положения, пола, религиозных убеждений, а также по иным обстоятельствам.

Также разработчиками законопроекта предложен достаточно широкий перечень прав лиц, содержащихся в специальных учреждениях.

В их числе провозглашено право личной безопасности, право на вежливое обращение со стороны администрации специального учреждения, свидания с родственниками, получение медицинской помощи, занятие самообразованием, ежедневное трехразовое бесплатное питание, ежедневную прогулку и др.

Необходимо отметить, что законодательное закрепление такого широкого перечня прав иностранных граждан, содержащихся в специальных учреждениях, предложено впервые. Однако и сегодня общие принципы такого содержания: законность, гуманизм, уважение человеческого достоинства, личная безопасность и охрана здоровья – гарантированы возможностью судебной и прокурорской защиты, а также функционированием института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации.

Прокурорская защита заключается в выявлении нарушений закона и реагировании на эти нарушения правовыми средствами²⁸. В соответствии с положениями КАС РФ административные дела о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении, рассматриваются с участием прокурора. Однако эффективность данной нормы снижается содержащимся в ней положением о том, что «неявка в судебное заседание надлежащим образом извещенного прокурора не препятствует рассмотрению и разрешению административного дела»²⁹, в связи с чем

²⁸ См.: *Ергашев Е. Р., Фирсова А. А.* К вопросу об основных требованиях, предъявляемых к организации и проведению прокурорской проверки // *Рос. юрид. журнал.* 2013. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁹ См.: Статья 268 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2015. № 10. Ст. 1391.

думается, что при решении такого рода вопросов присутствие в суде прокурора должно быть признано необходимым безоговорочно³⁰.

Важным фактором обеспечения принципа законности в деятельности органов исполнительной власти в современной России является институт Уполномоченного по правам человека³¹, деятельность которого направлена на развитие демократических процессов, укрепление гарантий реализации прав и свобод человека³², и рассматривается в качестве дополнительного средства правовой защиты³³.

При осуществлении контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации³⁴, российские омбудсмены рассматривают жалобы на ущемление таких прав, в том числе – при производстве по делам об административных правонарушениях, в связи с применением мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях³⁵, в числе которых – помещение иностранных граждан в специальные учреждения. Своевременное выявление имеющих место нарушений и принятие необходимых мер по их устранению являются важным элементом поддержания правопорядка, восстановления нарушенных прав и законных интересов иностранных граждан.

³⁰ См.: *Маматов М. В., Маслов И. А.* О сроках содержания в специальных учреждениях иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению // *Актуальные проблемы российского права.* 2018. № 2 (87). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³¹ См.: *Корабельникова Ю. Л.* Взаимодействие уполномоченного по правам человека в РФ и федеральных органов исполнительной власти в сфере восстановления прав и свобод граждан // *Вестник Моск. ун-та МВД России.* 2007. № 1. С. 33–35.

³² См.: *Овчинников Ю. Г.* Влияние деятельности омбудсмена в Российской Федерации на отдельные институты досудебного производства в уголовном процессе // *Рос. юстиция.* 2016. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³³ См.: *Хаманева Н. Ю.* Специфика правового статуса уполномоченного по правам человека в РФ и проблемы законодательного регулирования его деятельности // *Государство и право.* 1997. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁴ См.: Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 26 февраля 1997 № 1-ФКЗ (в ред. от 29.05.2023) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1997. № 9. Ст. 1011.

³⁵ См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // *Рос. газета.* 2016. 24 марта. № 61 ; 2017. 17 мая. № 104.

Думается, что в целях обеспечения реализации провозглашенных гуманных принципов содержания в специальных учреждениях иностранных граждан, механизмы их правовой защиты должны получать дальнейшее развитие и совершенствование.

Также в обязательном порядке сегодня необходимо совершенствование нормативного правового регулирования статуса самих специальных учреждений, в которых содержатся иностранные граждане. Правила содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению за пределы страны в форме принудительного выдворения, депортации или реадмиссии в специальных учреждениях утверждает постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1306³⁶. На протяжении длительного времени это был фактически единственный нормативный правовой документ, определяющий административно-правовой статус такого рода специальных учреждений. В 2022 г. впервые был принят приказ МВД России, регламентирующий вопросы организации деятельности рассматриваемых специальных учреждений МВД России³⁷, но приходится констатировать, что он носит рамочный характер, и не дает ответы на конкретные проблемные вопросы, с которыми ежедневно приходится сталкиваться сотрудникам этих подразделений полиции. Сегодня требуется дальнейшая нормотворческая работа в данном направлении, поскольку несовершенство нормативной правовой базы функционирования специальных учреждений создают потенциальную возможность ущемления прав иностранных граждан.

Однако необходимо отметить, что в современных условиях механизм публично-право-

вого регулирования миграционных процессов в целом характеризуется наличием существенных и проблем и противоречий, как в нормативном правовом регулировании, так и в плане правоприменения³⁸. Активная законотворческая работа, которая ведется сегодня в Российской Федерации в целях дальнейшего построения правового государства и демократического общества, проявилась в подготовке инновационных законодательных предложений, направленных в том числе на совершенствование публично-правовых механизмов ограничения права на свободу передвижения иностранных граждан.

Высылка иностранного гражданина из страны в любой ее форме и содержание в специальных учреждениях иностранных граждан, подлежащих высылке, в значительной степени вторгается в сферу прав и интересов личности, ограничивая право на свободу и личную неприкосновенность, право на свободу передвижения. Однако это юридически оправданные меры государственного принуждения, призванные обеспечить безопасность страны³⁹.

Проведенное исследование современных проблем высылки иностранного гражданина из Российской Федерации позволило отметить ряд перспективных путей дальнейшего развития нормативной правовой основы регулирования данной меры государственного принуждения, касающихся унификации ее процедуры и совершенствования публично-правовых механизмов реализации высылки иностранного гражданина из Российской Федерации, а также помещения лица, подлежащего высылке, в специальные учреждения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Задачей дальнейших научных исследований в данной области видится анализ правоприменительной практики обновленного национального миграционного законодательства с целью выявления возникающих проблем и определения путей их нормативного правового урегулирования.

Библиографический список

Булатов Т. Р., Игнатьева С. В. К вопросу о правовом положении иностранных граждан в Рос-

³⁶ См.: Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии : постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1306 (в ред. от 17.08.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 2 (ч. 1). Ст. 130.

³⁷ См.: Об утверждении типового положения о центре временного содержания иностранных граждан территориального органа МВД России на региональном и районном уровнях : приказ МВД России от 29 ноября 2022 г. № 911 // СПС «СтрасЮрист».

³⁸ См.: Васильев А. М., Копченко И. Е. Содержание административно-правового регулирования иммиграции // Миграционное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁹ См.: Булатов Т. Р., Игнатьева С. В. К вопросу о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации // Миграционное право. 2024. № 2. С. 13–15.

сийской Федерации // Миграционное право. 2024. № 2. С. 13–15.

Васильев А. М., Копченко И. Е. Содержание административно-правового регулирования иммиграции // Миграционное право. 2017. № 4. С. 3–6.

Дугенец А. С. Проблемы применения административной ответственности к иностранным гражданам и лицам без гражданства // Рос. следователь. 2007. № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ергашев Е. Р., Фирсова А. А. К вопросу об основных требованиях, предъявляемых к организации и проведению прокурорской проверки // Рос. юрид. журнал. 2013. № 1. С. 180–184.

Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право : учеб. для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : Статут, 2017.

Корабельникова Ю. Л. Взаимодействие уполномоченного по правам человека в РФ и федеральных органов исполнительной власти в сфере восстановления прав и свобод граждан // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2007. № 1. С. 33–35.

Косарева В. В. Механизм правового регулирования в сфере миграционных отношений (теоретико-правовой аспект) // Ленинград. юрид. журнал. 2016. № 4. С. 74–83.

Кривенкова М. В. Юридические основания международно-правовой ответственности государств в сфере вынужденной миграции // Миграционное право. 2017. № 2. С. 6–9.

Круглова Ю. Б., Мисякова О. В. Миграционная безопасность и ее обеспечение мерами административного принуждения // Миграционное право. 2024. № 1. С. 19–21.

Мальшев Е. А. Государственное управление в сфере внешней трудовой миграции : теория и практика : монография. М. : Юстицинформ, 2017.

Маматов М. В., Маслов И. А. О сроках содержания в специальных учреждениях иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2 (87). С. 95–102.

Овчинников Ю. Г. Влияние деятельности омбудсмена в Российской Федерации на отдельные институты досудебного производства в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2016. № 8. С. 52–55.

Пенкин С. В. Конституционное право человека на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (история становления и юридическая природа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Разаренов Ф. С. Административный надзор как способ предотвращения правонарушений // Советское государство и право. 1973. № 2. С. 34–40.

Сандугей А. Н. Депортация : наказание или процедура // Административное право и процесс. 2005. № 1. С. 32–35.

Смашникова Т. Б. Административно-правовое противодействие незаконной миграции в Российской Федерации и Республике Беларусь : сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

Трыканова С. А. Сравнительный анализ зарубежной организационно-правовой практики создания и функционирования специальных учреждений для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению или депортации // Миграционное право. 2015. № 3. С. 3–4.

Хаманева Н. Ю. Специфика правового статуса уполномоченного по правам человека в РФ и проблемы законодательного регулирования его деятельности // Государство и право. 1997. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Шерстобоев О. Н. Доктрина надлежащей судебной защиты в административном праве (на примере высылки иностранных граждан) // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 68–79.

Шерстобоев О. Н. Ограничение свободы иностранного гражданина, подлежащего высылке за пределы принимающего государства // Административное право и процесс. 2014. № 12. С. 32–36.

Reference

Bulatov T. R., Ignatyeva S. V. On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation // Migration law. 2024. No. 2. P. 13–15.

Vasiliev A. M., Kopchenko I. E. Contents of administrative and legal regulation of immigration // Migration law. 2017. No. 4. P. 3–6.

Dugenets A. S. Problems of applying administrative responsibility to foreign citizens and stateless persons // Russian investigator. 2007. No. 18. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».

Ergashev E. R., Firsova A. A. On the issue of the main requirements for the organization and conduct of a prosecutor's inspection // Russian Law Journal. 2013. No. 1. P. 180–184.

Zelentsov A. B., Yastrebov O. A. Judicial Administrative Law: a textbook for university students majoring in Jurisprudence. Moscow : Statut, 2017.

Korabelnikova Yu. L. Interaction of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation and federal executive bodies in the sphere of restoration of citizens' rights and freedoms // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 1. P. 33–35.

Kosareva V. V. The mechanism of legal regulation in the sphere of migration relations (theoretical and legal aspect) // Leningrad Law Journal. 2016. No. 4. P. 74–83.

Krivenkova M. V. Legal Basis for International Legal Responsibility of States in the Sphere of Forced Migration // Migration Law. 2017. No. 2. P. 6–9.

Kruglova Yu. B., Misyakova O. V. Migration Security and Its Ensuring by Measures of Administrative Coercion // Migration Law. 2024. No. 1. P. 19–21.

Malyshev E. A. Public Administration in the Sphere of External Labor Migration : Theory and Practice : Monograph. Moscow : Yustitsinform, 2017.

Mamatov M. V., Maslov I. A. On the Periods of Detention in Special Institutions of Foreign Citizens and Stateless Persons Subject to Administrative Deportation // Actual Problems of Russian Law. 2018. No. 2 (87). P. 95–102.

Ovchinnikov Yu. G. The Impact of the Ombudsman's Activities in the Russian Federation on Certain Institutions of Pre-Trial Proceedings in Criminal Procedure // Russian Justice. 2016. No. 8. P. 52–55.

Penkin S. V. The Constitutional Right of a Person to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay and Residence (History of Formation and Legal Nature) : cand. legal sci. dis. abstract. Moscow, 2005.

Razarenov F. S. Administrative Supervision as a Method of Preventing Offenses // Soviet State and Law. 1973. No. 2. P. 34–40.

Sandugei A. N. Deportation : Punishment or Procedure // Administrative Law and Process. 2005. No. 1. P. 32–35.

Smashnikova T. B. Administrative and legal counteraction to illegal migration in the Russian Federation and the Republic of Belarus : comparative legal analysis : cand. legal sci. dis. abstract. Chelyabinsk, 2012.

Trykanova S. A. Comparative analysis of foreign organizational and legal practice of creating and operating special institutions for the detention of foreign citizens and stateless persons subject to administrative expulsion or deportation // Migration law. 2015. No. 3. P. 3–4.

Khamaneva N. Yu. Specifics of the legal status of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation and problems of legislative regulation of his activities // State and Law. 1997. No. 9. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».

Sherstoboev O. N. The Doctrine of Due Process in Administrative Law (Based on the Example of Expulsion of Foreign Citizens // Journal of Russian Law. 2014. No. 2. P. 68–79.

Sherstoboev O. N. Restriction of Freedom of a Foreign Citizen Subject to Expulsion Outside the Host State // Administrative Law and Process. 2014. No. 12. P. 32–36.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

Катаева О. В., кандидат юридических наук, начальник кафедры управления и административной деятельностью ОВД

E-mail: k_uiad.belui@mvd.ru

Поступила в редакцию: 19.09.2024

Для цитирования:

Катаева О. В. О перспективах совершенствования публично-правовых механизмов реализации высылки иностранного гражданина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 117–127. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/117-127>

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin

Kataeva O. V., Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies

E-mail: k_uiad.belui@mvd.ru

Received: 19.09.2024

For citation:

Kataeva O. V. On the prospects for improving public-law mechanisms for implementing the expulsion of a foreign citizen // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 117–127. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/117-127>

МИЛИЦИЯ УКРАИНСКОЙ ССР В ЕЕ ИСТОРИОГРАФИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В. К. Грошева

*Донецкий филиал Волгоградской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации*

THE MILITIA OF THE UKRAINIAN SSR IN ITS HISTORIOGRAPHY: TOWARDS THE FORMULATION OF THE PROBLEM

V. K. Groshevaya

*Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation*

Аннотация: исследуется историография истории милиции Украинской ССР со времен ее становления и организации в первые годы советской власти и до момента приобретения Украиной независимости. Материалом послужили научные исследования ученых не только в области юриспруденции, но и истории советского и постсоветского периодов, посвященные органам милиции Украинской ССР. Выделяются и поэтапно исследуются три исторических периода изучения милиции Украинской ССР: советский, времен независимой Украины и дезинтеграции страны после государственного переворота 2014 г. Делается вывод о том, что историография милиции Украинской ССР постоянно находится в стадии разработки. Акцентируется внимание на осуществлении попыток некоторых украинских авторов с помощью поддержки запада сфальсифицировать историю милиции УССР.

Ключевые слова: милиция, Украинская ССР, историография, исследования, ученые, научные труды, советский период, независимая Украина, государственный переворот, фальсификация истории.

Abstract: this article is devoted to the study of the historiography of the history of the militia of the Ukrainian SSR from the time of its formation and organization in the early years of the Soviet government until the moment of Ukraine's independence. The research material was the scientific research of scientists both in the field of jurisprudence and in the field of the history of the Soviet and post-Soviet periods, dedicated to the police of the Ukrainian SSR. The author of the article identifies and gradually explores three historical periods of scientific research on the militia of the Ukrainian SSR: the Soviet period, the time of independent Ukraine and the period of disintegration of the country after the state coup of 2014. There is concluded that the historiography of the militia of the Ukrainian SSR is constantly under development. The author also focuses on the attempts of some Ukrainian authors to falsify the history of the militia of the Ukrainian SSR with the help of Western support.

Key words: militia, Ukrainian SSR, historiography, research, scientists, scientific works, Soviet period, independent Ukraine, coup d'etat, falsification of history.

Научное исследование является объективным только при условии подробного изучения ранее изданных трудов, затрагивающих проблематику в той или иной мере. Советская милиция как объект исследования с момента своего возникновения и в различные пери-

оды своего существования всегда находилась в поле зрения как историков, так и правоведов. Среди авторов советского периода, которые внесли огромный вклад в исследование различных аспектов советской милиции, необходимо выделить С. В. Биленко, А. В. Власова, В. С. Гольдмана, М. И. Еропкина, М. П. Киссиса, И. Я. Ковалю,

А. П. Косицына, С. М. Крылова, А. Я. Малыгина, А. И. Миронова, Р. С. Мулукаева, П. Ф. Николаева, В. И. Полубинского, Ф. С. Разоренова, А. Т. Скилягина, Ю. А. Соколова, В. М. Шамарова и др. Стоит отметить, что в трудах указанных советских ученых милиция Украинской ССР рассматривалась фрагментарно, как часть советской милиции.

Нужно отметить, что практически в каждой из республик Советского Союза имелись ученые, которые основательно изучали вопросы становления, организации, развития и деятельности милиции своей территории, посвящая данному направлению свои научные труды и фундаментальные исследования. Так, углубленно исследовали органы милиции Украинской ССР и активно издавали свои научные труды украинские ученые В. Н. Алтуев, С. И. Власенко, А. Ф. Гранин, П. П. Михайленко, А. И. Рогожин, А. П. Тимченко, И. И. Шостенко и др.

При проведении данного исследования автор изучил научные работы, посвященные органам милиции Украинской ССР, ученых периода советской Украины, периода независимой Украины, а также труды, опубликованные некоторыми учеными после осуществления государственного переворота в 2014 г.

История милиции Советской Украины на протяжении многих лет постоянно находится в фокусе внимания исследователей. Начиная с первых лет ее становления и развития публикуются работы, посвященные различным аспектам истории, организационно-правовой деятельности и функционирования милиции УССР.

Исследуя историографию милиции Украинской ССР, ученые выделяли два периода ее развития – советский (УССР в составе Советского Союза) и постсоветский (независимой Украины). Однако считаем необходимым выделить еще один период, обусловивший драматические процессы гражданского и военного противостояния, дезинтеграции и распада Украины, точкой отсчета которого следует считать государственный переворот на Украине 2014 г.

Советский период историографии проблемы охватывает литературу, вышедшую с 1920-х и до 1991 г., и характеризуется господством марксистско-ленинской методологии исследования. Начальная фаза периода характеризуется тем, что история органов внутренних дел Советской Украины изучалась в ходе их становления и развития, с ярко выраженными партийно-политическими установками.

С начала 1990-х гг. начинается новый, постсоветский, период отечественной историографии, обусловленный крахом СССР и образованием на территории бывших советских республик независимых государств. Фундаментальные изменения государственной системы, возникновение новых общественных, государственных и экономических отношений вызвали отказ от прежней идеологической модели и попытку сформировать новую, которая бы в большей степени отвечала современным реалиям.

В период становления независимости Украины начинается раскрытие неисследованных и неизвестных ранее фактов. Введение в обращение новых архивных документов (партийных инстанций, НКВД, ГПУ, органов милиции и др.) вызвало появление специализированных направлений в области исследования органов внутренних дел. Кроме того, ученые в своих историко-правовых исследованиях становятся независимы от официально установленной единой образной методологической линии.

Доступ к архивным материалам позволил приступить к более глубокому исследованию вопросов истории советской милиции, ранее закрытых для изучения. Этот период характеризуется многообразием исторического анализа, появлением новых исследований, использованием новых методологических подходов и расширением круга исследуемых проблем. Проводятся новые фундаментальные исследования, появляется новое поколение ученых, которые внесли значительный вклад в развитие историко-правовой науки, изучение органов советской милиции.

В постсоветский период изучением становления и развития органов милиции советской Украины на различных исторических этапах ее существования, рассматривая проблемы от организационных основ до отдельных видов ее деятельности по борьбе с преступностью, занимались многие исследователи в области истории и юриспруденции.

Учеными из разных регионов Украины, такими как А. А. Абдуллин¹, С. В. Васильев²,

¹ См.: *Абдулін А. А. Діяльність міліції Донбасу (1956–1964 рр.) : досвід, проблеми, уроки : дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2004. 215 с.*

² См.: *Васильєв С. В. Правовий статус працівників міліції УСРР у 20-х роках ХХ ст. : дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2008. 174 с.*

М. М. Войцеховський³, Д. В. Галкін⁴, С. В. Губарь⁵, Е. С. Дурнов⁶, Е. В. Зозуля⁷, А. Н. Калюк⁸, І. Д. Коцан⁹, В. В. Крыжная¹⁰, Н. Н. Лагоша¹¹, А. Г. Михайлик¹², О. К. Михеева¹³, А. І. Олейник¹⁴, І. В. Павловська¹⁵, Н. Ф. Поликовский¹⁶, В. А. Челядин¹⁷, Г. А. Червоненко¹⁸, А. П. Чернега¹⁹,

³ См.: *Войцеховський М. М.* Правові основи організації та діяльності міліції України у повоєнний період (1946–1953 рр.) : дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2001. 176 с.

⁴ См.: *Галкін Д. В.* Організаційно-структурна побудова міліції УСРР у 1918–1934 роках (історико-правова характеристика) : дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2011. 186 с.

⁵ См.: *Губар С. В.* Становлення і розвиток органів дізнання і досудового слідства в Україні (1917–1960-ті роки ХХ століття) : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2002. 208 с.

⁶ См.: *Дурнов Є. С.* Організаційно-правові засади діяльності міліції УНР у період Центральної Ради та Директорії (1917–1921 рр.) : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2010. 220 с.

⁷ См.: *Зозуля Є. В.* Діяльність міліції України в умовах становлення незалежної держави (90-ті рр. ХХ ст.) : дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2002. 229 с.

⁸ См.: *Калюк О. М.* Війська НКВС (МВС) в Україні (1939–1953 рр.) : історико-правовий аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2006. 182 с.

⁹ См.: *Коцан І. Д.* Міліція Харківщини у 1917–1930 рр. : дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2003. 190 с.

¹⁰ См.: *Крижна В. В.* Правові основи діяльності Міністерства внутрішніх справ УРСР у 1972–1991 рр. : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2012. 200 с.

¹¹ См.: *Лагоша М. М.* Міліція України в 1945–1953 рр. : дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2000. 239 с.

¹² См.: *Михайлик О. Г.* Міліція Чернігівщини (1919–1940 рр.) : історико-правове дослідження : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2013. 160 с.

¹³ См.: *Михеева О. К.* Правоохоронні органи УСРР в роки непу : історичні аспекти формування та діяльності : дис. ... д-ра іст. наук. Донецьк, 2012. 480 с.

¹⁴ См.: *Олейник О. І.* Народний комісаріат внутрішніх справ України (1917–1941 рр.) : структура, функції, діяльність : дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2000. 207 с.

¹⁵ См.: *Павловська І. В.* Організаційно-правові засади забезпечення законності в діяльності органів міліції УСРР (УРСР) (1919 рік – перша половина 1941 року) : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2016. 242 с.

¹⁶ См.: *Поликовский М. Ф.* Міліція західних областей України в 1945–1950 рр. (політико-правовий аналіз діяльності) : дис. ... канд. юрид. наук. Львів, 1995. 184 с.

¹⁷ См.: *Челядин В. А.* Правоохранительные органы Одесской губернии в восстановительный период (1921–1925 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 1991. 211 с.

¹⁸ См.: *Червоненко Г. О.* Діяльність міліції Донбасу (друга половина 60–70 рр. ХХ ст.) : історичний досвід : дис. ... канд. юрид. наук. Донецьк, 2006. 209 с.

¹⁹ См.: *Чернега А. П.* Правове регулювання діяльності органів міліції Української РСР у 1956–1985 рр. : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2008. 204 с.

О. М. Шармар²⁰, А. Е. Шевченко²¹, Д. А. Шевченко²², Я. І. Шинкарук²³ и др., были проведены комплексные научные исследования, а также исследования на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Очередной период историографии проблемы связан с трагическими событиями 2014 г. – антиконституционным государственным переворотом на Украине, крайне негативно отразившимся на общественно-политических процессах в стране, мире, в том числе и на концептуальных подходах в развитии историко-правовых исследований. При этом значительная часть украинских исследователей заняли откровенно националистические, антисоветские и русофобские позиции в освещении проблем отечественной истории, игнорируя базовые принципы и методологические подходы в научных исследованиях. Среди факторов, определивших специфику современного периода историографии проблемы, следует указать также антисоветский дискурс и апологетику действий бандитских формирований Организации украинских националистов (ОУН), Украинской повстанческой армии (УПА), а также глорификацию украинских коллаборантов периода Второй мировой и Великой Отечественной войн со стороны действующих властей современной Украины.

В 2000-х гг. подобные квазинаучные и реакционные выводы характеризуют труды некоторых современных исследователей Украины. Например, в своих тезисах, посвященных теме объективного осмысления деятельности советских ОВД западных областей УССР в 40-е гг. ХХ в. в историко-правовом аспекте, В. С. Боровикова представляет ОУН-УПА «украинским национально-освободительным формированием, оказавшим вооруженное сопротивление врагу»²⁴.

²⁰ См.: *Шармар О. М.* Роль органів ВУНК, ДПУ, НКВС УСРР (УРСР) у здійсненні політики держави на селі (1919–1939 рр.) : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2008. 217 с.

²¹ См.: *Шевченко А. Е.* Деятельность милиции Украины в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Донецк, 1998. 180 с.

²² См.: *Шевченко Д. А.* Організаційно-правові засади діяльності органів залізничної міліції УРСР у 1937–1947 рр. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Маріуполь, 2013. 20 с.

²³ См.: *Шинкарук Я. І.* Правові засади організації та діяльності Міністерства внутрішніх справ Української Народної Республіки доби Директорії (листопад 1918–1921 рр.) : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2006. 211 с.

²⁴ *Боровикова В. С.* Актуальність об'єктивного осмислення діяльності радянських ОВС західних областей УРСР у 40-х рр. ХХ ст. : історико-правовий аспект //

К. Ю. Кульгавец в своем докладе об основных методах борьбы органов внутренних дел с украинским националистическим подпольем в западных областях УССР (1944–1950) высказывает пропагандистское мнение, что на сегодня в украинском обществе (и не только в украинском) «все еще не сформировано однозначное отношение к деятельности ОУН-УПА, и это объясняется удачными попытками представителей советской власти дискредитировать подполье в глазах населения»²⁵. Кроме того, современные украинские авторы в рамках заявленной темы рассматривают деятельность ОВД в западных областях УССР против украинского вооруженного подполья исключительно в негативном контексте, отмечая, что, по их мнению, на государственном уровне отдельными политическими и общественными деятелями, современными учеными, преимущественно пророссийской ориентации, переписывается советская история, в которой представителям украинского национально-освободительного движения 30–50 гг. XX в. отводилось место предателей, немецких пособников, бандитов.

В этом же контексте отметим работу на соискание ученой степени доктора исторических наук И. Г. Биласа, который провел общественно-политический и историко-правовой анализ правоохранительной системы на Украине в период 1917–1953 гг.²⁶ В этом же 1994 г. при содействии общества «Самопомощь» в Клифтоне и Украинского народного союза (США), был издан его двухтомник с аналогичным названием «Репрессивно-каральна система в Україні в 1917–1953: суспільно-політичний та історико-правовий аналіз» вышло в свет издание, в котором органы НКВД рассматриваются исключительно как репрессивно-карательные²⁷.

Проблеми правової реформи та розбудови громадянського суспільства в Україні : тези доповідей на Всеукраїнській науковій конференції ад'юнктів, аспірантів та здобувачів 28 вересня 2007 р. Львів, 2007. С. 22–25.

²⁵ *Кульгавець Х. Ю.* Основні методи боротьби органів внутрішніх справ проти українського націоналістичного підпілля у західних областях УРСР (1944–1950 рр.) // Проблеми правової реформи та розбудови громадянського суспільства в Україні : тези доповідей на Всеукраїнській науковій конференції ад'юнктів, аспірантів та здобувачів 26 вересня 2008 р. Львів, 2008. С. 119–123.

²⁶ См.: *Билас И. Г.* Репрессивно-каральна система в Україні в 1917–1953 : суспільно-політичний та історико-правовий аналіз : автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Львів, 1994. 34 с.

²⁷ См.: *Билас И. Г.* Репрессивно-каральна система в

Уже после государственного переворота, в 2015 г., А. П. Тимченко опубликована статья, посвящённая деятельности работников украинской милиции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), использованию их опыта в современных условиях. В данной научной работе, написанной с явным политическим уклоном, Россия представляется агрессором, жестоким врагом Украины, а российские миротворцы в Крыму и Донбассе – оккупантами. Также в статье указывается, что: «Багато працівників силових структур в період Революції Гідності і боротьби з російськими окупантами зрадили Присязі, яку давали українському народові, сприяли і сприяють іноземній державі-агресору»²⁸. Кроме всего прочего, в статье говорится о необходимости проведения реформирования украинской милиции. Автором предлагается «навязанный» советской властью институт превратить в национальный с использованием наилучшего европейского полицейского опыта.

Подчеркнем, что в предшествующих работах А. П. Тимченко занимал противоположную позицию, указывал, что совершенствованию, организации и деятельности украинской советской милиции способствовали тесные контакты между НКВД УССР и РСФСР, и органы охраны общественного порядка Украины опирались на опыт Российской Федерации, а нормативно-правовые акты НКВД СССР являлись основой организации и деятельности всех звеньев системы органов внутренних дел Украины – подразделений и служб милиции²⁹.

С уверенностью можно сказать, что сегодня сторонние силы пытаются переписать историю России, ее прошлое, преследуя цель выстроить антироссийский фронт для укрепления западной мировой гегемонии.

Фальсификация истории в угоду политической конъюнктуре способствует изменению убеждений, формированию антиисторических, ложных, несоответствующих реальности мифологем. Через пропаганду ложная история превращается в определенные убеждения огром-

Україні в 1917–1953 : суспільно-політичний та історико-правовий аналіз : у 2 кн. Кн. 1. Київ, 1994. 432 с.

²⁸ *Тимченко А. П.* Діяльність працівників української міліції в 1941–1945 рр. : використання досвіду в сучасних умовах // *Юридичний вісник.* 2015. № 2 (35). С. 35–40.

²⁹ См.: *Тимченко А. П.* Правовые основы организации и деятельности милиции Украины в 1917–1941 гг. : учебное пособие. Луганск, 1998. С. 38–39, 85.

ной массы людей и становится реальной доминантой человеческого поведения.

Таким образом, анализ историографии исследуемой темы свидетельствует о выделении трех основных периодов, каждому из которых присущи соответствующие черты и особенности: 1) советский период; 2) постсоветский; 3) современный период (с 2014 г.).

В советское время исследования проводились с традиционных позиций коммунистической идеологии. Научные труды советского периода в основном характеризуются своей политизированностью, особое внимание в них уделялось исследованию руководящего влияния коммунистической партии на органы милиции. В научных исследованиях применялись постулаты марксистско-ленинской идеологии, осуществлялся постоянный контроль в сфере научной деятельности. Советская историография характеризовалась существованием определенных методологических подходов, понятийных рамок, а архивные документы и материалы, которые могли бы дать ученым объективное представление об организации и деятельности органов милиции, имели дозированный и ограниченный характер.

Постсоветский период (1991–2014) характеризовался либерализацией научной, поисковой деятельности, отходом от традиционных постулатов советской эпохи, относительно свободным доступом ученых к ранее секретным документам, выявлением неизвестных исторических фактов, появлением специализированных работ по исследуемой проблематике.

Период с 2014 г. в современной украинской историографии характеризуется внедрением в область историко-правовой науки политически ангажированных концепций, имеющих ярко выраженный антисоветский, антироссийский характер, проповедующих антинаучные, мифологизированные установки и обобщения, в том числе и с точки зрения изучения организационно-правового опыта становления и деятельности милиции УССР.

В целом, можно констатировать, что история милиции Украинской ССР постоянно находилась и находится в центре внимания историков, правоведов, ученых, стремящихся раскрыть специфические условия, этапы, направления деятельности данного советского правоохранительного органа. При этом современные исследователи обладают новыми возможностями изучения

источниковой базы, содержащей информацию, которая ранее была недоступна, осуществляют анализ опубликованных ранее работ, в связи с чем выдвигаются новые положения и формулируются новые выводы.

Библиографический список

Билас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні в 1917–1953 : суспільно-політичний та історико-правовий аналіз : автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Львів, 1994. 34 с.

Билас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні в 1917–1953 : суспільно-політичний та історико-правовий аналіз : у 2 кн. Кн. 1. Київ: Либідь – Військо України, 1994. 432 с.

Боровікова В. С. Актуальність об'єктивного осмислення діяльності радянських ОВС західних областей УРСР у 40-х рр. ХХ ст. : історично-правовий аспект // Проблеми правової реформи та розбудови громадянського суспільства в Україні : тези доповідей на Всеукраїнській науковій конференції ад'юнктів, аспірантів та здобувачів 28 вересня 2007 р. Львів, 2007. С. 22–25.

Кульгавець Х. Ю. Основні методи боротьби органів внутрішніх справ проти українського націоналістичного підпілля у західних областях УРСР (1944–1950 рр.) // Проблеми правової реформи та розбудови громадянського суспільства в Україні : тези доповідей на Всеукраїнській науковій конференції ад'юнктів, аспірантів та здобувачів 26 вересня 2008 р. Львів, 2008. С. 119–123.

Тимченко А. П. Діяльність працівників української міліції в 1941–1945 рр. : використання досвіду в сучасних умовах // Юридичний вісник. 2015. № 2 (35). С. 35–40.

Тимченко А. П. Правовые основы организации и деятельности милиции Украины в 1917–1941 гг. : учеб. пособие. Луганск : РИО ЛИВД 1998. 86 с.

References

Bilas I. G. Repressive-punitive system in Ukraine in 1917–1953 : socio-political and historical-legal analysis : dr. histor. sci. diss. abstr. Lviv, 1994. 34 p.

Bilas I. G. Repressive-punitive system in Ukraine in 1917–1953 : socio-political and historical-legal analysis : in 2 Books. Book 1. Kyiv : Lybid. Army of Ukraine, 1994. 432 p.

Borovikova V. S. Relevance of objective understanding of the activities of the Soviet Department of internal affairs of the Western regions of the Ukrainian SSR in the 40s of the XX century: historical and legal aspect // Problems of legal reform and development of civil society in Ukraine: abstracts of reports at the all-Ukrainian scientific conference of adjuncts, postgraduates and applicants on September 28, 2007. Lviv, 2007. P. 22–25.

Kulgavets Kh. Y. Basic methods of struggle of internal affairs bodies against the Ukrainian nationalist underground in the Western regions of the Ukrainian SSR (1944–1950) // Problems of legal reform and development of civil society in Ukraine : abstracts of reports at the all-Ukrainian scientific conference of adjuncts, postgraduates and applicants 26 September 2008. Lviv, 2008. P. 119–123.

Timchenko A. P. Activity of employees of the Ukrainian militia in 1941–1945 : using experience in modern conditions // Yuridicheskiy Vestnik. 2015. № 2 (35). P. 35–40.

Timchenko A. P. The legal foundations of the organization and activity of the militia of Ukraine in 1917–1941. A study guide. Lugansk : Institute of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs, 1998. 86 p.

Донецкий филиал Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации

Грошева В. К., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин

E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Groshevaya V. K., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Civil Law Disciplines, State Educational Institution of Higher Education

E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

Поступила в редакцию: 02.07.2024

Received: 02.07.2024

Для цитирования:

Грошева В. К. Милиция Украинской ССР в ее историографии: к постановке проблемы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 128–133. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/128-133>

For citation:

Groshevaya V. K. The militia of the Ukrainian SSR in its historiography: towards the formulation of the problem // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 128–133. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/128-133>

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУРАХ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ¹

П. А. Курындин

Санкт-Петербургский государственный университет

THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN ADMINISTRATIVE PROCEDURES: CONCEPT AND FEATURES

P. A. Kuryndin

Saint Petersburg State University

Аннотация: состязательность наряду с иными принципами судопроизводства сделала правосудие эффективным и достаточно популярным средством восстановления прав невластных субъектов. Однако состязательность важна не только с точки зрения разрешения поданной жалобы, но и как средство выработки решения. При этом состязательность – это в первую очередь обмен правовыми позициями, а не выступление перед независимым органом. Степень влияния мнения невластного субъекта на итоговое решение как раз оценивается судебными органами. Вместе с тем данный принцип не имеет абсолютного значения, он может быть ограничен, если есть, например, срочность (исключительность) или затрагиваются вопросы общественного порядка. В связи с этим восприятие такого подхода может положительно повлиять на уровень защиты невластных субъектов в России.

Ключевые слова: общие принципы административного права, состязательность, публичное управление, административная процедура, право на защиту.

Abstract: the adversarial principle, together with other principles of judicial procedure, has made justice an effective and popular means for restoring the rights of private entities. However, adversarial principle is important not only in terms of resolving the complaint but also as a means to reach a solution. The adversarial principle is primarily an exchange of legal positions, not a presentation to an independent body. The extent of influence of opinion of a private person on the final decision is evaluated by judicial authorities. However, this principle is not absolute; it can be limited if there is, for example, urgency (exception) or public order issues are raised. In this connection, the perception of such an approach may have a positive impact on the level of protection of individuals in Russia.

Key words: general principles of administrative law, adversarial principle, public administration, administrative procedure, right to defense.

Состязательность поименована в качестве одного из основных принципов судопроизводства в Конституции России² (ч. 3 ст. 123). Как указывает Конституционный Суд РФ в одном из ранних актов в части состязательности в административной сфере: «[данный принцип]

означает, что на разных стадиях административного судопроизводства, в том числе в надзорной инстанции, прокурор и лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, должны обладать соответственно равными процессуальными правами»³. В этом судебном решении Конституционный Суд РФ не дает отдельного определения состязательности, а делает ссылку

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01729 (<https://rscf.ru/project/23-28-01729/>)

² Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (Рос. газета. 1993. 25 дек. № 237).

© Курындин П. А., 2024

³ Определение Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2005 г. № 113-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 22. Ст. 2195.

на постановление от 14 февраля 2000 г. № 2-П⁴, в котором также обсуждались действующий на тот момент порядок обжалования приговора и принцип состязательности. Обстоятельства дела были связаны с выступлением прокурора в надзорной инстанции, но для подсудимого не было схожих гарантий. Конституционный Суд РФ отметил, что, «признавая обязательным участие прокурора в суде надзорной инстанции и допуская возможность рассмотрения дела без выяснения отношения осужденного, оправданного к вопросам, поставленным в протесте, наделяет тем самым одну из сторон в состязательном процессе – прокурора дополнительными возможностями в отстаивании своей позиции, в обсуждении всех вопросов, связанных с разбирательством дела, что ставит его в преимущественное положение по сравнению с другой стороной – обвиняемым».

Получается, что содержание принципа состязательности пока определено для судебной деятельности. В рамках административных процедур могут быть примеры, где частное лицо может отстаивать свою позицию. Из норм Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»⁵ (далее – ФЗ о КНД) можно вывести следующие возможности: право знакомиться с результатами контрольных (надзорных) мероприятий или действий, сообщать контрольному органу о своем согласии или несогласии с ним (ст. 36); право подать возражения в отношении акта контрольного (надзорного) мероприятия (ст. 89). Схожие нормы можно найти в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁶: право на участие в осмотре (ст. 25.3); подача уведомления о невозможности представления в установленный срок документов и информации с указанием причин (ст. 25.4).

Однако состязательность в рамках административных процедур не сформулирована в качестве базовой категории, поэтому следует найти содержание этого принципа, которое бы учи-

тывало специфику именно публичного управления.

Подходящим примером представляется законодательство и практика Франции⁷. Формирование административного права происходило первоначально в судебной практике, а в дальнейшем появились нормативные правовые акты. В 2015 г. там принят Кодекс о регулировании отношений населения и администрации⁸ (далее – Кодекс о регулировании отношений), который в ст. L. 121-1 устанавливает следующее: «Индивидуальные решения, которые должны быть мотивированы согласно статье L. 211-2, а также решения, которые, хотя и не упоминаются в настоящей статье, но приняты по инициативе лица, подлежат предварительному состязательному разбирательству, за исключением случаев, когда есть соответствующее ходатайство».

Соответственно, схожий путь может пройти российское право, так как законодательство не всегда предоставляет необходимые гарантии невластным субъектам, а восполнение таких пробелов как раз может быть осуществлено судебной системой.

Таким образом, настоящее исследование будет построено на анализе данной гарантии с точки зрения французской практики и сравнении с российской правовой действительностью. При этом сравнительный метод необходим для оценки применимости иностранной практики и выработки или корректировки собственной модели отечественного регулирования, а также для поиска способов решения существующих проблем.

Подходы к определению понятия состязательности в России

Прямого закрепления принципа состязательности, как указано было выше, нет в российском законодательстве, регулирующем те или иные административные процедуры, есть лишь отдельные правомочия. При этом и в рамках рассмотрения досудебных жалоб не обеспечена состязательность: уполномоченный орган может только по своему усмотрению запросить

⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 8. Ст. 99.

⁵ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.07.2020).

⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

⁷ В Законе об административных процедурах Германии формально не используется данный принцип (*Verwaltungsverfahrensgesetz* // Сборник законов об административных процедурах. М., 2016. С. 113–184).

⁸ Code des relations entre le public et l'administration, du 23 octobre 2015 №2015-1341 (CRPA) // URL: <https://codes.droit.org/PDF/Code%20des%20relations%20entre%20le%20public%20et%20l'administration.pdf> (дата обращения: 07.11.2024).

дополнительные материалы и информацию (ч. 3 ст. 43). Более того, производство по жалобе в силу норм ФЗ о КНД происходит в электронной форме, и регулированием не предусмотрено никаких возможностей подать какие-либо дополнительные документы. Поэтому невластный субъект не может это сделать физически: в Положении о государственной информационной системе «Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности»⁹ таких возможностей у частного лица нет.

Обращаясь к схожему регулированию, т. е. к Кодексу административного судопроизводства РФ¹⁰, можно увидеть следующие нюансы принципа состязательности. Данный Кодекс в ст. 14 говорит не только о состязательности и равенстве сторон, но и закрепляет активную роль суда в связи со спецификой административных дел. Верховный Суд РФ в связи с этим указывает, что «достижение задач административного судопроизводства невозможно без соблюдения принципа состязательности и равноправия его сторон при активной роли суда».

Данный принцип выражается в том числе в принятии судом предусмотренных КАС РФ мер для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, для выявления и истребования по собственной инициативе доказательств в целях правильного разрешения административного дела»¹¹.

В таком ключе также рассматривается принцип состязательности в научной литературе¹², причем акцент делается также на роли суда с учетом его розыскной (инквизиционной) формы¹³. Однако, как представляется, главным огра-

⁹ Утверждено постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2018 г. № 482. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.04.2018).

¹⁰ URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2015).

¹¹ См. п. 41 обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 3.

¹² См.: Глодина А. В. Реализация активности суда в административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 3. С. 69–73; Яковлева А. П. Активность суда как принцип Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 75–78.

¹³ См.: Зюзин В. А. Развитие принципа состязательности в административном судопроизводстве // Пра-

вичением для восприятия публичным управлением состязательности в таком виде является то, что административная процедура не предполагает наличия независимого органа, рассматривающего вопрос по существу. Часто речь как раз идет о совмещении функций административного органа: он принял то или иное решение, он же рассматривает жалобу. В лучшем случае меняется должностное лицо, т. е. жалобу рассматривает руководитель или его заместитель.

Если обратиться к практике, то можно увидеть следующие ограничения. Так, в одном из немногочисленных арбитражных дел ответчик пытался наложить обеспечительные меры, как раз ссылаясь на отсутствие состязательности в административной процедуре: «Заявление общества “Бастион м. с.” мотивировано тем, что в Федеральной антимонопольной службе Российской Федерации по заявлению того же лица (общества “ЭВРИКА”) рассматривается тот же самый вопрос, что и при рассмотрении настоящего дела, но при ограниченной состязательности процедуры его разрешения и при гораздо менее надежных гарантиях независимости и объективности лиц, принимающих решение»¹⁴.

Кроме того, в силу законных положений частный субъект в принципе может не привлекаться к участию при рассмотрении поставленного вопроса. Например, Налоговый кодекс РФ¹⁵ прямо указывает, что жалоба по общему правилу рассматривается без участия лица, направившего ее (п. 2 ст. 140). И такое регулирование существенным образом может исказить разбирательство, ограничивая его всесторонность, полноту и объективность (проблема представления новых доказательств, допроса свидетелей и т. п.)¹⁶. При этом публичное управление не всегда связано с рассмотрением жалоб или привлечением к ответственности. Наоборот, основная масса административных процедур – это так называемое по-

вовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 80–86; Котлярова А. А. Активная роль суда в состязательном процессе // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 1085–1091.

¹⁴ Определение Суда по интеллектуальным правам от 15 сентября 2021 г. по делу № СИП-80/2021 «Об отказе в принятии обеспечительных мер».

¹⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

¹⁶ См. подробнее: Ядрихинский С. А. Принцип состязательности при административном рассмотрении налогового спора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 12. С. 69–74.

зитивное публичное управление¹⁷: предоставление публичных услуг и различные виды вмешательства в сферу частной свободы (разрешения, лицензии, контроль и надзор). И в этих случаях как раз нет какого-либо спора, интерес частного лица состоит в получении административного акта. Поэтому понимание состязательности, взятое из процессуального права, не сможет автоматически положительно повлиять на сферу административных процедур: это и организационно, и содержательно другая деятельность.

Кроме того, административная процедура и судебное разбирательство противопоставляются в правоприменительной практике. По крайней мере, в налоговой сфере: «Осуществление такой проверки судом в силу ст. 123 Конституции Российской Федерации, ст. 8, 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации подчинено принципу равноправия и состязательности сторон, в связи с чем судебное разбирательство не должно подменять осуществление налогового контроля в соответствующей административной процедуре»¹⁸.

Если оставить вопрос, что в силу принципа разделения властей судебные органы, действительно, не должны подменять собой административные, то это не значит, что вне рамок суда не может быть организован эффективный обмен правовыми мнениями. Подтверждение можно найти в отдельных судебных актах. Косвенно этой позиции придерживается Суд по интеллектуальным правам: «[с]удебная коллегия Суда по интеллектуальным правам исходит из того, что примененный административным органом подход к оценке представленных в материалы дела доказательств является формальным, не основан на обеспечении баланса принципа состяза-

тельности сторон»¹⁹. По обстоятельствам дела ООО «Согласие» оспаривало отказ Роспатента в удовлетворении возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку: спорный товарный знак является сходным до степени смешения с обладающими более ранним приоритетом товарными знаками, что принадлежат заявителю. Юридическое лицо обосновывало, в частности, свою позицию тем, что «Роспатент ограничился лишь общими фразами относительно сходства обозначений и в оспариваемом ненормативном правовом акте отсутствует сравнительный анализ спорного товарного знака с каждым из противопоставляемых средств индивидуализации»²⁰. Суд по интеллектуальным правам обязал административный орган рассмотреть возражения, а судебное решение «устояло» и в вышестоящих судах²¹.

Состязательность как обмен позициями

В этом контексте как раз интересен французский опыт. Однако действующий Кодекс о регулировании отношений не «придумал» эту гарантию. Данный акт основан на судебной практике и предыдущем законодательном опыте: в частности, вобрал в себя Закон от 12 апреля 2000 г. № 2000-321 «О правах граждан в их отношениях с администрацией»²², который имел те же формулировки²³.

Однако ранее было признано классическим дело по жалобе госпожи Тромпье-Гравье²⁴. У нее был спор в связи с отзывом разрешения про-

¹⁹ Решение Суда по интеллектуальным правам от 4 апреля 2023 г. по делу № СИП-882/2022.

²⁰ Решение Суда по интеллектуальным правам от 4 апреля 2023 г. по делу № СИП-882/2022.

²¹ См. постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 июля 2023 г. № С01-1125/2023 и определение Верховного Суда РФ от 27 октября 2023 г. № 300-ЭС23-22549.

²² Loi n° 2000-321 du 12 avril 2000 relative aux droits des citoyens dans leurs relations avec les administrations // URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000005629288> (дата обращения: 07.11.2024).

²³ Этот закон, в свою очередь, был основан на декрете 1983 г. (*Pascale I. L'exigence du caractère contradictoire de la procedure // La loi du 12 avril 2000 relative aux droits des citoyens dans leurs relations avec les administrations...*, édité par Sébastien Saunier // Presses de l'Université Toulouse Capitole, 2011. URL: <https://doi.org/10.4000/books.putc.498> (дата обращения: 07.11.2024) (абз. 7).

²⁴ Conseil d'Etat, Section, du 5 mai 1944, № 69751, «Dame veuve Trompier-Gravier» // Publié au recueil Lebon. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000007636208/> (дата обращения: 07.11.2024).

¹⁷ См., например: *Васильева А. Ф. Защита субъективного публичного права в позитивном государственном управлении // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3(12). С. 182–187.*

¹⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 декабря 2016 г. № 308-КГ16-10862 по делу № А32-2277/2015. Эта позиция используется и иными судами (см. постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28 января 2020 г. № Ф10-6061/2019 по делу № А23-8135/2018; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 8 апреля 2022 г. № Ф08-1565/2022 по делу № А53-38913/2020; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 ноября 2023 г. № Ф06-62306/2020 по делу № А12-15548/2019 и др.). Здесь и далее – доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

давать газеты в киоске на бульваре Сен-Дени. Префект посчитал, что она вымогала деньги у своего менеджера. Государственный совет подчеркнул, что до принятия решения об отзыве префект должен был предоставить заявительнице возможность представить позицию по фактам обвинения. Иначе получается, что принятие негативных последствий в таком порядке нарушает право на защиту²⁵, хоть и не закрепленное напрямую в законодательстве, но получившую впоследствии даже конституционно-правовое значение²⁶.

В настоящее время напрямую право на защиту упоминается лишь в ст. R343-10 Кодекса о регулировании отношений, если речь идет о применении санкций при разбирательстве в Комиссии по доступу к административным документам²⁷. Однако содержательно особенности реализации права представить свою позицию закреплены в ст. L. 122-1: «Решения, упомянутые в статье L. 211-2²⁸, принимаются только после того, как заинтересованному лицу будет предоставлена возможность представить письменные замечания и, где это применимо, по его или ее просьбе, устные замечания. Этому лицу может оказывать помощь адвокат или иной представитель по своему выбору. Администрация не обязана удовлетворять злоупотребляющие запросы о слушаниях, особенно из-за их количества или их повторяющегося либо систематического характера»²⁹.

²⁵ См. подробнее: *Pierre T. Droit administratif français – Partie 4 – Chapitre 1 – Section 2, Chapitre un – Les actes administratifs unilatéraux*// *Revue générale du droit on line*. 2020, numéro 54094. URL: www.revuegeneraledudroit.eu/?p=54094 (дата обращения: 07.11.2024).

²⁶ Conseil Constitutionnel, Décision n° 90-285 DC du 28 décembre 1990, Loi de finances pour 1991. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1990/90285DC.htm> (дата обращения: 07.11.2024).

²⁷ Это специальный административный орган, обеспечивающий право на доступ к материалам к делам и информации. URL: <https://www.cada.fr/lacada/le-role-de-la-cada> (дата обращения: 07.11.2024).

²⁸ Эта статья имеет восемь оснований, среди них случаи ограничения осуществления личных свобод; наложения санкций; отзыва или отмены решения, предоставляющего права и др.

²⁹ В Законе об административных процедурах Германии, хоть принцип состязательности и не поименован, но можно найти схожие с французским регулированием нормы: § 19 право на представителя, § 28 право быть выслушанным, § 29 право на доступ к материалам дела.

В практике Государственного совета достаточно много дел, посвященных разрешению на строительство, где как раз обсуждается состязательность. В одном из последних судебных решений³⁰ Государственный совет подробно рассмотрел принцип состязательности в рамках выдачи и отзыва разрешения на строительство³¹. Полное товарищество «Бобени эндепанданс» вело строительство девятиэтажной гостиницы на 86 номеров с иными вспомогательными помещениями. После нескольких проверок разрешение на строительство было отозвано: 30 декабря 2019 г. было выдано предписание пожарной службой, а также это юридическое лицо получило два отрицательных заключения от префекта Сены-Сен-Дени от 13 января и 11 марта 2020 г., подготовленные отделением пожарной безопасности управления гражданской обороны и безопасности. Однако мэр, как следует из судебного акта, отзывая разрешение на строительство, не принял во внимание эти документы (в судебном акте прямо не описаны основания отзыва). Вместе с тем в рамках процедуры отзыва товарищество подало заявление о проведении устных слушаний, но получило отказ. Государственный совет указал, что исходя из материалов дела отсутствие устных возражений не влияет на законность отзыва разрешения на строительства. При этом высшая судебная инстанция учла наличие существенных недостатков в проекте строительства, описанных в предписании и заключениях, и признала отзыв разрешения на строительства законным.

Представляется интересным, что эта гарантия реализуется не только посредством защиты через административные суды, но в открытых источниках можно найти форму уведомления о возможной отмене административного акта³².

³⁰ Анализ практики см.: *Pastor J.-M. Le respect du contradictoire : une garantie du titulaire du permis de construire en cas de retrait*. URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/flash/respect-du-contradictoire-une-garantie-du-titulaire-du-permis-de-construire-en-cas-de-retrait> (дата обращения: 07.11.2024).

³¹ Conseil d'État, 1ère – 4ème chambres réunies, 12.06.2023, N° 465241. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000047688324> (дата обращения: 07.11.2024).

³² URL: https://www.alpes-maritimes.gouv.fr/contenu/telechargement/45398/352837/file/courrier_contradictoire_mise_en_securite_fait_generateur_1_cle52d65d.docx или URL: <https://www.pas-de-calais.gouv.fr/contenu/telechargement/64525/368879/file/fiche+proc%C3%A9dur>

Причем в них напрямую указывается, что заинтересованное лицо может подать письменную позицию любым удобным способом, т. е. на бумаге или по электронной почте.

Ограничения принципа состязательности

Вице-президент Государственного совета Ж.-М. Сове, выступая с докладом на коллоквиуме «Поиск правовых принципов административной процедуры»³³ в 2014 г., отметил, что публичное управление «берет свое начало в матричной структуре судопроизводства». Вместе с тем из этого не следует, что между судебной деятельностью и административными производствами есть прямой переход принципов и гарантий. В докладе подчеркнуто, что усиление процессуальных прав, с одной стороны, и эффективность административной деятельности, с другой, не означает полный приоритет таких прав над последней. Этот довод основан на деле Клода Дантони, посвященном соблюдению процедуры слияния двух высших учебных заведений: «если административные акты должны приниматься в формах и в соответствии с процедурами, предусмотренными законами и правилами [необходимость обсуждения в административном совете каждого заведения], когда дефект затрагивает ход предварительной административной процедуры, обязательной или факультативной, принятое решение может быть незаконным только в том случае, если из документов, содержащихся в деле, явствует, что оно могло в данном случае повлиять на значение принятого решения или что оно лишило заинтересованных сторон гарантий»³⁴.

В самом деле задачи позитивного публично-го управления не всегда терпят отлагательств, как например, при устранении аварий или обеспечении общественного порядка. Сам по себе перечень таких оснований закреплен в ст. L. 121-2 Кодекса о регулировании отношений. Их четыре: во-первых, это случаи чрезвычайной ситуации или исключительных обстоятельств; во-вто-

рых, когда исполнение административного акта может поставить под угрозу общественный порядок или международные отношения; в-третьих, решения, для которых законодательные положения установили особую состязательную процедуру; в-четвертых, решения, принимаемые организациями социального обеспечения и учреждением, указанным в ст. L. 5312-1 Трудового кодекса [аналог российских центров занятости, называется France Travail (Работа Франции)]³⁵, за исключением случаев применения ими мер санкционного характера.

Конкретные случаи отказа в состязательности, естественно, рассматриваются в судебной практике. В этой части можно остановиться на двух противоположных примерах. Во-первых, в 1984 г. власти США запросили экстрадицию гражданина Колумбии, обвиняемого в наркоторговле. При этом Государственный совет проверил представленные бумаги, описанные в них действия не противоречат французскому общественному порядку. Более того, выдвинутые «обвинения в целях ввоза кокаина и в постоянной преступной деятельности, причем последнее означает совершение этих преступлений несколько раз и получение регулярной прибыли от них, соответствуют правонарушениям, наказуемым по французскому законодательству, и могут юридически повлечь за собой выдачу»³⁶. Во-вторых, Государственный совет поддержал решение о незаконности запрета на продолжение строительства. По обстоятельствам дела госпожа А. получила разрешение на строительство, но не успела завершить работы до истечения срока (в судебном акте отдельно не указывается, что именно возводилось). Поэтому мэр Сен-Лоран-дю-Вар выписал предписание об их приостановке. Министр по вопросам инфраструктуры, транспорта, землепользования, туризма и моря пытался оспорить это решение. Государственный совет согласился с нижестоящими судами, увидев незаконность в следующем: «мэр не был обязан принимать решение о прерывании работ и поэтому должен был в силу положений статьи 8 тогда действовавшие-

e+mise+en+s%C3%A9curit%C3%A9+ordinaire+%28juillet+2022%29.pdf (дата обращения: 07.11.2024).

³³ URL: https://www.conseil-etat.fr/publications-colloques/discours-et-interventions/a-la-recherche-des-principes-du-droit-de-la-procedure-administrative#_ftn11 (дата обращения: 07.11.2024).

³⁴ Conseil d'État, Assemblée, 2011. № 335033. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000025041089?init=true&page=1&query=335033&searchField=ALL&tab_selection=all (дата обращения: 07.11.2024).

³⁵ Code du travail. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006072050 (дата обращения: 07.11.2024).

³⁶ Conseil d'État, Assemblée, 8 mars 1985, № 64106. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000007714205?init=true&page=1&query=64106&searchField=ALL&tab_selection=all (дата обращения: 07.11.2024).

го декрета от 28 ноября 1983 года предоставить г-же А письменные возражения, так как работа в данном случае не представляет риска для общественной безопасности или здоровья, требующей срочной процедуры»³⁷.

Представляется важным, что состязательность, с одной стороны, выступает как гарантия, которая обеспечивает влияние позиции невластного субъекта, хотя, очевидно, она отчасти удлиняет процедуру, но с другой – Государственный совет не позволяет, даже если она не была предоставлена, использовать ее как исключительное основание для признания административного акта незаконным. Такой подход и нашел отражение в действующем Кодексе о регулировании отношений.

Принцип состязательности в рамках административных процедур в российской практике пока не находит постоянного воплощения, даже в рамках досудебного обжалования. В практике есть попытки рассматривать эту гарантию как необходимый элемент в административной процедуре, но зачастую ни законодатель, ни суды не поддерживают этот подход.

При этом понимание состязательности как борьбы правовых позиций не может быть перенесено в публичное управление, так как нет независимого органа (должностного лица), который принимает итоговое решение. Наоборот, именно административная деятельность повлияла на судопроизводство, и принцип состязательности приобрел «половинку» в виде активной роли суда. Однако это не дает возможности уяснить роль и место состязательности как общего принципа административного права.

Французское законодательство и практика рассматривают состязательность как проявление права на защиту, которая как раз позволяет представить невластному субъекту свои доводы и повлиять на итоговое решение по делу, что, естественно, оценивается судами. В этой части особенно важна интерпретация законодательных положений в практике, поскольку они имеют явно оценочный характер (исключительность, общественный порядок и т. д.) и тем самым ограничивают право на представление своей позиции. Государственный совет скрупулезно рассматривает обстоятельства, которые влияют

на принятый административный акт. При этом недостаточно, чтобы отказ от состязательности был обоснован только позицией («желанием») административного органа. Для этого в действительности должны быть те или иные предпосылки: реальная угроза общественному здоровью или действия, противоречащие правопорядку. Поэтому состязательность существенным образом не обременяет административную процедуру, в сравнении со строгой судебной процессуальной формой, а позволяет обеспечить учет мнения невластного субъекта. Именно в таком понимании данная гарантия сможет работать в административной сфере и повысить защищенность частных лиц.

Библиографический список

Васильева А. Ф. Защита субъективного публичного права в позитивном государственном управлении // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3 (12). С. 182–187.

Глодина А. В. Реализация активности суда в административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 3. С. 69–73.

Зюзин В. А. Развитие принципа состязательности в административном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 80–86.

Котлярова А. А. Активная роль суда в состязательном процессе // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 1085–1091.

Ядрихинский С. А. Принцип состязательности при административном рассмотрении налогового спора // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 12. С. 69–74.

Яковлева А. П. Активность суда как принцип Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 75–78.

Pascale I. L'exigence du caractère contradictoire de la procédure in : La loi du 12 avril 2000 relative aux droits des citoyens dans leurs relations avec les administrations..., édité par Sébastien Saunier // Presses de l'Université Toulouse Capitole. 2011. P. 217–237. URL: <https://doi.org/10.4000/books.putc.498>

Pastor J.-M. Le respect du contradictoire : une garantie du titulaire du permis de construire en cas de retrait. URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/flash/respect-du-contradictoire-une-garantie-du-titulaire-du-permis-de-construire-en-cas-de-retrait>

Tifine P. Droit administratif français // Revue générale du droit on line. 2021, numéro 58207. URL: www.revuegeneraledudroit.eu/?p=58207

³⁷ Conseil d'État, 7ème et 2ème sous-sections réunies, 29.12.2006, № 271164. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CE_TATEXT000018004769/ (дата обращения: 07.11.2024).

References

Vasilyeva A. F. Protection of subjective public law in positive public administration // Current problems of Russian law. 2009. No. 3(12). P. 182–187.

Glodina A. V. Implementation of court activity in administrative proceedings // Journal of administrative proceedings. 2017. No. 3. P. 69–73.

Zyuzin V. A. Development of the adversarial principle in administrative proceedings // Legal policy and legal life. 2023. No. 2. P. 80–86.

Kotlyarova A. A. Active role of the court in the adversarial process // Issues of Russian justice. 2019. No. 3. P. 1085–1091.

5. *Yadrikhinsky S. A.* The principle of competition in the administrative consideration of a tax dispute // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 12. P. 69–74.

Yakovleva A. P. Court activity as a principle of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation // Legal Science. 2015. No. 3. P. 75–78.

Pascale I. The requirement for the contradictory nature of the procedure in : The law of April 12, 2000 relating to the rights of citizens in their relations with administrations..., edited by Sébastien Saunier // Presses de l'Université Toulouse Capitole. 2011. P. 217–237. URL: <https://doi.org/10.4000/books.putc.498>

Pastor J. M. Respect for adversarial matters : a guarantee from the building permit holder in the event of withdrawal. URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/flash/respect-du-contradictoire-une-garantie-du-titulaire-du-permis-de-construire-en-cas-de-retrait>

Tifine P. French administrative law // General review of law online. 2021, number 58207. URL: www.revuegeneraledudroit.eu/?p=58207

Санкт-Петербургский государственный университет

Курындин П. А., кандидат юридических наук, ассистент кафедры административного и финансового права СПбГУ

E-mail: p.kuryndin@spbu.ru

Поступила в редакцию: 19.09.2024

Для цитирования:

Курындин П. А. Состязательность в административных процедурах: понятие и особенности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 134–141. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/134-141>

Saint Petersburg State University

Kuryndin P. A., Candidate of Legal Sciences, Assistant of the Department of Administrative and Financial Law SPbU

E-mail: p.kuryndin@spbu.ru

Received: 19.09.2024

For citation:

Kuryndin P. A. The adversarial principle in administrative procedures: concept and features // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 134–141. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/134-141>

ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

Ю. С. Антонова

Прокуратура Железнодорожного района г. Воронежа

EVOLUTION AND CURRENT SITUATION OF THE SYSTEM OF ENFORCEMENT AUTHORITIES

Y. S. Antonova

Prosecutor's office of the Zheleznodorozhny District of Voronezh

Аннотация: рассматривается история формирования системы принудительного исполнения судебных решений в России начиная с Киевской Руси и до наших дней. Анализируются исторические документы, такие как «Русская Правда» и судебные грамоты, а также нормативные акты, регулирующие деятельность судебных приставов.

Ключевые слова: судебный пристав, судебная реформа, органы принудительного исполнения, «Русская Правда», судебные решения, прокуроры, прокуратура.

Abstract: it is deals with the history of formation of the compulsory system of judgments in Russia, starting from Kievan Rus up to the present day. Historical documents are analyzed here, such as the «Russian Pravda» and judicial charters, as well as normative acts regulating the activities of bailiffs.

Key words: bailiff, judicial reform, enforcement authorities, «Russian Pravda», court decisions, prosecutors, prosecutor's office.

История законодательства об исполнительном производстве берет свое начало еще с древних времен. По мере развития государства и формирования органов власти возникла необходимость в механизме принудительного исполнения принятых актов и решений.

Развитие института судебных приставов можно разделить на пять этапов:

- 1) судебные приставы в Древней и феодальной Руси: становление административно-правового регулирования (XI–XV вв.);
- 2) дореформенный период (до 1864 г.);
- 3) дореволюционный период (с 1864 до 1917 г.);
- 4) советский период (1917–1997 гг.);
- 5) постсоветский период (с 1997 г. по настоящее время).

Первые отголоски развития деятельности органов принудительного исполнения нашли свое отражение в таком источнике права, как свод законов и правовых норм Древней Руси – «Русская

Правда» (XI–XII вв.). Указанный документ принято делить на редакции, такие как «Краткая Правда», «Пространная Правда» и «Сокращенная Правда», из которых самой древнейшей является краткая редакция «Русской Правды».

По мнению Е. А. Гнатко, «становление государства прочно связано с наличием актов, регулирующих правоотношения внутри государства, в связи с чем первым этапом развития судопроизводства и исполнительного производства на Руси следует считать период появления Русской Правды, которая в разных своих редакциях предусмотрела в том числе и порядок исполнения решений»¹.

Следующими источниками норм в истории института судебных приставов стали Псковская судная грамота (1467 г.) и Новгородская судебная грамота (1471 г.). Псковская судная грамота

¹ Гнатко Е. А. Правовое регулирование исполнительных документов в Древней Руси и досудебной реформы 1864 года // Baikal Research Journal. 2016. № 2.

1467 г. содержит ряд статей, касающихся порядка судопроизводства. Судебные приставы в Пскове выполняли функции, связанные с организацией судебных заседаний, взысканием штрафов и исполнением решений суда. Они также несли ответственность за арест и содержание под стражей лиц, нарушивших закон, до момента суда.

Новгородская судебная грамота 1471 г. подчеркивает роль судебных приставов в поддержании порядка и справедливости. В документе описываются процедуры, которым должны были следовать приставы при исполнении судебных решений, включая взыскание долгов и конфискацию имущества.

Указанные источники права регулируют исполнение решения судов путем выдачи судебных грамот. В судебное разбирательство судом приглашались как истец, так и ответчик. В случае если ответчик по делу не являлся, то истцу выдавалась бессудная грамота, согласно которой у ответчика был один месяц на исполнение судебного решения или в течение указанного срока он должен был договориться с истцом о порядке исполнения решения суда, тем самым ответчику давали месячный срок для добровольного погашения долга².

Возникновение института судебных приставов и развитие системы исполнительного производства в России относятся к концу XV в. Так, Судебник Ивана III, разработанный в 1497 г., стал важным юридическим документом в истории русского права. Он был основан на положениях «Русской Правды», Псковской судной грамоты, уставных грамот князей и судебных прецедентов. Судебник упоминает судебных исполнителей, известных как «недельщики», которые играли важную роль в обеспечении соблюдения закона и порядка в Московском государстве. Они помогали судам эффективно исполнять свои решения и обеспечивали справедливое и своевременное разрешение споров.

После правления Ивана III престол занял Иван IV (Грозный), который в последующем ввел ряд реформ, изменивших российское законодательство.

Так, Судебник Ивана Грозного 1559 г. существенно расширил полномочия приставов, укрепив их статус в судебной системе.

² См.: Михайлова Е. Н., Михайлов И. В., Честныхина А. Д. Исторические этапы развития системы органов принудительного исполнения судебных решений в России : от начала X века до 20-х годов XX века // Ученые записки Орлов. гос. ун-та. 2019. № 1 (82). С. 52.

Таким образом, Судебник 1559 г., введенный Иваном Грозным, стал значительным шагом в развитии российского законодательства и судопроизводства. Он не только систематизировал существующие нормы, но и ввел новые, которые укрепили правовую систему и повысили эффективность исполнения судебных решений.

В 1649 г. было принято Соборное уложение, которое стало важным шагом в укреплении и стабилизации системы принудительного исполнения судебных решений. Этот документ сохранил права и обязанности приставов, существовавшие на тот момент, но также ввел различные варианты ответственности за их недобросовестные действия и противоправные решения. Соборное уложение значительно расширило полномочия приставов как должностных лиц. Теперь они не только исполняли судебные решения и обеспечивали деятельность суда, но и выполняли полицейские функции.

Таким образом, приставы несли значительную ответственность за исполнение своих обязанностей и могли быть привлечены к ответственности в случае их невыполнения или ненадлежащего выполнения³.

Приход Петра I к правлению стал поворотным моментом в истории России. Он положил начало эпохе Петровских реформ, которые коренным образом изменили страну и вывели ее на путь модернизации, активно внедрял в российское законодательство европейские правовые нормы и принципы. В результате в российском законодательстве появились такие понятия, как «презумпция невиновности», «равенство всех перед законом», «разделение властей».

Петровские реформы также привели к созданию новых правовых институтов, таких как прокуратура, полиция и суд присяжных. Эти институты были призваны обеспечить соблюдение законности и защиту прав граждан.

25 мая 1718 г. был издан Указ⁴, который заложил основу для создания должности генерал-полицмейстера в Санкт-Петербурге. Документ стал ключевым моментом в процессе организации полицейских сил, которые в будущем получают право на принудительное исполнение законов.

³ См.: Негматзянова Р. Х. История возникновения и развития института судебных приставов в России // Вестник магистратуры. 2015. № 1 (40). Т. II. С. 6.

⁴ «Пункты, данные Санкт-Петербургскому Генерал-Полицмейстеру» (см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V: 1713–1719. С. 569–571).

Кроме того, 12 января 1722 г. Петр I издал Указ «Об учреждении должности генерал-прокурора Российской империи», согласно которому в Правительствующем сенате вводились две должности: генерал-прокурора и обер-прокурора. Прокуратура занималась надзором за исполнением законов, в том числе и судебных решений, что привело к усилению роли судебных приставов, которые теперь выступали в качестве исполнителей воли центральной власти, обеспечивая порядок и законность в регионах.

Генерал-прокурор обладал обширными полномочиями, которые позволяли ему осуществлять надзор за законностью в различных областях жизни государства. Его власть распространялась на возможность вмешательства в деятельность всех уровней государственных органов, в том числе и судебных приставов, а также предоставляла право обвинения даже высокопоставленных официальных лиц.

Должность обер-прокурора была введена в целях контроля за деятельностью Святейшего Синода. К его обязанностям относились управление синодальной канцелярией и постоянное присутствие на заседаниях Святейшего Синода. За период существования Синодальной системы в церковной истории России должность обер-прокурора занимали 34 человека.

С приходом к власти Екатерины II продолжилась политика укрепления государственной власти и правопорядка. Екатерина II провела ряд судебных реформ, направленных на улучшение судопроизводства и укрепление законности. Судебные приставы получили более четко определенные полномочия и стали ключевыми фигурами в новой судебной системе, которая требовала от них большей ответственности и профессионализма. В 1782 г. Екатерина II издала Указ, согласно которому функции урядников (приставов) были переданы полиции. Через четыре года урядники были разделены на две категории:

1) полицейские приставы – исполняли решения судов и находились в подчинении Министерства полиции;

2) становые приставы – обеспечивали охрану порядка и подчинялись Министерству юстиции.

Это разделение функций было связано с тем, что к концу XVIII в. полиция в России стала выполнять не только охранные, но и административно-исполнительные функции. Полицейские приставы занимались исполнением судебных

решений, взысканием долгов, а также розыском и задержанием преступников.

Становые приставы, в свою очередь, отвечали за поддержание порядка в сельской местности. Они следили за соблюдением законов и правил, а также исполняли распоряжения местных властей.

В период правления Екатерины II прокуратура выполняла функции надзора за исполнением законов, включая деятельность судебных приставов. Прокуроры следили за тем, чтобы судебные решения исполнялись корректно и в соответствии с законом. Они имели право вмешиваться в процесс исполнения судебных решений, если обнаруживались нарушения или злоупотребления.

Главный прокурор был ключевой фигурой в системе надзора и отвечал перед императрицей за законность в судебной системе. Прокуроры могли инициировать проверки деятельности судебных приставов и при необходимости предпринимать меры для исправления выявленных нарушений.

С 1 января 1835 г. вступил в силу «Свод законов Российской империи», который возложил исполнительное производство на полицию, а именно на квартальных и становых приставов, возглавляемых Управами благочиния. В структуре Управы благочиния функционировали должности пристава по уголовным и гражданским делам, а также частного пристава⁵ для каждого района города.

Основными обязанностями Управы Благочиния под руководством приставов были: поддержание нравственности, добронравия и порядка; контроль за соблюдением законодательства и обеспечение его исполнения в случае нарушений; осуществление указаний административных органов, решений судебных палат и прочих Судов. Кроме того, Управа Благочиния отвечала за мониторинг торговых ограничений и движения товаров, а также за сбор информации о стоимости ключевых продуктов, таких как хлеб, с последующей фиксацией этих цен в конце каждого месяца⁶.

В начале XIX в. в России были проведены масштабные преобразования, которые корен-

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. XXI: 1780–1783. С. 462.

⁶ См.: Шамсумова Э. Ф., Мазуркевич А. К. Система принудительного исполнения судебных решений в России (историко-правовой анализ) // Уральский государственный юридический университет. 2018. № 5. С. 130–131.

ным образом изменили систему государственного управления.

Так, 20 ноября 1864 г. императором Александром II были утверждены ряд документов, которые реформировали судебную систему России, такие как «Учреждение судебных установлений», «Устав о наказаниях, налагаемых мировым судьей», «Устав уголовного производства», «Устав гражданского производства». Эти документы ввели новые принципы организации и функционирования судов в России и предусматривали создание должности судебного пристава для каждого судебного органа.

Вопрос о реализации уставов был решен утвержденным «Положением о введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 г.», которое содержалось в именном императорском Указе от 19 октября 1865 г. При этом новые установления планировалось вводить в действие с 1866 г. в течение четырех лет.

До Судебной реформы 1864 г. судебные приставы не существовали как отдельная профессия. Их функции выполняли различные должностные лица, такие как полиция и чиновники. Учреждение института судебных приставов создало профессиональный корпус, отвечающий за исполнение судебных решений.

В этот период прокуратура обеспечивала надзор за точным и одинаковым исполнением законов всеми судебными и административными органами. В частности, прокуроры следили за тем, чтобы судебные приставы действовали в рамках закона и не допускали злоупотреблений при исполнении судебных решений.

Генеральный прокурор имел широкие полномочия и отвечал за осуществление общего надзора за законностью. Он мог направлять своих подчиненных для проверки работы судебных приставов и, при необходимости, предпринимать меры для устранения нарушений.

Судебная реформа и усиление роли прокуратуры способствовали повышению эффективности и справедливости в исполнении судебных решений.

Также в 1865 г. Александром II проведена реформа, которая заложила основы для современной системы службы судебных приставов в России.

Данная судебная реформа значительно расширила полномочия судебных приставов. Они получили право самостоятельно исполнять судебные решения, а также применять меры при-

нуждения, такие как арест имущества и денежных средств.

Приставы назначались и увольнялись председателем соответствующего суда. Они имели право исполнять судебные решения, обеспечивать порядок в суде и выполнять другие поручения суда.

При каждом судебном месте был учрежден судебный пристав.

Судебные приставы несли ответственность за надлежащее исполнение своих обязанностей. За неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей они могли быть привлечены к дисциплинарной или уголовной ответственности.

Согласно указанной реформе приставы были наделены рядом обязанностей, таких как исполнение судебных решений, в том числе взыскание долгов, выселение из жилых помещений, обеспечение порядка в суде и при совершении судебных действий, охрана имущества, находящегося под арестом или описью, совершение исполнительных действий по поручению суда, например вызов свидетелей или проведение экспертиз и иными функциями.

Таким образом, с момента подписания в 1865 г. императором Александром II Положения «О введении в действие судебных уставов» правовой статус и компетенция судебного пристава получили законодательную регламентацию. Институт судебных приставов становится ядром «исполнительного» судебного механизма, а законодательство о правовом статусе судебных приставов Российской империи признается образцовым документом в европейской законодательской практике второй половины XIX в.⁷

Кроме того, Александр II издал ряд других указов и распоряжений, направленных на улучшение деятельности судебных приставов. Например, в 1879 г. он утвердил «Правила о порядке исполнения судебных решений», которые регламентировали деятельность судебных приставов и устанавливали их ответственность.

Однако стоит отметить, что во второй половине XIX в. в законодательстве отсутствовал правовой акт, который регулировал бы правовое положение органов принудительного исполне-

⁷ См.: Кравцов Д. И., Бусыгина О. С. Становление и развитие института судебных приставов в России // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 2. С. 87.

ния, тем не менее правовой статус определялся с учетом особенностей губерний.

В 1917 г. в России были совершены две революции, которые привели к коренным изменениям в деятельности судебных приставов.

В ходе Февральской революции 1917 г. в России произошла существенная перестройка роли судебных приставов в рамках судебной системы. Эти преобразования были отражением стремления страны к демократическим реформам и отказу от устаревших авторитарных методов, которые были характерны для царского режима.

Судебные приставы, ранее воспринимаемые как инструменты подавления и контроля, были реорганизованы в структуру, ориентированную на поддержание законности и порядка в интересах временного правительства. Это переопределение роли судебных приставов символизировало отказ от прошлых репрессивных механизмов и стремление к более справедливой судебной системе.

В целом реформы, связанные с деятельностью судебных приставов в результате Февральской революции, можно рассматривать как часть более широкого процесса трансформации российского общества и государства в направлении демократизации и правового государства. Эти изменения заложили основу для дальнейшего развития судебной системы в постимперской России.

После Февральской революции в России произошли значительные изменения в системе правосудия, включая статус и функции судебных приставов. Эти изменения отражали общее стремление к демократизации и отходу от авторитаризма. Судебные приставы были реорганизованы для поддержания законности и порядка в интересах Временного правительства, что символизировало отказ от репрессивных механизмов прошлого и стремление к более справедливой судебной системе.

Переход судебных приставов под юрисдикцию Министерства юстиции подчеркивал новую ориентацию на правовую ответственность и независимость судебной власти. Это было частью широкого процесса трансформации российского общества и государства в направлении демократизации и правового государства, заложившего основу для развития судебной системы в постимперской России.

Октябрьская революция привела к власти большевиков и началу гражданской войны. В су-

дебной системе это означало национализацию и полное перестроение судебной системы в соответствии с идеологией большевиков. Судебные приставы получили новые функции и полномочия, включая исполнение решений революционных трибуналов, и были включены в систему народных судов. Это отражало новый подход к правосудию, основанный на принципах равенства и доступности. Данные изменения были частью политики большевиков по созданию классового правосудия и уничтожению старых институтов власти и отражали новую социально-политическую реальность России.

7 июля 1923 г. принят первый Гражданский процессуальный кодекс РСФСР⁸, вступивший в силу 1 сентября 1923 г. и включивший специальный раздел 5, который содержал нормы, касающиеся исполнения судебных решений. Этот раздел предусматривал, что стороны имели право на добровольное исполнение решений. В случае отказа от добровольного исполнения взыскатель мог обратиться в суд, вынесший решение, с просьбой о принудительном исполнении и выдаче исполнительного листа. Главной целью было обеспечение быстрого, удобного и экономически выгодного исполнения требований кредиторов при сохранении должника как активного участника экономической и производственной сферы. После Октябрьской революции функции судебного исполнения осуществлялись через судебных исполнителей, назначаемых при судах.

Кроме судебных исполнителей, специальным распоряжением Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел от 12 февраля 1925 г. № 48/75 было разрешено привлекать к исполнению поручений милицию и исполнительные комитеты волостей (как правило, руководителей районной рабоче-крестьянской милиции или председателей волостных исполкомов), которые следовали тем же процедурам, что и судебные исполнители.

Основным документом, регламентирующим деятельность судебных приставов, была Инструкция о порядке исполнения судебных решений, утвержденная Народным комиссариатом юстиции СССР 28 сентября 1939 г., которая являлась ключевым нормативным актом, регу-

⁸ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (в ред. от 25.07.2002, с изм. от 18.07.2003) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (документ утратил силу).

лирующим деятельность судебных приставов в конце 1930-х гг.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, а 30 августа 1941 г. Пленум Верховного Суда СССР указал на необходимость приостановления исполнения судебных решений по гражданским делам, ответчиками которых являлись лица, состоявшие в рядах Красной Армии и Военно-Морского Флота, за исключением дел о взыскании алиментов.

Следует отметить, что в советский период сохранялась государственная (публичная) модель принудительного исполнения, которая акцентировалась на защите государственной и общественной собственности. Отличительной особенностью было отсутствие четкого механизма защиты прав и интересов участников исполнительного производства.

В 1991 г. начался процесс выделения Службы судебных приставов в отдельную единицу в рамках Министерства юстиции РФ, который был частью широкомасштабной реформы судебной системы после утверждения Концепции судебной реформы Верховным Советом РФ 24 октября 1991 г. Эта реформа коснулась и механизма принудительного исполнения судебных решений. Существующая с 1991 по 1997 г. система исполнения не соответствовала новым условиям развивающейся страны, особенно в контексте формирования рыночной экономики, которая требовала не только законодательного регулирования, но и эффективной защиты прав. Низкий уровень исполнения судебных решений указывал на серьезные недостатки в системе исполнительного производства.

Решение о ликвидации системы судебных исполнителей и создании в России новой структуры – Службы судебных приставов, работающей на основе совершенно других организационных и правовых принципов, было обусловлено несколькими ключевыми факторами. К ним относятся изменения в политической и государственной структуре страны, унификация законодательства, регулирующего процесс исполнения судебных постановлений, а также разработка и внедрение новой концепции в области исполнения судебных решений⁹.

Новый этап в развитии законодательства об исполнительном производстве связан с пери-

одом второй половины 1990-х гг. Так, 21 июля 1997 г. Президентом Российской Федерации подписаны два федеральных закона: № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» и № 118-ФЗ «О судебных приставах». Эти события стали отправной точкой для реформы системы принудительного исполнения с целью придания ей нового облика, отвечающего современным социально-экономическим условиям.

В указанный период ключевым изменением в нормативно-правовом регулировании исполнительного производства стало создание независимой службы судебных приставов, ответственной за принудительное исполнение судебных решений и актов других органов. Данная служба была организована в структуре Министерства юстиции РФ, и ее возглавлял заместитель Министра юстиции Российской Федерации, одновременно являвшийся главным судебным приставом Российской Федерации. В 2004 г. в результате административной реформы служба была преобразована в отдельное ведомство – Федеральную службу судебных приставов¹⁰.

Для повышения эффективности работы судебных приставов и защиты прав и интересов граждан в процессе исполнения судебных решений прокуратура осуществляла надзор за деятельностью судебных приставов в России, обладая правом проверять законность их действий, а также при необходимости вмешиваться в процесс исполнения судебных решений для обеспечения соблюдения законов и прав граждан.

Прокурорский надзор осуществлялся в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», который был принят в 1992 г. Этот закон устанавливал основы деятельности прокуратуры, включая ее роль в системе судебных приставов. Прокуроры могли проводить проверки, выдавать предписания об устранении нарушений и привлекать судебных приставов к дисциплинарной ответственности в случае обнаружения нарушений.

Для улучшения правовой базы исполнительного производства 2 октября 2007 г. был принят новый Федеральный закон «Об исполнительном производстве», который вступил в силу 1 февраля 2008 г. и действует до настоящего времени. Вместе с введением Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном

⁹ См.: Брой М. А. Исполнительное производство-эволюция законодательства // European research. 2015. № 3 (4).

¹⁰ См.: Гуреев В. А., Гуцин В. В. Исполнительное производство : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 26.

производстве» в деятельности судебных приставов произошло несколько значительных изменений, направленных на совершенствование их работы и повышение эффективности исполнения судебных решений.

Одним из основных изменений в 2007 г. стало введение института судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов. Эти судебные приставы отвечают за обеспечение безопасности и порядка в судах, а также за исполнение судебных решений. Они обеспечивают безопасное проведение судебных заседаний, поддержание порядка в здании суда и выполнение решений суда.

Кроме того, в результате изменений Федеральная служба судебных приставов (ФССП России), получила расширенные полномочия по разработке стандартов, руководящих принципов и процедур для единообразного применения по всей службе. Это способствовало большей согласованности и эффективности в работе судебных приставов. 1 января 2020 г. Федеральный закон № 118-ФЗ «О судебных приставах» был переименован в Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». Переименование закона было частью более широкой реформы, направленной на совершенствование системы исполнения судебных решений и укрепление статуса сотрудников, занимающихся этой работой. Одно из ключевых изменений включало расширение полномочий судебных приставов. Им были предоставлены дополнительные права и инструменты для более эффективного взыскания долгов и обеспечения исполнения судебных решений. Эти полномочия включают в себя возможность налагать арест на имущество должника, ограничивать его выезд из страны, приостанавливать операции с его банковскими счетами и применять другие меры принудительного характера.

Также были введены новые процедуры, направленные на повышение эффективности работы органов принудительного исполнения. В их число вошли такие меры, как создание единой базы данных исполнительных производств, внедрение электронного документооборота, развитие онлайн-сервисов для взаимодействия с гражданами и организациями, а также внедрение современных технологий для розыска должников и их имущества.

В настоящее время судебные приставы сталкиваются с рядом сложностей и высокой загру-

женностью, обусловленными несколькими ключевыми факторами. Во-первых, количество исполнительных производств продолжает расти, что напрямую влияет на объем работы каждого пристава. Во-вторых, дела часто бывают юридически сложными и требуют значительного времени для рассмотрения и взаимодействия с различными субъектами. В-третьих, судебные приставы работают в условиях ограниченных ресурсов, что затрудняет своевременное и эффективное исполнение решений. В-четвертых, значительная нехватка кадрового обеспечения влияет на качество и объем работы.

Так, в 2023 г. в территориальные органы ФССП России (далее – территориальные органы) для принудительного исполнения поступил 71 млн исполнительных документов, на 10 % меньше, чем в 2022 г. (78,9 млн). Всего на исполнении находилось 126,7 млн исполнительных производств. По сравнению с 2022 г. количество поступивших на исполнение судебных актов уменьшилось на 9 %, постановлений уполномоченных органов – на 11,1 %.

В отчетном периоде в результате мер, принятых судебными приставами-исполнителями, увеличилось количество исполнительных производств, по которым обеспечивалось принудительное исполнение. Если в 2022 г. принудительное исполнение обеспечивалось по 83 исполнительным производствам на 100 возбужденных исполнительных производств, то в 2023 г. судебными приставами-исполнителями обеспечено принудительное исполнение по 85 исполнительным производствам на 100 возбужденных исполнительных производств¹¹.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Реформы службы принудительного исполнения в России прошли долгий путь развития, отражая изменения в правовой системе страны и потребности общества. Эти реформы привели к значительному улучшению в работе службы принудительного исполнения, повысив ее эффективность, прозрачность и подотчетность. Внедрение современных технологий, таких как электронный документооборот и расширение полномочий судебных приставов, способствовало улучшению результатов работы службы. История службы принудительного исполнения в России отражает непрерывную эволюцию право-

¹¹ См.: Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2023 г. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyj-doklad-o-rezultatah-deyatelnost

вой системы страны, адаптирующейся к меняющимся потребностям общества. Эффективная служба принудительного исполнения играет важную роль в поддержании справедливости, обеспечивая исполнение судебных решений и защищая права граждан.

Как показывает практика, роль прокурорского надзора в системе исполнения судебных решений не ограничивается лишь контролем и проверками. Прокурорский надзор – это активная деятельность, направленная на защиту прав и законных интересов граждан, обеспечение их безопасности и справедливости в рамках юридических процедур. Прокуроры не только осуществляют надзор, но и выступают в качестве защитников, что делает их работу крайне важной для функционирования правовой системы в целом.

Таким образом, прокурорский надзор за органами принудительного исполнения является важнейшим механизмом, обеспечивающим законность и справедливость в ходе выполнения судебных актов, позволяя эффективно реагировать на нарушения и защищать права граждан.

Библиографический список

Брой М. А. Исполнительное производство – эволюция законодательства // *European research*. 2015. № 3(4). С. 76.

Гнатко Е. А. Правовое регулирование исполнительных документов в Древней Руси и до судебной реформы 1864 года // *Baikal Research Journal*. 2016. № 2. С. 23.

Гуреев В. А., Гуцин В. В. Исполнительное производство : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2014.

Кравцов Д. И., Бусыгина О. С. Становление и развитие института судебных приставов в России // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ*. 2018. № 2.

Михайлова Е. Н., Михайлов И. В., Честныхина А. Д. Исторические этапы развития системы органов принудительного исполнения судебных решений в России : от начала X века до 20-х годов XX века // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2019. № 1 (82).

Негматзянова Р. Х. История возникновения и развития института судебных приставов в России // *Вестник магистратуры*. 2015. № 1 (40). Т. II.

Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип-я II Отделения Имп. канцелярии, 1830. Т. XXI: 1780–1783.

Шамсумова Э. Ф., Мазуркевич А. К. Система принудительного исполнения судебных решений в России (историко-правовой анализ) // *Уральский государственный юридический университет*. 2018. № 5. С. 130–131.

Пункты, данные Санкт-Петербургскому Генерал-Полицмейстеру // *Полное собрание законов Российской империи*. СПб. : Тип-я II Отделения Имп. канцелярии, 1830. Т. V: 1713–1719. С. 569–571.

Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2023 году. URL.: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyy-doklad-o-rezultatah-deyatelnost

References

Broy M. A. Enforcement proceedings – evolution of legislation // *European research*. 2015. No. 3(4).

Gnatko E. A. Legal regulation of executive documents in ancient Russia and before the judicial reform of 1864 // *Baikal Research Journal*. 2016. No. 2.

Gureev V. A., Gushchin V. V. Enforcement proceedings : textbook. 4th ed., revised and additional. Moscow : Statut, 2014.

Kravtsov D. I., Busygina O. S. Becoming and development of the institute of bailiffs in Russia // *Socio-economic and humanitarian journal of Krasnoyarsk GAU*, 2018. No. 2.

Mikhailova E. N., Mikhailov I. V., Chestnikhina A. D. Historical stages of development of the system of compulsory execution of judicial decisions in Russia : from the beginning of the X century to the 20-ies of the XX century // *Scientific Notes of Orel State University*. 2019. No. 1 (82).

Negmatzyanova R. H. History of the emergence and development of the institute of bailiffs in Russia // *Bulletin of Magistracy*. 2015. No. 1 (40). Vol. II.

Full Collection of Laws of the Russian Empire. VOL. XXI: 1780–1783. St. Petersburg: Tip-ya II Branch of the Imperial Chancellery, 1830.

Shamsumova E. F., Mazurkevich A. K. System of forced execution of court decisions in Russia (historical and legal analysis) // *FGBOU VO Ural State Law University*, 2018. No. 5. P. 130–131.

«Points given to the St. Petersburg General-Politsmeister» (see: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. T. V: 1713–1719. St. Petersburg: Tip-ya II Department of the Imperial Chancellery, 1830. P. 569–571.

The final report on the results of the activities of the Federal Service for Supervision of the Federal Service for Supervision of the Public Prosecution Service of Russia in 2023. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyy-doklad-o-rezultatah-deyatelnost

Ю. С. Антонова

Эволюция и современное положение системы органов принудительного исполнения

Прокуратура Железнодорожного района г. Воронежа

Антонова Ю. С., помощник прокурора Железнодорожного района г. Воронежа

E-mail: yulya-bezryadina@mail.ru

Поступила в редакцию: 22.09.2024

Для цитирования:

Антонова Ю. С. Эволюция и современное положение системы органов принудительного исполнения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 142–150. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/142-150>

Prosecutor's office of the Zheleznodorozhny District of Voronezh

Antonova Y. S., Assistant Prosecutor of the Zheleznodorozhny District of Voronezh

E-mail: yulya-bezryadina@mail.ru

Received: 22.09.2024

For citation:

Antonova Y. S. Evolution and current situation of the system of enforcement authorities // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 142–150. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/142-150>

УДК 342.9

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/151-169>

1956 – ГОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

С. В. Щепалов

Верховный суд Республики Карелия

1956 – THE YEAR OF THE ARISE OF DOMESTIC COURT PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

S. V. Schepalov

Supreme Court of the Republic of Karelia

Аннотация: проводится исторический экскурс о возникновении в РСФСР административной ответственности и судебного порядка привлечения к ней. Автор утверждает, что исторически отечественное судебное производство по делам об административных правонарушениях возникло не как типичная юрисдикционная деятельность, а представило собой самостоятельную процессуальную форму административной юстиции.

Ключевые слова: судопроизводство, административная юстиция, административная ответственность, народные суды, советское административное право.

Abstract: it is provided a historical excursion into the emergence of administrative liability and the judicial procedure for bringing it to justice in the RSFSR. The author argues that historically domestic judicial proceedings in cases of administrative offenses did not arise as a typical jurisdictional activity, but represented an independent procedural form of administrative justice.

Key words: legal proceedings, administrative justice, administrative responsibility, people's courts, Soviet administrative law.

Из всех процессуальных форм правосудия, пожалуй, самым спорным является производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции (далее – ПДОАП в СОУ)¹. Одни ученые считают его формой правосудия², другие – лишь рядовым юрисдикционным производством в структуре административного процесса³. Наука и законо-

датель еще не отвели место этому производству в ряду процессуальных форм правосудия. В Конституции РФ оно в их числе не поименовано. Это укрепляет позиции сторонников тезиса, что в судебном рассмотрении дела об административном правонарушении нет места правосудию. В то же время Ю. Н. Стариков видит в административном процессе, в том числе в судебном порядке рассмотрения административно-деликтных дел, юстиционный потенциал и не соглашается с учеными, сводящими его лишь к рядовой юрисдикции⁴. Полагая, что недоработка

¹ См.: Старостин С. А. О подмене понятий в государственном управлении // Вестник Том. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 32. С. 82–83.

² См.: Панкова О. В. К вопросу о роли судебной реформы в механизме административно-правового регулирования // Проблемы административного и административно-процессуального права : сб. науч. трудов. М., 2005. С. 346.

³ См.: Административно-процессуальное право : учебник / под ред. А. И. Каплунова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2015. Гл. 11.

© Щепалов С. В., 2024

⁴ См.: Стариков Ю. Н. Установление административного судопроизводства в КоАС РФ как специальная форма реализации конституционно-правовой нормы и как главный результат модернизации административно-процессуального законодательства // Актуальные проблемы административного судопроизводства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 28 ноября 2014 г.) / отв. ред. проф. Ю. П. Соловей. Омск, 2015. С. 230.

вкралась в сам Основной закон, Ю. Н. Стариков неоднократно предлагал включить в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ производство по делам об административных правонарушениях⁵.

Так или иначе, здесь остается место для дискуссии. Хотелось бы поддержать ее атмосферу небольшим историческим экскурсом о возникновении судопроизводства по делам об административных правонарушениях (далее – СДОАП). Он, на наш взгляд, также дает основания усомниться в том, что дежурный судья, заслушивающий задержанного хулигана, является по сути тем же инспектором по ИАЗ, но лишь работающим в соседнем ведомстве.

В дореволюционной России слово «административный» ассоциировалось с чем-либо внесудебным, осуществляемым властными управленческими структурами в отношении подчиненных и поднадзорных лиц. Оно не имело такой четкой смысловой нагрузки, как в наши дни, и скорее лишь подчеркивало властный и управленческий характер правоотношений. Это прилагательное сочеталось с такими существительными, как «взыскание»⁶, «порядок»⁷, «власть», «начальство», «ведомство»⁸ и др. Данное слово использовалось даже при характеристике ответственности уголовной⁹ и дисциплинарной¹⁰.

⁵ См.: Стариков Ю. Н. Необходимы поправки в Конституцию Российской Федерации в связи с развитием административного и административного процессуального права // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2016. № 2. С. 15 ; *Его же*. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права : два новейших вопроса в современной правовой теории // Там же. 2020. № 2. С. 27.

⁶ См.: Циркуляр Министерства внутренних дел Российской империи от 24 июля 1893 г. № 33.

⁷ Определения общ. собр. 1-го и кассационных департаментов Правительствующего Сената от 3 октября 1883 г. № 24 // Решения Правительствующего Сената по вопросам об ответственности должностных лиц административного ведомства за преступления должности (1868–1896 гг.). СПб. : Тип. Правит. Сената, 1896. С. 371–372.

⁸ Определения Правительствующего Сената от 15 сентября 1869 г. № 9767, от 23 февраля 1881 г. № 1525, от 18 мая 1881 г. № 3652 // Систематический сборник решений Правительствующего Сената по вопросам об ответственности должностных лиц административного ведомства за преступления должности (1868–1896 гг.). С. 369.

⁹ Ст. 1087 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

¹⁰ См.: *Куплевасский Н. О.* Государственная служба в теории и действующем праве Англии, Франции, Германии и Цислейтанской Австрии. Харьков, 1888. С. 75.

Но, несмотря на такую многозначность, слово «административный» было противоположно по смыслу прилагательному «судебный».

После слома монархического строя Советская власть упразднила его государственные институты, однако восприняла официальный лексикон прежней эпохи. Под административными порядком¹¹, воздействием¹², механизмом¹³ понимались также институты управленческого характера, связанные с реализацией «сверху вниз» политики Советской власти. В качестве особенности можно отметить, что «административный» использовалось как своего рода смысловое усиление для придания авторитета, например – «наложение дисциплинарных взысканий в административном порядке»¹⁴. Но, как и в словаре прошедшего века, слова «административный» и «судебный» остались антонимами.

Административная ответственность в современном ее понимании зародилась с принятием 25 мая 1920 г. Декрета СНК о мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения. Лица, содержащиеся жилища в антисанитарном состоянии, стали подвергаться «в административном порядке по определению жилищно-санитарной инспекции и жилищно-земельных отделов лишению свободы до 1 месяца или принудительным работам до 3 месяцев»¹⁵. Наделение полномочиями именно органов контроля было связано с письменными возражениями В. И. Ленина на передачу таких дел в компетенцию народных судов, которые вождь считал «слабыми»¹⁶.

¹¹ Постановление Совета Рабоче-крестьянской обороны от 19 марта 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М., 1975.

¹² См.: Декрет о печати от 27.10 (09.11) 1917. Цит. по: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

¹³ См.: Декрет об организации управления почтово-телеграфного дела от 16 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959.

¹⁴ Положение Совета Обороны от 9 февраля 1920 г. о правах комиссаров и лиц технической администрации железных дорог в отношении наложения дисциплинарных взысканий в административном порядке на время военного положения. Цит. по: Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г.

¹⁵ Декрет СНК о мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения от 25 мая 1920 г. Цит. по: Декреты Советской власти : в 12 т. Т. VIII. Апрель – май 1920 г. М. 1976. С. 242–243.

¹⁶ См.: Замечания В. И. Ленина к проекту Декрета СНК о мерах правильного распределения жилищ среди

В 1918–1922 гг. в народных судах действительно две трети работников не были подготовлены к работе. Состав суда постоянно менялся, а люди порой становились судьями, не только не имея опыта, но даже и не планируя такую карьеру¹⁷. В процессе преимущественно ориентировались на позицию обвинителей, что вызывало возмущение¹⁸. Поэтому вполне возможно, что судьбоносная резолюция председателя СНК на проекте декрета не была лишь предубеждением.

Административная ответственность в 1920–1937 гг. прочно вошла в законодательство и правоприменительную практику именно как внесудебный институт. И позиция о том, что ее природа заключается в наложении контрольно-надзорными органами, а судебный порядок представляет собой ее «мутацию», имеет под собой основания¹⁹.

Внедрение нового института происходило двумя путями. Первый – через предоставление специализированными законами профильным органам управления права назначать взыскания за отдельные виды массовых нарушений. В 1920 г. – за контрабанду²⁰, в 1921 г. – трудовое дезертирство²¹ и т. д. Второй – через предо-

ставление с 23 июня 1921 г.²² местным органам полномочий по принятию обязательных постановлений и самостоятельному назначению за их нарушения административных взысканий.

Обе этих сферы потребовали более обстоятельного и плотного контроля, чем судопроизводство. Административная практика была необходима для проведения в жизнь на местах политики Советской власти, но сопровождалась массовыми ошибками и злоупотреблениями. Вызывали нарекания попытки властей урегулировать все стороны жизни населения²³ и при этом грозить уголовными наказаниями за невыполнение своих постановлений²⁴. Осуждалось применение местными органами незаконных арестов с заведомым превышением своих полномочий²⁵. Обращалось внимание на стремление административных органов назначать максимальные штрафы с преследованием фискальной цели под «маской» обеспечения правопорядка²⁶. Впоследствии такая тенденция была метко названа штрафоманией²⁷.

Первые годы внедрения Советами административной ответственности были сопряжены с постоянным контролем за административными нормотворчеством и юрисдикцией. Работа активизировалась с 1925 г. сразу по четырем направлениям: а) разработка Административного кодекса; б) регулярное принятие и разъяснение положений об издании обязательных постановлений; в) усиление прокурорского надзора²⁸; г) незначительное расширение компетенции народных судов – пока лишь в части бытовых преступлений. Хотя первое направление

трудящегося населения от 25 мая 1920 г., автограф. Цит. по: Декреты Советской власти : в 12 т. Т. VIII. Апрель – май 1920 г. С. 241–243.

¹⁷ См.: Морозов. Суд и жизнь. Как работает народный суд большого района // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 29–30. С. 18.

¹⁸ См.: Н-тин С. Из повседневных заметок судебного работника // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 14–15. С. 17.

¹⁹ Из публичного выступления проф. А. И. Каплунова «Об аномалиях развития отечественной теории административного процесса и административно-процессуального законодательства» на Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы внесудебного и судебного административного процесса», посвященной памяти Н. Г. Салищевой, состоявшейся 3 ноября 2023 г. в Российском государственном университете правосудия (г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

²⁰ Постановление СНК от 13 июля 1920 г. о порядке реквизиции и конфискации благородных металлов, денег и ценностей, медицинского и фармацевтического имущества, об осуществлении права реквизиции и конфискации Народным комиссариатом просвещения, таможенными учреждениями, Военным и Морским ведомствами // Декреты Советской власти. Т. IX. Июнь – июль 1920 г. М., 1978. С. 218–219.

²¹ Постановление СНК о трудовом дезертирстве от 9 мая 1921 г. // Декреты Советской власти. Т. XV. М., 1999. С. 18–19.

²² Декрет ВЦИК и СНК о порядке наложения административных взысканий от 23 июня 1920 г. // Известия ВЦИК. 1921. № 140.

²³ См.: Лейкин О. Рискованное увлечение или административный зуд // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 26. С. 735–736.

²⁴ Дмитриев А. Обязательные постановления и практика административных взысканий мест // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 34. С. 1012–1013.

²⁵ См.: Административный арест // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 10. С. 226.

²⁶ См.: Ананов И. Революционная законность и административная репрессия в деревне // Революционная законность. 1926. № 5–6. С. 20.

²⁷ См., например: Штрафомания // Правда. 1946. 9 июня. С. 3.

²⁸ См.: Циркуляр Наркомюста от 19 марта 1925 г. № 69 «О надзоре за изданием волисполкомами обязательных постановлений» // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 14. С. 383.

было безуспешным из-за противодействия НКЮ и ОГПУ²⁹, но остальные дали эффект.

Отмечалось, что, «учитывая недостаточную подготовленность судебных работников на местах, к вопросу о передаче дел в нарсуды подходили весьма осторожно, и вследствие этого было передано незначительное количество дел». Тем не менее результат был оценен положительно: достигалась воспитательная цель, и укреплялся авторитет суда среди населения³⁰.

Юристы призывали и к более существенно расширению судебных функций. В том числе – об обязательной проверке судами законности применяемых нормативных актов местных органов³¹, передаче полномочий губисполкомов и уисполкомов по наложению административных взысканий судам «как органам, стоящим ближе к населению и лучше им понимаемым»³². Однако во вторую половину двадцатых еще давали о себе знать старые проблемы, связанные с кадрами и организацией работы суда. Передать судам административную юрисдикцию не позволяли также перегруженность судов делами «не весьма большой важности»³³, интересы процессуальной и финансовой экономии. Даже в рамках уголовного процесса, как отмечалось, «государству стоит дороже само взыскание, чем наложенный штраф»³⁴.

30 марта 1931 г. полномочия местных органов были далее упорядочены³⁵. Однако административная юрисдикция по-прежнему была отделена от судопроизводства. Административные

взыскания, как и ранее, не подлежали даже обжалованию в суд.

Однако по мере укрепления судебной системы стали перевешивать и другие факторы. Прежняя законодательная линия в период становления советской власти была ориентирована на оперативность и неотвратимость массового преследования нарушителей. Теперь же всё больше проявлялась важность отделения *юрисдикционной функции от административного преследования и обеспечения надежного процессуального контроля за ним*. Судебная система функционировала в рамках научно обоснованных и проверенных многолетней практикой процессуальных моделей. Она приобрела более тщательно подобранные кадры и не требовала такого плотного административного контроля.

Формирование судебного порядка привлечения к административной ответственности началось с 1937 г. Отправной точкой реформы послужило введение *судебного процессуального* (вместо дополнительного управленческого) контроля за административной юрисдикцией. Сделано это было достаточно жестко – через лишение административных органов полномочий по самостоятельному обращению к исполнению постановлений о наложении штрафов и взысканиях недоимок.

Ввиду неразработанности специальной процессуальной формы гражданское процессуальное право выступило «материнской» процессуальной отраслью для будущего СДОАП. В рамках реформы образовались сразу три гражданско-процессуальных его прототипа.

11 апреля 1937 г. было издано постановление ЦИК и СНК СССР, которое установило, что изъятие имущества колхозов, артелей и граждан для покрытия их недоимок, в том числе по налогам, обязательным поставкам и штрафам, производится только по решению народного суда. Инспектор, прежде чем передать дело на недоимщика в суд, должен был также вручить ему предупреждение³⁶.

В отношении взыскания штрафов некоторое время сохранялась неясность, мог ли суд прове-

²⁹ См.: Бородина Э. Административный Кодекс (по проекту НКВД) // Административный вестник. 1925. № 12. С. 18.

³⁰ См.: Петров В. Своевременно ли новое расширение подсудности нарсудов // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 46. С. 1426.

³¹ См.: Туркин В. Обязательные постановления и суд // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 31. С. 706–707.

³² Агеев А. Административная практика и суд // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 26–27. С. 9.

³³ См.: Баранов Н. Как разгрузить камеры нарсудов // Еженедельник советской юстиции. 1927 № 37. С. 1152.

³⁴ См.: Лузаков Г. Рассмотрение в административном порядке дел о нарушении правил учета военнообязанных // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 38. С. 1191.

³⁵ Об утверждении Положения об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. // СУ РСФСР. 1931. № 17. Ст. 186.

³⁶ Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан : постановление ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г. // СЗ СССР. 1937. № 30. Ст. 120.

рять законность их наложения. Верховный Суд РСФСР первые годы полагал, что функция суда ограничивается лишь формальной проверкой законности требований администрации пределами «чистой кассации»³⁷ и предостерегал суды от расширительного толкования. Но в 1942 г. в таком толковании необходимость отпала, поскольку полномочия суда еще более расширились.

Дополнительным поводом для внедрения судебного контроля послужило несогласие СНК СССР с политикой Совнаркома советской Белоруссии. В результате разногласий 2 августа 1937 г. было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 1261³⁸. Раздел IV был озаглавлен как связанный с отменой «вредительского порядка пользования лесами, установленного для населения Совнаркомом БССР». Пунктом 17 был установлен «впредь порядок, согласно которому наложение штрафов за нарушение установленного порядка лесопользования производится по решению Народного суда, согласно акта, составленного лесной охраной».

Порядок наложения штрафов за лесонарушения был далее конкретизирован и распространен всю страну Инструкцией СНК СССР от 22 декабря 1939 г. (раздел V)³⁹. Такие дела должны были рассматриваться «применительно к закону от 11 апреля 1937 г. с тем, однако, что органы лесоохраны сами никаких штрафов не налагают и никаких предложений о добровольной уплате штрафа не делают. Дела эти должны быть рассмотрены не позднее 5 дней со времени их поступления в суд». В одном производстве и налагался штраф, и разрешался иск, связанный с нарушением порядка лесопользования. Дела рассматривались с участием лесной охраны как свидетелей и лесной администрации в качестве представителей лесхоза. В новом судебном порядке стали проявляться узнаваемые контуры гражданской процессуальной формы.

Отраслевая принадлежность обоих производств (по взысканию штрафов и наказанию

лесонарушителей) окончательно проявилась, когда они были дополнены Инструкцией НКЮ от 12 сентября 1942 г. № 85⁴⁰. Согласно ст. 2–4 Инструкции дела возбуждались по заявлению уполномоченного органа, который именовался взыскателем. Правонарушитель приобрел процессуальный статус ответчика. По делам о взыскании не внесенных в срок штрафов суд проверял законность их наложения. Если постановление признавалось законным, выносилось решение об описи и изъятии имущества, а с ответчика взыскивались судебные издержки (раздел V). В силу раздела VII дела о лесонарушениях возбуждались по заявлению директора лесхоза и акта о лесонарушении. Суд налагал штраф, взыскивал убытки, если они были заявлены суду, и указывал на и изъятие имущества лесонарушителя.

Данной инструкцией было закреплено и третье судебное производство, тоже основанное на постановлении от 11 апреля 1937 г. В его рамках взыскивались недоимки по обязательным поставкам сельхозпродуктов и наложению штрафов (п. «а» ст. 1). Его тоже можно отнести к прототипам будущего СДОАП, хотя и более отдаленным. Если недоимщиком являлся колхоз, с него взыскивался штраф одновременно со взысканием недоимки натурой. Статьи Инструкции, относящиеся ко взысканию недоимок по налогам, сопровождалась ссылками на ст. 113 ГПК РСФСР, допускающей приостановление производства по делу.

Другие закрепленные Инструкцией категории дел о взыскании обязательных платежей (п. «б», «в» ст. 1) не предполагали наложения штрафа, и отношения к будущему СДОАП не имели.

Таким образом, с 1937 г. стал формироваться централизованный и при этом независимый процессуальный контроль за административным преследованием и административной юрисдикцией – через вывод ряда производств за пределы полномочий органов управления. Суды должны были обеспечивать независимую ревизию правомерности административного преследования местными властями. Такая функция была скорее не юрисдикционной, а юстиционной.

⁴⁰ О порядке рассмотрения судами дел о взыскании недоимок по обязательным натуральным поставкам, налогам, обязательному окладному страхованию и не внесенных в срок штрафов : инструкция Народного комиссариата юстиции Союза ССР от 12 сентября 1942 г. № 85.

³⁷ См.: Левин В. Р. К вопросу об административной ответственности // Советское государство и право. 1947. № 6. С. 42.

³⁸ Об оказании помощи колхозному крестьянству Белорусской ССР и о ликвидации последствий вредительства в деле колхозного устройства : постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 2 августа 1937 г. № 1261.

³⁹ Инструкция о порядке привлечения к ответственности лесонарушителей в лесах государственного и местного значения Союза ССР : утв. постановлением СНК СССР от 22 декабря 1939 г. № 2080.

Гражданско-процессуальный порядок разрешения всех трех категорий дел был затем развит и в Инструкции Наркомюста СССР от 1 февраля 1945 г.⁴¹. Она также содержала ссылки на ГПК, процессуальные статусы взыскателя, ответчика и т. д. Взыскание штрафов производилось через выдачу исполнительных листов, срок предъявления которых к исполнению и иные вопросы исполнительного производства регулировались ГПК РСФСР.

На практике такие дела стали рассматриваться судами также в рамках ГПК. Например, дела о взыскании штрафов влились в гражданскую процессуальную форму в виде «дел о выдаче исполнительного листа на взыскание штрафа, наложенного в административном порядке». Суд при этом осуществлял так называемую «косвенную проверку законности административного акта». Если полагал его незаконным, то отказывал в удовлетворении заявления. При этом приводились ссылки на ст. 112 Конституции СССР (судьи независимы и подчиняются только закону), ст. 3 ГПК (суд обязан разрешать дела на основании действующих узаконений...) или ст. 416 УПК РСФСР (нарушением или неправильным применением закона является...)⁴².

Помимо трех «цивилистических» прообразов СДОАП был и четвертый, который нельзя причислить к существовавшим процессуальным формам.

В принятом в предвоенный год Указе Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1940 г.⁴³ была закреплена ответственность за повторные нарушения правил воинского учета в виде штрафа и принудительных работ. При этом она впервые налагалась в судебном порядке. Отраслевая принадлежность такого производства неясна. Иногда отмечается, что Указ вводил уголовную ответственность⁴⁴, свидетель-

ствовал о реформировании уголовного права⁴⁵. Однако данным документом всё же не вносились изменения в УК РСФСР⁴⁶. Характерная для УПК и УК терминология отсутствует. Максимальная санкция за повторное нарушение (по сути – квалифицированный состав), представляла штраф до 400 руб. и принудительные работы до 2 месяцев, что нетипично мягко для уголовного наказания сталинской эпохи. Авторитетный военный юрист В. М. Чхиквадзе, рассматривая эволюцию военно-уголовного законодательства, обстоятельно анализировал его изменения, в том числе за 1940 г.⁴⁷, но об этом указе не сказал ни слова.

Последующая массовая практика уголовного преследования может быть объяснена активизацией именно уголовно-правовой борьбы за нарушения правил воинского учета, тем более – после начала Великой Отечественной войны. Но, по нашему мнению, ссылки на приведенный Указ в контексте эволюции административной ответственности являются разумными.⁴⁸

К остальным трем гражданско-процессуальным прообразам отношение в правовой науке 1940-х гг. было неоднозначным. С одной стороны, подчеркивался их положительный вклад в борьбу с пресловутой «штрафоманией», поскольку народные суды не были подвержены такому пороку. С другой – отмечалось, что подобная тенденция к расширению компетенции суда пока что «заслуживает пристального внимания и глубокого изучения». Более того, вопреки применяемому ГПК, процесс рассмотрения дела именовался процессом не гражданским, а административным⁴⁹.

Однако в 1940-х гг. в юридической доктрине еще не было места для СДОАП. В системе советского права выделялось административное

⁴¹ О порядке рассмотрения судами дел о взыскании недоимок по обязательным натуральным поставкам, налогам, обязательному окладному страхованию, самообложению и не внесенных в срок штрафов : инструкция Наркомюста СССР от 1 февраля 1945 г. № 7 // Сборник приказов и инструкций Министерства юстиции СССР : 1936–1948 гг. М., 1949.

⁴² N.N. Недействительный административный акт // Советское государство и право. 1946. № 5–6. С. 74.

⁴³ Об ответственности за нарушение правил воинского учета : указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1940 г. // Ведомости ВС СССР. 1940. № 28.

⁴⁴ См.: Румянцев В., Страхов Н. Право Украины в годы Второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие (1939–1956) // Право Украины. 2013. № 1.

⁴⁵ См.: Шершенькова В. А. Развитие законодательства о воинских преступлениях в Украинской Советской Социалистической Республике в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Власть закона. 2013. № 1 (13). С. 132.

⁴⁶ В 1940 г. в УК РСФСР вносились изменения четыре раза : указами Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1940 г., 13 декабря 1940 г., а также указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 августа 1940 г. и 16 ноября 1940 г.

⁴⁷ См.: Чхиквадзе В. М. Развитие советского военно-уголовного законодательства за 30 лет // Советское государство и право. 1948. № 3. С. 31–48.

⁴⁸ См.: Гюлумян В. Г. Административная ответственность в ретроспективе и перспективе // Lex russica. 2017. № 7.

⁴⁹ См.: Левин В. Р. Указ. соч. С. 39, 41.

право, регулирующее вопросы государственно-управления, а также судебное право⁵⁰. Лишь в некоторых научных определениях обязательных постановлений имелась ссылка на возможность наложения за их несоблюдение ответственности «в административном или в надлежащих случаях в судебном порядке»⁵¹.

Существенных изменений не произошло и в первую половину 1950-х гг. Даже в целом производство по делам об административных правонарушениях не осмыслялось как правовое явление. Среди же процессуальных отраслей выделялись лишь гражданское и уголовное процессуальное право. При этом осуществление правосудия вообще относилось к государственно-управлению⁵².

Вмешательство же суда в административную юрисдикцию осуществлялось в достаточной мере в рамках ГПК. Судебная практика здесь прочно вошла в «колею» гражданского процесса, даже по таким, явно не характерным для него делам, как привлечение к административной ответственности за лесонарушения.

Указанные дела возбуждались по исковым заявлениям. Судами использовались формулировки «в иске отказать», «иск удовлетворить». То же касалось появившихся позднее дел о незаконном сенокосении, где ущерб не взыскивался, а лишь налагался штраф, согласно судебной практике БССР⁵³. В других союзных республиках (Украинской, Литовской ССР и др.) такие дела также являлись гражданскими. Судам высказывались замечания, что они не проверяют в нарушение ст. 80 ГПК, соответствует ли акт о лесонарушении требованиям инструкции 1939 г., а также взыскивают в пользу лесхоза общие суммы, без разграничения сумм ущерба и штрафа⁵⁴.

Словом, оба требования считались относящимися к одному и тому же иску, как долг и неустойка. Указывалось со ссылкой на руководящее разъяснение, что суды должны привлекать должностных лиц, разрешивших самовольная рубка, «в качестве соответчиков»⁵⁵.

В середине 1950-х гг. ситуация не поменялась. Штраф за лесонарушения также взыскивался вместе с удовлетворением иска о возмещении ущерба со ссылкой на ГК, хотя и отмечалось, что порядок рассмотрения дел всё же вызывает сложности⁵⁶.

Во второй половине 1950-х гг. как в судебной практике⁵⁷, так и в науке⁵⁸ дела о лесонарушениях и взыскании административных штрафов были отнесены к гражданским делам особого производства.

Дела о взыскании недоимок по обязательным поставкам сельхозпродуктов и наложении за них штрафа также рассматривались по ГПК. Суды нередко забывали налагать штраф, видимо, считая это требование второстепенной гражданско-правовой санкцией. За такую забывчивость они подвергались критике, как и за попытки прямого освобождения ответчиков от штрафа⁵⁹. Указывалось, что народные судьи «считают эти дела незначительными, в силу чего умаляются политическая острота и народнохозяйственное значение борьбы с несвоевременной поставкой сельскохозяйственных продуктов»⁶⁰.

В рубрике «в помощь народному судье» было отмечено, что «задача суда при рассмотрении дел этой категории заключается в проверке законности привлечения колхоза к обязательной поставке и наличия недоимки»⁶¹. Словом, функ-

⁵⁵ См.: Барышев А. Указ. соч. С. 25,27.

⁵⁶ См.: Полянская Г. Н. Правовая охрана лесов СССР // Советское государство и право. 1955. № 7.

⁵⁷ См.: Кочерещенко И. Судебный порядок рассмотрения дел особого производства // Социалистическая законность. 1957. № 9.

⁵⁸ См.: Гурвич М. Особые производства в гражданском процессе // Социалистическая законность. 1958. № 8.

⁵⁹ См.: Судебное рассмотрение дел о взыскании недоимок по поставкам продуктов животноводства государству // Социалистическая законность. 1951. № 3. С. 60.

⁶⁰ Власов В., Рубинштейн Э. Ошибки судебной практики по делам о взыскании недоимок по сельскохозяйственным поставкам // Социалистическая законность. 1951. № 8. С. 81–82.

⁶¹ Судебное рассмотрение дел о взыскании недоимок по поставкам продуктов животноводства государству // Социалистическая законность. 1951. № 3. С. 54–55.

⁵⁰ См.: Кечекьян С. Ф. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 49–50.

⁵¹ Волков Н. А. Обязательное постановление // Советское государство и право. 1948. № 12 ; Студеникин С. С. Советское административное право. М., 1945. С. 69.

⁵² См.: Советское государственное право. М., 1948. С. 298 ; Ямпольская Ц. А. О месте административного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 95.

⁵³ См.: Шарафанович П. Усилить борьбу за охрану лесов // Социалистическая законность. 1951. № 9. С. 50–53.

⁵⁴ См.: Барышев А. Судебная практика по гражданским делам о лесонарушениях // Социалистическая законность. 1952. № 7. С. 24–28.

цией суда здесь считалась защита субъективных прав хозяйствующих субъектов путем проверки законности требований Министерства заготовок. Такое понимание роли суда свойственно именно для гражданского процесса.

Как следствие, работа с местными органами в середине прошлого столетия нормализовалась, судебный контроль здесь сыграл первостепенную роль. Уже не требовалось инициировать новые рычаги борьбы с тем явлением, которое в 1920-х гг. именовалось «административным злом». Высказывались, конечно, замечания в отношении вольного подхода к нормотворчеству некоторых исполкомов, например – попытки установить административную ответственность родителей за каждый день пропуска ребенком школы⁶². Не оставались без внимания административные ошибки и общесоюзных органов. Так, вместо министра рыбной промышленности СССР обязательное постановление было издано начальником главного управления, и при этом не опубликовано⁶³. Но в основном совместная работа центральных и местных органов признавалась конструктивной и направленной на укрепление законности⁶⁴.

Поэтому прежний политический потенциал для возникновения новой судебной процессуальной формы ослаб. Для подобного прорыва должны были, говоря метафорически, сойтись другие звезды и в другой точке политического небосклона. Ими оказались новые факторы: а) укрепление судебной системы; б) XX съезд КПСС с лозунгами Н. С. Хрущева об отходе сталинского наследия; в) разгул хулиганства как массовой правонарушаемости в Советском Союзе, на борьбу с которым и были сориентированы народные суды и партия.

А. В начале 1950-х гг. судебная система заметно укрепилась. Регулярно издаются научно-практические публикации с положитель-

ным освещением работы народных судей⁶⁵, хотя и освещаются отдельные недостатки⁶⁶. Подчеркиваются связь судей с населением, отзывчивость на жалобы и необычная для наших дней практика обращения граждан к судье по бытовым вопросам⁶⁷.

Народные судьи регулярно отчитываются перед избирателями, проводят занятия с народными заседателями⁶⁸. Судьи регулярно публикуются в юридической периодике⁶⁹, делятся своей практикой⁷⁰, опытом разъяснительной и пропагандистской работы⁷¹, в том числе бесед с населением на темы нравственности⁷². Положительно освещается эффективность направляемых народными судами частных определений⁷³.

⁶⁵ См.: Карпик В. Лучший народный судья Молодечненской области // Социалистическая законность. 1950. № 2. С. 48–49; Туманов В. Народный судья Е. И. Суворова // Там же. 1950. № 3. С. 35–36.

⁶⁶ См.: Стениловский А. Как выполняются методические указания по проведению ревизий народных судов // Социалистическая законность. 1950. № 3. С. 40–43.

⁶⁷ См.: Туманов В. Народный судья Е. И. Суворова // Социалистическая законность. 1950. № 3. С. 35; Протасов А. Народный судья И. П. Васенин // Там же. № 5. С. 45–46; Бируля С. Оправдывающие доверие народа // Там же. № 6. С. 73–74; Кочайцев И. Образцовая работа народного судьи А. П. Аганесовой // Там же. № 11. С. 63–66; Игитов И. Слуга народа // Там же. № 12. С. 62–63; Байнаев Х., Аниязи М. Лучшие народные судьи Туркменской ССР // Там же. 1951. № 12. С. 61–65; Куликов А. Лучшие народные судьи Ульяновской области // Там же. 1955. № 3. С. 68.

⁶⁸ См.: Козлов В. Народные судьи отчитываются перед избирателями // Социалистическая законность. 1950. № 6. С. 69–71; Каменский Ф. Народный судья отчитывается перед избирателями // Там же. № 5. С. 67–69; Ф.К. Народный судья отчитывается перед избирателями // Там же. № 9. С. 53–55; Юдин А. народные судьи отчитываются перед избирателями // Там же. 1955. № 3. С. 69.

⁶⁹ См.: Степанова О. Участие в печати – почетная обязанность народных судей // Социалистическая законность. 1951. № 11. С. 79.

⁷⁰ См.: Кизякова М. На посту народного судьи // Социалистическая законность. 1950. № 8. С. 62–63; Дмитриев А. Лучшие народные судьи делятся опытом своей работы // Там же. № 1. С. 34–35; Сачиян Р. Как я рассматриваю дела о преступлениях несовершеннолетних // Там же. 1952. № 9. С. 63–65.

⁷¹ См.: Кондратьева Т. На посту народного судьи // Социалистическая законность. 1950. № 10. С. 63.

⁷² См.: Буренина. Народный суд в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей // Социалистическая законность. 1950. № 3. С. 44.

⁷³ См.: Хорхорин А. Действенная роль частных определений советского суда // Социалистическая законность. 1950. № 4. С. 39–43.

⁶² См.: Мишутин А. Н., Каленов Ю. А. Всемерно укреплять социалистическую законность и улучшать прокурорский надзор за точным исполнением законов // Советское государство и право. 1955. № 3. С. 35.

⁶³ См.: Из практики Прокуратуры СССР по надзору за соблюдением законности // Социалистическая законность. 1951. № 6. С. 88.

⁶⁴ См.: Сапаралиев М. С., Ким В. А. Местные органы власти в борьбе за укрепление социалистической законности в деревне (по материалам некоторых сельских и аульных Советов Казахской ССР) // Советское государство и право. 1954. № 5. С. 102–107.

Судебная практика обобщается как органами юстиции⁷⁴, так и судьями⁷⁵. Проводятся социалистические соревнования судебных исполнителей, выделяются лучшие из них⁷⁶.

Работа с кадрами судебной системы также значительно улучшилась. Введена практика так называемой индивидуальной работы с народными судьями, когда к ним «прикреплялся» откомандированный член областного суда и оказывал практическую помощь. Проводятся «кустовые совещания» с народными судьями соседних районов⁷⁷, для них также организуется стажировка в вышестоящих судах⁷⁸. Проводятся республиканские совещания народных судей⁷⁹.

Немаловажно, что в качестве образцового подхода к рассмотрению дел отмечается оценка обстоятельств дела «политически и с точки зрения защиты государственных интересов»⁸⁰. Стало быть, судебная система была отзывчива на политику Советской власти не менее, чем административные органы, и с политических позиций могла считаться вполне созревшей для того, чтобы ей были доверены принципиально новые и важные категории дел.

Б. Провозглашенные в отношении суда на XX съезде КПСС лозунги по существу были не новыми, а указывали на возвращение к истокам. Так, институт народного суда был учрежден Декретом № 1 о суде на базе такого прообраза, как революционные суды. Они создавались трудящимися массами во время революции под раз-

⁷⁴ См., например: Новикова А. Опыт работы по обобщению судебной практики // Социалистическая законность. 1951. № 9. С. 56–57; Стениловский А. Изучение и обобщение судебной практики // Там же. № 7. С. 54–58.

⁷⁵ См.: Саченко А. Что дает обобщение судебной практики // Социалистическая законность. 1955. № 2. С. 68–69.

⁷⁶ См.: Комлев А. Социалистическое соревнование судебных исполнителей Горьковской области // Социалистическая законность. 1950. № 10. С. 62–63; Воронкин В. Лучший судебный исполнитель Новосибирской области // Там же. № 10. С. 63–64; Кочайцев И. Примерный судебный исполнитель // Там же. 1951. № 10. С. 69.

⁷⁷ См., например, статью члена Мосгорсуда: Анохин К. О работе с народными судьями // Социалистическая законность. 1950. № 5. С. 42–43.

⁷⁸ См.: Туманов В. Производственная практика народных судей требует серьезного внимания // Социалистическая законность. 1950. № 9. С. 56–57.

⁷⁹ См., например: Н. Р. Республиканское совещание и семинар народных судей Узбекской ССР // Социалистическая законность. 1955. № 4. С. 73–75.

⁸⁰ Копыловская М., Хвесина Т. Один из лучших // Социалистическая законность. 1950. № 1. С. 36–37.

личными наименованиями: местные, народные суды, суды совести и др. Согласно Декрету, местные народные судьи также должны были избираться путем прямых демократических выборов, а до них временно избирались местными Советами⁸¹. Советский суд позиционировался властями именно как форма участия народа в управлении делами государства.

После смерти И. В. Сталина был взят курс на возвращение народному суду, который использовался прежним режимом для репрессивной роли и утратил доверие населения, своей изначальной функции.

XX съезд КПСС состоялся с 14 по 25 февраля 1956 г. Он наиболее известен осуждением культа личности, связанного с идеологическим наследием Сталина. Вместе с тем на съезде Н. С. Хрущев озвучил и обновленную линию партии в отношении обеспечения общественного порядка. Упомянув, что «встречаются лица, которые не участвуют в производительном труде, злостно нарушающая правила социалистического общежития», генсек отметил: «Без участия самих масс, одними только административными мерами с подобными уродливыми проявлениями покончить невозможно. Здесь большая роль принадлежит общественности. Надо создать такую обстановку, чтобы люди, нарушающие нормы поведения, принципы советской морали, чувствовали осуждение своих поступков всем обществом»⁸². Другими словами, Н. С. Хрущев обозначил курс на изменение ориентиров в административной юрисдикции. Интересы публичной власти, озадаченной вопросами текущего государственного управления, как основной ориентир для административного преследования, должны были отступить на второй план. Административные проступки из нарушений исключительно управленческих, за которые человек в глазах сограждан подвергался репрессиям со стороны людей в погонах, теперь должны были приобрести окраску антиобщественных, аморальных действий. В связи с политической необходимостью укрепления доверия народа к власти и была введена судебная административная юрисдикция – как осуществ-

⁸¹ См.: Мишунин П. Г. К истории декрета № 1 о суде // Советское государство и право. 1952. № 1. С. 34, 35.

⁸² Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду Партии. Цит. по: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14–25 февраля 1956 г. стенографический отчет : в 2 томах. М., 1956. Т. I. С. 95.

вляющаяся не от имени публичной власти, а *от имени народа*. И судебное рассмотрение дел об административных правонарушениях должно было формироваться как своеобразная *процессуальная форма народной оценки осуществляемого публичной властью административного преследования*.

Ссылки государственных деятелей на указания И. В. Сталина вновь сменились на цитаты из трудов В. И. Ленина. Бывший Прокурор РСФСР, а затем Председатель Верховного Суда СССР И. Т. Голяков ранее цитировал позицию И. В. Сталина от 1920 г. о важности комплектования судебных кадров по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения⁸³. В начале хрущевской «оттепели» государственный деятель возвратился к ссылкам на В. И. Ленина, подчеркивавшего не столько близость суда к населению, сколько непосредственное управление гражданами делами государства посредством отправления правосудия: «Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и управлении страной». В связи с этим И. Т. Голяков заявил: «Важнейшую роль в осуществлении задач диктатуры пролетариата должны играть суды, построенные по принципу широкого вовлечения самих трудящихся масс в управление государством...»⁸⁴.

Еще молодой в то время Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко после XX съезда заявил: «Одной из наиболее важных задач дальнейшего укрепления социалистической законности является быстрейшая ликвидация последствий вредительства Берия и его банды. В результате принятых партией мер социалистическое правосудие совершается ныне в атмосфере законности, в обстановке строгого соблюдения процессуальных и материальных норм и гарантий, предоставленных законом гражданам Советского государства»⁸⁵.

В. Укрепление суда и переосмысление административной юрисдикции должны были спроецироваться на конкретной наболевшей категории дел.

⁸³ См.: Голяков И. Т. Сталинская конституция и правосудие // Советское государство и право. 1951. № 12. С. 35.

⁸⁴ Голяков И. Т. Правосудие в советском социалистическом государстве // Советское государство и право. 1954. № 8. С. 16.

⁸⁵ Руденко Р. А. Задачи дальнейшего укрепления соц. законности // Советское государство и право. 1956. № 3. С. 17.

С 1920-х гг., когда страна находилась в разлуке после гражданской войны, повсеместно наблюдался невероятный разгул хулиганства⁸⁶. Уголовно-правовая борьба с ним осложнялась конкуренцией составов и неясностью диспозиции ст. 176 УК. Отдельные хулиганские действия наказывались в административном порядке в соответствии с обязательными постановлениями местных органов⁸⁷. Те же действия могли получить и квалификацию по ст. 176 УК РСФСР 1922 г. Однако ее формулировки были слишком абстрактными: «Статья уклонялась от указания признаков хулиганственности деяния или его озорного характера, представляя и здесь решение вопроса усмотрению судьи»⁸⁸.

10 августа 1940 г. издается Указ Президиума Верховного Совета СССР, усиливающий уголовную ответственность за хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях – до тюремного заключения до года⁸⁹. Однако суровость наказания не дает должного эффекта, поскольку разграничение уголовной и административной наказуемости хулиганства не осуществляется. В то же время сфера регулирования обязательных постановлений расширяется, выходя за пределы предмета уголовного права, что могло бы стать ориентиром для устранения конкуренции составов. Так, в 1944 г. председатель исполкома Моссовета по запросу городского совета о принятии мер к прекращению подросткового хулиганства издал обязательное постановление о правилах поведения детей на улицах столицы и об ответственности родителей за хулиганские поступки детей⁹⁰.

Более основательно проблема хулиганства начинает прорабатываться с 1952 г. Отмечается необходимость усиления прокурорского надзо-

⁸⁶ См., например: Лаговьер Н. Прокуратура и административные взыскания // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 33. С. 1022.

⁸⁷ См., например: Л. Н. Надзор за административными взысканиями // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 42–43. С. 1122.

⁸⁸ Мокринский С. Озорство и хулиганство (окончание) // Ежедневник советской юстиции. 1924. № 38. С. 899.

⁸⁹ Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство : указ Президиума ВС СССР от 10 августа 1940 г. : Ведомости ВС СССР. 1940. № 28.

⁹⁰ См.: Коток В. Ф. Сессионный порядок работы местных органов в военное время // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 18.

ра, недопущения волокиты и запоздалого возбуждения уголовных дел. С легкой руки советской пропаганды такая преступность рассматривается как «позорный пережиток капиталистических отношений»⁹¹. С этого года высказываются и призывы к изданию руководящих указаний Верховным Судом СССР, в том числе в части разграничения хулиганских действий с иными уголовно наказуемыми составами⁹².

Складывается впечатление, что к 1955 г. дела о хулиганстве представляют собой одну из наиболее сложных категорий дел. Вновь отмечается важность борьбы «против всего, что уродует быт и нравы советского человека, нарушает правила социалистического общежития». Подчеркивается важность разграничения хулиганства и преступлений против личности⁹³. Прокуратурой и областными судами критикуются народные суды за факты волокиты⁹⁴.

Однако основная проблема лежала глубже. В условиях, с одной стороны, разгула хулиганской преступности, с другой стороны – правовой неопределенности, правоприменительная практика шла по пути «наименьшего сопротивления». В связи с этим небезосновательно заявлялось, что органы милиции, суда и прокуратуры еще не обеспечивают в полной мере беспощадной борьбы с хулиганством, вопреки Указу от 10 августа 1940 г., подчеркивавшему необходимость решительной борьбы с ним⁹⁵.

Милиция предпочитала упрощенный порядок привлечения к административной ответственности за нарушение обязательных постановлений, в сравнении со сложностями оформления материалов уголовного дела для суда. «Вместо того, чтобы привлечь хулиганов к уголовной ответственности, органы милиции иногда ограничиваются наложением на них штрафов в административном порядке. Матвиенко

за избивание нескольких граждан был только оштрафован Чугуевским отделением милиции Харьковской области. Дело о взыскании штрафа было направлено в народный суд 1-го участка г. Чугуева, который, вместо того, чтобы послать материалы следственным органам для привлечения хулигана к судебной ответственности, прекратил дело в связи с уплатой штрафа», – писал ревизор Минюста УССР⁹⁶.

В свою очередь суды также проявляли осторожность при назначении уголовного наказания⁹⁷. Они не только смягчали наказания, но и переходили на неквалифицированный состав ч. 1 ст. 74 УК РСФСР 1926 г.⁹⁸ Наш регион, к сожалению, также оказался не на хорошем счету. Прокуратурой СССР официально было заявлено, что в Карело-Финской ССР слабо борются с хулиганством. «Работники милиции слишком снисходительны к нарушителям, в ряде случаев вместо того, чтобы возбудить уголовное преследование, хулиганов привлекают к административной ответственности». Был высказан упрек в адрес Верховного Суда К-ФСР, которому предлагалось «изменить свое отношение к делам о хулиганстве, не допускать неосновательного снижения наказания злостным нарушителям порядка»⁹⁹.

В результате 19 декабря 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об ответственности за мелкое хулиганство»¹⁰⁰. Он не решил всех проблем, но дал более надежную почву для правоприменителя. Во-первых, он обеспечил хулиганским действиям более простую и универсальную квалификацию, по принципу: «хулиганство является мелким и влечет ответственность согласно указу, если оно не будет однозначно квалифицировано как уголовно наказуемое». Во-вторых, была ликвидиро-

⁹⁶ См.: *Артышков В.* Борьба с хулиганством // Социалистическая законность. 1956. № 5. С. 66.

⁹⁷ См.: *Радонцев А.* Покончить со снисходительным отношением к хулиганам // Социалистическая законность. 1955. № 9. С. 53.

⁹⁸ См.: *Сапожников И.* Усилить борьбу с хулиганством // Социалистическая законность. 1955. № 12. С. 14–17.

⁹⁹ *Безуглов А., Лай П.* В Карело-Финской ССР плохо борются с хулиганством // Социалистическая законность. 1956. № 1. С. 68–70 (авторы статьи в данный период работали в Прокуратуре СССР).

¹⁰⁰ Об ответственности за мелкое хулиганство : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 декабря 1956 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 5. 1954–1956 гг. М., 1959. Ст. 103.

⁹¹ *Кудрин Ф.* Решительно усилить борьбу с хулиганством // Социалистическая законность. 1952. № 10. С. 30–34.

⁹² См.: *Габлин.* Усилить борьбу с хулиганством // Социалистическая законность. 1952. № 8. С. 36–38.

⁹³ См.: *Гурвич Я.* Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву // Социалистическая законность. 1955. № 5. С. 30–34.

⁹⁴ См.: *Суконников И.* Безответственное отношение к расследованию и рассмотрению в суде дел о хулиганстве // Социалистическая законность. 1955. № 9. С. 52.

⁹⁵ *Чернявский К., Клейнер Б.* Усилить борьбу с хулиганством // Социалистическая законность. 1952. № 4. С. 36, 38.

вана проблема подведомственности, поскольку даже дела о мелком хулиганстве должны были рассматриваться судом.

Итак, мелкое хулиганство теперь было прямо отграничено от уголовно наказуемых деяний. Оно влекло арест от 3 до 15 суток, «если эти действия по своему характеру не влекут наказания, предусмотренного ст. 74 Уголовного кодекса РСФСР». В современной науке справедливо отмечается, что указанным документом был ликвидирован перекосяк в правовых регламентациях¹⁰¹.

В части процессуального порядка мы здесь встречаемся с первой, хотя и крайне упрощенной процессуальной формой СДОАП. Согласно ст. 2, «материалы о мелком хулиганстве рассматриваются народным судьей единолично в течение суток по поступлении их в суд из органов милиции с вызовом лица, совершившего хулиганский проступок, и в необходимых случаях свидетелей. Постановление народного судьи об аресте за мелкое хулиганство приводится в исполнение немедленно и обжалованию не подлежит». Принятым в тот же день постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР с таким же названием было установлено, что применение ареста за мелкое хулиганство «является мерой административного воздействия»¹⁰².

Использование конструкции «мера административного воздействия» вместо «меры административного взыскания» не искажает смысловую нагрузку. Речь здесь идет именно про административную ответственность, а не меры превентивного или пресекающего характера.

Еще через четыре года этот процессуальный порядок дополнился институтом судебного взыскания расходов, связанных с исполнением постановления. В случае уклонения арестованного от физических работ с него по постановлению народного судьи стала взыскиваться стоимость питания за время нахождения под арестом¹⁰³.

¹⁰¹ Колоколов Н. А. Хулиганство : генезис, эволюция и современное состояние состава преступления. Статья 1. История развития правового регулирования уголовной ответственности за хулиганство в России // Мировой судья. 2014. № 2.

¹⁰² Об ответственности за мелкое хулиганство : постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 декабря 1956 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 5. 1954–1956 гг. М., 1959. Ст. 104.

¹⁰³ См.: О дополнении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 декабря 1956 г. «Об ответственно-

Указ от 19 декабря 1956 г. был внедрен в судебную практику не без сложностей. Первое время судебная система, привыкшая «вращаться» внутри привычных двух процессуальных форм (гражданской и уголовной), не могла воспринять установленный Указом процессуальный порядок как принципиально новый. Через два дня после принятия Указа зам. Председателя Верховного Суда РСФСР тов. Архангельский высказал мнение, что данный акт упростил рассмотрение уголовных дел о хулиганстве, и теперь приговор должен выноситься в течение суток и не будет подлежать обжалованию¹⁰⁴. Народные судьи применяли к нарушителям условное осуждение или разбирали материалы в соответствии с УПК РСФСР. Фигурантам предоставляли последнее слово и при этом именовали обвиняемыми, подсудимыми, осужденными. Приводится пример, когда народный судья арестовала гражданина за мелкое хулиганство на трое суток «с испытательным сроком на один год»¹⁰⁵.

Но, даже выйдя за пределы уголовно-процессуальной формы, судьи первое время, как кажется, не осознали природу и цель нового судебного порядка. Формировалась практика применения к виновным максимальной меры наказания – 15 суток ареста¹⁰⁶, как будто с приближением ее к уголовному наказанию.

Однако уже в течение первого года применения данный документ подвергается правильному анализу. Созданная им процессуальная модель отграничивается от уголовно-процессуальной формы. В апреле 1957 г. опубликована статья народного судьи г. Москвы, который, несмотря на незначительный срок применения Указа, обратил внимание, что предусмотренный им арест – мера административного, а не судебного воздействия, по данному указу наказываются хулиганские проступки, которые не могут быть квалифицированы как уголовные преступления. Критикуется мнение о закреплении

сти за мелкое хулиганство» : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 апреля 1961 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1961. № 16. Ст. 246.

¹⁰⁴ См.: Кирина В. Против неправильного понимания указа об ответственности за мелкое хулиганство // Социалистическая законность. 1957. № 4. С. 23–24.

¹⁰⁵ См.: Вайсман Е. Решительно бороться с мелким хулиганством // Социалистическая законность. 1957. № 8. С. 57.

¹⁰⁶ См.: Сапожников И., Козак Л. Практика применения указа об ответственности за мелкое хулиганство // Социалистическая законность. 1957. № 3. С. 22–23.

указом мере воздействия как упрощенном виде уголовного наказания¹⁰⁷. В том же ключе практика применения Указа обсуждается и органами юстиции¹⁰⁸.

Под конец года новая процессуальная модель была по существу признана и наукой. Кандидатами юридических наук Г. Мендельсоном и Ю. Ткачевским был сформулирован вывод, что уголовно-наказуемое и мелкое хулиганство нельзя смешивать, это два различных вида ответственности. Обращая внимание на ошибки, когда мелкое хулиганство признавалось преступлением, они позитивно оценили практику, когда судьи, усмотрев в содеянном признаки ст. 74 УК, отказывали в привлечении к административной ответственности и возбуждали уголовное дело¹⁰⁹.

Практика применения Указа была отмечена положительно, поскольку наблюдалось сокращение правонарушаемости в данной сфере¹¹⁰. Конечно, проблемы его применения на этом не были исчерпаны. Поднимались вопросы о наличии права у прокурора опротестовать постановление¹¹¹, полномочиях судьи вызывать свидетелей, брать объяснения у привлекаемого¹¹² и др. Но эти вопросы уже были конструктивны и касались новой признанной процессуальной формы.

Закрепленная Указом процессуальная модель произвела существенный резонанс в науке и законотворчестве.

Во-первых, в этот период суды по-прежнему рассматривали в порядке ГПК в качестве дел особого производства приведенные выше категории дел. Вместе с тем, предназначение судебного вмешательства в публично-правовые отношения подвергается переосмыслению.

Высказываются призывы к сохранению и расширению судебной компетенции в отношении дел из публичных правоотношений. В литературе заявляется о необходимости распространения судебного порядка взыскания штрафов. Один из авторов, обращая внимание на излишнюю формализацию гражданско-процессуального порядка взыскания недоимок, предла-

гает все же сохранить у суда такие полномочия, поскольку суд является независимым и коллективным органом, а «недоимщик противостоит представителю административных органов в качестве равноправной стороны»¹¹³.

Призывы к расширению судебной компетенции сочетаются и с мнениями об ограничении административного порядка наложения штрафов. Сотрудник прокуратуры, высказывая такую позицию, отмечает: «нельзя не посочувствовать директору одного из предприятий нашей области, заявившему на собрании партийного актива, что он не может назвать орган управления, который не имел бы права применить в отношении его как руководителя штрафные санкции»¹¹⁴.

В то же время предлагается сосредоточить судопроизводство лишь на спорных делах и при этом отойти от гражданской процессуальной формы, сформировав другой судебный порядок. Высказывается мнение о необходимости установить административный порядок взыскания недоимок, предоставив недоимщикам право оспорить в суде незаконное взыскание, поскольку в большинстве дел недоимки являются бесспорными¹¹⁵. В другом источнике критикуется гражданско-процессуальный порядок взыскания с граждан недоимок, рассмотрения дел о лесонарушениях и взыскания административных штрафов, наложенных в административном порядке. Автор ставит вопрос: «Есть ли здесь спор о праве гражданском между органом, возбуждившим дело, и гражданином, обязанным к исполнению наложенного на него обязательства?»¹¹⁶.

Во-вторых, Указ от 19 декабря 1956 г., положивший начало новому виду судебного процесса, не оказался единственным в своем роде. Начинают приниматься другие законы, предусматривающие аналогичные процессуальные модели для назначения административных наказаний. Пока эти модели остаются разрозненными и не унифицируются.

¹¹³ Пискотин М. Порядок взыскания недоимок с хозяйств граждан // Социалистическая законность. 1957. № 8. С. 11–13.

¹¹⁴ Агуреев М., Яфаркин А. Об административных штрафах // Социалистическая законность. 1957. № 8. С. 9–10.

¹¹⁵ См.: Гришин. Пересмотреть действующий порядок взыскания недоимок по налогам // Социалистическая законность. 1955. № 6. С. 57–58.

¹¹⁶ Кочерещенко И. Судебный порядок рассмотрения дел особого производства // Социалистическая законность. 1957. № 9. С. 66–67.

¹⁰⁷ См.: Кирина В. Указ. соч. С. 23–24.

¹⁰⁸ См.: Вайсман Е. Указ. соч. С. 57.

¹⁰⁹ См.: Мендельсон Г., Ткачевский Ю. Ответственность за мелкое хулиганство // Социалистическая законность. 1957. № 11. С. 56–57.

¹¹⁰ См.: Сапожников И., Козак Л. Указ. соч. С. 20–23.

¹¹¹ См.: Вайсман Е. Указ. соч. С. 57.

¹¹² См.: Сапожников И., Козак Л. Указ. соч. С. 22–23.

12 декабря 1957 г. принимается Указ «Об ответственности за мелкую спекуляцию». Он предусматривает за такие, типичные для существовавшего общественного строя нарушения арест от 3 до 15 суток или штраф до 500 руб. с конфискацией предметов спекуляции¹¹⁷. Устанавливается аналогичное правило о рассмотрении материалов народным судьей в течение 3 суток с вызовом лица, совершившего спекуляцию, и в необходимых случаях свидетелей¹¹⁸. Указом от 07.04.1960 устанавливается ответственность за незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств. Оно содержит аналогичные нормы¹¹⁹.

Как видим, отечественное СДОАП как самостоятельная, пусть и несовершенная, процессуальная форма, зародилось значительно раньше административного судопроизводства, которое сегодня урегулировано КАС РФ. Судебные дела о применении иных мер административного принуждения и о разрешении административных споров лишь в 2015 г. обзавелись собственной процессуальной моделью. А до этого времени рассматривались по ГПК РСФСР и ГПК РФ, хотя еще более полувека назад были отмечены несвойственность и неудобство для них гражданской процессуальной формы.

Но наиболее важно другое. СДОАП возникло в 1956 г. не как ответвление от несудебной административной юрисдикции или ее продолжение. В рамках последней выражается начало юрисдикционное, когда государство как публичная власть, оценивает на предмет соответствия праву как собственной воле поступок привлекаемого. За неповиновение власть привлекает к ответственности, преследуя управленческие интересы¹²⁰. В СДОАП же воплотилось начало юстиционное. Судопроизводство, свободное от

интересов управления, явилось процессуальной формой народной ревизии осуществляемого публичной властью административного преследования. Народный судья должен был смотреть на волеизъявление правоохранительной структуры «в проекции», а не продолжая его. В рамках СДОАП государство в лице суда должно действовать не как публичная власть, а как представитель *социума* в целом. Суд должен переоценивать поступок привлекаемого более широким, панорамным взглядом, чем силовая структура, и исходить не только из веления закона, но и общепризнанных социальных норм. По крайней мере, такова история появления этого института. В связи с этим хотелось бы поддержать позицию Юрия Николаевича Старилова и высказать мнение о важности осмысления ПДОАП в СОЮ не как юрисдикции, а как формы судебной административной *юстиции*.

Библиографический список

- Агеев А. Административная практика и суд // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 26–27.
- Агуреев М., Яфаркин А. Об административных штрафах // Социалистическая законность. 1957. № 8.
- Административно-процессуальное право : учебник / под ред. А. И. Каплунова. СПб. : Изд. С.-Петербург. ун-та МВД России, 2015.
- Административный арест // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 10.
- Ананов И. Революционная законность и административная репрессия в деревне // Революционная законность. 1926. № 5–6.
- Анохин К. О работе с народными судьями // Социалистическая законность. 1950. № 5.
- Артышков В. Борьба с хулиганством // Социалистическая законность. 1956. № 5.
- Байнаев Х., Аниязи М. Лучшие народные судьи Туркменской ССР // Социалистическая законность. 1951. № 12.
- Баранов Н. Как разгрузить камеры нарсудов // Еженедельник советской юстиции. 1927 № 37.
- Барышев А. Судебная практика по гражданским делам о лесонарушениях // Социалистическая законность. 1952. № 7.
- Безуглов А., Лай П. В Карело-Финской ССР плохо борются с хулиганством // Социалистическая законность. 1956. № 1.
- Бируля С. Оправдывающее доверие народа // Социалистическая законность. 1950. № 6.
- Бородина Э. Административный Кодекс (по проекту НКВД) // Административный вестник. 1925. № 12.

¹¹⁷ Об ответственности за мелкую спекуляцию : указ Президиума ВС РСФСР от 12 сентября 1957 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1957. № 1. Ст. 5.

¹¹⁸ См., например: Статьи 346, 349, 357, 365, 418, 419, 420 и др. УПК РСФСР, утв. постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106 (в ред. от 31.01.1958).

¹¹⁹ Об ответственности за незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств : указ Президиума ВС РСФСР от 7 апреля 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 13. Ст. 177.

¹²⁰ См., также: Щепалов С. В. Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административно-юрисдикционной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 3. С. 297–312.

- Буренина.* Народный суд в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей // Социалистическая законность. 1950. № 3.
- Вайсман Е.* Решительно бороться с мелким хулиганством // Социалистическая законность. 1957. № 8.
- Власов В., Рубинштейн Э.* Ошибки судебной практики по делам о взыскании недоимок по сельскохозяйственным поставкам // Социалистическая законность. 1951. № 8.
- Волков Н. А.* Обязательное постановление // Советское государство и право. 1948. № 12.
- Воронкин В.* Лучший судебный исполнитель Новосибирской области // Социалистическая законность. 1950. № 10.
- Габлин.* Усилить борьбу с хулиганством // Социалистическая законность. 1952. № 8.
- Голяков И. Т.* Правосудие в советском социалистическом государстве // Советское государство и право. 1954. № 8.
- Голяков И. Т.* Сталинская конституция и правосудие // Советское государство и право. 1951. № 12.
- Гришин.* Пересмотреть действующий порядок взыскания недоимок по налогам // Социалистическая законность. 1955. № 6.
- Гурвич М.* Особые производства в гражданском процессе // Социалистическая законность. 1958. № 8.
- Гурвич Я.* Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву // Социалистическая законность. 1955. № 5.
- Гюлумян В. Г.* Административная ответственность в ретроспективе и перспективе // Lex russica. 2017. № 7.
- Дмитриев А.* Лучшие народные судьи делятся опытом своей работы // Социалистическая законность. 1950. № 1.
- Дмитриев А.* Обязательные постановления и практика административных взысканий мест // Ежедневник советской юстиции. 1926. № 34.
- Игитов И.* Слуга народа // Социалистическая законность. 1950. № 12.
- Из практики Прокуратуры СССР по надзору за соблюдением законности // Социалистическая законность. 1951. № 6.
- Каменский Ф.* Народный судья отчитывается перед избирателями // Социалистическая законность. 1950. № 5.
- Карпик В.* Лучший народный судья Молодечненской области // Социалистическая законность. 1950. № 2.
- Кечекьян С. Ф.* О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2.
- Кизякова М.* На посту народного судьи // Социалистическая законность. 1950, № 8.
- Кирина В.* Против неправильного понимания указа об ответственности за мелкое хулиганство // Социалистическая законность. 1957. № 4.
- Козлов В.* Народные судьи отчитываются перед избирателями // Социалистическая законность. 1950. № 6.
- Колоколов Н. А.* Хулиганство : генезис, эволюция и современное состояние состава преступления. Статья 1. История развития правового регулирования уголовной ответственности за хулиганство в России // Мировой судья. 2014. № 2.
- Комлев А.* Социалистическое соревнование судебных исполнителей Горьковской области // Социалистическая законность. 1950. № 10. С. 62–63.
- Кондратьева Т.* На посту народного судьи // Социалистическая законность. 1950. № 10.
- Копыловская М., Хвесина Т.* Один из лучших // Социалистическая законность. 1950. № 1.
- Коток В. Ф.* Сессионный порядок работы местных органов в военное время // Советское государство и право. 1946. № 3–4.
- Кочайцев И.* Образцовая работа народного судьи А. П. Аганесовой // Социалистическая законность. 1950. № 11.
- Кочайцев И.* Примерный судебный исполнитель // Социалистическая законность. 1951. № 10.
- Кочереценко И.* Судебный порядок рассмотрения дел особого производства // Социалистическая законность. 1957. № 9.
- Кудрин Ф.* Решительно усилить борьбу с хулиганством // Социалистическая законность. 1952. № 10.
- Куликов А.* Лучшие народные судьи Ульяновской области // Социалистическая законность. 1955. № 3.
- Куплевасский Н. О.* Государственная служба в теории и действующем праве Англии, Франции, Германии и Цислейтанской Австрии. Харьков, 1088. 268 с.
- Л. Н. Надзор за административными взысканиями // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 42–43.
- Лаговьер Н.* Прокуратура и административные взыскания // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 33.
- Левин В. Р.* К вопросу об административной ответственности // Советское государство и право. 1947. № 6.
- Лейкин О.* Рискованное увлечение или административный зуд // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 26.
- Мендельсон Г., Ткачевский Ю.* Ответственность за мелкое хулиганство // Социалистическая законность. 1957. № 11.
- Мишунин П. Г.* К истории декрета № 1 о суде // Советское государство и право. 1952. № 1.

- Мишутин А. Н., Каленов Ю. А.* Всемерно укреплять социалистическую законность и улучшать прокурорский надзор за точным исполнением законов // Советское государство и право. 1955. № 3.
- Мокринский С.* Озорство и хулиганство (окончание) // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 38.
- Морозов.* Суд и жизнь. Как работает народный суд большого района // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 29–30.
- Новикова А.* Опыт работы по обобщению судебной практики // Социалистическая законность. 1951. № 9.
- Н-тин С.* Из повседневных заметок судебного работника // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 14–15.
- Панкова О. В.* К вопросу о роли судебной реформы в механизме административно-правового регулирования // Проблемы административного и административно-процессуального права : сборник научных трудов. М., 2005.
- Петров В.* Своевременно ли новое расширение подсудности нарсудов // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 46.
- Пискотин М.* Порядок взыскания недоимок с хозяйств граждан // Социалистическая законность. 1957. № 8.
- Полянская Г. Н.* Правовая охрана лесов СССР // Советское государство и право. 1955. № 7.
- Протасов А.* Народный судья И. П. Васенин // Социалистическая законность. 1950. № 5.
- Пузаков Г.* Рассмотрение в административном порядке дел о нарушении правил учета военнообязанных // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 38.
- Радонцев А.* Покончить со снисходительным отношением к хулиганам // Социалистическая законность. 1955. № 9.
- Руденко Р. А.* Задачи дальнейшего укрепления соц. законности // Советское государство и право. 1956. № 3.
- Румянцев В., Страхов Н.* Право Украины в годы Второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие (1939–1956) // Право Украины. 2013. № 1.
- Сапаргалиев М. С., Ким В. А.* Местные органы власти в борьбе за укрепление социалистической законности в деревне (по материалам некоторых сельских и аульных Советов Казахской ССР) // Советское государство и право. 1954. № 5.
- Сапожников И.* Усилить борьбу с хулиганством // Социалистическая законность. 1955. № 12.
- Сапожников И., Козак Л.* Практика применения указа об ответственности за мелкое хулиганство // Социалистическая законность. 1957. № 3.
- Саченко А.* Что дает обобщение судебной практики // Социалистическая законность. 1955. № 2.
- Сачиян Р.* Как я рассматриваю дела о преступлениях несовершеннолетних // Социалистическая законность. 1952. № 9.
- Советское государственное право. М. : Юриздат, 1948.
- Старилов Ю. Н.* Установление административного судопроизводства в КоАС РФ как специальная форма реализации конституционно-правовой нормы и как главный результат модернизации административно-процессуального законодательства // Актуальные проблемы административного судопроизводства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 28 ноября 2014 г.) ; отв.ред. Ю. П. Соловей. Омск, 2015.
- Старилов Ю. Н.* Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права : два новейших вопроса в современной правовой теории // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2020. № 2.
- Старилов Ю. Н.* Необходимы поправки в Конституцию Российской Федерации в связи с развитием административного и административно-процессуального права // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2016. № 2.
- Старостин С. А.* О подмене понятий в государственном управлении // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 32.
- Стениловский А.* Изучение и обобщение судебной практики // Социалистическая законность. 1951. № 7.
- Стениловский А.* Как выполняются методические указания по проведению ревизий народных судов // Социалистическая законность. 1950. № 3.
- Степанова О.* Участие в печати – почетная обязанность народных судей // Социалистическая законность. 1951. № 11.
- Студеникин С. С.* Советское административное право. М., 1945.
- Судебное рассмотрение дел о взыскании недоимок по поставкам продуктов животноводства государству // Социалистическая законность. 1951. № 3.
- Суконников И.* Безответственное отношение к расследованию и рассмотрению в суде дел о хулиганстве // Социалистическая законность. 1955. № 9.
- Туманов В.* Народный судья Е. И. Суворова // Социалистическая законность. 1950. № 3.
- Туманов В.* Производственная практика народных судей требует серьезного внимания // Социалистическая законность. 1950. № 9.
- Туркин В.* Обязательные постановления и суд // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 31.
- Ф.К.* Народный судья отчитывается перед избирателями // Социалистическая законность. 1950. № 9.

Хорхорин А. Действительная роль частных определений советского суда // Социалистическая законность. 1950. № 4.

Чернявский К., Клейнер Б. Усилить борьбу с хулиганством // Социалистическая законность. 1952. № 4.

Чиквадзе В. М. Развитие советского уголовно-уголовного законодательства за 30 лет // Советское государство и право. 1948.

Шарафанович П. Усилить борьбу за охрану лесов // Социалистическая законность. 1951. № 9.

Шершенькова В. А. Развитие законодательства о воинских преступлениях в Украинской Советской Социалистической Республике в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Власть закона. 2013. № 1(13).

Щепалов С. В. Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административно-юрисдикционной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 3.

Юдин А. народные судьи отчитываются перед избирателями // Социалистическая законность. 1955. № 3.

Ямпольская Ц. А. О месте административного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9.

References

Ageev A. Administrative practice and court // Weekly of Soviet Justice. 1922. No. 26–27.

Agureev M., Yafarkin A. About administrative fines // Socialist legality. 1957. No. 8.

Administrative procedural law. Textbook / ed. A. I. Kaplunova. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015.

Administrative arrest // Soviet Justice Weekly. 1923. No. 10.

Ananov I. Revolutionary legality and administrative repression in the countryside // Revolutionary legality. 1926. No. 5–6. P. 20.

Anokhin K. About working with people's judges // Socialist legality. 1950. No. 5. P. 42–43.

Artyshkov V. The fight against hooliganism // Socialist legality. 1956. No. 5.

Baynaev Kh., Aniyants M. The best people's judges of the Turkmen SSR // Socialist legality. 1951. No. 12.

Baranov N. How to unload the cells of people's courts // Weekly of Soviet Justice. 1927. No. 37.

Baryshev A. Judicial practice in civil cases of forest violations // Socialist legality. 1952. No. 7.

Bezuglov A., Lai P. In the Karelo-Finnish SSR they struggle poorly with hooliganism // Socialist legality. 1956. No. 1.

Birulya S. Justifying the trust of the people // Socialist legality. 1950. No. 6.

Borodina E. Administrative Code (according to the NKVD project) // Administrative Bulletin. 1925. No. 12.

Burenina. People's court in the fight against the remnants of capitalism in the minds of people // Socialist legality. 1950. No. 3.

Vaisman E. Resolutely fight against petty hooliganism // Socialist legality. 1957. No. 8.

Vlasov V., Rubinstein E. Errors in judicial practice in cases of collection of arrears for agricultural supplies // Socialist legality. 1951. No. 8.

Volkov N. A. Mandatory resolution // Soviet state and law. 1948. No. 12.

Voronkin V. Best bailiff of the Novosibirsk region // Socialist legality. 1950. No. 10.

Gablin. Strengthen the fight against hooliganism // Socialist legality. 1952. No. 8.

Golyakov I. T. Justice in the Soviet socialist state // Soviet State and Law. 1954. No. 8.

Golyakov I. T. Stalin's Constitution and Justice // Soviet State and Law. 1951. No. 12.

Grishin. Review the current procedure for collecting tax arrears // Socialist legality. 1955. No. 6.

Gurvich M. Special proceedings in the civil process // Socialist legality. 1958. No. 8.

Gurvich Ya. Responsibility for hooliganism under Soviet criminal law // Socialist legality. 1955. No. 5.

Gyulumyan V. G. Administrative responsibility in retrospect and perspective // Lex russica. 2017. No. 7.

Dmitriev A. The best people's judges share their work experience // Socialist legality. 1950. No. 1.

Dmitriev A. Mandatory regulations and the practice of administrative penalties for places // Weekly of Soviet Justice. 1926. No. 34.

Igitov I. Servant of the People // Socialist legality. 1950. No. 12.

From the practice of the USSR Prosecutor's Office for the supervision of compliance with the rule of law // Socialist legality. 1951. No. 6.

Kamensky F. The people's judge reports to voters // Socialist legality. 1950. No. 5.

Karpik V. The best people's judge of the Molodechno region // Socialist legality. 1950. No. 2.

Kechekyan S. F. On the system of Soviet socialist law // Soviet State and Law. 1946. No. 2.

Kizyakova M. At the post of people's judge // Socialist legality. 1950, no. 8.

Kirina V. Against the misunderstanding of the decree on liability for petty hooliganism // Socialist legality. 1957. No. 4.

Kozlov V. People's judges report to voters // Socialist legality. 1950. No. 6.

Kolokolov N. A. Hooliganism : genesis, evolution and current state of the crime. Article 1. History of the development of legal regulation of criminal liability for hooliganism in Russia // Justice of the Peace. 2014. No. 2.

- Komlev A.* Socialist competition of bailiffs in the Gorky region // Socialist legality. 1950. No. 10.
- Kondratyeva T.* At the post of people's judge // Socialist legality. 1950. No. 10.
- Kopylovskaya M., Khvesina T.* One of the best // Socialist legality. 1950. No. 1.
- Kotok V. F.* Sessional order of work of local authorities in wartime // Soviet State and Law. 1946. No. 3-4.
- Kochaytsev I.* Exemplary work of people's judge A. P. Aganesova // Socialist legality. 1950. No. 11.
- Kochaytsev I.* Exemplary bailiff // Socialist legality. 1951. No. 10.
- Kochereschenko I.* Judicial procedure for considering cases of special proceedings // Socialist legality. 1957. No. 9.
- Kudrin F.* Decisively strengthen the fight against hooliganism // Socialist legality. 1952. No. 10.
- Kulikov A.* The best people's judges of the Ulyanovsk region // Socialist legality. 1955. No. 3.
- Kuplevassky N. O.* Civil service in theory and current law of England, France, Germany and Cisleithan Austria. Kharkov, 1088. 268 p.
- L. N.* Supervision of administrative penalties // Soviet Justice Weekly. 1928. No. 42-43.
- Lagovier N.* Prosecutor's office and administrative penalties // Weekly of Soviet Justice. 1927. No. 33.
- Levin V. R.* On the issue of administrative responsibility // Soviet state and law. 1947. No. 6.
- Leikin O.* Risky hobby or administrative itch // Weekly of Soviet Justice. 1928. No. 26.
- Mendelson G., Tkachevsky Yu.* Responsibility for petty hooliganism // Socialist legality. 1957. No. 11.
- Mishunin P. G.* On the history of Decree No. 1 on the court // Soviet State and Law. 1952. No. 1.
- Mishutin A. N., Kalenov Yu. A.* To strengthen socialist legality in every possible way and improve prosecutorial supervision over the precise implementation of laws // Soviet State and Law. 1955. No. 3.
- Mokrinsky S.* Mischief and hooliganism (end) // Weekly of Soviet Justice. 1924. No. 38.
- Morozov.* Court and life. How the People's Court of a Large District Works // Soviet Justice Weekly. 1922. No. 29-30.
- Novikova A.* Experience in generalizing judicial practice // Socialist legality. 1951. No. 9.
- N-tin S.* From everyday notes of a judicial worker // Weekly of Soviet Justice. 1922. No. 14-15.
- Pankova O. V.* On the issue of the role of judicial reform in the mechanism of administrative legal regulation // Problems of administrative and administrative procedural law: Collection of scientific papers. M., 2005.
- Petrov V.* Is the new expansion of the jurisdiction of people's courts timely // Weekly of Soviet Justice. 1925. No. 46.
- Piskotin M.* The procedure for collecting arrears from citizens' households // Socialist legality. 1957. No. 8.
- Polyanskaya G. N.* Legal protection of forests in the USSR // Soviet State and Law. 1955. No. 7.
- Protasov A.* People's Judge I. P. Vasenin // Socialist legality. 1950. No. 5.
- Puzakov G.* Administrative consideration of cases of violation of the rules for recording those liable for military service // Weekly of Soviet Justice. 1927. No. 38.
- Radontsev A.* End the condescending attitude towards hooligans // Socialist legality. 1955. No. 9.
- Rudenko R. A.* Tasks of further strengthening social legality // Soviet State and Law. 1956. No. 3
- Rumyantsev V., Strakhov N.* Law of Ukraine during the Second World War and in the first post-war decade (1939-1956) // Law of Ukraine. 2013. No. 1.
- Sapargaliev M. S., Kim V. A.* Local authorities in the struggle to strengthen socialist legality in the countryside (based on materials from some rural and aul Councils of the Kazakh SSR) // Soviet State and Law. 1954. No. 5.
- Sapozhnikov I.* Strengthen the fight against hooliganism // Socialist legality. 1955. No. 12.
- Sapozhnikov I., Kozak L.* Practice of applying the decree on liability for petty hooliganism // Socialist legality. 1957. No. 3.
- Sachenko A.* What does a generalization of judicial practice provide // Socialist legality. 1955. No. 2.
- Sachiyani R.* How I consider cases of juvenile delinquency // Socialist legality. 1952. No. 9.
- Soviet state law. M. : Yurizdat, 1948.
- Starilov Yu. N.* Establishment of administrative proceedings in the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation as a special form of implementation of the constitutional legal norm and as the main result of the modernization of administrative procedural legislation // Current problems of administrative proceedings / Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Omsk, November 28, 2014); responsible editor prof. Yu. P. Nightingale. Omsk, 2015.
- Starilov Yu. N.* The concept of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses and the «fate» of administrative tort law : two newest issues in modern legal theory // Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Right. 2020. No. 2.
- Starilov Yu. N.* Amendments to the Constitution of the Russian Federation are necessary in connection with the development of administrative and administrative procedural law // Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Right. 2016. No. 2.
- Starostin S. A.* On the substitution of concepts in public administration // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2019. No. 32.

Stenilovsky A. Study and generalization of judicial practice // Socialist legality. 1951. No. 7.

Stenilovsky A. How methodological instructions for conducting audits of people's courts are implemented // Socialist legality. 1950. No. 3.

Stepanova O. Participation in the press is an honorable duty of people's judges // Socialist legality. 1951. No. 11.

Studenikin S. S. Soviet administrative law. M., 1945.

Judicial consideration of cases of collection of arrears for the supply of livestock products to the state // Socialist legality. 1951. No. 3.

Sukonnikov I. Irresponsible attitude towards the investigation and consideration in court of cases of hooliganism // Socialist legality. 1955. No. 9.

Tumanov V. *People's Judge E. I. Suvorova* // Socialist legality. 1950. No. 3.

Tumanov V. Industrial practice of people's judges requires serious attention // Socialist legality. 1950. No. 9.

Turkin V. Mandatory decrees and the court // Weekly of Soviet Justice. 1923. No. 31.

F. K. The people's judge reports to voters // Socialist legality. 1950. No. 9.

Khorkhorin A. The effective role of private rulings of the Soviet court // Socialist legality. 1950. No. 4.

Chernyavsky K., Kleiner B. Strengthen the fight against hooliganism // Socialist legality. 1952. No. 4.

Chkhikvadze V. M. Development of Soviet military criminal legislation over 30 years // Soviet State and Law. 1948.

Sharafanovich P. Strengthen the fight for forest protection // Socialist legality. 1951. No. 9.

Shershenkova V. A. Development of legislation on military crimes in the Ukrainian Soviet Socialist Republic during the Second World War (1939–1945) // The Power of Law. 2013. No. 1(13).

Shchepalov S. V. On the origins of administrative and judicial discretion in Russian administrative-judicial activities // Siberian Legal Review. 2023. No. 3.

Yudin A. people's judges report to voters // Socialist legality. 1955. No. 3.

Yampolskaya T. A. On the place of administrative law in the system of Soviet socialist law // Soviet State and Law. 1956. No. 9.

Верховный суд Республики Карелия

Щепалов С. В., кандидат юридических наук,
доцент, судья

E-mail: schepalov@mail.ru

Поступила в редакцию: 19.09.2024

Для цитирования:

Щепалов С. В. 1956 – год возникновения отечественного судопроизводства по делам об административных правонарушениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 151–169. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/151-169>

Supreme Court of the Republic of Karelia

Schepalov S. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Justice

Received: 19.09.2024

For citation:

Schepalov S. V. 1956 – the year of the arise of domestic court proceedings in cases of administrative offenses // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 151–169. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/151-169>

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.1

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/170-183>

АЛЬТЕРНАТИВЫ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ГЕРМАНИИ, ШВЕЙЦАРИИ, АВСТРИИ, ЛИХТЕНШТЕЙНА

А. А. Трефилов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ALTERNATIVES TO DETENTION IN CRIMINAL PROCEDURES IN GERMANY, SWITZERLAND, AUSTRIA, LICHTENSTEIN

A. A. Trefilov

National Research University of the Higher School of Economics

Аннотация: на основе нормативных и доктринальных источников рассмотрены альтернативы заключению под стражу в уголовном процессе немецкоязычных стран: Германии, Швейцарии, Австрии, Лихтенштейна. Показаны причины, в силу которых законодатели большинства современных государств стремятся сократить применение наиболее строгой меры пресечения – заключения под стражу. В компаративном отношении проанализирован институт домашнего ареста – наиболее строгой альтернативы содержанию лица в следственном изоляторе. После этого рассмотрена мера принуждения в виде залога: предмет залога, его размер, законодательные ограничения на избрание залога. Исследованы другие, более мягкие меры принуждения, применяемые в уголовном процессе Германии, Швейцарии, Австрии и Лихтенштейна. Сформулированы рекомендации по дальнейшему совершенствованию российского законодательства по рассмотренному вопросу. Данная статья может быть полезна всем, кто интересуется уголовным судопроизводством России и зарубежных стран.

Ключевые слова: меры принуждения, домашний арест, залог, уголовный процесс зарубежных стран.

Abstract: on the basis of normative and doctrinal sources, alternatives to detention in criminal proceedings in German-speaking countries are considered: Germany, Switzerland, Austria, Liechtenstein. The reasons why legislators of most modern states seek to reduce the use of the most stringent preventive measure – detention are shown. Comparatively, the institution of house arrest is analyzed as the most stringent alternative to keeping a person in a pre-trial detention center. After that, the measure of coercion in the form of a pledge was considered: the subject of the pledge, its size, legislative restrictions on the use of collateral, the procedure for application. Other coercive measures used in criminal proceedings in Germany, Switzerland, Austria and Liechtenstein are investigated. Recommendations for further improvement of Russian legislation on the issue under consideration are formulated. This article may be useful to anyone who is interested in criminal proceedings in Russia and foreign countries.

Key words: coercive measures, house arrest, bail, criminal proceedings in foreign countries.

Большинство современных государств стремятся уменьшить количество людей, находящихся под стражей в ожидании рассмотрения дела судом. Если уголовная политика направ-

лена на поиски альтернатив лишению свободы, то уголовно-процессуальная политика зеркальным образом стремится выработать альтернативы заключению под стражу. В обоих случаях мы видим ее гуманистическую направленность.

© Трефилов А. А., 2024

Такие поиски стали активно вестись еще в XIX в. По этому поводу польский профессор В. В. Микляшевский писал: «Закон стремится умножить число мер пресечения, облегчить участь обвиняемого соответствующим исполнением этих мер и употребление их окружить многими гарантиями для осуществления начала индивидуальной свободы»¹.

Причины уголовно-процессуальной политики, связанной с поиском альтернатив заключению под стражу, просты:

1) данная мера принуждения наиболее серьезно вторгается в основные права и свободы лица, к которому она применяется. При этом в силу презумпции невиновности обвиняемый считается невиновным до вступления в силу обвинительного приговора суда. У заключенного могут возникнуть депрессия, моральная подавленность, отстраненность от происходящего;

2) заключение под стражу как мера принуждения имеет практически все негативные последствия, которые есть у лишения свободы как у уголовного наказания: разрываются социальные связи заключенного, межличностные отношения с его участием, происходит негативное воздействие на его семью, на его трудовой коллектив, на его бизнес и др.

При этом еще римские юристы отмечали: «Свобода – это вещь, не имеющая цены»²; «цена свободы беспредельна»³; «в сомнительных случаях всегда следует отдавать предпочтение более благоприятному решению»⁴;

3) заключение под стражу нарушает принцип равенства всех перед законом и судом. Тем обвиняемым, которые находятся в СИЗО, осуществлять свою защиту намного тяжелее. В силу объективных причин, по сути, они могут собирать оправдательные доказательства только с помощью защитника по приглашению или по назначению. При этом обвиняемые, оставшиеся на свободе, могут защищаться и сами, и через защитника;

4) лица, оказавшиеся в СИЗО, знакомятся с криминальным миром, приобщаются к уголовной субкультуре, устанавливают устойчи-

вые связи с профессиональными представителями преступного мира. Немецкий криминолог Франц фон Лист называл места лишения свободы «рассадниками порока и академиями преступлений»⁵. Энрико Ферри пишет про некоторых лиц, находящихся в СИЗО: «Заключение не причиняет им страданий: они чувствуют себя там, как художник в мастерской, где он обдумывает свои новые произведения»⁶. Судья и прокурор А. Ф. Кони справедливо писал про «обучение в тюремной академии, то есть пребывание в предварительном заключении среди неоднократно судимых сидельцев и рецидивистов»⁷. Немецкий писатель Фридрих Шиллер в рассказе «Преступник вследствие потерянной чести» («*Der Verbrecher aus verlorener Ehre*»), опубликованном в 1786 г., показывает негативное влияние пребывания в СИЗО на личность человека, который, хотя и виновен, совершил преступление, но оказался там впервые: «В крепости меня заперли в обществе 23 арестантов, из которых двое были убийцы, остальные – закоренелые воры и бродяги. Когда я им говорил о Боге, они издевались надо мной и не давали мне прохода, заставляя поносить Божественного Спасителя гнусными словами. Они напевали мне грязные песни, которых даже я, распутный бездельник, не мог слышать без ужаса и отвращения». Данные примеры наглядно показывают, как преступность воспроизводит сама себя;

5) государство тратит значительные денежные средства на содержание заключенных под стражу в СИЗО, что увеличивает нагрузку на расходную часть бюджета. Поскольку заключенный не посещает магазины и ограничен в расходовании денежных средств, государство недополучает в огромном размере НДС. Поскольку он не работает на прежней работе, он не вносит вклад в увеличение ВВП страны.

Домашний арест

Возникновение данной меры принуждения относится еще к эпохе римского права: «Наместник провинции может обязать кого-либо не выходить из своего дома, однако не так, чтобы тот не мог покупать продукты и предметы

¹ Микляшевский В. В. О средствах предоставления обвиняемого в суд и пресечения ему способов уклониться от следствия и суда. Варшава, 1872. Т. 1. С. 273.

² Дигесты Юстиниана / под ред. Л. Л. Кофанова. М., 2005. Т. VII, полумом 2. С. 543.

³ Там же. С. 557.

⁴ Там же. С. 535.

⁵ Франц фон Лист. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2009. С. 37–38.

⁶ Энрико Ферри. Уголовная социология. М., 2009. С. 29.

⁷ Кони А. Ф. Нравственные начала уголовного процесса. М., 2006. С. 100–101.

первой необходимости» (Д.48.22.9)⁸. В России, по мнению П. И. Люблинского, домашний арест впервые был применен в 1632 г. в отношении князя Белосельского по делу М. Б. Шеина⁹; впоследствии в 1795 г. данная мера принуждения избрана в отношении графа Бесстужева-Рюмина¹⁰.

В историко-правовом измерении можно выделить два подхода к домашнему аресту. В одних УПК он есть (например, в УПК РСФСР 1922 г., УПК БССР 1922 г.), в других – нет (например, в УПК РСФСР 1960 г., УПК БССР 1960 г., УПК Чехословакии 1961 г.).

В настоящее время также можно выделить два подхода к данной мере принуждения. Большинство ныне действующих УПК предусматривают домашний арест. Домашний арест в правовой системе США и Великобритании рассматривается в качестве основной альтернативы заключению под стражу¹¹. В Китае подозреваемые в совершении преступления чиновники на первом этапе помещаются под домашний арест не по месту жительства, а в специальную охраняемую гостиницу¹². В Испании домашний арест широко применяется к футбольным болельщикам, для которых данная мера принуждения означает невозможность пойти на стадион¹³. Напротив, в УПК Лихтенштейна 1988 г. домашний арест отсутствует; не было его и в отмененном УПК 1913 г.

В большинстве современных государств домашний арест предписывает только суд (Россия, Франция, Великобритания, США и др.). В Беларуси он может быть избран прокурором или его заместителем, Председателем Следственного комитета, Председателем Комитета государственной безопасности или лицами, исполняющими их обязанности (ч. 1 ст. 125).

⁸ См.: Дигесты Юстиниана. Т. VII, полутом 2. 2005. С. 217.

⁹ См.: Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 228.

¹⁰ См.: Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. СПб, 1901. С. 454.

¹¹ См.: Барков Л. А. Элементы ограничения свободы и случаи применения электронного контроля в уголовном законодательстве США и Великобритании // Вестник Челябин. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 37. С. 58–63.

¹² См.: Ахминова Ю. Ю. Домашний арест как мера пресечения на стадии предварительного расследования. М., 2019. С. 48.

¹³ Там же.

Представляется, что по своей природе домашний арест в системе мер принуждения ближе всего стоит к заключению под стражу, поскольку отличается от него лишь по месту, в котором обвиняемый ожидает суда. Он изолирован от общества не в СИЗО, а у себя дома. Вследствие этого его права ограничены не столь сильно, он не утрачивает связь с обществом и со своими близкими. При этом обвиняемый не попадает в криминальную среду с ее правилами и устоями, не приобщается к ее деструктивным ценностям.

Германия

УПК Германии содержит всего несколько строчек про домашний арест. Интересно, что в учебнике Ф.-К. Шредера и Т. Феррела «Уголовно-процессуальное право Германии» есть глава о заключении под стражу и задержании, но нет главы об иных мерах принуждения¹⁴.

Согласно § 116, судья приостанавливает исполнение постановления о заключении под стражу, принятого только на основании опасности уклонения, если существуют достаточные основания ожидать, что применение менее жестких мер позволит достичь целей, которые преследует предварительное заключение. Могут применяться следующие меры: 1) указание не покидать место жительства или пребывания или определенную территорию без разрешения судьи или органа уголовного преследования; 2) указание покидать жилище только под надзором определенного лица.

По сути, немецкий законодатель разграничивает два вида домашнего ареста. В первом случае обвиняемый не вправе покидать жилище без разрешения уполномоченного органа, во втором – может это делать лишь вместе с сопровождающим лицом, которое наказано в постановлении суда.

Вполне логично, что в случае попытки бегства или уклонения от исполнения процессуальных обязанностей суд отменяет указанные выше меры и в отношении обвиняемого начинается исполнение заключения под стражу в общем порядке (ч. 4 § 116).

Лутц-Майер Госснер отмечает с опорой на ювенальное законодательство Германии: «Данная мера принуждения может быть применена в том числе к несовершеннолетнему. Он

¹⁴ См.: Фридрих-Кристиан Шрёдер, Торстен Феррел. Уголовно-процессуальное право Германии / пер. с нем. М. А. Кудратова. М., 2016. С. 104–110.

находится под домашним арестом по месту жительства своих родителей и может покидать жилище для посещения школы»¹⁵. Таким образом, его право и его обязанность, связанные с получением образования, остаются в силе.

Контроль за исполнением домашнего ареста возлагается на полицию земли. Подробности определяются ведомственными подзаконными актами.

Обращает на себя внимание следующее. Во-первых, домашний арест в УПК Германии упоминается, но не регулируется. Во-вторых, он рассматривается в качестве одной из альтернатив заключению под стражу и влечет за собой приостановление заключения под стражу. В-третьих, при буквальном толковании кодекса домашний арест возможен, только если заключение под стражу принято на основании опасности уклонения, но не по другим основаниям (например, опасность повлиять на доказательства).

Обращает на себя внимание, что в уголовных процессах Германии, Швейцарии, Австрии не предусмотрены сроки домашнего ареста. Данная мера принуждения будет действовать столько, сколько потребуется. Отсутствует запрет на применение домашнего ареста в отношении обвиняемых в преступлениях, за совершение которых не предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Швейцария

Согласно ст. 237 УПК 2007 г., к альтернативам заключения под стражу относится возложение обязанности находиться только одному или с кем-либо в определенном месте или доме (*Auflage, sich nur oder sich nicht an einem bestimmten Ort oder in einem bestimmten Haus aufzuhalten*).

Про домашний арест в данном кодексе большего ничего не сказано. Марк Питт относит его к «классическим мерам принуждения»¹⁶. По его мнению, основное преимущество домашнего ареста состоит в том, что, с одной стороны, не столь серьезно ограничиваются основные права обвиняемого, с другой – государство экономит ресурсы, связанные с содержанием следственных изоляторов.

В сравнительно-правовом контексте такое рассуждение применимо к уголовному процес-

су любого современного государства, в том числе России.

Австрия

Австрия – единственная немецкоязычная страна, где домашний арест урегулирован подробно.

По ходатайству прокурора или обвиняемого заключение под стражу может предписано в виде домашнего ареста (*Hausarrest*), который должен быть исполняться в помещении, где обвиняемый имеет постоянное место жительства. Постановление о домашнем аресте может быть принято, если данная мера принуждения приведет к тому же результату, что и заключение под стражу, поскольку обвиняемый имеет нормальные жизненные условия и соглашается на наблюдение с помощью соответствующих электронных устройств. В остальном действуют предписания о заключении под стражу, с оговоркой о том, что дальнейшие слушания по вопросу о домашнем аресте не проводятся (ч. 1 § 173а).

Выход из жилого помещения не допускается, кроме как для того, чтобы добраться до места работы или обучения, получить необходимые предметы первой необходимости и обратиться за необходимой медицинской помощью кратчайшим путем. Контроль за соблюдением условий домашнего ареста возлагается на службу пробации (ч. 2 § 173а).

Если обвиняемый изначально находится в СИЗО, то прокуратура должна уведомить криминальную полицию и орган безопасности о месте исполнения домашнего ареста и дать указание перевести обвиняемого в данное место с предварительной установкой технических средств, необходимых для электронного надзора (*zur elektronischen Aufsicht*) (ч. 3 § 173а).

Суд отменяет домашний арест и предписывает заключение под стражу в СИЗО, если обвиняемый заявит, что он отзывает свое согласие на домашний арест. То же самое применяется по требованию прокурора, если обвиняемый не выполняет условий домашнего ареста или по другой причине становится очевидным, что цели заключения под стражу не могут быть достигнуты посредством домашнего ареста. Доставка обвиняемого из дома в СИЗО возлагается на криминальную полицию.

Обращает на себя внимание следующее. Во-первых, в случае помещения обвиняемого под домашний арест дальнейшие слушания по данной

¹⁵ Lutz Mayer Gofner. Strafprozessordnung. Munchen, 2008. S. 489.

¹⁶ Pieth M. Schweizerisches Strafprozessrecht. Basel, 2009. S. 119.

мере принуждения не проводятся. Во-вторых, домашний арест предписывается только с согласия обвиняемого, который вправе ходатайствовать о переводе его в СИЗО. В-третьих, контроль за исполнением домашнего ареста возлагается на службу пробации. В-четвертых, домашний арест не препятствует посещению места работы или учебы, поэтому само понятие «домашний арест» во многом имеет условный характер.

Лихтенштейн

Лихтенштейн – единственное немецкоязычное государство, в уголовном судопроизводстве которого отсутствует домашний арест. Ни действующий, ни отмененный Уголовно-процессуальный кодекс не предусматривают данной меры принуждения.

При таком подходе альтернативами заключению под стражу являются главным образом залог и поручительство.

Залог

В компаративном отношении можно выделить два подхода к институту залога. Первый подход: он не входит в систему мер принуждения. Например, УПК Италии 1988 г. не предусматривает залога. В. М. Корнуков пишет: «УПК большинства союзных республик отказались от залога»¹⁷. Второй подход: залог есть, и он занимает место в системе мер принуждения. Например, ст. 106 УПК РФ 2001 г., ст. 124 УПК Беларуси 1999 г., ст. 124 Закона Сирии об уголовном процессе 1961 г.¹⁸, § 73а УПК Чехословакии 1961 г. В. М. Корнуков отмечает, что из всех УПК союзных республик залог предусматривался только в РСФСР (ст. 49) и Таджикистане (ст. 94)¹⁹. Свое критичное отношение к данному институту указанный автор выразил тем, что не стал его рассматривать в своей монографии о мерах процессуального принуждения по советскому праву²⁰.

Представляется, что наибольшее развитие данная мера принуждения получила в англосаксонской правовой системе.

¹⁷ Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 52.

¹⁸ См.: Сумин А. А., Химичева О. В. Введение в уголовный процесс Сирийской арабской республики. М., 2022. С. 83.

¹⁹ См.: Корнуков В. М. Указ. соч. С. 54.

²⁰ «Представляется, что залог в качестве меры пресечения неприемлем для нашего законодательства с позиций достигнутых социальных и экономических преобразований. В дальнейшем эта мера пресечения нами не исследуется» (Корнуков В. М. Указ. соч. С. 54).

Залог был предусмотрен в английском Билле о правах 1689 г.: ст. 10 запрещает требовать чрезмерные залогов. Кроме того, в Шотландии по закону 1700 г. об уголовной процедуре, применение залога допускалось по всем уголовным делам, кроме тех, где обвиняемому угрожала смертная казнь²¹. Немецкий мыслитель Фридрих Энгельс в работе «Положение Англии. Английская Конституция» решительно критиковал залог и поручительство по английскому законодательству: «Право каждого обвиняемого (исключая случай государственной измены) до начала процесса быть оставленным на свободе под залог – это столь хваленое право есть опять-таки привилегия богатых. Бедный не может представить поручительства и поэтому отправляется в тюрьму»²².

В США данный институт имеет конституционный характер, в то время как конституции романо-германских государств обычно его не упоминают. VIII поправка к Конституции США (Билль о правах 1791 г.) запрещает требовать чрезмерно большие залогов. «Фундаментальный характер залога был признан Верховным Судом США в деле «Шильб против Кюбеля», в котором тот отметил, что залог является основой правовой системы США. Концептуально использование залога призвано удовлетворить интерес обвиняемого в досудебной свободе и интерес общества в обеспечении присутствия обвиняемого на суде»²³.

В компаративном отношении также можно выделить два подхода к вопросу, может ли быть предметом залога недвижимое имущество: 1) может, например действующая редакция УПК РФ 2001 г. (ст. 106); 2) не может, например первоначальная редакция УПК РФ 2001 г. (ст. 106)²⁴; Закон Сирии об уголовном процессе 1961 г. (ст. 124)²⁵, УПК Чехословакии 1961 г. (§ 73а)²⁶.

Также в компаративном отношении целесообразно выделить два подхода к вопросу, устанавливает ли закон нижний предел залога: 1) да,

²¹ См.: Барабанов П. К. Уголовный процесс в США. М., 2015. С. 564.

²² Корнуков В. М. Указ. соч. С. 27.

²³ См.: Барабанов П. К. Указ. соч. С. 362.

²⁴ Согласно первоначальной редакции ч. 1 ст. 106 УПК РФ 2001 г., предметом залога могли быть «деньги, ценные бумаги и драгоценности».

²⁵ Сумин А. А., Химичева О. В. Указ. соч. С. 83.

²⁶ Уголовно-процессуальное законодательство Чешской Республики / под ред. Л. В. Майоровой. Красноярск, 1999. С. 53.

например действующая редакция УПК РФ 2001 г. (50 тыс. по делам небольшой или средней тяжести, 500 тыс. по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, согласно ч. 3 ст. 106); УПК Беларуси 1999 года (в зависимости тяжести преступления эта сумма может составлять от 50 до 500 базовых величин, согласно ч. 2 ст. 124), УПК Чехословакии 1961 г. (10 тыс. крон, согласно ч. 2 § 73а)²⁷; 2) нет, например первоначальная редакция УПК РФ 2001 г.²⁸ По нашему мнению, законодатель не должен устанавливать нижнего предела залога, поскольку, во-первых, в разных регионах страны неодинаковый уровень жизни; во-вторых, это приведет к нарушению равенства всех перед законом и судом, поскольку граждане с низким материальным достатком не смогут его внести²⁹.

Германия

Суд приостанавливает исполнение постановления о заключении под стражу в случае внесения соразмерного залога обвиняемым или иным лицом (п. 4 ч. 1 § 116 УПК).

В УПК Германии залог урегулирован более подробно, чем домашний арест. Залог вносится посредством внесения наличных денежных средств, ценных бумаг, установления залога на имущество или поручительства лиц, отвечающих предусмотренным законом требованиям. Подлежат применению положения Закона о порядке платежей в отношениях с судами и ведомствами юстиции. Судья устанавливает размер и вид залога по своему усмотрению.

Лутц-Майер Госснер отмечает, что суд учитывает имущественное положение обвиняемого, размер ежемесячного дохода, наличие у него семейных обязанностей³⁰.

²⁷ См.: Уголовно-процессуальное законодательство Чешской Республики / под ред. Л. В. Майоровой. Красноярск, 1999. С. 53.

²⁸ Согласно первоначальной редакции ч. 1 ст. 106 УПК РФ 2001 г., «вид и размер залога определяются органом или лицом, избравшим данную меру пресечения с учетом характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого, обвиняемого, имущественного положения залогодателя».

²⁹ Как отметила Э. А. Памфилова, «разделение следствия и судопроизводства на два уровня – элитное и для всего остального народа – бьет по авторитету судебно-правоохранительной системы и подрывает у граждан страны веру в справедливость» (Ахминова Ю. Ю. Указ. соч. С. 73).

³⁰ См.: Lutz Mayer Gofner. Strafprozessordnung. Munchen, 2008. S. 493.

Обращает на себя внимание следующее. Во-первых, предметом залога могут быть как движимые, так и недвижимое имущество. Во-вторых, поручительство рассматривается в качестве разновидности залога. В-третьих, не существует ни нижнего, ни верхнего предела залога. Суд, обладая широким усмотрением, определяет размер залога самостоятельно.

Во всех рассмотренных правопорядках в случае побега или уклонения от исполнения своих процессуальных обязанностей залог, внесенный обвиняемым или другим лицом, обращается в доход государства, что является своего рода санкцией и мерой ответственности в отношении указанных участников уголовного судопроизводства.

Швейцария

Интересно, что УПК Швейцарии регулирует порядок применения только этой альтернативной меры принуждения, в то время как ниже следующие лишь перечислены.

Согласно ст. 238 УПК, при опасности побега компетентный суд вправе предусмотреть денежную сумму, которая должна обеспечить то, чтобы обвиняемый в любое время явился в орган, ведущий производство по делу, или в соответствующее учреждение для начала отбытия санкции, связанной с лишением свободы. Размер залога определяется исходя из тяжести преступных деяний, инкриминируемых обвиняемому, и его личных взаимоотношений. Залог можно внести наличными денежными средствами или в форме гарантии одного из находящихся на территории Швейцарии банков или страховой компании.

Обращает на себя внимание следующее. Во-первых, в Швейцарии предметом залога могут быть только денежные средства, но не ценные бумаги и не недвижимость. Во-вторых, не существует нижнего и верхнего предела размера залога. Суд каждый раз определяет эту величину индивидуально, с учетом обстоятельств дела.

Австрия

Данная мера принуждения регулируется в § 180 УПК Австрии.

Обвиняемый может быть освобожден под залог или под поручительство при условии, что единственной причиной задержания является опасность бегства. Это необходимо сделать, если преступление наказывается лишением свободы сроком до 5 лет. Размер залога определяется судом по ходатайству прокурора с учетом тяжести

преступления, в котором обвиняется обвиняемый, личных и финансовых обстоятельств его жизни (ч. 1 § 180).

Залог должен быть передан в суд либо в денежной форме, либо в ценных бумагах, рассчитанных в соответствии с их стоимостью на фондовом рынке на день внесения депозита, либо путем обременения или залога недвижимого имущества или прав, внесенных в публичный реестр (§ 1374 Гражданского кодекса); вместо обвиняемого указанные действия может совершить поручитель. Если особые обстоятельства позволяют предположить, что имущество, которое обвиняемый желает предоставить в качестве залога, имеет преступное происхождение, суд должен проверить происхождение данного имущества, прежде чем принять его в залог (ч. 2 § 180).

Суд принимает решение об обращении залога в доход государства, если обвиняемый уклоняется от исполнения своих процессуальных обязанностей, в том числе уклоняется от участия в уголовном судопроизводстве или не подчиняется вызову. Данное решение подлежит вручению обвиняемому (ч. 3 § 180).

Как только решение об обращении залога в доход государства вступит в силу, имущество подлежит передаче в пользу федерального правительства, но потерпевший имеет право требовать, чтобы его требования о компенсации были удовлетворены в приоритетном порядке из стоимости залога или дохода от его реализации (ч. 4 § 180). Данная норма выглядит очень прогрессивно, учитывая, что, если в деле есть потерпевший, то ущерб от преступления причиняется в первую очередь ему и лишь опосредованно – обществу и государству.

Профессор Х. Бахнер-Фориггер называет преимущества данной меры принуждения: государство не тратит средства на ее исполнение, права обвиняемого ограничиваются не столь существенно, при обращении взыскания на предмет залог потерпевший имеет возможность удовлетворить свои имущественные требования⁵¹.

Любопытно, что отдельно от института залога УПК Австрии в § 172а предусматривает такую меру, как внесение обеспечения (*Sicherheitsleistung*). В соответствии с данной нормой

⁵¹ См.: Strafprozessordnung // herausgegeben von Dr. Helene Bachner-Foregger. Wien, 2009. S. 234–235.

на обвиняемого может быть возложена обязанность предоставить обеспечение для производства уголовного процесса, уплаты ожидаемого штрафа, оплаты судебных издержек, возмещения ущерба потерпевшему, если он настоятельно подозревается в совершении конкретного уголовно наказуемого деяния, ранее допрошен относительно подозрения, и на основании определенных фактов имеются основания полагать, что обвиняемый может уклониться от участия в деле, вследствие чего уголовное судопроизводство станет невозможным или будет существенно затруднено.

По сути, государство предлагает обвиняемому наперед внести денежные средства, которые *post factum* могут быть с него взысканы после вступления в силу обвинительного приговора. Тем самым оно заботится о достижении назначения уголовного судопроизводства, о защите публичных интересов и интересов потерпевшего. Опыт Австрии представляет в этом вопросе интерес и для российского законодателя.

Лихтенштейн

В праве Лихтенштейна данная мера принуждения известна достаточно давно. Так, профессор Манфред Тшайкнер (*Manfred Tschaiikner*) в монографии «Преследование ведьм в Тризене» (*Hexenverfolgen in Triesen*) указывает, что в 1680 г. местному священнику удалось собрать деньги для того, чтобы Катарину Гасснерин, обвиняемую в колдовстве, отпустили *под залог*⁵².

Меры принуждения, не связанные с изоляцией лица от общества, были предусмотрены в § 11 отмененной Конституции Лихтенштейна 1862 г., согласно которой «каждый обвиняемый, если в отношении него не установлены серьезные доказательства преступления, по общему правилу освобождается из заключения под стражу после предписания судом соразмерного залога (*Caution*)⁵³ или поручительства (*Bürgschaft*)». Тем самым еще в XIX в. лихтенштейнский законодатель ориентировал судей на избрание альтернативных, более мягких мер принуждения, которые не связаны с изоляцией обвиняемого от общества.

⁵² См.: *Tschaiikner Manfred*. Hexenverfolgen in Triesen. Neue Erkenntnisse über die Hexenprozesse der Frühneuzeit // Triesen. Informationen und Mitteilungen aus der Gemeinde. Ausgabe 125, Januar 1998, 30. Jahrgang, S. 20–22.

⁵³ В настоящее время законодатель вместо единого понятия «*Caution*» использует термины «*Kaution*» (залог) «*Sicherheitsleistung*» (обеспечение, внесение залога).

Разработчики УПК Лихтенштейна 1988 г. отнесли залог (*Kaution*) и поручительство (*Bürgerschaft*) к «более мягким мерам принуждения», но при этом регулируют их в отдельной главе кодекса. Различие между ними не совпадает с тем, которое принято в российском уголовном процессе: *залог предоставляет обвиняемый, а поручительство – это тот же залог, но вносимый третьим лицом* (§ 140). Далее для краткости мы будем использовать только первый термин, подразумевая при этом и второй.

Размер залога следственный судья должен определить, принимая во внимание тяжесть инкриминируемого обвиняемому уголовно наказуемого деяния. Сумма залога рассчитывается либо в наличных деньгах, либо в ценных бумагах, которые могут использоваться в соответствии с действующими законами. Она должна быть внесена на расчетный счет суда по правилам Общего Гражданского кодекса³⁴. В отношении решения следственного судьи обвиняемому и прокурору в течение 14 суток предоставляется возможность подачи соответствующей жалобы в Высший суд.

Решение о возвращении денежной суммы в случае надлежащего исполнения процессуальных обязанностей принимает следственный судья, однако с момента наделения лица статусом подсудимого и издания предписания о рассмотрении дела по существу – *единоличный судья, председательствующий в процессе*.

В соответствии с § 139, если обвиняемый предпринял попытку бегства после освобождения под залог, то его нужно заключить под стражу. Согласно § 140, сумму залога необходимо признать подлежащей изъятию по решению суда, если обвиняемый в случае осуждения к реальному лишению свободы уклоняется от начала исполнения наказания, в частности, вследствие того, что он без разрешения покидает свое место жительства или по направленной ему повестке в течение трех дней не является перед судом. Данное решение, как только оно вступило в законную силу, подлежит исполнению одновременно с приговором. Изымаемые денежные суммы, служащие обеспечению, поступают в доход государства (по ч. 2 § 134 УПК 1913 г. – в государственный военный фонд), однако потерпевший вправе требовать, чтобы его притя-

зания о получении компенсации удовлетворялись из данной суммы в первую очередь. Таким образом, разработчики УПК Лихтенштейна заботятся о правах и законных интересах потерпевшего (жертвы), отдавая предпочтение его финансовым интересам по сравнению с государственными.

Иные меры принуждения

Законодатели многих государств мира стремятся предусмотреть в УПК и другие меры принуждения, которые не настолько строгие, как заключение под стражу, домашний арест и залог, но могут в достаточной степени обеспечить надлежащее выполнение участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей при минимальных затратах со стороны государства.

Германия

Наряду с домашним арестом и залогом, УПК Германии предусматривает, что может быть издано «указание в определенное время являться к судье, в орган уголовного преследования или в указанное им подразделение» (п. 1 ч. 1 § 116). Неисполнение данной обязанности может повлечь избрание более строгой меры принуждения.

По сути, выражаясь языком отечественного уголовного судопроизводства, речь идет о подпiske о невыезде и надлежащем поведении. Это наиболее мягкая мера принуждения из тех, которые в настоящее время предусматривает УПК Германии.

Швейцария

УПК Швейцарии предусматривает достаточно солидный перечень мер принуждения, которые могут применяться, если нет оснований для предписания заключения под стражу, домашнего ареста и залога. К ним, согласно ст. 237 относятся:

1) изъятие документов или официальных бумаг (*Ausweis- und Schriftensperre*). Очевидно, данная мера направлена на предотвращение бегства лица за границу и на воспрепятствование совершению им новых преступлений, в том числе в сфере экономической деятельности;

2) возложение обязанности регулярно отмечаться в соответствующих органах, выполнять определенную работу, подвергнуться медицинскому лечению или контролю. Эти меры имеют своей целью установление дополнительного

³⁴ Общий Гражданский кодекс Лихтенштейна (*Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch vom 1. Juni 1811*), первая часть которого принята 1 июня 1811 г. – один из старейших в Европе (чуть младше ГК Наполеона 1804 г.).

надзора за обвиняемым, а также содействие его исправлению (перевоспитанию);

3) запрет вступать в контакты с конкретными лицами. Данная мера направлена на защиту интересов потерпевшего и жертвы преступления, а также недопустимость сговора данного лица со своими предполагаемыми соучастниками. Как справедливо отмечает швейцарский криминолог Карл-Людвиг Кунц, «под эгидой защиты интересов потерпевших мы наблюдаем введение новых мер пресечения, применение которых не требует дополнительных процессуальных действий; в качестве примера можно привести меры, принимаемые в отношении лиц, совершивших преступление в семье: запрет на контакты, приближение, нахождение в местах пребывания жертвы»³⁵.

Для контроля за выполнением указанных мер принуждения применяется так называемый электронный мониторинг («*electronic Monitoring*») с использованием специальных технических устройств³⁶.

Суд вправе в любое время отменить альтернативные меры принуждения, заменить одну меру на другую, предписать досудебное или судебное заключение под стражу, если этого требуют новые обстоятельства или обвиняемый не выполняет возложенные на него обязанности (ч. 5 ст. 237).

Перечень мер принуждения в Швейцарии является строго исчерпывающим³⁷ (вместе с тем перечень следственных действий открытый). Как и в большинстве современных зарубежных стран, в частности Франции и Германии, допускается применение нескольких мер принуждения одновременно³⁸ (например, залог может сочетаться с возложением обязанности регулярно отмечаться в соответствующих органах). На такой подход с недавних пор ориентируется и Российская Федерация (ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ).

³⁵ Кунц Карл-Людвиг. Введение в криминологическое мышление. СПб., 2019. С. 302.

³⁶ См.: Weber J. Art. 237 // Niggli M., Heer M., Wiprächtinger H. Schweizerischen Strafprozessordnung. Jugendstrafprozessordnung. Basel, 2010. S. 1571.

³⁷ Согласно п. «а» ч. 1 ст. 197 УПК Швейцарии меры принуждения могут быть предписаны, только если предусмотрены законом.

³⁸ Согласно ч. 1 ст. 237 УПК Швейцарии компетентный суд предписывает вместо заключения под стражу в досудебном или судебном производстве **одну** или **несколько** более мягких мер принуждения, если они приведут к той же цели, что и заключение.

Перечень мер принуждения в Ювенальном УПК шире, чем в «общепроцессуальном». Это сделано, прежде всего, в интересах самих несовершеннолетних, так как дополнительные меры имеют альтернативный характер и направлены на сокращение применения заключения под стражу.

В ювенальном уголовном процессе Швейцарии по отношению к несовершеннолетним обвиняемым могут применяться:

1. Превентивные меры защиты, предусмотренные в ст. 12-15 Ювенального УК (п. «с» ч. 1 ст. 26 Ювенального УПК):

а) *надзор*. Если имеется надежда на то, что лица, исполняющие родительские обязанности или взявшие ребенка для воспитания, примут меры к тому, чтобы гарантировать воспитательное воздействие (заботу) и терапевтические меры, то постановляющий орган определяет подходящее лицо или учреждение, на которых возлагаются соответствующие обязанности (предварительно они знакомятся с материалами дела). Данный орган вправе давать родителям указания.

В 2009 г. данная мера применена к 238 несовершеннолетним³⁹;

б) *личная забота*. Если надзор не достаточен, то постановляющий орган определяет подходящее лицо, которое поддерживает родителей в их воспитательной деятельности и лично заботится о несовершеннолетнем. Данный орган может передать доверенному лицу с целью осуществления заботы определенные функции по воспитанию, лечению и образованию несовершеннолетнего и, соответственно, ограничить родительский надзор. Он может также возложить на него управление доходами несовершеннолетнего от предпринимательской деятельности.

В 2009 г. данная мера применена к 336 несовершеннолетним⁴⁰;

в) *амбулаторное лечение*. Если несовершеннолетний страдает психическими расстройствами, отстает в личном развитии, употребляет наркотические вещества или имеет другие зависимости, то постановляющий орган предписывает ему амбулаторное лечение. Амбулаторное лечение может быть связано с надзором, личной заботой или помещением в воспитательное учреждение.

³⁹ См.: Aebersold P. Schweizerisches Jugendstrafrecht. Bern, 2011. S. 205.

⁴⁰ См.: Ibidem.

В 2009 г. данная мера применена к 315 несовершеннолетним⁴¹;

г) *помещение (направление) в учреждение*. Если необходимое воспитание и лечение несовершеннолетнего не могут быть обеспечены иным образом, то постановляющий орган предписывает помещение в учреждение. Речь идет о передаче несовершеннолетнего частному лицу, воспитательному или лечебному учреждению, которое в состоянии оказать необходимое воспитательное воздействие и медицинскую помощь. Постановляющий орган может предписать помещение в учреждение закрытого типа только в том случае, если: 1) это неизбежно (необходимо) для личной защиты или для лечения психического расстройства несовершеннолетнего, 2) это необходимо для защиты третьих лиц от опасности со стороны несовершеннолетнего, которая оценивается как серьезная. Перед помещением на лечение психического расстройства в учреждение открытого или закрытого типа постановляющий орган назначает судебно-медицинскую или судебно-психиатрическую экспертизу.

В 2009 г. помещены в семью 7 несовершеннолетних, в воспитательное учреждение 179, в лечебное учреждение 9⁴².

Двойственная природа рассмотренных выше превентивных мер состоит в том, что до вступления обвинительного приговора в силу они являются мерами принуждения, а после этого могут стать иными мерами уголовно-правового характера. Приведем пример: сначала компетентный суд предписал личную заботу о несовершеннолетнем, а после вступления в силу приговора (или утверждения приказа о наказании) он решил оставить ее в силе. Поскольку уголовный процесс к этому времени завершился, она, по сути, трансформировалась в иную меру уголовно-правового характера, альтернативную наказанию.

Возможна и комбинация рассмотренных выше превентивных мер защиты⁴³.

2. Наблюдение (ст. 9 Ювенального УК, п. «d» ч. 1 ст. 26 Ювенального УПК). Поскольку это необходимо для решения о предписании мер защиты или наказания, компетентный орган выясняет личные отношения несовершеннолетнего, особенно связанные с семьей, воспитанием,

школой и занятиями. Установление можно поручить лицу или учреждению, которое гарантирует надлежащее выполнение.

Австрия

УПК Австрии содержит достаточно широкий перечень альтернативных, более мягких мер принуждения (ч. 5 § 173):

1) обещание не скрываться и не покидать место жительства без разрешения прокуратуры до завершения уголовного разбирательства в предусмотренном законом порядке;

2) обещание не препятствовать проведению расследования;

3) обещание воздерживаться от любого контакта с жертвой преступления⁴⁴, не посещать определенную квартиру или другое указанное место, не приближаться к жертве преступления на определенное расстояние, сдать ключи от определенной квартиры;

4) указание жить в определенном месте, с определенной семьей, избегать определенной квартиры, определенных мест или определенных контактов, воздерживаться от употребления алкогольных напитков или других веществ, вызывающих привыкание, или выполнять обычную (повседневную) работу;

5) указание сообщать о любых изменениях места жительства или отмечаться в криминальной полиции или другом учреждении через определенные промежутки времени;

6) временное изъятие удостоверения личности, транспортного средства или других разрешительных документов;

7) временное помещение обвиняемого в учреждение;

8) предписание пройти курс лечения, психотерапии и иных мер, направленных на охрану здоровья и др.

Как мы видим, УПК Австрии содержит достаточно широкий перечень мер принуждения, которые суд применяет по своему усмотрению, исходя из обстоятельств дела и его особенностей. Особое внимание уделяется жертве преступления и избежанию негативного воздействия на нее со стороны обвиняемого.

⁴⁴ Законодательство всех четырех немецкоязычных стран различает потерпевшего и жертву преступления. Жертвой является лицо, физической, психической или сексуальной неприкосновенности которого вред причинен непосредственно преступлением. В остальных случаях тот, в отношении кого совершено преступление, считается потерпевшим.

⁴¹ См.: Ibidem.

⁴² См.: Ibidem.

⁴³ См.: Jositsch D. Schweizerische Jugendstrafprozessordnung (JStPO). Kommentar. Zürich/St.Gallen, 2010. S. 90.

Лихтенштейн

В настоящее время, в соответствии с ч. 5 § 131 УПК Лихтенштейна, помимо заключения под стражу, залога и поручительства могут применяться:

1) торжественное обещание (*Gelöbnis*) до вступления в законную силу решения об окончании уголовного судопроизводства *не убежать*, не скрываться и без разрешения следственного судьи не изменять место своего постоянного пребывания. Близкое положение ранее содержалось в ч. 1 § 132 отмененного УПК 1913 г.: если обвиняемый освобождается и остается на свободе, то следственный судья берет с него обещание (*Versprechen*), что он до окончания уголовного судопроизводства без согласия следственного судьи не будет ни удаляться из места пребывания, ни скрываться, ни пытаться затруднить следствие; неисполнение данного обещания влечет заключение под стражу;

2) торжественное обещание не предпринимать попытку помешать или воспрепятствовать следствию;

3) в случаях домашнего насилия торжественное обещание воздерживаться от любого контакта с лицом, находящимся под угрозой, и указание не проникать в определенное жилище и его непосредственные окрестности или не нарушать уже изданный запрет проникновения, а также изъятие всех ключей от жилища;

4) указание проживать в определенном месте, определенной семье, избегать определенного жилища, определенного места, определенной среды, воздерживаться от употребления алкогольных напитков или других опьяняющих веществ, а также найти постоянную работу;

5) указание информировать о любом изменении места жительства или через определенные промежутки времени являться в суд или другое место;

6) с согласия обвиняемого указание пройти наркологическое лечение, иные медицинские процедуры или психотерапевтическое лечение или оздоровительные мероприятия;

7) временное изъятие проездных документов, а также документов, необходимых для управления транспортным средством;

8) временная помощь. Согласно § 144b УПК, ее необходимо предписать, если обвиняемый соглашается с этим, и она будет содействовать усилиям по ведению такого образа жизни, который удержит его в будущем от совершения уголовно

наказуемых деяний. Если у обвиняемого есть законный представитель, то ему должно быть сообщено о предписании временной помощи. Она заканчивается не позднее вступления в законную силу решения о прекращении уголовного судопроизводства;

9) запрет проникновения. В строгом смысле данная мера принуждения не является в чистом виде уголовно-процессуальной, поскольку, во-первых, урегулирована в Законе о полиции, то есть за рамками УПК, и, во-вторых, в силу ее профилактической направленности она не обязательно связана с совершенным преступлением. Вместе с тем она может быть предписана и в ходе уголовного процесса, поэтому мы не можем ее не рассмотреть.

Согласно ст. 24g Закона о полиции («Удаление и запрет проникновения»⁴⁵ при домашнем насилии»), если на основании определенных фактов следует принять во внимание, что опасное посягательство на жизнь, здоровье или свободу неизбежно, полиция уполномочена лицо, от которого исходит опасность, удалить из жилища, в котором живет находящееся под угрозой лицо, и из его непосредственных окрестностей (*deren unmittelbarer Umgebung*). Полиция доводит до сведения угрожающего лица и лица, которому угрожают, какую пространственную сферу охватывает удаление; ее границы определяются в соответствии с потребностями эффективной превентивной защиты. Таким образом, мы видим, что данная мера принуждения предписывается во внесудебном порядке и имеет оперативный характер.

При запрете вступать в собственное жилище необходимо особенно тщательно принять во внимание, что вмешательство в частную сферу затрагиваемого лица должно сохранять соразмерность. Полиция уполномочена забрать у него ключи от квартиры и имеющееся оружие; она обязана предоставить ему возможность взять с собой необходимые личные вещи. Если нужно, чтобы жилище посетило лицо, которому это запрещено, полиция обязательно должна сопроводить его (ч. 3 ст. 24g).

Отмена запрета проникновения, а также информирование находящегося в опасности лица по возможности должны быть сделаны полицией *устно*, в том числе *по телефону*, или *в пись-*

⁴⁵ Возможен также перевод: запрет появления, запрет вступления.

менной форме (ч. 7 ст. 24g). Как мы видим, в лихтенштейнском правовом порядке данная процедура не обременена затруднительными формальностями.

Соблюдение запрета проникновения должно проверяться полицией не реже *одного раза* в течение *первых трех дней*. Данная мера оканчивается с истечением *десятого дня* (ч. 8). Допускается ее обжалование как в Суд земли, так и в вышестоящий полицейский орган.

Нарушение запрета проникновения в Лихтенштейне уже само по себе уголовно наказуемо, независимо от совершения лицом каких-либо других преступных деяний⁴⁶. Согласно ст. 24d, если лицо застигнуто по горячим следам при нарушении запрета проникновения, то это является основанием *для его задержания*. Согласно ст. 36, тот, кто пренебрегает запретом проникновения, наказывается Судом земли *штрафом до 5 тыс. франков*, а в случае невозможности его взыскания – лишением свободы *до одного месяца*⁴⁷.

Лихтенштейнский опыт в данной части может быть использован и российским законодателем в процессе разработки проекта Федерального закона о борьбе с домашним насилием.

Таким образом, УПК Лихтенштейна и Закон о полиции предусматривают широкий перечень мер принуждения, направленных на обеспечение надлежащего исполнения участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей. Их можно разделить на заключение под стражу, залог, поручительство и альтернативные, более мягкие меры принуждения. Сохранение классического института следственного судьи предопределяет отсутствие судебного контроля за законностью мер пресечения на стадии предварительного следствия (в российском значении данной категории), так как один и тот же орган и ведет производство по делу, и предписывает заключение под стражу, залог, поручительство и т. д. По той же причине, в отличие от Швейцарии, где предварительное следствие возложено на прокура-

туру, в Лихтенштейне не были созданы институционально обособленные суды по вопросам мер принуждения (*Zwangsmassnahmengericht*). Изучение статистических данных показывает, что в княжестве органами уголовного судопроизводства крайне редко избирается мера принуждения в виде заключения под стражу и правоприменитель делает акцент на освобождение лица под залог и на иные более мягкие меры. Запрет определенных действий (покидать жилище, управлять транспортным средством и т.д.) также способствует надлежащему исполнению обвиняемым своих процессуальных обязанностей без его изоляции от общества.

Краткие *выводы* по теме проведенного исследования:

1. Законодатели большинства стран мира, в том числе Германии, Швейцарии, Австрии и Лихтенштейна, уже длительное время находятся в поиске альтернатив заключению под стражу. Это связано с тем, что наиболее строгая мера принуждения серьезно вторгается в конституционные права личности, а ее содержание близко к лишению свободы – наиболее строгому уголовному наказанию⁴⁸.

2. Лихтенштейн – единственное немецкоязычное государство, в котором в систему мер принуждения не входит домашний арест. При таком подходе альтернативами заключению о стражу являются в первую очередь залог и поручительство. С чем это связано, сказать сложно, но можно предположить, что дело в географическом детерминизме: около трети жителей княжества работают на территории Швейцарии и Австрии, как и значительная часть рабочей силы приезжает в Лихтенштейн из указанных выше немецкоязычных государств. В этой связи у швейцарцев и австрийцев может не оказаться жилья, а исполнить меру принуждения на территории другой страны невозможно.

3. Заслуживает внимания отечественного законодателя норма, содержащаяся в УПК Австрии, согласно которой в случае обращения залог в доход казны из этой суммы в приоритетном порядке удовлетворяются имущественные интересы потерпевшего лица. Такой подход позволит данному участнику процесса в лучшей мере за-

⁴⁶ Уголовное право Лихтенштейна кодифицировано не исчерпывающим образом, в связи с чем отдельные составы преступных деяний вынесены за рамки Уголовного кодекса.

⁴⁷ Гипотетически лицо может выстраивать линию защиты, состоящую в том, что запрет проникновения был предписан полицией незаконно или необоснованно.

⁴⁸ В УК Германии, Швейцарии, Австрии, Лихтенштейне, в отличие от России и других постсоветских стран, пожизненное лишение свободы не рассматривается в качестве самостоятельного уголовного наказания и считается видом лишения свободы.

щитить свои права и законные интересы, отвечает принципу процессуальной справедливости.

4. Также в интересах защиты потерпевшего лица представляется необходимым по австрийскому образцу дополнить УПК РФ такой мерой принуждения, как запрет вступать в контакт с потерпевшим лицом. Если же обвиняемый желает связаться с потерпевшим в целях примирения и возмещения причиненного ущерба, то такие контакты должны осуществляться в присутствии следователя или дознавателя.

5. Законодатели рассмотренных государств ведут поиски альтернатив не только заключению под стражу, но и домашнему аресту⁴⁹ и залогу. При этом новые меры принуждения, с одной стороны, должны быть эффективными и обеспечивать исполнение участниками уголовного судопроизводства их обязанностей, с другой – не затратными для бюджета в силу доктринального принципа процессуальной экономии.

6. Усиление судебного контроля в уголовном процессе немецкоязычных стран привело к тому, что большинство мер принуждения предписываются судом – носителем судебной власти. По сути, только подписка о невыезде может быть получена полицией или прокуратурой. Представляется необходимым дополнить УПК РФ тем, что все меры пресечения, предусмотренные в ст. 98, должны избираться судом, за исключением подписки о невыезде.

Библиографический список

Ахминова Ю. Ю. Домашний арест как мера пресечения на стадии предварительного расследования. М., 2019.

Барбанов П. К. Уголовный процесс в США. М., 2015.

Барков Л. А. Элементы ограничения свободы и случаи применения электронного контроля в уголовном законодательстве США и Великобритании // Вестник Челябин. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 37.

Дигесты Юстиниана. Т. VII, полутом 2 / под ред. Л. Л. Кофанова. М., 2005.

Кони А. Ф. Нравственные начала уголовного процесса. М., 2006.

Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978.

Куц Карл-Людвиг. Введение в криминологическое мышление. СПб, 2019.

⁴⁹ С оговоркой о том, что в УПК Лихтенштейна в системе мер принуждения нет домашнего ареста.

Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906.

Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. СПб, 1901.

Микляшевский В. В. О средствах предоставления обвиняемого в суд и пресечения ему способов уклониться от следствия и суда. Варшава, 1872. Т. 1.

Сумин А. А., Химичева О. В. Введение в уголовный процесс Сирийской Арабской Республики. М., 2022.

Уголовно-процессуальное законодательство Чешской Республики / под ред. Л. В. Майоровой. Красноярск, 1999.

Франц фон Лист. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2009.

Фридрих-Кристиан Шредер, Торстен Феррел. Уголовно-процессуальное право Германии / пер. с нем. М. А. Кудратова. М., 2016.

Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. Н. А. Крашенинниковой. М., 2005. Т. 2.

Энрико Ферри. Уголовная социология. М., 2009.

Энциклопедия уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. М., 2013. Т. 13.

Aebersold P. Schweizerisches Jugendstrafrecht. Bern, 2011.

Frühneuzeit // Triesen. Informationen und Mitteilungen aus der Gemeinde. Ausgabe 125, Januar 1998, 30. Jahrgang.

Jositsch D. Schweizerische Jugendstrafprozessordnung (JStPO). Kommentar. Zürich/St.Gallen, 2010.

Lutz Mayer Gofner. Strafprozessordnung. München, 2008.

Pieth M. Schweizerisches Strafprozessrecht. Basel, 2009.

Strafprozessordnung // herausgegeben von Dr. Helene Bachner-Foregger. Wien, 2009.

Tschaikner Manfred. Hexenverfolgen in Triesen. Neue Erkenntnisse über die Hexenprozesse der Frühneuzeit // Triesen. Informationen und Mitteilungen aus der Gemeinde. Ausgabe 125, Januar 1998, 30. Jahrgang. S. 20–22.

References

Aebersold P. Swiss juvenile criminal law. Berne, 2011.

Early modern period // Triesen. Information and announcements from the community. Issue 125, January 1998, 30th year.

Jositsch D. Swiss Youth Criminal Procedure Code (JStPO). Comment. Zurich/St.Gallen, 2010.

Lutz Mayer Gofner. Code of Criminal Procedure. Munich, 2008.

Pieth M. Swiss criminal procedure law. Basel, 2009.

Code of Criminal Procedure // ed. by Dr. Helene Bachner-Foregger. Vienna, 2009.

Tschaikner Manfred. Witch hunts in Triesen. New insights into the witch trials of the early modern period // Triesen. Information and announcements from the community. Issue 125, January 1998, 30th year. P. 20–22.

Akhminova Yu. Yu. House arrest as a preventive measure at the preliminary investigation stage. M., 2019.

Barabanov P. K. Criminal proceedings in the USA. Moscow, 2015.

Barkov L. A. Elements of restriction of freedom and cases of use of electronic control in the criminal legislation of the USA and Great Britain // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series «Law». 2022, No. 37.

Justinian's Digests. Volume VII, half volume 2 // ed. L. L. Kofanova. M., 2005.

Koni A. F. Moral principles of the criminal process. M., 2006.

Kornukov V. M. Measures of procedural coercion in criminal proceedings. Saratov, 1978.

Kunz Karl-Ludwig. Introduction to criminological thinking. St. Petersburg, 2019.

Lublinsky P. I. Freedom of the individual in criminal proceedings. St. Petersburg, 1906.

Makalinsky P. V. Practical guide for forensic investigators attached to district courts. St. Petersburg, 1901.

Miklyashevsky V. V. On the means of bringing the accused to trial and preventing him from evading investigation and trial. Warsaw, 1872. Vol. 1.

Sumin A. A., Khimicheva O. V. Introduction to the criminal procedure of the Syrian Arab Republic. M., 2022.

Criminal procedural legislation of the Czech Republic // ed. L. V. Mayorova. Krasnoyarsk, 1999.

Franz von List. Tasks of criminal policy. Crime as a socio-pathological phenomenon. M., 2009.

Friedrich-Christian Schröder, Thorsten Ferrell. Criminal procedural law of Germany // trans. from German by M. A. Kudratova. M., 2016.

Reader on the history of state and law of foreign countries // ed. N. A. Krashennikova. M., 2005. Vol. 2.

Enrico Ferri. Criminal sociology. M., 2009.

Encyclopedia of Criminal Law // ed. V. B. Malinina. M., 2013. Vol. 13.

Aebersold P. Schweizerisches Jugendstrafrecht. Bern, 2011.

Frühneuzeit // Triesen. Informationen und Mitteilungen aus der Gemeinde. Ausgabe 125, Januar 1998, 30. Jahrgang.

Jositsch D. Schweizerische Jugendstrafprozessordnung (JStPO). Kommentar. Zürich/St.Gallen, 2010.

Lutz Mayer Gößner. Strafprozessordnung. München, 2008.

Pieth M. Schweizerisches Strafprozessrecht. Basel, 2009.

Strafprozessordnung // herausgegeben von Dr. Helene Bachner-Foregger. Wien, 2009.

Tschaikner Manfred. Hexenverfolgen in Triesen. Neue Erkenntnisse über die Hexenprozesse der Frühneuzeit // Triesen. Informationen und Mitteilungen aus der Gemeinde. Ausgabe 125, Januar 1998, 30. Jahrgang. S. 20–22.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Трефилов А. А., доцент Департамента уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Поступила в редакцию: 20.03.2024

Для цитирования:

Трефилов А. А. Альтернативы заключению под стражу в уголовном процессе Германии, Швейцарии, Австрии, Лихтенштейна // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 170–183. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/170-183>

National Research University of the Higher School of Economics

Trefilov A. A., Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology

E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Received: 20.03.2024

For citation:

Trefilov A. A. Alternatives to detention in criminal procedures in Germany, Switzerland, Austria, Lichtenstein // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 170–183. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/170-183>

ЗНАЧЕНИЕ ВОПРОСОВ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КРИПТОВАЛЮТЫ ДЛЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

А. Л. Аристархов

Университет прокуратуры Российской Федерации

THE IMPORTANCE OF CRYPTOCURRENCY REGULATION ISSUES FOR CRIMINAL PROCEEDINGS

A. L. Aristarkhov

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Аннотация: анализируются положения действующего законодательства, регламентирующего вопросы использования криптовалюты. Отмечается, что Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не предусматривает данного понятия. В то же время регламентация криптовалюты есть в других законодательных актах. С учетом изложенного применительно к иному имуществу, указанному в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, криптовалюту отнести возможно. Вследствие такого значения приводятся аргументы о необходимости распространения гражданско-правовых отношений на практику использования криптовалюты в рамках сделки. Именно такой подход может позволить соблюсти интересы сторон сделки, а также применять уточненное законодательство в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: цифровые акты, цифровая валюта, валюта, криптовалюта, сделки, имущество.

Abstract: it analyzes the provisions of the current legislation regulating the use of cryptocurrencies. It is noted that Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (hereinafter referred to as Law No. 259) does not provide for this concept. At the same time, cryptocurrency regulation is found in other legislative acts. Taking into account the above in relation to other property specified in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code of the Russian Federation), cryptocurrency can be attributed to. As a result of this importance, arguments are made about the need to extend civil law relations to the practice of using cryptocurrency as part of a transaction. It is this approach that can allow the interests of the parties to the transaction to be respected, as well as the application of clarified legislation in criminal proceedings.

Key words: digital acts, digital currency, currency, cryptocurrency, transactions, property.

Использование криптовалюты всё более прочно включается в существующую реальность. Прежде всего, данное понятие стало юридическим и получило нормативное закрепление. Несмотря на то что многие вопросы, связанные с обращением криптовалюты не урегулированы, полагаем, что базисные положения гражданского законодательства не исключают возможности более тщательной регламентации возникающих правоотношений в рамках гражданско-право-

вых договоров. Подобный подход позволил бы соблюсти не только интересы сторон договора, но и публичные интересы, которые могут иметь различное выражение, в том числе в уголовном судопроизводстве.

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует об использовании злоумышленниками криптовалюты в противоправной деятельности. Так, по одному из уголовных дел установлено, что «сообщество характеризовалось в том числе единым руководством, которое финанси-

ровало его деятельность, длительностью периода деятельности, отработанной системой распространения наркотиков, распределением ролей между участниками, едиными для всех мерами конспирации, запрещающими личное знакомство членов сообщества, предполагающими обмен информацией только через зашифрованную связь интернет-мессенджера с использованием вымышленных имен, передачу наркотиков бесконтактным способом через «оператора», обучение правилам оборудования тайников, совершением финансовых операций через неперсонифицированные счета в криптовалюте»¹. К.-Ч. целенаправленно совершал финансовые операции по переводу денежных средств с виртуального счета на банковские карты, оформленные на дочь сожительницы, придавая правомерный вид владению указанными денежными средствами в сумме 8 млн 240 тыс. 278 руб. 69 коп., вводя их в легальный оборот. При совершении финансовых операций К.-Ч. использовал банковские технологии, позволяющие избежать процедуры банковского контроля и исключить возможность идентификации собственников счетов и лиц, совершающих указанные операции². Из показаний М. в качестве обвиняемого и подозреваемого следует, что за каждый сверток наркотических средств он получал по 500 руб., деньги в криптовалюте переводились на его электронный кошелек³.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что использование криптовалюты затрудняет идентификацию собственников криптокошельков, что может создать сложности в ходе предварительного расследования преступлений, в том числе предусмотренных ст. 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Изложенное создает необходимость анализа положений действующего законодательства, включающего в свое содержание понятие «криптовалюта», с точки зрения определения особенностей существующей регламентации, соотношения данного понятия с други-

ми понятиями, возможности совершенствования правового регулирования для повышения эффективности уголовного судопроизводства в указанной части.

Понятие криптовалюты вытекает из Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259), регулирующего вопросы использования цифровых финансовых активов, цифровой валюты. Как пишет А. А. Ситник, очевидно, что под цифровыми валютами следует понимать криптовалюту⁴.

Цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, в том числе возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, что следует из ч. 2 ст. 1 Закона № 259.

На основании ч. 3 ст. 1 Закона № 259 цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных. При этом указания о криптовалюте в Законе № 259 не содержится.

Говоря о цифровых финансовых активах и цифровой валюте, необходимо отметить важность соотношения данных терминов.

В частности, ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает, что к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права).

Под финансовыми активами понимается вид собственности (наличные деньги в кас-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2023 г. № 74-УД22-10СП-А5.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2023 г. № 6-УДП23-6-А1.

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 октября 2022 г. № 29-УД22-11-А4.

⁴ См.: Ситник А. А. Цифровые валюты : проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 103–113.

се учреждения, денежные средства на лицевых и расчетных счетах, ценные бумаги, паи или долевое участие в других предприятиях и т. д.⁵ Так, Т. В. Ярошенко отмечает, что в случае заключения брачного договора в отношении уже приобретенных или приобретаемых в перспективе цифровых ресурсов криптовалюта будет рассматриваться как цифровой финансовый актив⁶.

В соответствии с подп. «а», «б» п. 1 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – Закон № 173) под валютой понимаются денежные знаки в виде банкнот и монеты Банка России, находящиеся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории Российской Федерации, а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки; средства на банковских счетах и в банковских вкладах. В данном же законодательном акте содержится понятие иностранной валюты (подп. 2 п. 1 ч. 1 ст. 1 Закона № 173). Изложенные особенности позволяют говорить о том, что цифровые финансовые активы включают в себя цифровую валюту.

Закон № 259 является специальным законом, поскольку регулирует вопросы цифрового пространства. Но и в данном случае эти особенности не единственные, поскольку в Законе № 259 отсутствует понятие «цифровой рубль». При этом данное понятие используется в Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Закон № 161). То есть не только положения Закона № 259, но и Закона № 161 являются специальными применительно к Закону № 173. В целом же можно предположить, что специальное законодательство является связующим звеном для базисного законодательства, позволяя альтернативно использовать возможности цифрового пространства.

Понятие «криптовалюта» введено в российское законодательство, но в полной мере не раскрыто. Так, в ст. 3 Федерального закона

⁵ См.: Бюджетные учреждения : планирование, учет, анализ и контроль : учебник / Д. А. Ендовицкий, Ю. И. Бахтурина, И. С. Бехтерева [и др.] ; под ред. Д. А. Ендовицкого. М., 2022. 804 с.

⁶ См.: Ярошенко Т. В. Гражданско-правовая характеристика цифровых активов : актуальные вопросы // Нотариус. 2022. № 8. С. 23–26.

от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» предусмотрено, что для целей данного федерального закона цифровая валюта признается имуществом. В силу ст. 128 ГК РФ к иному имуществу относятся в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, как то: цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права).

Вместе с тем режим владения, пользования и распоряжения таким имуществом ограничен. Например, ФНС России указала, что в настоящее время законодательством Российской Федерации о налогах и сборах правовой статус криптовалют как особого вида имущества не установлен⁷.

Банком России прорабатывается вопрос использования криптовалют в расчетах по внешнеэкономической деятельности⁸.

При учете изложенного криптовалюту сложно отнести к цифровой валюте. В силу подп. «а» п. 1 ч. 1 ст. 1 Закона № 173 денежные средства выступают средством платежа. Также сложно отнести криптовалюту к цифровым финансовым активам, поскольку право требовать должно быть регламентировано.

В данном случае актуальным является предложение А. А. Титова и В. Ф. Васюкова о необходимости легально закрепить имущественную составляющую криптовалюты⁹. С этих же позиций можно согласиться с точкой зрения О. Н. Алеева и А. А. Пахарукова о том, что отечественное законодательство о цифровых активах всё еще находится в стадии формирования¹⁰. При этом очевидно, что режим пользования, владения и распоряжения криптовалютой

⁷ Письмо ФНС России от 22 ноября 2018 г. № БС-4-11/22635@ «О налогообложении доходов физических лиц» (вместе с <Письмом> Минфина России от 08.11.2018 г. № 03-04-07/80764).

⁸ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов (разработаны Банком России).

⁹ См.: Титов А. А., Васюков В. Ф. Процессуальные и тактические проблемы изъятия электронных носителей и копирования информации при расследовании преступлений с использованием криптовалюты // Рос. следователь. 2023. № 2. С. 23–27.

¹⁰ См.: Алеев О. Н., Пахаруков А. А. Правовой режим цифровых активов в деле о банкротстве // Молодежный вестник ИрГТУ. 2022. № 14, т. 12. С. 875–886.

всё же является ограниченным. То есть можно вести речь о специальном правовом регулировании данного вопроса.

Отсутствие имущественной составляющей не исключает вывода о том, что криптовалюта обладает такими признаками, когда при отсутствии самого имущества сохраняется право на данное имущество. В определенном смысле схожая ситуация рассмотрена К. В. Ображиевым, который пишет, что в случае отнесения безналичных денежных средств к праву на имущество, тайное и открытое посягательства на них не образуют бы состава преступления¹¹. Тем самым закрепление криптовалюты для определенных целей в качестве имущества является закономерным.

Представляется, что возникающие в данном случае сложности, связанные с признанием криптовалюты имуществом, также обусловлены интерактивным (виртуальным) характером используемых возможностей, допускающим «хождение» средств платежа в рамках цифровой платежной системы. Более того, применительно к криптовалюте вообще затруднительно вести речь об указанной системе, поскольку более подходящим термином может явиться «цифровая площадка». Такой подход соответствует позиции В. С. Белых о том, что криптобиржа – организованная площадка для торговли криптовалютами и токенами¹². Е. В. Кудряшова отмечает, что криптовалюта представляет собой запись транзакций в виде реестра, распределенного между участниками сети без единого эмитента или расчетного центра, который реализуется с помощью технологии блокчейн¹³.

После признания криптовалюты имуществом ее стали рассматривать в качестве предмета преступления. Так, предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления¹⁴.

¹¹ См.: *Ображиев К. В.* Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту : проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 71–87.

¹² См.: *Белых В. С.* Правовое регулирование деятельности криптовалютных бирж // Юрист. 2020. № 7. С. 2–7.

¹³ См.: *Кудряшова Е. В.* Криптовалюты в правовом поле // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 10. С. 2175–2183.

¹⁴ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, при-

обретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 (абз. 3 п. 1) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

В продолжение следует привести пример, когда была установлена сумма взятки более чем в 2,7 тыс. биткоинов (7,3 млрд руб.)¹⁵. В СМИ также содержатся сведения о наложении судом ареста на биткоины в предусмотренном порядке, а также позиции государственного обвинителя о конфискации всех полученных незаконным путем средств¹⁶.

Тем самым речь можно вести о совершении с криптовалютой процессуальных (следственных) действий, что также следует из научных публикаций¹⁷, а также наработке соответствующей практики.

О. Н. Тисен пишет, что установление ключей к электронным кошелькам на практике проблематично, фактически конфискация криптовалюты, которая находится на них, возможна лишь в случаях, если владелец кошелька сообщит шифр ключа правоохранительным органам либо его удастся установить иным способом¹⁸. По мнению И. А. Ишина, важными следственными действиями, связанными с использованием криптовалюты, являются допрос и обыск¹⁹. Авторы научно-практического пособия отмечают, что в ходе обыска или выемки следует проводить не только поиск цифровой валюты, но и изъятие, связанное с созданием условий по противодействию возможным операциям владельца с изъятием у

обретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 (абз. 3 п. 1) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

¹⁵ Мосгорсуд признал законным арест фигурантки дела о взятке в биткоинах. URL: <https://ria.ru/20231004/arrest-1900487087.html?ysclid=lp75t0jt9s504948381> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁶ Экс-следователь предстанет перед судом за взятку в биткоинах. URL: <https://iz.ru/1523077/2023-06-03/eks-sledovatel-predstanet-pered-sudom-za-vzjatku-v-bitkoinakh> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁷ См.: *Камчатов К. В., Мочалкина И. С., Панин Е. С.* Криптовалюта как предмет преступления и средство обеспечения иска в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2023. № 1.

¹⁸ См.: *Тисен О. Н.* Доказывание преступлений, совершенных с использованием криптовалют : следственная и судебная практика в условиях пробелов в правовом регулировании // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 156.

¹⁹ См.: *Ишин И. А.* Особенности производства отдельных следственных действий и роль начальника органа дознания при расследовании преступлений, совершенных с использованием с криптовалютой // Академическая мысль. 2020. № 2 (11). С. 84.

него криптовалюты. Далее требуется решить вопрос о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество²⁰.

Однако ключевой вопрос заключается в том, что сами биткойны виртуальны и их ценность с точки зрения восприятия движимого или недвижимого имущества является специфической. Сложно отрицать, что создание криптовалюты сопряжено с использованием труда программистов и других технических специалистов, оборудования. Соответственно, криптовалюта имеет ценность подобно, например, компьютерной программе.

В целом же, если провести аналогию, то покупку криптовалюты можно сравнить с помещением денежных средств в банковскую ячейку. Ведь при покупке криптовалюты речь идет о сделке²¹. В то же время применительно к помещению денежных средств в банковскую ячейку отмечаются сложности, связанные, прежде всего, с отсутствием типовых правил оказания услуг по предоставлению сейфов, и разработкой, внедрением их каждым банком самостоятельно²². При этом в данном же случае для определенных ситуаций рассматривается в том числе возможность заключения договора возмездного оказания услуг²³. Данные сложности актуальны применительно к криптовалюте.

Все эти аспекты позволяют сделать вывод о том, что использование криптовалюты должно происходить на основании гражданско-правового договора, подобно, например, договору банковского вклада, о чем также следует дополнить положения ГК РФ. Основой для таких рассуждений, в частности, является то, что в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организован-

ных торгах» биржей является организатор торговли, имеющий лицензию биржи. Биржей может являться только акционерное общество. Это позволило бы более четко определить обязанности сторон, распространить нормы гражданского права на регулирование вопросов обращения криптовалюты как иного имущества, решить другие вопросы.

Определенным подтверждением этому является позиция судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой вывод суда о том, что титульный знак WMZ не может являться предметом гражданских правоотношений и отношения с его участием не регулируются гражданским законодательством, сделан без учета следующих обстоятельств.

Для всех типов кошельков системы «WebMoneyTransfer» доступны следующие способы пополнения: обмен наличных (безналичных) на WebMoney в одной из секций биржи Exchanger, обмен наличных на WebMoney в одном из обменных пунктов, обмен электронной валюты других систем, пополнение кошелька WM-картой. Кроме того, для кошелька WMZ существуют дополнительные способы: через платежные терминалы, банковским переводом, при помощи WM-карты, предоплаченной картой, из QIWI-кошелька, с банковской карты в онлайн, с банковского счета, через сервис денежных переводов, с банковской карты через секцию Cards.Exchanger сервиса обмена Exchanger, при помощи различных платежных систем через секцию Emoney.Exchanger сервиса обмена Exchanger²⁴.

Тем самым упорядочиванию правового регулирования деятельности поставщиков криптовалютных услуг и физических лиц, а также обеспечению права вкладчиков должна способствовать разработка договора вклада денежных средств в криптовалюту или хранения денежных средств в криптовалюте. Такой подход будет способствовать и учету существующих прав регулирования вопросов, связанных с виртуальным имуществом, в том числе, когда речь идет о необходимости наложения ареста на данное имущество в уголовном судопроизводстве.

²⁰ Прокурорский надзор за исполнением законов органами предварительного расследования при выявлении и расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : науч.-практ. пособие / А. Л. Аристархов, К. В. Камчатов [и др.] ; Ген. прокуратура Рос. Федерации ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2023. С. 88–89.

²¹ Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте: <http://static.government.ru> по состоянию на 9 февраля 2022 г.

²² См.: *Ивлева М. М.* Актуальные проблемы правового регулирования хранения ценностей в банке // *Банковское право.* 2020. № 1. С. 25–30.

²³ См.: Там же. С. 25–30.

²⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2021 г. № 48-КГ21-3-К7, 2-5227/2019.

Библиографический список

Алеев О. Н., Пахаруков А. А. Правовой режим цифровых активов в деле о банкротстве // Молодежный вестник ИрГТУ. 2022. Т. 12, № 14. С. 875–886.

Белых В. С. Правовое регулирование деятельности криптовалютных бирж // Юрист. 2020. № 7. С. 2–7.

Бюджетные учреждения : планирование, учет, анализ и контроль : учебник / Д. А. Ендовицкий, Ю. И. Бахтурина, И. С. Бехтерева [и др.] ; под ред. Д. А. Ендовицкого. М. : КНОРУС, 2022. 804 с.

Иевлева М. М. Актуальные проблемы правового регулирования хранения ценностей в банке // Банковское право. 2020. № 1.

Ишин И. А. Особенности производства отдельных следственных действий и роль начальника органа дознания при расследовании преступлений, совершенных с использованием с криптовалютой // Академическая мысль. 2020. № 2 (11).

Камчатов К. В., Мочалкина И. С., Панин Е. С. Криптовалюта как предмет преступления и средство обеспечения иска в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2023. № 1.

Кудряшова Е. В. Криптовалюты в правовом поле // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 10. С. 2175–2183.

Ображиев К. В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту : проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 71–87.

Ситник А. А. Цифровые валюты : проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 103–113.

Титов А. А., Васюков В. Ф. Процессуальные и тактические проблемы изъятия электронных носителей и копирования информации при расследовании преступлений с использованием криптовалюты // Рос. следователь. 2023. № 2. С. 23–27.

Тисен О. Н. Доказывание преступлений, совершенных с использованием криптовалют : следственная и судебная практика в условиях пробелов в правовом регулировании // Криминологический журнал. 2023. № 2.

Ярошенко Т. В. Гражданско-правовая характеристика цифровых активов : актуальные вопросы // Нотариус. 2022. № 8. С. 23–26.

References

Aleev O. N., Pakharukov A. A. The legal regime of digital assets in a bankruptcy case // Youth Bulletin of IrSTU. 2022. No. 14. Vol. 12. P. 875–886.

Belykh V. S. Legal regulation of the activities of cryptocurrency exchanges // Lawyer. 2020. No. 7. P. 2–7.

Budgetary institutions : planning, accounting, analysis and control : textbook / D. A. Endovitsky, Yu. I. Bakhturina, I. S. Bekhtereva, [etc.] ; ed. A. Endovitsky. Moscow : KNORUS, 2022. 804 p.

Ievleva M. M. Actual problems of legal regulation of the storage of valuables in a bank // Banking law. 2020. No. 1. P. 25–30.

Ishin I. A. Features of the production of individual investigative actions and the role of the head of the body of inquiry in the investigation of crimes committed using cryptocurrency // Academic thought. 2020. № 2 (11).

Kamchatov K. V., Mochalkina I. S., Panin E. S. Cryptocurrency as an object of crime and a means of securing a claim in criminal proceedings // Criminal proceedings. 2023. No. 1.

Kudryashova E. V. Cryptocurrencies in the legal field // Finance and credit. 2018. Vol. 24. No. 10. P. 2175–2183.

Obrazhiev K. V. Criminal encroachments on digital financial assets and digital currency : problems of qualification and legislative regulation // Journal of Russian Law. 2022. No. 2. P. 71–87.

Sitnik A. A. Digital currencies : problems of legal regulation // Current problems of Russian law. 2020. No. 11. P. 103–113.

Titov A. A., Vasyukov V. F. Procedural and tactical problems of seizure of electronic media and copying of information in the investigation of crimes using cryptocurrency // Russian investigator. 2023. No. 2. P. 23–27.

Tisen O. N. Proving crimes committed using cryptocurrencies : investigative and judicial practice in the context of gaps in legal regulation // Criminological Journal. 2023. № 2.

Yaroshenko T. V. Civil law characteristics of digital assets : topical issues // Notary. 2022. No. 8.

Университет прокуратуры Российской Федерации

Аристархов А. Л., кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Научно-исследовательского института

E-mail: alaris700@mail.ru

Поступила в редакцию: 28.02.2024

Для цитирования:

Аристархов А. Л. Значение вопросов регламентации криптовалюты для уголовного судопроизводства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 184–190. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/184-190>

University of the Prosecutor's Office Of the Russian Federation

Aristarkhov A. L., PhD in Law, Leading Researcher at the Department of Scientific Support for Prosecutorial supervision of the execution of laws in the implementation of operational investigative activities and the participation of the prosecutor in criminal proceedings of the Research Institute

E-mail: alaris700@mail.ru

Received: 28.02.2024

For citation:

Aristarkhov B. L. The importance of cryptocurrency regulation issues for criminal proceedings // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 184–190. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/184-190>

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Е. В. Егорова

Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики (Москва)

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE INSTITUTE OF REHABILITATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

E. V. Egorova

National Research University of the Higher School of Economics (Moscow)

Аннотация: право на реабилитацию и возмещение причиненного ущерба являются фундаментальными принципами отечественной системы уголовного судопроизводства. Однако правового закрепления государственной ответственности перед лицами, незаконно подвергнутыми уголовному преследованию, не хватает для ее полноценного осуществления на практике, чему доказательством служат многочисленные обращения в Конституционный Суд РФ с жалобами о неконституционности отдельных норм уголовно-процессуального законодательства, которые регламентируют основания и условия возникновения права на реабилитацию. Для выработки более четкой, по возможности, однозначной позиции в статье на основе анализа различных точек зрения, изложенных в юридической доктрине, а также судебной практики предложены возможные направления совершенствования механизма реализации института реабилитации на практике.

Ключевые слова: реабилитация, возмещение вреда, компенсация, уголовный процесс, уголовное судопроизводство.

Abstract: the right to rehabilitation and reparation are fundamental principles of the criminal justice system. However, the legal consolidation of State responsibility to persons illegally prosecuted is not enough for its full implementation in practice, which is evidenced by numerous appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation with complaints about the unconstitutionality of certain norms of criminal procedure legislation that regulate the grounds and conditions for the emergence of the right to rehabilitation. To develop a clearer, if possible, unambiguous position in the article based on the analysis of various points of view set forth in the legal doctrine, as well as judicial practice, possible directions for improving the mechanism for implementing the institution of rehabilitation in practice are proposed.

Key words: rehabilitation, indemnification, compensation, criminal proceedings.

Специфика уголовного судопроизводства заключается как в защите прав и законных интересов потерпевших от преступных деяний, так и в защите обвиняемых, подозреваемых и осужденных от незаконного и необоснованного уголовного преследования¹. Государство, кото-

рое, исходя из общей законотворческой составляющей, призвано обеспечивать полноценное восстановление в правах на основе принципов верховенства права и юридического равенства, обязано давать гарантию максимально полного возмещения причиненного ущерба от незаконного уголовного преследования.

Механизм института реабилитации, исходя из обобщения действующих законодательных норм, как правило, начинает действовать после реализации волеизъявления оправданного лица либо иного гражданина, незаконно или необо-

¹ Статья 6. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // Парламентская газета. 2001. 22 дек. № 241-242.

снованно подвергнутого уголовному преследованию. Более того, если проанализировать круг лиц, которые являются участниками уголовного судопроизводства, следует отметить, что реабилитируемого лица законодательно в их числе нет. Если у оправданного лица в силу той или иной причины не появляется желание осуществить предоставляемое ему государством право на реабилитацию в том виде, в котором оно законодательно представляется возможным, то со стороны государства это лицо не будет признано реабилитируемым, а останется в статусе оправданного.

На законодательном уровне понятие реабилитации отражено, на наш взгляд, не достаточно и продолжает создавать коллизии уголовно-процессуальных норм. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством основанием появления права реабилитации у лица является незаконное или необоснованное преследование в рамках рассмотрения уголовного дела². Если отталкиваться от закрепленного в УПК РФ понятия уголовного преследования, то основанием для права на реабилитацию также можно считать и любые действия и решения, предпринимаемые стороной обвинения и направленные на то, чтобы изобличить в совершенном преступлении лицо, которое стало подозреваемым или обвиняемым. Но возникают случаи, когда даже при признании лица невиновным можно не получить компенсацию. Одним из таких ярких примеров служит отсылка к п. 6 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах³. Данная норма указывает на случаи, когда может быть доказано, что исключительно по вине осужденного обстоятельство, которое четко указывает на судебную ошибку, не было надлежащим образом обнаружено. Если лицо несет ответственность за то, что определенное обстоятельство вовремя не было обнаружено, то основания для возмещения ущерба будут отсутствовать.

Как и все другие правоотношения, реабилитационные строятся на основе взаимодейству-

ющих между собой субъектов, одни из которых наделены правами на возмещение ущерба, а другие – несут обязанности по ликвидации последствий причиненного ущерба. Первой категории субъектов условно можно присвоить статус правомочных, а второй – статус обязанных. Единственным обязанным субъектом при возмещении ущерба и восстановлении прав реабилитированных является государство. Свои прямые обязанности оно осуществляет посредством правоохранительных органов, судебного корпуса и их должностных лиц⁴.

Нормы гражданского законодательства определяют, что в процессе реабилитационных отношений возмещение причиненного вреда в ходе уголовного преследования осуществляется за счет государственной казны федерального, регионального и муниципального значения⁵. В одном из определений Верховного Суда РФ указывается, что при возмещении ущерба от имени государственной казны любого значения выступают финансовые органы⁶. В приказе Министерства финансов и Федерального казначейства РФ определено право представления интересов Правительства РФ в судах управлениями федерального казначейства по регионам и предусмотрен порядок ведения в судах работы по выступлению от имени казны РФ на основании закрепленной законом доверенности⁷. Следовательно, обязанным субъектом в реабилитационных отношениях считается государство, которое действует во исполнение законодательно зафиксированных обязанностей через специально уполномоченные на то государственные органы.

⁴ Часть 1 статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 08.12.2020).

⁵ Статья 1071 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

⁶ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 25 января 2002 г. по делу № 2-134/01. URL: <http://www.supcourt.ru/>

⁷ О порядке организации и ведения работы по представлению в судебных органах интересов Министерства финансов Российской Федерации и интересов Правительства Российской Федерации в случаях, когда их представление поручено Министерству финансов Российской Федерации : приказ Минфина РФ и Федерального казначейства от 25 августа 2006 г. № 114н/9н (с изм. и доп.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12050401/>

² Статья 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 08.12.2020).

³ Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

Именно оправдательный приговор является основанием для приобретения подсудимым в дальнейшем статуса реабилитированного лица. Важно заметить, что в стадии судебного разбирательства уголовное дело может быть прекращено по тем же основаниям, как и на стадии предварительного расследования. Если подобные обстоятельства будут выявлены, суд доведет рассмотрение дела до конца и в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом⁸, вынесет оправдательный приговор. В то же время у суда нет препятствий для признания права на реабилитацию при вынесении обвинительного приговора такой категории лиц, которые оправданы по части обвинения и признаны виновными в совершении иного преступного деяния. В случае частичного оправдания лица суд оставляет за собой право признать за таковым лицом право на частичную реабилитацию. Если такое право на реабилитацию не признали за лицом, то автоматического его возникновения законом не предусмотрено.

Важно подчеркнуть, что исходя из трактовки ст. 139 УПК РФ субъектами правоотношений в сфере реабилитации могут быть и юридические лица. Особенность указанной нормы заключается в возможности надления юридических лиц правом на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями и решениями суда и правоохранительных органов в полном объеме в порядке и сроки, установленные для реабилитации физических лиц. Однако возможность отнесения юридического лица к категории субъектов, имеющих право на реабилитацию, необходимо рассматривать с учетом положений ст. 133 УПК РФ, что, в свою очередь, обнаруживает немало спорных позиций, многие из которых активно обсуждаются в юридической литературе⁹. Так, законодательство предусматривает ограниченный круг участников уголовного судопроизводства. Со стороны обвинения юридическое лицо может быть потерпевшим или гражданским истцом, со стороны защиты – гражданским ответчиком. Исходя из этого, отдельные ученые-процессуалисты справедливо, на наш взгляд, призывают обратить внимание на возникающую кол-

лизию и нарушение принципа равенства всех участников уголовного судопроизводства, потому как физическое лицо может возмещать убытки в общем порядке, а юридическое лицо – только в порядке ст. 139 УПК РФ. Данная позиция сводится к необходимости применения процедуры, общей для всех категорий участников уголовного судопроизводства, если государство является ответственным субъектом, в том числе по признанию и исправлению допущенных ошибок со стороны должностных лиц судебного корпуса и соответствующих должностных лиц правоохранительных органов.

Кроме того, возможно появление спорной ситуации относительно критерия допустимости применения мер процессуального принуждения в отношении юридических лиц, деятельность которых в таком случае может ограничиваться. Тогда право на реабилитацию имеют только гражданские ответчики, к которым относится одна единственно возможная мера процессуального принуждения (как к юридическим лицам) – наложение ареста на имущество. А значит, категорией юридических лиц, к которым может быть применена ст. 139 УПК РФ, являются только те, на чье имущество может быть наложен арест по обеспечению гражданского иска. Проводя анализ содержания гл. 18 УПК РФ, сторонники данной правовой позиции приходят к выводу, что ст. 133, 134 и 138 УПК РФ никоим образом не могут применяться к юридическим лицам (помимо ч. 3 ст. 133, обозначающей необходимость применения положений данной главы для любых лиц, незаконно подвергнутых мерам процессуального принуждения). Если применять ст. 139 УПК РФ по аналогии с реабилитацией физических лиц, то необходимо учитывать немалое количество исключений, которые напрямую могут препятствовать надлежащему применению данной уголовно-процессуальной нормы на практике¹⁰.

Другим дискуссионным моментом является возможность материального возмещения морального ущерба юридическому лицу. Общеизвестно, что юридические лица не могут нести физические и нравственные страдания,

⁸ Статья 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 08.12.2020).

⁹ См.: Сунрун С. В. Субъекты права на реабилитацию и проблемы его признания в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2011. № 1. С. 76.

¹⁰ См.: Ларкина Е. В., Виноградова Д. М. Возмещение вреда юридическим лицам и его взаимосвязь с институтом реабилитации // Актуальные проблемы науки и практики : Гатчинские чтения – 2019 : сб. науч. трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. Гатчина, 2019. С. 364.

поэтому, казалось бы, к ним общие правила о возмещении морального ущерба не применяются. Однако содержание ч. 2 ст. 136 УПК РФ можно рассматривать как возможность защиты деловой репутации юридического лица, а значит, и применять общие правила реабилитации. Предполагается, что при возникновении подобной ситуации представители должны обратиться в уполномоченный орган с письменным требованием о возмещении ущерба, который был причинен юридическому лицу незаконными действиями в ходе уголовного судопроизводства. Действительно, мало разработать практические условия реализации ст. 139 УПК РФ, важно, чтобы должностные лица правоохранительных органов обладали необходимыми правовыми и экономическими знаниями для квалифицированного расчета той же упущенной выгоды крупного предприятия и могли четко определить надлежащий порядок действенных мер по защите деловой репутации юридического лица. На практике защита деловой репутации в уголовном судопроизводстве выражается в опубликовании соответствующих сведений в средствах массовой информации о непричастности конкретного юридического лица к совершению того или иного преступления.

Имеется немало суждений о характере реабилитационных отношений. Встречаются неоправданные, на наш взгляд, попытки правоохранительных органов урегулировать вопросы денежной компенсации причиненного морального вреда на досудебных стадиях в рамках уголовного судопроизводства. В первую очередь, нужно принимать во внимание специфику деятельности и предназначение органов предварительного расследования. Более того, подобная ситуация в дальнейшем может способствовать появлению других коллизий между нормами гражданского и уголовно-процессуального законодательства (гл. 18 УПК РФ и ст. 151 и 1101 ГК РФ), которые прямо указывают, что только суд вправе установить обязанность возмещения морального вреда и определить его размер. Иски о денежной компенсации морального вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, должны предъявляться в порядке гражданского судопроизводства¹¹.

¹¹ Часть 2 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 08.12.2020).

Подобное разграничение в порядке возмещения имущественного и морального вреда на практике усматривается в незаконных отказах в удовлетворении требований. С учетом изложенного можно обозначить ряд условий, в рамках которых будет установлена обязанность по подаче рассматриваемых требований в суды прокурорам, так как данные должностные лица, в первую очередь, осуществляют надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и утверждают передачу уголовного дела в суды¹². Исходя из данного теоретико-практического предложения, определение суммы требований прокурор может произвести путем подачи запроса в соответствующие органы (например, возмещение пенсионных выплат через Управление Пенсионного фонда РФ, возмещение заработной платы через работодателя). Сумма компенсации морального вреда, естественно, должна определяться в материальной форме судом по своему усмотрению, учитывая все необходимые значения (продолжительность уголовного преследования, характер физических и моральных страданий и т. д.). Отдельные исследователи, продолжая данную цепочку, для единообразия применения норм предлагают установить минимальный размер компенсационных выплат из разряда: один день необоснованного уголовного преследования равен конкретной сумме выплат¹³.

Помимо прочего, дискуссионным остается вопрос принесения официальных извинений прокурора от имени государства, в том числе в части возмещения морального вреда. Уголовно-процессуальным законодательством не указывается, какой конкретно прокурор должен принести извинения, более того, Верховный Суд указал на отсутствие необходимости конкретизации должностных лиц в рамках исполнения закона по принесению извинений.

Смежной проблемой является и необходимая степень публичности подобных извинений, а именно того, в какой форме и на каком уровне

¹² См.: *Долженко В. И.* Спорные вопросы и проблемы реализации возмещения имущественного, морального вреда реабилитированному // Современная юриспруденция : актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. статей XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2019. С. 58.

¹³ См.: *Купайкин А. В.* Проблемы реализации права реабилитированного на возмещение морального вреда // Новая наука : современное состояние и пути развития. 2015. № 6-3. С. 198.

они должны быть принесены. Ведь в большинстве случаев полноценное восстановление чести и достоинства реабилитированного влечет за собой оглашение извинений прокурора тому кругу лиц, которому было известно о факте возбуждения уголовного дела и уголовном преследовании.

Отдельно стоит уделить внимание решениям Конституционного Суда РФ, которые освещают процедуру возмещения выплат за оказание квалифицированной юридической помощи, что относится к расходам, которые подлежат возмещению по факту причинения ущерба лицу в рамках института реабилитации. Суд установил, что в тех ситуациях, когда за оказание юридической помощи сумму выплачивают близкие родственники лица, незаконно подвергнутого уголовному преследованию, возмещению подлежат только те суммы, которые были выплачены по поручению обвиняемого; из его личных средств или выплачены с согласия обвиняемого, с условием дальнейшего их возмещения¹⁴. А значит, в тех случаях, когда реабилитированному лицу не удастся доказать, что близкие родственники действовали по его поручению, право на возмещение имущественного вреда реализуется уже в порядке гражданского судопроизводства, где за основу берется ст. 1070 ГК РФ¹⁵.

Помимо прочего, Конституционный Суд определил, что со стороны материального аспекта рассматриваемых выплат фактические и документально оформленные расходы, выплаченные доверителем за оказание юридической поддержки, не являются императивом для суда, который решает вопрос о размере имущественных выплат¹⁶. В связи с этим в судебной практике по

большой части встречаются случаи, когда кардинально снижается сумма возмещаемого имущественного вреда.

При определении размера компенсации морального ущерба суду следует учитывать не только нормы гражданско-правового законодательства, но и в силу того что международные договоры РФ являются частью ее правовой системы, – руководствоваться постановлениями Европейского суда по правам человека. В постановлениях ЕСПЧ указывается, что некоторые формы морального ущерба, включая эмоциональные страдания, по своей природе не всегда могут быть доказаны чем-то конкретным. Это не может помешать суду присудить возмещение, если суд посчитает разумным полагать, что реабилитированному лицу был причинен вред, требующий финансовой компенсации. В данном случае сам факт незаконного или необоснованного уголовного преследования лица уже говорит о нравственных страданиях человека¹⁷.

Относительно недавно Верховный Суд РФ создал прецедент по поднятию суммы размера компенсационных выплат за причиненный моральный ущерб по реабилитирующим основаниям и тем самым поменял сложившуюся практику по таким категориям дел. Истец ссылался на практику ЕСПЧ и нормы основополагающей Конвенции о защите прав человека в сфере гарантий защиты частной и семейной жизни. Коллегия ВС РФ в итоговом решении сделала особый акцент на понятие «семейная жизнь», которая может включать в себя не только брачные отношения, но и отношения между родителями и детьми. При рассмотрении дела суд учел наличие у истца сына-студента, который проживал совместно с ним, и престарелых родителей, которые напрямую были материально зависимы от сына истца. Помимо прочего, коллегия обратила внимание и на положения постановления Пленума ВС РФ, прямо указывающих, что моральный вред выражается в том числе в духов-

¹⁴ По жалобе гражданина Келяева Ислама Абдулжалиловича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 290-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131382/

¹⁵ См.: Кузнецова А. Д. Проблемы возмещения реабилитированному лицу имущественного вреда в виде сумм, выплаченных за оказание юридической помощи // Рос. юстиция. 2016. № 2. С. 44.

¹⁶ По запросу Сямсинского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70880488/>

¹⁷ Суд признал нарушение п. 1 и 3 ст. 5, п. 1 ст. 6 и ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку заключение под стражу в ходе рассмотрения одного и того же дела повторялось на основании недостаточно обоснованных решений, продолжительность производства по делу превышает разумный срок; был удержан документ, необходимый для повседневной жизни. См. : Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. по делу «Смирновы (Smirnova) против Российской Федерации» (жалобы № 46133/99 и 48183/99) // Бизнес-адвокат, 2003. № 20.

ных переживаниях, вызванных утратой близкого человека; ограничениями участия в общественной жизни; утратой рабочего места; распространением порочащей информации о лице, отрицательно влияющей на честь, достоинство и деловую репутацию гражданина. Верховный Суд также отметил, что судами двух инстанций не была учтена личность реабилитированного лица, который ранее не привлекался к уголовной ответственности, а значит, тяжело оценить ущерб, причиненный от обвинения в совершении особо тяжкого преступления и содержания в СИЗО более трех лет¹⁸.

Изучение нормативного регулирования, правоприменительной практики и доктринальных источников показало, что институт реабилитации на данном этапе общественного и нормотворческого развития содержит массу неточностей и коллизий как внутри уголовно-процессуального законодательства, так и с межотраслевыми нормами. Механизм возмещения ущерба неоправданно осложнен излишними конструкциями, возникает множество проблем с самой процедурой подачи исковых требований, оценкой денежного эквивалента причиненного морального вреда, смешением норм гражданско-правовых и уголовно-процессуальных норм в части порядка возмещения ущерба.

Проведенный анализ позволил выявить ряд проблем в части реабилитации в уголовном процессе, многие из которых обусловлены, в первую очередь, отсутствием систематизации и должной проработки законодательных основ в рассматриваемой сфере, а также предложить возможные пути устранения отдельных правовых коллизий, что, на наш взгляд, может способствовать совершенствованию теоретических основ и практики реализации этого важнейшего правового института, от которого во многом зависит возможность достижения назначения уголовного судопроизводства.

Библиографический список

Долженко В. И. Спорные вопросы и проблемы реализации возмещения имущественного, мораль-

¹⁸ Требование о компенсации морального вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием : определение Верховного Суда Российской Федерации по делу от 14 августа 2018 г. № 78-КГ18-38. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1695562

ного вреда реабилитированному // Современная юриспруденция : актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XVIII Международ. науч.-практ. конф. Пенза, 2019. С. 57–59.

Кипайкин А. В. Проблемы реализации права реабилитированного на возмещение морального вреда // Новая наука : современное состояние и пути развития. 2015. № 6-3, С. 197–199.

Кузнецова А. Д. Проблемы возмещения реабилитированному лицу имущественного вреда в виде сумм, выплаченных за оказание юридической помощи // Рос. юстиция. 2016. № 2. С. 42–45.

Ларкина Е. В., Виноградова Д. М. Возмещение вреда юридическим лицам и его взаимосвязь с институтом реабилитации // Актуальные проблемы науки и практики : Гатчинские чтения – 2019 : сборник науч. трудов по материалам VI Международ. науч.-практ. конф. Гатчина, 2019. Т. 2. 672 с.

Супрун С. В. Субъекты права на реабилитацию и проблемы его признания в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2011. № 1. С. 76–77.

References

Dolzhenko V. I. Controversial issues and problems of realization of compensation for property and moral damage to the rehabilitated // Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference. ICNS «Science and Enlightenment». Modern Jurisprudence, 2019. P. 57–59.

Kipaykin A. V. Problems of realization of the rehabilitated person's right to compensation for moral harm // New science : current state and ways of development. 2015. № 6-3. P. 197–199.

Kuznetsova A. D. Problems of compensation to a rehabilitated person for property damage in the form of amounts paid for the provision of legal assistance // Russian Justice, 2016. No. 2. P. 42–45.

Larkina E. V., Vinogradova D. M. Compensation for harm to legal entities and its relationship with the Institute of Rehabilitation // In the collection : actual problems of science and practice : Gatchina Readings – 2019. Collection of scientific papers based on the materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Gatchina. 2019. Vol. 2. 672 p.

Suprun S. V. Subjects of the right to rehabilitation and problems of its recognition in criminal proceedings // Legislation and practice. 2011. № 1. P. 76–77.

Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики

Егорова Е. В., кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

E-mail: 459-43-70@mail.ru

Поступила в редакцию: 07.06.2024

Для цитирования:

Егорова Е. В. Проблемные аспекты реализации института реабилитации в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 191–197. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/191-197>

National Research University of the Higher School of Economics

Egorova E. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics

E-mail: 459-43-70@mail.ru

Received: 07.06.2024

For citation:

Egorova E. V. Problematic aspects of the institute of rehabilitation in criminal proceedings // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 191–197. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/191-197>

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И АРБИТРАЖА КИТАЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ

О. Л. Грановская

*Владивостокский государственный университет,
Дальневосточный федеральный университет*

Д. Р. Зверев

Воронежский государственный университет

DIGITALIZATION OF ARBITRATION AND CRIMINAL PROCEEDINGS IN CHINA: PROBLEMS AND PRINCIPLES

O. L. Granovskaya

Vladivostok State University, Far Eastern Federal University

D. R. Zverev

Voronezh State University

Аннотация: определены особенности китайского подхода к регулированию отношений в рассматриваемой сфере, проанализированы тенденции, проблемы и принципы цифровизации уголовного судопроизводства и арбитража, осуществляемой в последние несколько лет в рамках реформы правоприменительной деятельности в Китае. Исследуются достоинства и недостатки, функционал и эффективность разработанных интеллектуальных систем: шанхайской интеллектуальной системы обработки уголовных дел «206», «Интеллектуальной системы вынесения судебных решений Гуанжоу», онлайн-платформы разрешения споров хозяйствующих субъектов «АТЭС-ODR», модели судебных разбирательств «3 + N». Были использованы общенаучные (системно-структурный метод и метод изучения кейсов) и специальные юридические методы познания (формально-юридический и сравнительно-правовой).

Ключевые слова: цифровизация, уголовное судопроизводство, арбитраж, система «206», АТЭС-ODR, модель «3 + N».

Abstract: the trends, problems, and principles of digitalization of arbitration and criminal proceedings carried out in the last few years as part of Chinese judicial reform are analyzed. The paper focuses on the advantages and disadvantages, functionality, and efficacy of the developed AI systems: the Shanghai intelligent criminal case processing system «206», the «Guangzhou Intelligent Adjudication System», the online dispute resolution platform for business «APEC-ODR», the «3 + N litigation model». General scientific (system-structural and case-study methods) and special legal methods of cognition (formal legal and comparative legal) were used.

Key words: digitalization, criminal proceedings, arbitration, system «206», APEC-ODR, «3 + N» model.

Через полвека своего успешного развития сегодня искусственный интеллект (ИИ) оказывает значительное влияние на все сферы общественных отношений. В судопроизводстве он

начал использоваться еще в 70-х гг. XX в., а сегодня активно применяется в гражданском, арбитражном и уголовном процессах. Так, в США, Канаде, Великобритании, Китае и Японии ИИ используется на различных этапах судопроизвод-

ства, включая автоматизацию процессов, анализ больших данных, поддержку принятия решений, обработку и анализ юридической информации, в том числе доказательств, автоматизацию рутинных задач и создание прогнозов. Китайский опыт применения ИИ в судопроизводстве является одним из самых передовых и может быть весьма полезным для отечественного правоведения, поскольку в нашей стране только четыре года назад ИИ была придана субъектность и сформулировано соответствующее юридическое понятие¹.

Цель нашего исследования – определить основные принципы китайского подхода к цифровизация уголовного судопроизводства и арбитража и выявить проблемы, с которыми сталкиваются участники этого процесса. Для получения достоверных научных результатов были использованы как общенаучные (системно-структурный метод и метод изучения кейсов), так и специальные юридические методы познания (формально-юридический и сравнительно-правовой).

В Китае активные исследования в области использования ИИ в судопроизводстве ведутся с конца 90-х гг. XX в. Новый этап цифровизации правосудия начался с создания крупнейших баз

данных, Так, в 2013 г. создаются «Китайский портал судебных решений» – крупнейшая в мире подобная база данных, «Китайская платформа вещания из зала судов» и база исполнения судебных решений. В феврале 2017 г. группа исследователей и разработчиков под руководством президента Верховного Суда Шанхая начала работу над экспериментальной «Шанхайской интеллектуальной вспомогательной системой обработки уголовных дел» под кодовым названием система «206»². В этом же году стартовала программа активного внедрения «интеллектуальных судов» по всей стране.

Над созданием системы «206» работали специалисты-юристы из шанхайских судов и судебных органов окружного уровня, прокуратуры, Бюро общественной безопасности, а также высококвалифицированные технические специалисты из компании iFlytek³. Они начали с встраивания системы в существующие базы судебных дел, налаживания взаимодействия системы с следственными и судебными органами на разных уровнях и формулирования стандартов и правил следствия для ее обучения. В настоящее время «система 206» в основном состоит из трех частей: Шанхайская библиотека ресурсов больших данных по уголовным делам, прикладное программное обеспечение для интеллектуальной помощи в ведении уголовных дел и сетевая платформа системы интеллектуальной помощи.

Система «206» сосредоточилась на трех аспектах судопроизводства: унификации стандартов следствия, формулировании правил доказания и построении моделей доказательств, что позволяет эффективно использовать наиболее важные аспекты ИИ – модельные алгоритмы и массивные данные. Верховный Суд Шанхая сформировал четыре рабочие группы: по расследованию убийств, по кражам, по делам о телекоммуникационном и сетевом мошенничестве, а также по незаконному поглощению государственных депозитов⁴.

² Наименование по дате начала разработки – 6 февраля.

³ Flytek Corporation (основана в 1999 г.) – крупнейшая китайская технологическая компания, специализирующаяся в исследованиях ИИ, разработках в сфере звуковых систем, виртуальной реальности и облачных вычислений.

⁴ См.: Cui Yadong. «Artificial Intelligence» Makes Judicature More Just, Efficient and Authoritative – the Theoretical Analysis and Practical Exploration of «Artificial Intelligence» in Judicial Field // China Law and Policy

¹ Понятие «искусственный интеллект» сначала появилось на подзаконном уровне в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», впоследствии оно в таком виде перешло в Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 22.02.2024)). Согласно данному закону под ним понимают «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». При этом отдельно отмечается, что имитация включает самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма. Важно обратить внимание на то, что определение в полной мере охватывает доступные на данный момент виды искусственного интеллекта в широком понимании: искусственный интеллект, работающий на основе заранее определенных задач (имеющихся знаний), и искусственный интеллект, работающий автономно, т. е. технология, которая для выполнения задач может потенциально полностью заменить человека.

Для построения точной и эффективной модели краж группа по этим видам преступлений собрала и проанализировала 36 779 дел о кражах, рассмотренных различными районными судами Шанхая с 2012 по 2016 г. После нескольких корректировок модель данного вида преступления была разделена на три типа в зависимости от количества и вида доказательств: тип «застигнутый на месте», тип «важная улика» и тип «киберпреступление». Модель доказывания, согласно плану Верховного Суда Шанхая, имеет не только функцию проверки непротиворечивости доказательств, но и функцию проверки законности отдельного доказательства. Взаимодействие с данной средой с момента открытия дела формализует сбор следователями доказательств, что гарантирует законность уголовного процесса.

По словам Цуй Ядуна, президента Верховного Суда Шанхая и руководителя группы разработчиков, это «программное обеспечение предназначено для содействия инициированной центральной политико-правовой комиссией при политбюро ЦК КПК⁵ реформе системы следствия и суда. Прежде всего, эта программа должна решать проблемы непоследовательного применения стандартов следствия и единства судебной практики при рассмотрении уголовных дел и исполнять функции проверки и надзора. Этот софт позволяет своевременно обнаруживать дефекты и противоречия в доказательствах, быстро находить судебные прецеденты для обеспечения непротиворечивости судебных актов и принципа правовой определенности». Он отметил, «повышение качества и эффективности ведения дел, уменьшение числа незаконных и необоснованных приговоров, уменьшение количества судебных издержек, что в целом соответствует усилиям КПК по реформированию судопроизводства и уголовно-процессуальной системы страны»⁶.

Одним из основных принципов, на реализацию которых направлена реформа, является провозглашенный Верховным Судом Китая и ЦК КПК принцип «аналогичные решения по аналогичным делам». Он, в свою очередь, свя-

зан с принципом судебной ответственности, предполагающим, что если судья выносит решение, противоречащее решению по аналогичному делу суда этой же или вышестоящей инстанции, то председатель суда инициирует проверку его работы⁷.

По оценке Цуй Ядуна, система оперативно обнаруживает недостатки и противоречия в доказательствах, а также предотвращает распространяемую ошибку следствия, которую он характеризует как следствие «неправильное на первом этапе, неправильное на каждом шагу и неправильное в конце»⁸. Благодаря функциям проверки, рассмотрения и вынесения суждений данная система может корректировать разногласия, ограниченность и субъективность частных мнений лиц, ведущих дела, что значительно повышает степень научности и точности анализа доказательств и качество вынесенных решений.

Для работы интеллектуальных систем вынесения приговоров необходимы точные открытые базы судебной практики, которые начинают активно создаваться в Китае еще с 2014 г. В 2015 г. общее количество опубликованных судебных документов выросло более чем на 60 % по сравнению с 2014 г. – с 5,5 млн до почти 9 млн. На данном этапе, по мнению китайских разработчиков, объем цифровых нормативно-правовых баз достаточен для работы интеллектуальных правовых систем, но для того чтобы эти документы стали данными, их необходимо унифицировать.

В 2015 г. народный суд промежуточной инстанции г. Гуанчжоу создал «Интеллектуальную систему вынесения судебных решений». В связи с этим был проведен анализ более чем 3 млн аналогичных дел и сформировано более 20 моделей дел о кражах. Судья вводит в систему элементы дела, система автоматически обрабатывает информацию и предлагает ему рациональное решение на основе анализа аналогичных дел. Кроме того, «Интеллектуальная система вынесения судебных решений» предоставляет судье справочные данные и графический анализ диапазона приговоров по подобным делам, что позволяет унифицировать судебную практику.

Association. 2017. No 10. URL: <https://law.stanford.edu/china-law-and-policy-association-clpa/articles/> (accessed: 22.02.2024).

⁵ Центральный комитет Коммунистической партии Китая.

⁶ 毛丽君 来源. 代号“206”上海刑事案件智能辅助办案系统正式“解密”// 东. 2017. 编号1. 页面. 第123–126页.

⁷ См. подробнее об этом: Драгилев Е. В., Драгилева Л. Л., Дровалева Л. С., Паламарчук С. А. Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука. 2022. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-sudebnoy-sistemy-kitaya> (дата обращения: 22.02.2024).

⁸ 毛丽君 来源. 代号“206”上海刑事案件智能辅助办案系统正式“解密”// 东. 2017. 编号1. 页面. 第123–126页.

Интеллектуальный алгоритм вынесения приговора сначала маркирует элементы дела, вводит эти выделенные элементы в систему и предлагает взвешенное решение, основанное на анализе больших данных. Надежность интеллектуальных алгоритмов вынесения приговоров тесно связана с полнотой и точностью больших данных.

Как отмечают китайские исследователи права, анализ больших данных позволяет системе предлагать судьям шаблоны, следуя которым они выносят «схожие решения по схожим делам», не нарушая приоритетного для ЦК КПК принципа единства судебной практики⁹. Согласно статистике, в 2016 г. процент оправдательных приговоров Народного суда промежуточной инстанции Гуанчжоу достиг 84,6 %, количество пересмотренных приговоров, сроков содержания под стражей, количество ходатайств и жалоб, а также количество повторных судебных разбирательств снизились¹⁰.

ИИ лишен свойственной человеку субъективности, может беспристрастно анализировать материалы дела и применять закон. Однако это ведет к другим проблемам: отсутствию суда равных, обезличиванию судопроизводства, стандартизации судебных решений, потери рабочих мест судьями. В правовой литературе Китая сегодня самым обсуждаемым является вопрос самостоятельности судьи и его участия в процессе.

С 2010 г. в Китае действует система шаблонных дел, их всего 56, и на рекомендуемые ими приговоры должны ориентироваться все районные суды. 6 ноября того же года Судебный комитет Верховного Суда издал «Положение Верховного Суда об использовании системы образцовых дел», п. 7 этого положения обязывает суды всех уровней при рассмотрении аналогичных дел руководствоваться рекомендациями системы. Таким образом, судья практически лишен самостоятельности и должен для обоснования своего решения при помощи машины находить подходящие прецеденты, число которых сильно ограничено. Как в этой ситуации может поступить судья, недовольный предложенным машинной решением?

⁹ 熊秋红. 人工智能与刑事司法：从各执一词到多元平衡 // 检察日报-数字检察专刊·科技. 编号5. 2023 URL: https://www.spp.gov.cn/spp/llyj/202305/t20230524_614789.shtml (accessed: 22.02.2024).

¹⁰ 孙道萃. 人工智能辅助精准预测量刑的中国境遇 — 以认罪认罚案件为适用场域 // 暨南学报. 2020. 编号12. 第64–78页.

В прессе судьи стараются привести примеры своего взаимодействия с интеллектуальными системами, указывающие на их непосредственное участие в процессе принятия судебного решения, и заинтересованность в личности подсудимого. Так, председатель второго уголовного отдела суда района городского подчинения Циньхуай в г. Нанкин провинции Цзянсу Дай Цзюань описывает свой опыт работы с ИИ следующим образом: «Рассматривая дело о дорожно-транспортном происшествии в марте 2016 г., я импортировал материалы дела в “Систему раннего предупреждения вынесения разных решений по аналогичным делам”, система автоматически выдала релевантный этому делу приговор, который составил 2 года тюремного заключения. Однако такой вердикт я не считал справедливым, поскольку жертва не получала компенсации, а семья обвиняемого лишалась кормильца. Поэтому я внес в окно “Информация об особых обстоятельствах дела” данные дела, вручную маркируя его приоритетные элементы – подписание соглашения о взаимопонимании и компенсация причиненного вреда, – и система предложила мне обоснованное судебное решение, которое было более справедливым с точки зрения всех участников процесса»¹¹.

Этот случай, с одной стороны, показывает, как судьи в Китае хотят придать своей работе человеческое измерение, с другой – как они ограничены принципом «аналогичные решения по аналогичным делам» и «системой судебной ответственности»¹². Таким образом, информатизация судопроизводства в Китае призвана способствовать реализации судебной реформы, согласно принятым ЦК КПК целям и принципам, при этом один из приоритетных принципов – единообразие судебной практики.

Прежде всего ИИ помогает судебной системе Китая в решении проблемы загруженности судов – «много дел, но мало дел», как ее обычно

¹¹ 人工智能走进法院“判案子” // 河南网信网. 2023. 编号12. URL: <https://www.hnwxw.net/Article/11719.html> (accessed: 22.02.2024).

¹² См.: Communiqué of the Third Plenary Session of the 18th Central Committee of the Communist Party of China 2014. URL: www.china.org.cn/china/third_plenary_session/2014-01/15/content_31203056.htm (дата обращения: 22.02.2024); Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Some Major Issues Concerning Deepening the Reform 2014. URL: www.china.org.cn/china/third_plenary_session/2014-01/16/content_31212602.htm (accessed: 22.02.2024).

называют в китайской исследовательской литературе, – автоматически классифицируя судебные дела. Для решения данной проблемы в 2016 г. высший народный суд г. Цзуньи провинции Гуйчжоу создал платформу анализа больших данных. В настоящее время благодаря внедрению данной платформы, снабженной ИИ, все дела, поданные в низовые суды, сначала автоматически разделяются на сложные и упрощенные. Простые дела передаются в суд упрощенного судопроизводства, а сложные дела – на рассмотрение судебной коллегии. Согласно статистике, использование этой системы в разы сократило необходимое для классификации дел время и повысило точность данной процедуры до 98 %, что позволило освободить судей от этой рутинной деятельности.

Помимо судебной системы, в Китае активно осуществляется информатизация арбитражного разбирательства. В рамках дорожной карты реформы китайского арбитража до 2022 г., инициированной ЦК КПК, развиваются такие международные институты, как «Арбитражный альянс района Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао» и «Наньшанский консенсус БРИКС по арбитражному сотрудничеству».

Проблема загруженности арбитража успешно решается при помощи систем распознавания речи, используемых в качестве электронных секретарей и переводчиков. Так, в арбитражной комиссии г. Гуанчжоу разработали интеллектуального секретаря «Чжун Сяовэня», оснащенного всеми подобными инструментами. ИИ оснащен способностью распознавать местные диалекты, что сокращает время рассмотрения дела на 30–50 % и, соответственно, увеличивает скорость работы арбитража.

В Гуанчжоу, крупном центре глобальной коммерции, услуги международного коммерческого арбитража пользуются повышенным спросом. Стандарт интернет-арбитража «Стандарт Гуанчжоу» и онлайн-платформа разрешения споров хозяйствующих субъектов АТЭС (платформа АТЭС-ODR¹⁵), модель нескольких арбитражных разбирательств «3 + N», механизм арбитражного сотрудничества «четырёх участников», Арбитражная комиссия Юаньши и другие инно-

¹⁵ АТЭС-ODR – платформа онлайн-урегулирования арбитражных споров стран участников АТЭС. АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. ODR – онлайн-урегулирование споров (англ. *online dispute resolution*).

вационные меры привели к развитию международного интернет-арбитража в районе Большого залива и росту его международного влияния, а арбитражная комиссия Гуанчжоу была признана одним из лучших арбитражных учреждений в материковом Китае. В 2022 г. Арбитражная комиссия Гуанчжоу отчиталась об увеличении количества рассматриваемых международных экономических споров до 63,9 млрд юаней с 20 млрд юаней в 2018 г.

Быстрое развитие не только значительно повысило международный авторитет Гуандуна, но и породило новые проблемы. Желание стандартизировать и классифицировать арбитражные споры для ускорения их рассмотрения при помощи цифровых секретарей арбитража привело к их нехватке. На современном этапе реформы арбитраж Китая пытается прежде всего найти баланс между справедливостью и эффективностью. «Если справедливость – душа арбитража, то эффективность – это спасательный круг арбитража»¹⁴, – считает председатель арбитражной комиссии района Гуандун.

Эффективность, действительно, важна в арбитражном процессе, где быстрое разрешение споров экономит средства и деньги. Это снижает затраты, повышает социальную ответственность арбитражной системы и поддерживает деловой климат. Как сбалансировать справедливость и эффективность – всегда было темой дискуссий, и, возможно, новая цифровая эра предложит решение этой проблемы.

Легитимность арбитражной процедуры – залог легитимности арбитражного решения. Арбитражная процедура состоит из множества этапов, таких как представление материалов дела, назначение слушания, перекрестный допрос и представление дополнительных доказательств. Независимо от того, насколько квалифицирована ручная обработка материалов, она займет определенный период времени. Первый интеллектуальный помощник арбитра робота «Юнь Сяочжун» позволяет сократить период прохождения сторонами спора всех этапов процесса, преобразовав материалы дела в виртуальные данные, он передает их в работающую онлайн Арбитражную комиссию Юаньши для разработки возможных сценариев спора. «Юнь Сяочжун» обладает всеми преимуществами по-

¹⁴ 冯一帆. 人工智能监管制度概览 // 人民法院. 2023. 编号 11. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2023/11/id/7617919.shtml> (accessed: 22.02.2024).

добных интеллектуальных систем: высокотехнологичным контентом, бесперебойным обслуживанием, простым интерфейсом, встроенной интеллектуальной платформой подачи дел, возможностью осуществления мгновенного запроса и нахождения ответа. Круглосуточная «интеллектуальная служба» подачи исков экономит в арбитражном разбирательстве около 50 % времени по сравнению с традиционным процессом организации очереди. С апреля этого года «Юнь Сяочжун» провел уже более 14 000 «интеллектуальных консультаций» и рассмотрел почти 300 «интеллектуальных дел».

Район Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао можно охарактеризовать при помощи формулы «одна страна, две системы, три юрисдикции». Дела, рассматриваемые гуандунским арбитражем часто подлежат не только китайской юрисдикции, но и иностранной. Определить компетентную национальную юрисдикцию в арбитражном процессе и затем в ходе процесса решать вопросы признания и приведения в исполнение решения иностранного арбитража – сложная и трудоемкая процедура как в России, так и в Китае, поскольку на этом этапе могут появиться и разногласия между участниками спора, и разногласия публично-правового порядка¹⁵.

Опираясь на внешние базы данных и системы интеллектуального обучения, Гуандун постепенно сформировал собственную базу международных арбитражных споров, что позволило обеспечить более эффективную работу арбитражной системы. Арбитры и медиаторы сейчас могут быстро получать необходимую для разрешения спора нормативную базу и базу арбитражных толкований от системы «Интеллектуального помощника арбитра», с которой они взаимодействуют в реальном времени. Этот помощник используется на гуандунской платформе АТЭС-ODR и в арбитражной комиссии Юаньши.

Арбитражная комиссия Гуанчжоу – первое китайское арбитражное учреждение, проводящее онлайн-слушания. Во время эпидемии COVID-19 арбитраж Гуанчжоу создал эффек-

тивную и простую в использовании платформу онлайн-урегулирования споров ODR, которая осуществляет функции ведения переговоров, медиации и арбитража. В ноябре 2019 г. комиссия возглавила тестирование первого транснационального дистанционного слушания споров международного коммерческого арбитража с использованием этой платформы. В январе 2021 г. платформа ODR была запущена на официальном сайте АТЭС, и с тех пор с ее помощью урегулируются споры коммерческих организаций из 21 страны-участницы тихоокеанского сотрудничества.

На данном этапе среднее время разрешения споров на платформе составляет 33 дня, что почти в три раза быстрее разрешения споров с использованием традиционных методов. Для финансовых споров, улаживаемых через Интернет, точность арбитражных формулировок и, как следствие, качество арбитражного решения достигают 98 %. Число улаживаемых споров увеличилось с менее 1000 в 2020 г. до более 7000 в 2022 г., а среднее время разрешения финансового спора стало составлять 26 дней, что в два раза быстрее, чем при использовании традиционного метода. Для работы круглосуточного «интеллектуального окна» подачи дел арбитраж Гуанчжоу использует арбитражного робота «Юнь Сяочжуна»; секретаря арбитража с ИИ «Чжун Сяовэня», который может выполнять процедурные задачи, такие как регистрация дел, многоязычный перевод в реальном времени, идентификация доказательств при помощи технологии блокчейн, что повышает эффективность арбитража почти на 400 %.

В 2021 г. платформа ODR была признана странами АТЭС и стала одной из трех первых платформ онлайн-урегулирования споров в мире; в 2022 г. Верховный народный суд Китая включил гуандунский арбитраж в список международных коммерческих арбитражных институтов, участвующих в многопрофильной системе «одного окна» (механизма разрешения международных коммерческих споров); в 2023 г. работа гуандунского арбитража по разрешению международных споров с использованием платформы ODR была включена в ежегодное руководство по арбитражной работе Верховного Суда Китая, а дела, разрешенные с использованием данной платформы, вошли в список 30 выдающихся практических дел Министерства внешней торговли Китая.

¹⁵ См.: Винникова Р. В. Международные нормы о компетенции арбитражных судов в Российской Федерации по рассмотрению дел с участием иностранных лиц // Вестник ЧелГУ. 2003. No 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-normy-o-kompetentsii-arbitrazhnyh-sudov-v-rossiyskoy-federatsii-po-rassmotreniyu-del-s-uchastiem-inostrannyh-lits> (дата обращения: 17.02.2024).

В ответ на инициативу КПК по созданию особого административного района Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао Международная арбитражная комиссия Гуанчжоу взяла на себя инициативу по преодолению юрисдикционных барьеров. Опираясь на дочерний Международный арбитражный центр в южном районе Гуанчжоу Наньша, комиссия объединила усилия всех арбитражных учреждений района Большого залива по созданию общих правил и механизмов работы. Так была создана общая модель разрешения арбитражных споров «3+N».

Эта модель предусматривает разрешение споров на основе законодательства и судебной практики континентального Китая, Гонконга, Макао и государства N. Стороны могут применять «Общие правила арбитражного процесса Международного арбитражного центра Наньша» (издание 2022 г.) и выбирать основные принципы из процесса разных стран и регионов по мере необходимости для достижения координации с иностранными арбитражными правилами. Такая открытая модель позволяет проводить арбитражные слушания в соответствии с характеристиками арбитражного законодательства и арбитражных процедур в других странах.

Исполнительный директор Исследовательского института цифрового Китая при Университете китайской академии общественных наук Ли Пэн считает арбитражную модель, внедренную в Гуанчжоу, очень эффективной: «Ее использование позволяет выбирать законодательную базу, наиболее соответствующую вынесению максимально справедливого решения»¹⁶. По его словам, «этой арбитражной моделью заинтересовались и в других странах, так в 2023 г. Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ при разрешении экономического спора по трансграничным контрактам использовал опыт применения данной модели, в результате спор был успешно разрешен, а заинтересованные стороны были удовлетворены результатом решения»¹⁷.

¹⁶ 朱剑. 致力打造国际仲裁示范新高地 // 法治日. 2023. 编号11. URL: https://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/fzgz/fzgzggflfw/fzgzggflfw/202311/t20231115_489588.html (accessed: 22.02.2024).

¹⁷ 朱剑. 致力打造国际仲裁示范新高地 // 法治日. 2023. 编号11. URL: https://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/fzgz/fzgzggflfw/fzgzggflfw/202311/t20231115_489588.html (accessed: 22.02.2024). Верифицировать данное утверждение нам не удалось, так как в базах судебной практики Российской Федерации, к сожалению, не нашлось информации об этом прецеденте.

В последние годы Гуандун из участника отрасли превратился в ее лидера и законодателя, формулирующего международные стандарты, создающие трансграничные платформы и механизмы сотрудничества. В 2020 г. Арбитражная комиссия Гуанчжоу сформулировала и опубликовала «Рекомендуемые стандарты интернет-арбитража» (называемые «Стандартами Гуанчжоу»¹⁸) для содействия развитию единой международной практики интернет-арбитража. В августе 2022 г. комиссия выпустила «Стандарты Гуанчжоу II», специально предназначенные для решения трудностей арбитражных онлайн-слушаний и создания прочной основы для работы системы «3+N». В настоящее время почти 55 % соглашений сторон на платформе достигаются с использованием «Стандарта Гуанчжоу» в качестве стандарта арбитражного процесса по ODR, что значительно повысило эффективность работы платформы.

«Стандарты Гуанчжоу» были рекомендованы официальным сайтом Комиссии ООН по международному коммерческому праву в качестве примера передовой практики. В настоящее время «Стандарты Гуанчжоу» поддерживаются и признаются более чем 50 зарубежными арбитражными учреждениями и более чем 150 арбитражными учреждениями в Гонконге, Макао и Тайване.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. В последние несколько лет цифровизация правоприменительной детальности в Китае идет по двум основным направлениям – использование ИИ в уголовном судопроизводстве и арбитраже, где данные технологии наиболее успешно применяются на всех этапах процесса. Цифровизация уголовного судопроизводства происходит в рамках осуществляемой ЦК КПК судебной реформы и направлена на реализацию принципа единства судебной практики.

Стратегические программы России и Китая по цифровизации судопроизводства имеют схожие цели – они направлены на повышение общей эффективности правосудия, его открыто-

¹⁸ 章宁旦. 广州仲裁委发布全球首个互联网仲裁标准 // 法治日报. 2020. 编号10. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2020/10/id/5520128.shtml> (accessed: 22.02.2024).

сти и доступности. Поскольку Китай отличается более высоким темпом имплементации информационных технологий в судебную систему, российское правосудие могло бы использовать этот опыт.

Так, в России может быть успешно применен китайский опыт внедрения алгоритмов ИИ в уголовный и гражданский процесс. Одна из перспективных областей развития – применение ИИ в целях предиктивного правосудия, т. е. для прогнозирования возможного исхода дела. Это может облегчить российским судьям процесс принятия решений по делу, а также способствовать соблюдению единства судебной практики.

Учитывая китайский опыт, ИИ может прежде всего применяться для разрешения дел в порядке приказного и упрощенного производства по гражданским делам. Автоматизация данных видов гражданского процесса может без ущерба основополагающим принципам права значительно снизить судебную нагрузку и позволит судьям сфокусироваться на разрешении более сложных дел, требующих тщательного изучения и сопоставления фактов. При этом, как показывает китайский опыт, роль ИИ в отправлении правосудия должна оставаться вспомогательной. В основе использования ИИ в правосудии должно лежать разумное ограничение, а роль судьи должна оставаться решающей.

Электронный документооборот в Китае более развит и интегрирован. В частности, в Китае для взаимодействия суда и участников процесса между собой используется социальная сеть WeChat, что обеспечивает быструю доставку сообщений и доказательств. Обеспечение своевременного получения информации по делу участниками процесса является одним из способов реализации принципа разумного срока судебного разбирательства. Несмотря на то что в России также активно развивается электронный документооборот, который прежде всего используется в судах общей юрисдикции, требуется расширение его функций, в частности осуществление возможности для участников процесса знакомиться с материалами дела в электронном формате.

Хотя в отечественном арбитражном процессе подобный функционал уже во многом реализован, что обусловлено особенностями субъектного состава, российская судебная система могла бы перенять опыт инициированной ЦК

КПК реформы международного арбитража и информатизации арбитражного разбирательства, в результате которой значительно повысилась бы эффективность работы арбитров и медиаторов, особенно при решении коммерческих споров.

Библиографический список

Винникова Р. В. Международные нормы о компетенции арбитражных судов в Российской Федерации по рассмотрению дел с участием иностранных лиц // Вестник ЧелГУ. 2003. No 1. С. 104–111.

Драгилев Е. В., Драгилева Л. Л., Дровалева Л. С., Паламарчук С. А. Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука. 2022. No 8. С. 54–59.

Cui Yadong. «Artificial Intelligence» Makes Judicature More Just, Efficient and Authoritative – the Theoretical Analysis and Practical Exploration of «Artificial Intelligence» in Judicial Field, China Law and Policy Association (No 10, 2017). URL: <https://law.stanford.edu/china-law-and-policy-association-clpa/articles/>

毛丽君 来源. 代号“206”上海刑事案件智能辅助办案系统正式“解密” // 东. 2017. 编号 1. 页面. 第 123-126 页.

熊秋红, 人工智能与刑事司法:从各执一词到多元平衡, 检察日报-数字检察专刊,科技, 编号 (五月5, 2023). URL: https://www.spp.gov.cn/spp/llyj/202305/t20230524_614789.shtml

孙道萃.人工智能辅助精准预测量刑的中国境遇 — 以认罪认罚案件为适用场域 // 暨南学报. 2020. 编号 12. 第 64–78 页.

人工智能走进法院“判案子”, 河南网信网 (编号 12, 2023). URL: <https://www.hnwxw.net/Article/11719.html>

冯一帆, 人工智能监管制度概览, 人民法院 (编号 11, 2023). URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2023/11/id/7617919.shtml>

朱剑, 致力打造国际仲裁示范新高地, 法治日 (编号 11, 2023). URL: https://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/fzgz/fzgzggflfwx/fzgzggflfw/202311/t20231115_489588.html

章宁巨, 广州仲裁委发布全球首个互联网仲裁标准, 法治日报 (编号 10, 2020). URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2020/10/id/5520128.shtml>

References

Dragilev E. V., Dragileva L. L., Drovaleva L. S., Palamarchuk S. A. Informatization of the Judicial System of China // Legal science. 2022. No 8. P. 54–59.

Vinnikova R. V. International Norms on the Competence of Arbitration Courts in the Russian Federation to Consider Cases Involving Foreign Persons // Bulletin of ChelSU. 2003. No. 1. P. 104–111.

Cui Yadong. «Artificial Intelligence» Makes Judicature More Just, Efficient and Authoritative – the Theoretical Analysis and Practical Exploration of «Artificial Intelligence» in Judicial Field // China Law and Policy Association. 2017. No 10. URL: <https://law.stanford.edu/china-law-and-policy-association-clpa/articles/> (accessed: 22.02.2024).

Mao L. Codenamed «206». The Shanghai Criminal Court Intelligent Auxiliary Case Handling System Was Officially «Decrypted» // Dong. 2017. No 1. P. 123–126.

Xiong QiuHong. Artificial Intelligence and Criminal Justice: From One Word to Multiple Balance, Procuratorial Daily-Digital, Procuratorial Special Issue, Science and Technology (May 5, 2023). URL: https://www.spp.gov.cn/spp/11yj/202305/t20230524_614789.shtml

Sun D. Artificial Intelligence-Assisted Accurate Prediction of the Chinese Situation of Sentencing. Take Plea Cases as the Applicable Field // Jinan Journal. 2020. No 12. P. 64–78.

Artificial Intelligence Walked into the Court to «Judge the Case», Henan Net Letter Network (No 12, 2023). URL: <https://www.hnwxw.net/Article/11719.html>

Feng Yifan. Overview of the Artificial Intelligence supervision system, People's Court (No 11, 2023). URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2023/11/id/7617919.shtml>

Zhu Jian. Committed to Building a New High Ground for International Arbitration Demonstration, Rule of Law Day (No 11, 2023) URL: https://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/fzgzz/fzgzzggflfwx/fzgzzggflfw/202311/t20231115_489588.html

Zhang Ningdan. The Guangzhou Arbitration Commission Issued the World's First Internet Arbitration Standard, Rule of Law Daily (No 10, 2020) URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2020/10/id/5520128.shtml>

Дальневосточный федеральный университет,
Владивостокский государственный университет

Грановская О. Л., доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права; профессор департамента философии и религиоведения Школы Искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

E-mail: granovskaya.ol@dvfu.ru

Воронежский государственный университет

Зверев Д. Р., аспирант кафедры гражданского права и процесса

E-mail: denis-slaker@yandex.ru

Поступила в редакцию: 24.02.2024

Для цитирования:

Грановская О. Л., Зверев Д. Р. Цифровизация уголовного судопроизводства и арбитража Китая: проблемы и принципы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 198–206. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/198-206>

Vladivostok State University, Far Eastern Federal University

Granovskaya O. L., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law; Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies of the School of Arts and Humanities of the Far Eastern Federal University

E-mail: granovskaya.ol@dvfu.ru

Voronezh State University

Zverev D. R., Post-graduate Student of the Department of Civil Law and Procedure

E-mail: denis-slaker@yandex.ru

Received: 24.02.2024

For citation:

Granovskaya O. L., Zverev D. R. Digitalization of arbitration and criminal proceedings in China: problems and principles // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 198–206. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/198-206>

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА
ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ И КИТАЕ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

А. Н. Мяханова

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Д. В. Синьков

Санкт-Петербургский государственный университет

С. Д. Цэнгэл

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

**CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF SEXUAL INTEGRITY AND
SEXUAL FREEDOM OF AN INDIVIDUAL IN RUSSIA AND CHINA:
COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

A. N. Myakhanova

Buryat State University named after Dorji Banzarova

D. V. Sinkov

St. Petersburg State University, Baikal State University

S. D. Tsengel

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen

Аннотация: китайское уголовное законодательство в части охраны отношений, обеспечивающих половую свободу и половую неприкосновенность личности, имеет определенные отличия от аналогичных уголовно-правовых норм УК РФ. Социальные, культурные и правовые особенности Китая не позволили ей выработать сбалансированный уголовно-правовой механизм защиты человека от сексуальных посягательств независимо от его пола. Сделан вывод о том, что положения УК РФ более четко и конкретно описывают ситуации совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности и основания уголовной ответственности за них.

Ключевые слова: изнасилование, половая свобода, половая неприкосновенность, УК КНР.

Abstract: chinese criminal law in terms of protecting relationships that ensure sexual freedom and sexual integrity of the individual has certain differences from similar criminal law norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The social, cultural and legal characteristics of China did not allow it to develop a balanced criminal legal mechanism for protecting people from sexual assault, regardless of their gender. It is concluded that the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation more clearly and specifically describe the situations of committing crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual and the grounds for criminal liability for them.

Key words: rape, sexual freedom, sexual integrity, Criminal Code of the People's Republic of China.

В последнее время всё больший интерес для Российской Федерации представляет Китайская Народная Республика (далее – КНР)¹. Анализ уголовного законодательства КНР, в том числе в сфере обеспечения неприкосновенности основных прав и свобод человека, актуален в условиях активного сближения и тесных связей между Россией и Китаем.

Актуальность проблемы высокого уровня преступности в сфере охраны половой неприкосновенности и половой свободы личности подтверждают статистические данные последних лет².

ют прирост (базисный) данных преступлений в 2020–2021 гг.

Также необходимо отметить, что Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит самостоятельную главу – «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», которая включает 5 статей.

Анализ норм УК РФ и Уголовного кодекса Китайской Народной Республики (далее – УК КНР) свидетельствует о разном подходе законодателей данных стран к регламентации указанных составов преступлений.

Т а б л и ц а

Динамика регистрации изнасилований (ст. 131 УК РФ) в Российской Федерации³

Показатель	Год				
	2018	2019	2020	2021	2022
Всего зарегистрировано преступлений	1 991 532	2 024 337	2 044 221	2 004 404	1 966 795
Зарегистрировано изнасилований (ст. 313 УК РФ)	3374	3177	3535	3457	3311
Удельный вес в общей структуре преступности, %	0,17	0,16	0,17	0,17	0,17
Темп прироста (базисный), %		-5,8	+4,8	+2,5	-1,9

Анализ представленных данных (таблица) свидетельствует о стабильном удельном весе преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ, несмотря на то что он является незначительным (менее 1,0 %), данные преступления обладают повышенной общественной опасностью и находятся в постоянном внимании государства и общества. Так, в 2021 г. Верховный Суд Российской Федерации поддержал ужесточение ответственности за изнасилование несовершеннолетних⁴. Вместе с тем статистические данные показыва-

В свою очередь, УК КНР предусматривает только две статьи с ответственностью за посягательство на половую неприкосновенность и половую свободу (ст. 236, 237 УК КНР).

Статья 236: [Изнасилование, совершенное с применением по отношению к женщине угроз и насилия]. Любое лицо, изнасиловавшее женщину с применением насилия, принуждения или иными средствами, приговаривается к тюремному заключению на срок не менее трех лет, но не более десяти лет.

Те, кто совершает прелюбодеяние с молодой девушкой в возрасте до четырнадцати лет, подлежат суровому наказанию на основании изнасилования.

Любое лицо, изнасиловавшее женщину или совершившее прелюбодеяние с молодой девушкой при любом из следующих обстоятельств, приговаривается к тюремному заключению на срок не более десяти лет, пожизненному заключению или смертной казни:

1) изнасилование женщин или изнасилование молодых девушек в неблагоприятных обстоятельствах;

2) изнасилование женщин или изнасилование более одной молодой девушки;

3) публичное изнасилование женщин в общественном месте;

¹ См., например: Опрос : большинство россиян считают, что сближение с Китаем принесет пользу. URL: <https://ria.ru/20230413/rossiya-1865180876.html?ysclid=lk3vqirxj2954621721> (дата обращения: 08.06.2023) ; Пекин затягивает узы дружбы. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/05/22/64677fc49a79472fac8cab00?ysclid=lk3vv56rdw133906584> (дата обращения: 23.06.2023).

² См., например: *Давлетчина Л. В.* Некоторые криминологические и виктимологические аспекты характеристики изнасилования // *ExLegis : правовые исследования*. 2021. № 2. С. 5–9 ; *Шульгина И. В.* Криминологическая характеристика изнасилований // *Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века*. 2016. № 5. С. 356–360.

³ Состояние преступности за январь – декабрь 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 г. URL: мвд.рф.

⁴ См.: ВС РФ поддержал законопроект об усилении ответственности за изнасилование несовершеннолетних. URL: <https://www.garant.ru/news/1488772/?ysclid=lk3sbks57u894029083> (дата обращения: 10.05.2023).

4) групповое изнасилование двумя или более лицами;

5) причинение тяжкого вреда здоровью, смерти или иных тяжких последствий потерпевшей.

Квалифицирующими признаками являются:

1) изнасилование с особой жестокостью;

2) неоднократное изнасилование;

3) публичное изнасилование в общественном месте;

4) групповое изнасилование;

5) изнасилование, повлекшее тяжкое телесное повреждение, смерть или иные серьезные последствия⁵.

Вместе с тем важное значение в исследуемой сфере имеет позиция как Верховного народного суда Китая, так и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. Также отметим направленность последних лет в обеих странах на ужесточение наказания за половые преступления в отношении несовершеннолетних.

Опыт Китая, как в части законотворчества, так и судебной практики, демонстрирует возможные негативные последствия вследствие совершения данных преступлений, что, думается, следует учитывать при реформировании законодательства и судебной практики в России.

Следует отметить появление в КНР Толкования некоторых вопросов, касающихся применения закона по уголовным делам (приняты на 1878-м заседании Судебного комитета Верховного народного суда 3 января 2023 г. и на 114-м заседании Тринадцатого прокурорского комитета Верховной народной прокуратуры 2 марта 2023 г.) (далее – Толкование).

В Толковании указано, что в целях наказания за изнасилование и растление несовершеннолетних, а также для защиты законных прав и интересов несовершеннолетних, в соответствии с УК КНР и другими правовыми нормами, несколько вопросов, касающихся применения закона при рассмотрении таких уголовных дел, толкуются следующим образом:

Статья 1. Тот, кто изнасилует молодую девушку, подлежит суровому наказанию в соответствии с положениями абз. 2 ст. 236 УК КНР. При любом из следующих обстоятельств применяется более суровое наказание:

1) лица с особыми обязанностями, совершившие прелюбодеяние;

2) совершение прелюбодеяния посредством насилия, принуждения и т. д.;

3) проникновение в жилые или студенческие общежития с целью прелюбодеяния;

4) изнасилование брошенных девочек в сельской местности, жертв с тяжелыми формами инвалидности или умственной отсталости;

5) использование других несовершеннолетних для заманивания, представления или принуждения жертвы;

6) лица, осужденные к уголовной ответственности за изнасилование или непристойные преступления.

Статья 2. Любое изнасилование несовершеннолетней, достигшей 14-летнего возраста, или изнасилование несовершеннолетней девочки при любом из следующих обстоятельств признается «изнасилованием женщины или несовершеннолетней девочки», предусмотренным п. 1 абз. 3 ст. 236 УК КНР:

1) лица с особыми обязанностями неоднократно совершившие изнасилование или прелюбодеяние;

2) с причинением серьезных актов увечий или унижений;

3) незаконное задержание или использование наркотиков для соблазнения жертвы или контроля над ней;

4) неоднократное использование других несовершеннолетних для заманивания, представления или принуждения жертвы;

5) совершение изнасилования или прелюбодеяния в течение длительного времени;

6) изнасилование умственно отсталой жертвы, повлекшее за собой беременность;

7) изготовление видео, фотографий и других графических материалов процесса изнасилования или супружеской неверности или интимных частей тела жертвы с целью принуждения жертвы к изнасилованию или прелюбодеянию или распространения порнографических материалов среди нескольких лиц, разоблачающих личность потерпевшего;

8) другие серьезные обстоятельства.

Статья 3. Изнасилование несовершеннолетней девушки при любом из следующих обстоятельств считается «причинением вреда несовершеннолетней девушке» в соответствии с п. 5, абз. 3 ст. 236 УК КНР:

⁵ 在中国强奸罪判死刑吗. URL: <https://www.66law.cn/laws/882483.aspx>

1) нанесение легких травм молодым девушкам;

2) заражение молодых девушек сифилисом, гонореей и другими тяжелыми венерическими заболеваниями;

3) обстоятельства, причиняющие иной вред физическому и психическому здоровью молодых девушек.

Статья 4. Тот, кто изнасилуется несовершеннолетнюю девушку, достигшую 14-летнего возраста, или изнасилуется несовершеннолетнюю девушку, в результате чего она заразится ВИЧ, считается «причинившим тяжкие телесные повреждения потерпевшему» в соответствии с п. 6, абз. 3 ст. 236 УК КНР.

Статья 5. Если лицо, имеющее особые обязанности в отношении несовершеннолетней девушки, достигшей 14-летнего возраста, но не достигшей 16-летнего возраста, вступает с несовершеннолетней в половую связь при любом из следующих обстоятельств, это определяется в соответствии со ст. 236 УК КНР как «плохие обстоятельства», предусмотренные п. 1:

1) наличие длительных половых отношений;

2) половые отношения с несколькими жертвами;

3) заражение жертвы ВИЧ, сифилисом, гонореей и другими тяжелыми венерическими заболеваниями;

4) создание видео-, фото- и других изобразительных материалов о процессе половых отношений или интимных частях тела потерпевшего, распространение изображений среди множества лиц и раскрытие личности потерпевшего;

5) другие серьезные обстоятельства.

Статья 6. Если лица, на которых возложена особая ответственность за воспитание несовершеннолетних девушек, достигших 14-летнего возраста, воспользуются своим доминирующим положением или беспомощным положением жертвы для принуждения жертвы к вступлению с ним в половую связь, они подлежат наказанию в соответствии с положениями ст. 236 УК КНР.

Статья 7. Лицо, пристающее к ребенку при любом из следующих обстоятельств, определяется как «причинение ребенку вреда или иных тяжких последствий» в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 237 УК КНР:

1) причинение легких травм детям;

2) принуждение детей к членовредительству или самоубийству;

3) обстоятельства, повлекшие иной вред или тяжкие последствия для физического и психического здоровья детей.

Статья 8. Приставание к ребенку при любом из следующих обстоятельств признается «непристойным способом или при других вопиющих обстоятельствах» в соответствии с п. 4, ст. 237 УК КНР:

1) совершение непристойности путем проникновения гениталий в анус или рот или проникновение частей тела или предметов, кроме гениталий, в гениталии или анус жертвы;

2) серьезные акты увечья или унижения;

3) создание видео-, фото- и других графических материалов о процессе растления или интимных частях тела жертвы, с целью принуждения жертвы к растлению жертвы, или обеспечение распространения графических материалов среди множества людей, разоблачающих личность потерпевшего;

4) использование других дурных средств для совершения непристойных действий или других дурных обстоятельств.

Статья 9. Тот, кто принуждает или обманом заставляет несовершеннолетних обнажать части тела или совершать непристойные действия с помощью онлайн-видеочатов или путем отправки видео или фотографий, что соответствует положениям ст. 237 УК КНР, подлежит обвинению в совершении преступления, связанного с принудительной непристойностью к несовершеннолетним.

Принуждение или вовлечение несовершеннолетних к совершению действий, указанных в предыдущем абзаце, посредством онлайн-вещания в прямом эфире с соблюдением положений ст. 237 и 365 УК КНР, которые составляют преступление в виде принудительной непристойности, растления малолетних или организации непристойных представлений, признается виновным и наказывается в соответствии с положениями об отягчающих обстоятельствах.

Статья 10. Тот, кто совершает растление несовершеннолетнего, причинение легких телесных повреждений потерпевшему или более, соответствует положениям ст. 234 или ст. 232 УК КНР и представляет собой преступление умышленного причинения вреда здоровью или умышленного убийства, подлежит наказанию в соответствии с отягчающими обстоятельствами, предусматриваемыми более суровое наказание.

Статья 11. Если взрослый обвиняемый, изнасиловавший или пристававший к несовершеннолетней, признает себя виновным в совершении преступления, то в таком случае он заслуживает снисхождение.

Статья 12. В случае вынесения приговора взрослому обвиняемому, изнасиловавшему несовершеннолетнюю, отсрочка приговора, как правило, не применяется.

Если к виновному применяется условное осуждение, то одновременно с ним на осужденного может быть дополнительно объявлен судебный запрет в зависимости от обстоятельств преступления, запрещающий таким лицам заниматься работой и деятельностью, связанной с несовершеннолетними в течение испытательного срока, а также запрет посещать начальные и средние школы, детские сады и другие места скопления несовершеннолетних.

Статья 13. Народные суды должны применять запрет на трудоустройство к тем, кто может использовать свою дальнейшую (после отбытия наказания) профессиональную деятельность для совершения таких преступлений, как изнасилование и растление несовершеннолетних.

Статья 14. Любой, кто совершает такие преступления, как изнасилование и приставание к несовершеннолетним, и причиняет телесные повреждения, должен компенсировать жертве медицинские расходы, расходы на уход, транспортные расходы, расходы на питание, субсидии на бытовое питание и т. д.

Статья 15. К «Персоналу с особыми обязанностями» относятся лица, на которых возложены обязанности по опеке, усыновлению, уходу, воспитанию, медицинскому обслуживанию и иные обязанности в отношении несовершеннолетних⁶.

25 мая 2023 г. В КНР издано «Разъяснение Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры по некоторым вопросам применения законодательства при рассмотрении уголовных дел об изнасиловании и растлении несовершеннолетних» (далее – как Разъяснение).

Согласно данному Разъяснению, преступления сексуального характера, такие как изнасилование и растление, наносят серьезный ущерб

физическому и психическому здоровью несовершеннолетних. Ввиду новой ситуации и новых изменений, произошедших в отношении этого вида преступлений в последние годы, «Поправка к уголовному закону (одиннадцатая)», которая введена в действие в 2021 г., внесла важные изменения в стандарты осуждения и вынесения приговоров за эти преступления.

С 2021 г. Верховным народным судом совместно с Верховной народной прокуратурой был проведен анализ мнения специалистов в области права, детской медицины и психологии, представителей женских федераций, организации по защите несовершеннолетних и судей. Разъяснение сформулировано на основе обширного сбора мнений и исследований и призвано:

– во-первых, настаивать на суровом наказании в соответствии с законом. Толкование дополнительно уточняет условия инкриминирования смежных преступлений и критерии определения обстоятельств сурового и отягчающего наказания. Например, условия криминализации непристойных действий, совершенных с использованием Интернета; четко перечисляет множественные обстоятельства, предусматривающие более строгие наказания за изнасилование несовершеннолетних; уточняет, что изнасилование и непристойное поведение являются «плохими обстоятельствами» и «причиняет вред потерпевшему» и др.;

– во-вторых, выбирать соответствующее наказание совершенному преступлению. УК КНР предусматривает суровое наказание лиц, изнасиловавших несовершеннолетних девочек: от трех до десяти лет лишения свободы на определенный срок. За растление малолетнего предусмотрено, наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет, а при тяжких обстоятельствах наказание ужесточается – лишение свободы на срок более пяти лет;

– в-третьих, настаивать на особой и приоритетной защите. Разъяснение настаивает на максимальном обеспечении интересов несовершеннолетних, а также в полной мере учитывать особенности физической и психической незрелости несовершеннолетних, в полной мере учитывать огромный ущерб, причиняемый изнасилованиями и непристойными преступлениями физическому и психическому здоровью несовершеннолетних, и осуществлять специальную и приоритетную защиту несовершеннолетних.

⁶ Об изнасиловании и растлении несовершеннолетних. Толкование некоторых вопросов, касающихся применения закона в уголовных делах. URL: <https://baijiahaobaidu.com/s?id=1766832756876445610&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 25.04.2023).

Например, УК КНР предусматривает, что если женщина изнасилована и ей причинены тяжкие телесные повреждения или смерть, наказание должно быть ужесточено. Разъяснение также предусматривает, что если изнасилование молодой девушки повлекло за собой легкое ранение или заражение серьезной венерической болезнью, оно считается «причинением вреда молодой девушке» и подлежит более суровому наказанию.

В последние годы в разных местах в КНР регистрировались случаи изнасилования и растления несовершеннолетних с тяжелыми последствиями, например, учителя, опекуны и другой персонал с особыми обязанностями совершали издевательства над брошенными девушками в сельской местности, незаконно их удерживая и пр. Исходя из многочисленной практики были установлены различные типичные и опасные ситуации, которые нашли свое отражение как суровые или отягчающие наказание обстоятельства. Например, если учитель изнасиловал ученицу, отчим изнасиловал дочь или тренер изнасиловал спортсменку, то в Разъяснении предусмотрено, что в пределах установленного законом наказания в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет применяется более строгий диапазон наказания. Лица с особыми обязанностями, совершившие повторно супружескую измену, наказываются более строгим наказанием в виде лишения свободы на срок от десяти лет и более или пожизненным лишением свободы, а за особо тяжкие преступления – вплоть до смертной казни. Для таких ситуаций, как насилие над брошенными девочками в сельской местности и жертвами с умственной отсталостью, Разъяснение также предусматривает более суровое наказание в зависимости от ситуации.

В настоящее время преступники всё чаще используют Интернет, чтобы принуждать и заманивать несовершеннолетних в чаты, запрашивают их фото и видео в обнаженном виде, а затем совершают сексуальные домогательства в сети Интернет с распространением этих видео и фотографий. В ответ на сложившуюся ситуацию в Разъяснении четко указано, что лица, принуждающие или заманивающие несовершеннолетних к оголению половых органов или совершению непристойных действий через онлайн-видеочаты, либо отправляющие видео, фото и т. п., подлежат наказанию в соответствии со ст. 237 УК КНР. В случае принуждения женщины к совершению унижающих ее достоинство действий и совер-

шения надругательства над ней путем насилия, угроз или иными методами наказание ужесточается в соответствии с законом о защите несовершеннолетних в эпоху информационных сетей.

Разъяснение также предусматривает более строгое наказание за преступления, которые причиняют серьезный вред. Например, в отношении тех лиц, которые жестоко пытали или унижали жертву во время изнасилования или растления, тех, кто использовал наркотические средства для заманивания и одурманивания жертвы, тех, кто неоднократно использовал других несовершеннолетних для заманивания и принуждения жертвы, в результате чего жертва была легко ранена или заражена венерическими заболеваниями, изнасилована и т. д.

Помимо этого, Разъяснение также устанавливает четкие и строгие правила относительно тех взрослых лиц, которые признали себя виновными в совершении «половых» преступлений. В частности, в отношении таких лиц применяется менее суровое наказание, а также им может быть назначен испытательный срок и сняты некоторые ограничения в последующем трудоустройстве на работу.

Вместе с тем Разъяснение ясно дает понять, что в отношении тех, кто пристает к детям, причиняя им легкие травмы или членовредительство, или снимает видео процесса растления, чтобы принудить жертву, должно применяться более строгое наказание.

С одобрения Верховного народного суда в мае 2023 г. суды трех местностей казнили преступников Ни Дуцюня, Ван Сяошань и Сунь Баочан, которые совершили изнасилование несовершеннолетних⁷.

Согласно официальному сайту Верховного народного суда, в трех упомянутых случаях преступники использовали средства общения в Интернете, чтобы специально выбирать в качестве своих жертв девочек из начальной или средней школы. Ни Дуцюн использовал чаты QQ и другие методы для совершения убийства под видом влюбленности, он не только совершил изнасилование, но и вошел в доверие с целью контроля поведения жертвы. Ван Сяошань и Сунь Баочан совершали «непристойности» в прямом эфире в Интернете, выбирая жертв для изнасилования. В результате изнасилования потерпевшим наносился существенный физический и моральный вред.

⁷ URL: <https://www.court.gov.cn/index.html>

Некоторые преступники используют сеть Интернет, чтобы принуждать и заманивать несовершеннолетних в откровенные чаты, прося обнаженные фото и видео, а затем подвергают их сексуальным домогательствам в автономном режиме и далее используют Интернет для распространения видео и фотографий сексуального насилия.

Примечательно, что УК КНР не предусматривает ответственности за насильственное мужеложство. В случае когда лицо мужского пола становится жертвой насильственных действий сексуального характера, такое содеянное чаще всего не признается преступлением или квалифицируется как умышленное причинение вреда здоровью (ст. 234 УК КНР).

Сопоставление норм уголовного законодательства Китая указывает на наличие существенной разницы в содержании различных действий сексуального характера, предусмотренных ст. 236 и 237 УК КНР. Как свидетельствует судебная практика, половой акт в отличие от развратных действий характеризуется проникновением полового члена виновного в тело потерпевшей. При этом факт эякуляции для квалификации значения не имеет.

Использование насилия предполагает нарушение телесной неприкосновенности и физической свободы потерпевшей. Под принуждением понимается использование угроз или зависимого положения жертвы. Угроза же применения насилия может быть применена в отношении самой жертвы или ее близких лиц путем шантажа, использования суеверий, материальной, служебной и иной зависимостей, родительских отношений, изоляции и преследования. Мотив не относится к обязательным признакам состава изнасилования и не влияет на квалификацию. Непосредственным исполнителем изнасилования может быть только лицо мужского пола. Женщина может быть признана виновной в изнасиловании, совершенном в соучастии.

Также следует отметить, что в Китае муж не может являться субъектом изнасилования, если потерпевшей выступает его жена. Закон о браке КНР устанавливает право и одновременно обязанность супругов вступать в сексуальные отношения, что исключает возможность «брачного изнасилования».

Считается, что во время действующих брачных отношений муж не может быть признан виновным в изнасиловании жены, если соверша-

ет с ней половой акт фактически против ее воли, так как обязательным признаком изнасилования является противоправность сексуальной связи. Однако, если брачные отношения расторгнуты или находятся в процессе расторжения, то муж в таких ситуациях может быть признан виновным в изнасиловании.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что китайское уголовное законодательство в исследуемой части имеет определенные отличия. Так, социальные, культурные и политико-правовые особенности китайской системы не позволили ей выработать сбалансированный уголовно-правовой механизм защиты человека от сексуальных посягательств независимо от его пола. В России такие действия образуют состав преступления, предусмотренный ст. 132 УК РФ. В КНР такие действия могут быть квалифицированы только как причинение вреда здоровью по ст. 234 УК КНР либо как развратные действия по ст. 237 УК КНР, которая предусматривает менее суровое наказание.

Представляется, что положения УК РФ более четко и конкретно описывают ситуации совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности и основания уголовной ответственности за них. Вместе с тем анализ норм УК КНР по делам об изнасилованиях показал, что некоторые его положения можно было бы закрепить в УК РФ. Изложенное обосновывает актуальность дальнейшего сравнительно-правового анализа уголовного законодательства КНР и РФ, а также судебной практики в изучаемой области.

Библиографический список

Давлетчина Л. В. Некоторые криминологические и виктимологические аспекты характеристики изнасилования // ExLegis : правовые исследования. 2021. № 2. С. 5–9.

Опрос : большинство россиян считают, что сближение с Китаем принесет пользу. URL: <https://ria.ru/20230413/rossiya-1865180876.html?ysclid=lk3vqipxj2954621721>

Пекин затягивает узы дружбы. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/05/22/64677fc49a79472fac8cab00?ysclid=lk3vv56rdw133906584>

Состояние преступности за январь – декабрь 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 г. URL: мвд.рф

Шульгина И. В. Криминологическая характеристика изнасилований // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2016. № 5. С. 356–360.

References

Davlechina L.V. Some criminological and victimological aspects of the characteristics of rape // *ExLegis : legal studies*. 2021. No. 2. P. 5-9.

Poll : Most Russians believe that rapprochement with China will be beneficial. URL: <https://ria.ru/20230413/rossiya-1865180876.html?ysclid=lk3vqipxj2954621721>

Beijing is tightening the bonds of friendship. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/05/22/64677fc49a79472fac8cab00?ysclid=lk3vv56rdw133906584>

State of crime for January – December 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 URL: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Shulgina I. V. Criminological characteristics of rape // *Scientific and educational potential of youth in solving pressing problems of the 21st century*. 2016. No. 5. P. 356–360.

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Мяханова А. Н., доцент кафедры уголовного права и криминологии, судья в отставке
E-mail: alex27-m@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Синьков Д. В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права
E-mail: dvsv@list.ru

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Цэнгэл С. Д., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права
E-mail: tsengels@yandex.ru

Поступила в редакцию: 24.10.2023

Для цитирования:

Мяханова А. Н., Синьков Д. В., Цэнгэл С. Д. Уголовно-правовая охрана половой неприкосновенности и половой свободы личности в России и Китае: сравнительно-правовой анализ // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 207–214. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/207-214>

Buryat State University named after Dorji Banzarov

Myakhanova A. N., associate professor of the department of criminal law and criminology, retired judge
E-mail: alex27-m@mail.ru

St. Petersburg State University

Sinkov D. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law
E-mail: dvsv@list.ru

Russian State Pedagogical University named after A. I. Hertsen

Tsengel S. D., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law
E-mail: tsengels@yandex.ru

Received: 24.10.2023

For citation:

Myakhanova A. N., Sinkov D. V., Tsengel S. D. Criminal legal protection of sexual integrity and sexual freedom of an individual in Russia and China: comparative legal analysis // *Proceedings of Voronezh State University*. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 207–214. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/207-214>

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Общие положения

1.1. К публикации принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций (форумов, семинаров).

1.2. Содержание присылаемых в редакционную коллегию журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям (см. сайт журнала: <http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/>; <http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html>).

1.3. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по электронной почте или через личный кабинет пользователя на сайте журнала (<https://journals.vsu.ru/law>).

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов);
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает (или занимает соответствующую должность);
- дата направления материала в редакцию журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках;
- текст статьи;
- библиографический список на русском и английском языках, который составляется в порядке алфавита из научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо прислать в редакцию жур-

нала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или краткий отзыв научного руководителя с рекомендацией опубликования статьи.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. Требования к оформлению материалов, направляемых в редакционную коллегию журнала для опубликования

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц (к сведению: 22 страницы, или 40 000 знаков, включая пробелы и знаки препинания, составляют один печатный лист).

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная.

2.5. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.7. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.8. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (ко-

лонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, то приводится полностью его название.

2.9. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.10. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg.

3. Рецензирование материалов, поступающих в редакцию

3.1. Все материалы, поступающие в редакцию журнала, соответствующие его тематике, подвергаются рецензированию с целью их экспертной оценки.

3.2. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов.

3.3. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции журнала в течение 5 лет.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

4. Решение о публикации и отказ в публикации

4.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

4.2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

4.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и поясняющее все произведенные в статье изменения.

4.4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания;
- несоответствия статьи предъявляемым требованиям к оформлению материалов.

4.5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

4.6. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. General provisions

1.1. To the publication the materials containing the results of scientific researches issued in the form of full articles, short messages, reviews are accepted. Reviews and materials reviews of the held scientific conferences (forums, seminars) can be published in the journal.

1.2. The content of the materials sent to the editorial board of the journal and their arrangement must conform to the established requirements (see website: <http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/>; <http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html>).

1.3. Materials should be sent to the editorial board by e-mail or through the user's personal account on the journal's website (<https://journals.vsu.ru/law>).

1.4. The text of the publication signed by the author (coauthors) should be made out by one file which contains the following information and structure:

- UDC identifier;
- article heading in Russian and in English;
- author's (coauthors') initials and surnames;
- name of educational, scientific or other organization where the author (coauthors) works (or holds any appointment);
- date of directing materials to the editorial board of the journal;
- summary of the article in Russian and in English;
- key words in Russian and in English;
- text of article;
- list of bibliography (this list shall be prepared in alphabetical order and contain names of scientific sources mentioned in footnotes);
- data on the author (coauthors) in Russian and in English with the full indication of a surname, name, middle name, academic degree, academic status, primary place of employment, post, e-mail.

1.5. For postgraduate students and degree-seeking students it is also necessary to send an extract from the minutes of chair (sector, division of the organization) about the recommendation of the sent material to publication in the journal or a short response of the research supervisor with the recommendation of publication of article to editorial board of the journal.

1.6. Articles sent to the editorial board shall be reviewed, and in case of the positive review – scientific and control correcting.

1.7. The decision on the publication of the article is made by the editorial board of the journal.

1.8. The publication of articles is free of charge.

2. Requirements to arrangement of the materials directed to the editorial board of the journal for publication

2.1. The text is printed in a text editor of WinWord; font – Times New Roman; size – 14th; interval – 1,5.

2.2. All page-sides shall be 2 centimeters.

2.3. The volume of article shouldn't exceed 16–18 pages (note: 22 pages, or 40 000 symbols, including gaps and punctuation marks, make one printed page).

2.4. References are made out page by page. Numbering goes through.

2.5. References are arranged according to state standard specification 7.0.5 – 2008 "The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up". In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

2.6. All pages of the manuscript should be numbered.

2.7. Names of the organizations, public authorities, institutions, international organizations aren't reduced. All abbreviations and reductions, except for well-known, shall be deciphered at the first use in the text.

2.8. All tables shall be mentioned in the text. Each table is printed on the separate page and numbered according to its first mention in the text. Each column must have short heading (reductions and abbreviations can be used there). Explanations of terms, abbreviations are located in references (notes), but not in the table headings. The symbol – * is applied for references. If data from other published or unpublished source are used, its heading has to be named completely.

2.9. Schemes and charts shall be numbered and submitted in separate files.

2.10. Illustrations (photos) can be black-and-white or colored, scanned with the dimension of 300 dots per inch and kept in the separate file in the tif or jpg format.

3. Reviewing of the materials coming to edition

3.1. All materials sent to editorial office of the magazine, corresponding to its subject are exposed to reviewing for the purpose of their expert assessment.

3.2. All reviewers are recognized specialists in subject of the reviewed materials.

3.3. Reviews are stored in the publishing house and in editorial office of the magazine within 5 years.

3.4. Editorial office of the magazine sends the copy of reviews or motivated refusal to authors of the presented materials.

4. The decision to publish and to refuse publication

4.1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

4.2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of law is necessary to make decision on the publication.

4.3. According to the recommendation of the editorial board completion (quality improvement) of article by the author is in some cases possible. Article sent to the author to completion has to be returned in the corrected form together with its initial version in the shortest terms. The author (co-authors) needs to attach the letter containing answers to the remarks made by edition and explaining all changes made in article to the processed manuscript.

4.4. Refusal in the publication is possible in cases:

- article's discrepancy to a profile and specifics of the journal;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- article's discrepancy to scientific level and practical usefulness criteria;
- negative conclusion of the editorial board;
- the article (or identical materials) is published or submitted for publication in other printed editions;
- non-compliance of the article with the requirements for the design of materials.

4.5. Manuscripts submitted for publication are not returned.

4.6. The opinion of the editorial board does not always coincide with the author's point of view.

**ВЕСТНИК
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

СЕРИЯ: ПРАВО. 2024. № 3 (58)

Дата выхода в свет 26.12.2024

Ведущий редактор *Е. С. Котлярова*
Компьютерная верстка *Е. Н. Попуга*

Формат 60×84/8.

Уч.-изд. л. 26,1. Усл. п. л. 25,6. Тираж 100 экз. Заказ 428

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ПРАВО

У ч р е д и т е л ь:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – *Д. А. Ендовицкий*, д-р экон. наук, проф. Заместители председателя – *Ю. А. Бубнов*, д-р филос. наук, проф.; *Д. В. Костин*, д-р физ.-мат. наук, доц. Координатор – *Н. М. Близняков*, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: *В. Г. Артюхов*, д-р биол. наук, проф.; *В. Н. Глазьев*, д-р ист. наук, проф.; *А. С. Кравец*, д-р филос. наук, проф.; *А. А. Кретов*, д-р филос. наук, проф.; *С. А. Куролан*, д-р геогр. наук, проф.; *А. Д. Савко*, д-р геол.-минерал. наук, проф.; *А. А. Сирота*, д-р техн. наук, проф.; *Ю. Н. Старилов*, д-р юрид. наук, проф.; *В. В. Тулунов*, д-р филос. наук, проф.; *С. А. Шабров*, д-р физ.-мат. наук, доц.; *А. И. Шашкин*, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – *Ю. Н. Старилов*, д-р юрид. наук, проф. Заместители главного редактора – *О. С. Рогачёва*, д-р юрид. наук, доц.; *Ю. Б. Носова*, канд. юрид. наук, доц. Ответственный секретарь – *О. Н. Шеменёва*, д-р юрид. наук, доц. Члены редколлегии: *А. И. Абдуллин*, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет); *Ю. В. Агибалов*, канд. экон. наук, доц. (РАНХиГС при Президенте РФ, Воронежский филиал); *М. О. Баев*, д-р юрид. наук, проф.; *О. Ю. Бакаева*, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия); *О. В. Баулин*, д-р юрид. наук, проф.; *К. Беше-Головко*, доктор права (Университет Монпелье, Франция), доц. (Европейский Гуманитарный Университет в г. Вильнюсе, Литва); *П. Н. Бирюков*, д-р юрид. наук, проф.; *Т. М. Бялкина*, д-р юрид. наук, проф.; *А. Н. Вылегжанин*, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации); *Й. Денне*, доктор права, международный эксперт GIZ (г. Эшборн, Германия); *Д. В. Зотов*, канд. юрид. наук, доц.; *Т. Д. Зражевская*, д-р юрид. наук, проф.; *С. Д. Князев*, д-р юрид. наук, проф. (Конституционный Суд, г. Санкт-Петербург); *С. Кодама*, доктор права, проф. (Университет Миэ, Япония); *Н. А. Лопашенко*, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия); *Е. Б. Лупарев*, д-р юрид. наук, проф. (Кубанский государственный университет); *Н. Л. Лютов*, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)); *А. В. Малько*, д-р юрид. наук, проф. (Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)); *С. П. Матвеев*, д-р юрид. наук, доц.; *В. А. Мецераков*, д-р юрид. наук, проф. (Центральный филиал Российского государственного университета правосудия); *Е. И. Носырева*, д-р юрид. наук, проф.; *К. К. Панько*, д-р юрид. наук, проф.; *С. В. Передерин*, д-р юрид. наук, проф.; *Р. А. Подопригора*, д-р юрид. наук, проф. (Каспийский университет, г. Алматы, Республика Казахстан); *М. В. Сенцова (Карасёва)*, д-р юрид. наук, проф.; *Ю. В. Сорокина*, д-р юрид. наук, проф.; *В. В. Трухачёв*, д-р юрид. наук, проф.; *Л. В. Туманова*, д-р юрид. наук, проф. (ТвГУ, г. Тверь); *Н. А. Шишкин*, заместитель Генерального прокурора РФ, канд. юрид. наук; *Л. Этель*, д-р юрид. наук, проф., ректор Университета в г. Белосток (Польша)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия: Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28322 от 08.06.2007

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук, утвержденный ВАК

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (Группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки)

Адрес редакции и издателя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1,
Воронежский государственный университет.
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Право».
E-mail: vestnik_pravo@law.vsu.ru
Тел./факс: 8 (473) 255-07-19